

Мультфильм

РЯСНОЙ

БЕЛЫЙ ЛЕГИОН

ТЕРРОР НЕ ПРОЙДЕТ!

Илья Рясной

Белый легион: Террор не пройдет!

Часть первая

Изотопный кризис

Вечер иссякал, плавно перетекая в ночь.

Ночь Белидзе любил. Именно в это время суток ему работалось лучше всего. Именно тьма приносила самые светлые мысли. Именно из неверного света звезд и призрачного сияния луны ткались самые смелые идеи. Именно во тьму воспарял свободный дух, вырываясь из тюрьмы двухкомнатной квартиры.

Белидзе скрывала его квартира. Стандартная «двушка» располагалась на седьмом этаже девятиэтажного дома в Строгине. Комнаты тесные, как лифт, кухня пять метров — для приличного сортира и то маловато. Она так и не стала домом-крепостью. Ее хлипкие стены не выдерживали натиска окружающего мира. Они пропускали вражеские атаки — грохот музыкального центра этажом выше, назойливый визг противоугонки — казалось, сирена звучит не на стоянке внизу, а прямо на кухне. Белидзе любил тишину, а его добивали звуками. И еще тисками давила убогость обстановки.

Кому нужны сегодня доктора наук? В свое время нечего, видимо, было маяться дурью, заканчивать с золотой медалью школу и с красным дипломом институт. Вот отсидел бы, как многие его друзья по спорту, лет пять на зоне. Вышел бы уважаемым человеком. Глядишь, сегодня имел бы дом на Рублевке, а не жалкую тюремную камеру в картонной девятиэтажной коробке.

Но тогда не было бы и сладости творческого поиска. Не было бы счастья, когда хочется крикнуть — ай да я, ай да сукин сын! Ничего не было бы, что по-настоящему дорого ему.

Приятно в мечтах перекраивать свою судьбу! Только пустое это занятие. Судьба — это печать. Ею тебя прижали к полетному листу, и в сторону ты уже уклониться не можешь.

Белидзе вздохнул. Ничего, скоро все изменится. Все просчитано. Первое, что он сделает, когда деньги потекут рекой, — обустроит свой дом, свою крепость... А деньги рекой потекут. Обязательно потекут. Бурным таким горным потоком... Иначе быть не может.

Мрак, скрывающий тесную комнату, пытался развеять свет монитора. По экрану ползли графики. Для непосвященного — бред. Для знающего — высокая гармония, музыка сфер. Которая дорогого стоит.

— Милая моя деточка-а-а. Ты моя конфеточка-а-а, — голос известного бешеной раскруткой и вопиющей бездарностью певца лился из динамиков у соседей снизу.

Это была последняя песня. Динамики замолкли. Воцарилась долгожданная тишина. На улице, наконец, утвердилась ночь, погасив звуки и суету.

Лучшее время для работы. Полумрак. Запах табака. Полная пепельница у монитора. Белидзе с семнадцати лет курил как проклятый. Особенно вечерами, когда работа шла. Он взял сигарету, которую позаимствовал четверть часа назад внизу у случайного прохожего, которого нес куда-то черт в этот поздний час. Сигареты имели обыкновение кончаться некстати. Приходилось их стрелять около подъезда. На сей раз его добычей стали две бумажные «торпеды» «Парламента» — неплохие, дорогие сигареты...

Белидзе глубоко затянулся... Еще раз... Сигареты были на редкость приятные. Или, может, в этот ночной час просто казалось, что они гораздо лучше всех тех сигарет, которые он пробовал раньше. Только привкус какой-то странный. Приятный, но странный... Очень приятный...

Белидзе откинулся, расслабляясь, на спинку вертящегося стула. Провел пальцами по лицу.

В окно падал свет луны. Дым сигарет туманил голову. Становилось хорошо. Захотелось затянуться еще глубже. Еще и еще.

Белидзе замер, задумчиво уставившись в монитор. Скачущие графики вдруг показались ему не такими и важными, как минуту назад. Грудь стиснуло внезапно навалившееся томление.

— Что за черт, — прошептал он, удивляясь происходящему.

Потом начали путаться мысли. Они будто приобрели самостоятельность. И устремились куда-то по лунному лучу, чтобы развеяться дорогой в прах...

Отстраненно подумалось — что-то не в порядке в окружающем его мире. Что-то нарушилось... Но тут же он осознал, что как раз сейчас все в порядке. И сделал еще одну затяжку...

Теснота собственного тела, квартиры, города куда-то уходила. Освобождался дух, распространялся волнами по Вселенной. И появилась пьянящая легкая тоска. Сознание еще управляло телом, но это уже было как-то второстепенно. Совершенно неважно...

В квартире что-то изменилось. Он с трудом повернул деревенеющую шею. То, что он увидел, раньше, для прежнего Белидзе, показалось бы важным; Для нового — ничуть. Он отстраненно смотрел на освещенную слабым светом монитора серую мужскую фигуру и понимал, что ее не должно быть здесь. Очертания были знакомые. Где он ее видел?

Серый человек мягко, как кошка, вошел в комнату и аккуратно уселся на пискнувший тонко, как крыса, стул напротив. Положил дружески руку на плечо хозяина квартиры.

— Кто ты? — выдавил Белидзе.

— Я твой друг, — последовал ответ.

И ученый не находил никаких оснований не доверять этому утверждению. Где же он видел незнакомца и слышал этот голос? А, все правильно. Это тот добрый человек. Он угостил его полчаса назад сигаретой...

Где-то в глубине души у Белидзе еще теплились остатки здравомыслия. Он понимал, что так не должно быть и что виной всему та проклятая сигарета. Но пучина уже затянула его сознание, и выбраться на поверхность было невозможно.

— Твои руки тяжелеют. Твои веки тяжелеют, — журчал голос.

Белидзе удивился, откуда серый человек может столько знать о его чувствах...

Свет ополовиненной луны затоплял все вокруг. Предметы теряли свои очертания. Теряли свой внутренний смысл.

— Ты переутомился, — голос серого человека обволакивал, как болотный туман. — Ты переутомился. У тебя был тяжелый день. Жизнь тяжела. Она тяготит тебя.

— Нет, — вдруг что-то восстало в Белидзе. Ему захотелось убедить незнакомца, что жизнь вовсе не так плоха. Но он понимал, что не докажет ничего. И жизнь действительно тяжела...

— Ты хочешь написать друзьям, — продолжал обволакивать голос, такой же серый, без оттенков, как и его хозяин. — Пиши... Это важно. «Я устал от всего. Не вините меня».

— Я устал от всего, — послушно повторил ученый и перевел взгляд на стол. Перед ним уже лежала бумага и любимая авторучка — «Паркер» с полуоткрытым золотым пером. Эта вещь осталась от старых, коммунистических времен. Тогда она стоила бешеные деньги — тридцать рублей...

Перо привычно зашуршало по бумаге. В одном месте зацепило ее, и на лист вороной села клякса... Непорядок... Белидзе обеспокоенно заерзал, но голос серого человека успокоил его:

— Все в порядке. Ты устал. Ты хочешь дописать письмо. Пиши...

Письмо дописано. Белый лист лег на клавиатуру компьютера, покрыв ее, как первый снег покрывает землю. Гость извлек из кармана таблетки. Вытряхнул себе на ладонь. Они были красные, как капли крови.

— На. Это поможет. Это успокоит. Это сделает жизнь лучше.

Белидзе верил ему. И глотал таблетки, запивая прямо из бутылки «боржоми».

— Прощай! — сказал серый человек и ушел.

Лунный свет все глубже засасывал, как зыбучий песок. И у Белидзе не было сил сопротивляться. Ему хорошо. Как было обещано, ему очень хорошо.

— Я устал. Не вините меня, — прошептал он...

— Он что, сильно голодный по жизни? — ухмыльнулся невысокий, широкий в плечах, жилистый, с железными руками Атаман.

— С чего ты так решил? — поинтересовался Ратоборец — двухметровый русский медведь с лицом, впрочем, вполне одухотворенным.

— Уже третью встречу назначает в забегаловке.

— Они все голодные. И с голодухи опасны, как пираньи.

— Сегодня пиранья считает, что урвала кусок мяса.

Изображение на жидкокристаллическом мониторе было относительно четкое. В просторном, без окон, салоне микроавтобуса «Форд» температура двадцать градусов. Климат-контроль работает отлично. А также безукоризненно работает вся сложная аппаратура — сканеры, радиостанция с защищенными каналами связи, два тактических компьютера, позволявшие осуществлять руководство экипажами и оперативно получать информацию.

Приземистое краснокирпичное одноэтажное здание девятнадцатого века с нахально-яркой вывеской «Ресторан „Русская Мечта“» вросло в землю в тихом переулке недалеко от центра Владимира. Рядом Золотые ворота, Успенский и Дмитровский соборы времен татарского ига, росписи Рублева. Но „поднадзорных“ все это интересовало мало. Хотя объект наблюдения Янус, памятуя о своем интеллигентском происхождении, в другое время, конечно же, поглазел бы на достопримечательности. А вот его деловые партнеры если бы и заинтересовались древними православными святынями, так исключительно с инженерной точки зрения — сколько тротила понадобится на такие громадины!

В салоне микроавтобуса царил полумрак. Светились мониторы и шкалы приборов. На экране видно было, как Янус — жирный, с задом шире плеч, очкарик лет тридцати пяти — вылез из своей «девятки». Попинал ногой подспустившую шину. Почесал подбородок, раздумывая, подкачать ее или повременить. Лень победила — решил повременить. И стал неторопливыми шагами мерить пятак около ресторана.

Пригревало солнце. Оно растапливало сугробы, открывая накопившуюся грязь. Струились ручьи по замусоренному асфальту. Дворник скреб асфальт, но грязи не убавлялось. Ранняя весна была какая-то нестабильная, нервная. Она то грела землю солнечными лучами, обещая изнуриительно жаркое лето, то кидала в лицо с ураганной силой комья мокрого, холодного снега. Не только погода — все в этом мире ныне неустойчиво, готово сорваться в преисподнюю. Все висит на волоске.

Глеб Кондратьев, оперативный псевдоним Ратоборец, встряхнул головой, отгоняя посторонние мысли. Не отвлекаться. Собраться. Время подходит.

Янус побродил по пятаку, приспособленному под автомобильную стоянку около ресторана. Через пять минут подплыл чинно, как линкор к пирсу, огромный черный «Кадиллак»-внедорожник — весь в хrome, солнечные зайчики отплясывают на отдраенном капоте. Стекла, понятно, тонированы. Шины широкие, ребристые. Не машина, а боевой слон. Мечта порядочного бандита... Из салона вывалился объект номер два — Моджахед.

— Опаздываешь, — уловил направленный микрофон размытый помехами и шуршанием голос Януса.

— Пробки, — хохотнул Моджахед, он же Руслан — статный, красивый чеченец тридцати двух годов от роду.

— В этой дыре?

— Слушай, девочки, то да се... Пошли лучше, выпьем... Аллах сегодня разрешает.

— Это с какой радости Аллах такой добрый?

— А сегодня наш день...

Янус не догадывался, что за час до встречи к месту стрелки подкатило трое парней. По внешнему виду явно не Кавказ — несомненные славяне, затылки бритые, крутизна. Проверили, чисто и надежно ли здесь.

Оперативники «Легиона» срисовали их без труда, сами же, естественно, остались нерасшифрованными. Кто обратит внимание на бомжующего алкаша, подпирающего мусорный бак? Или на полноватую тетку только от кухонной плиты? Кто будет пристально пялиться на крышу двухэтажного домика? Да и не рассмотришь, как не пялься, что оттуда подрабатывают площадку направленным микрофоном. И три миниатюрных глазка видеокamеры, перекрывавшие окрестности, слишком малы, чтобы их заметить.

Когда ведешь скрытое наблюдение, появляется какое-то восторженное ощущение всесилья. Ты как сверхъестественное существо наблюдаешь со стороны за движением букашки, судьба которой уже решена, но букашка пока об этом не подозревает. Особенно сладостно, когда противник сам не дурак, знает толк в этих играх и все равно запутывается в твоей паутине. Главное — не проколоться, а проколоться можно по случайности или по дури в любую минуту. Глеб задействовал на операцию три десятка самых опытных экипажей, опустошил склад оперативной техники. И подстраховался где только мог. Да, мероприятия влетят Организации в хорошую копейку. Но ведь и цена вопроса высока.

Деловые партнеры вошли в кабак.

— Первый, ответь Третьему, — послышался из динамика хриплый голос.

— Говори, — произнес Глеб.

— «Буммер» нарисовался со стороны проспекта. Номер триста сорок, регион семьдесят семь. Так, затормозили... Вижу в нем тех троих, что уже проверяли место... Это контрнаблюдение.

— Они же и силовое прикрытие, — кивнул Глеб и отложил микрофон.

Его пальцы пробежали по клавиатуре. Со второй видеокамеры пошла картинка. На ней отлично был виден тот самый зеленый, не первой молодости «БМВ» самой распространенной триста шестнадцатой модели.

Отлично. Круг действующих лиц примерно очертился. Хотя у них могут быть еще наблюдатели, задача которых в случае опасности подать сигнал. Горцы ученые стали. Раньше перли напролом. Приходили на стрелки, увешанные стволами. И часто налетали со своей тупой прямолинейностью на неприятности. Теперь они постигают азы оперативного мастерства. И учителей у них полно — вон сколько бывших сотрудников органов на них горбатятся.

На втором мониторе перед Атаманом возникла размытая картинка. Ракурс был неважный, откуда-то снизу. Но лучшего никто и не ждал. Топтун зашел в кафе и поставил портфель на стул так, чтобы объектив взял договаривающиеся стороны, а микрофон уловил разговор, пробивающийся через звучащую музыку.

Музыка забивала слова. Атаман начал колдовать над аппаратурой, включая фильтры. Музыка стала глуше, а разговор четче.

— Приятно с тобой дело иметь, Васек, — Моджахед поднял рюмку.

— Сказал — сделал, — кивнул Янус. — В срок и качественно. И заметь, не требую дополнительной платы, хотя и очень хочется.

— Я уже расчувствовался.

— Выпьем, чтобы не последняя сделка была. Они выпили.

— ГАИ не боишься? — спросил Янус.

— Пусть они меня боятся, — хохотнул Моджахед.

— За это надо выпить...

Атаман, кинув взгляд на Глеба, усмехнулся:

— Сейчас упьются в дугу.

— Зря надеешься.

И действительно, на третьей рюмке пьянка застопорилась.

— Порадуй брата, — в голосе Моджахеда прорвалось нетерпение. — Покажи товар.

— В машине... А где зелененькие портреты американских президентов?

— Все при мне, — Моджахед снова хохотнул. — Представь, смеху будет, если твою тачку сейчас угонят.

— Но твои бойцы за нею присмотрят.

— Ха-ха! Сечешь момент!

— Ха!Секу!

Они захохотали.

— Довольны собой, — покачал головой Атаман. — Как гашиша накурились...

— Недолго им ворковать. — Глеб всматривался до боли в глазах в картинку. Он старался не упустить из виду ничего. Во время контакта могут иметь значение малейшие детали. Как движется объект, на кого смотрит, его одежда, вещи.

— Ну что, идем? — спросил Моджахед.

— Дай поесть, нетерпеливый ты наш... Я голоден, как волк...

Видно было, как Моджахед скривился в усмешке. Нетрудно было догадаться о его мыслях: «Волк — это я, а ты пес беспородный». Но вслух, естественно, он этого не сказал. А произнес заботливо:

— Ешь, Васек. А то похудеешь. Ни на что не годным станешь.

— Ты за меня не боись. — Янус начал хлебать местную фирменную солянку.

Как и в прошлую их встречу, он быстро разделался с халявным обедом, попросил добавки. Разделавшись с ней, встал.

Заскучавший Моджахед с облегчением бросил на стол несколько купюр. Походя потрепал за щеку подоспевшую официантку, прошептал ей что-то на ухо. Та засмушалась, покраснела.

Переговорщики вышли из ресторана. Из «Кадиллака» выпорхнул худой, подвижный джигит, передал хозяину папку. Там должно было быть что-то около ста тысяч долларов. Моджахед взвесил в руке этот вместительный «кошелек» и передал Янусу. Тот заглянул внутрь. Удовлетворенно кивнул. Полез в багажник и с трудом извлек увесистый чемодан.

— Прошла передача, — удовлетворенно произнес Глеб.

Они избрали самый простой способ совершения сделки: из рук в руки — деньги-товар. Существует масса других способов, придуманных для того, чтобы осложнить деятельность правоохранительных органов. Деньги и товар могут оставаться в условленных местах — под кустом, в камере хранения. Иногда при передаче используются посредники, которые вообще не в курсе происходящего. Подобные хитрости сильно осложняют доказывание преступления. Но Ратоборец — инициатор и координатор операции «Полынь» — был готов к любому развитию событий. Однако прямая передача его устраивала больше всего.

— Проверять товар не буду, — сказал Моджахед. — Ты в курсе, что нас не обманывают?

— Наслышан... Надеюсь, что баксы настоящие.

— А если бы были ненастоящие? Или мы просто бы забрали по беспределу товар? — заинтересовался Моджахед.

Янус что-то показал ему.

— «Лимонка», — озадаченно произнес Моджахед. — И что, рванул бы?

— Мне очень деньги нужны, — с каменной твердостью в голосе произнес Янус. — Я сильно злой становлюсь, когда мне мое не отдают...

— Уважаю. Мужчина...

Юркий подручный Моджахеда пристроил чемодан в багажник внедорожника. И машины разъехались в разные стороны...

— Охота начинается! — с удовлетворением воскликнул Ратоборец.

Большой загон. Поет охотничий рог, и начинается самый опасный и самый захватывающий спорт — охота на человека... Загон дичи. Как в любой охоте здесь важно количество загонщиков, их мастерство и слаженность, знание повадок дичи и местности.

— Вторая группа — оттягиваете Януса, — начал раздавать указание Глеб, которого все больше охватывал охотничий азарт. — При выезде из города принимаете.

— Третий понял.

— Четвертый, Шестой, Одиннадцатый, Восьмой — приклеиваетесь к Моджахеду. Ведете параллельным маршрутом. Со сменой экипажей. Мы — за вами.

— Четвертый — принял.

— Шестой — исполняю...

— Остальные — идете параллельно, по плану. Готовьтесь к замене. Перекрытие квадратов восемь-одиннадцать...

— Ну что, второй тайм, — потер руки Атаман, давний футбольный маньяк. У него все аналогии связаны с этой игрой.

Машины «наружки» начали плести кружева. Заранее были просчитаны все возможные варианты — уход объекта с нарушением правил дорожного движения, рывок на большой скорости. Куда бы «дичь» ни двинула, все равно в определенной точке она пересечется со скоростными машинами наружного наблюдения. Благо город небольшой, перекрыть его вполне по силам, это вам не бестолковый гигантский лабиринт, носящий имя Москва.

На окраине, за корпусами электромеханического завода, около живописной свалки, образовавшейся на месте какой-то незавершенной стройки социализма, «Кадиллак» остановился.

— Ближе не подходить, — предупредил по рации Глеб. — Наблюдайте в оптику.

Вскоре подъехала занюханная «Газель». Чемодан с товаром переключал в нее.

— Там наверняка тайник, — предположил Атаман.

— Вне сомнения! — кивнул Глеб.

Чеченские машины тронулись с места. Двинули обратно в город. Прилично растянулись. Впереди «Кадиллак». За ним «Газель». Сзади — «БМВ». Последняя машина выделяла фортели. То оттягивалась на значительное расстояние, то обгоняла, петляла по улицам.

— Почетный эскорт, — сказал Глеб.

— Пытаются засечь наблюдение, — кивнул Атаман.

— Хрен тут они угадали.

Как и ожидалось, вскоре объекту надоело кружить по городу. Машины вышли на московскую трассу.

— Ну что, решаем, командир? — спросил Атаман, когда штабной фургон выехал из города. Водитель пришпорил машину, пытаясь сократить расстояние до объекта.

— В столицу их пускать нельзя, — сказал Глеб. — На «точке три» берем...

«Точка три» через пятьдесят километров. Участок дороги подобран заранее. Там не слишком напряженное движение.

К моменту выхода на точку удалось установить наверняка, что чеченский конвой исчерпывается тремя машинами.

— Работаем, — произнес Глеб в рацию.

Вариант был просчитан досконально. Участок дороги плавной дугой выгибался внутрь сплошного соснового леса. С двух сторон шоссе перекрыли оперативники в милицейской форме. Они пропустили кавалькаду и начали тормозить посторонние автомашины.

— Дорога закрыта... Ненадолго. Возмущаться не надо... Не надо, говорю, возмущаться... У всех график... Пока посмотрим накладные на груз. Что заморгал? Давай, открывай... Ты мне деньги не суй. Груз показывай! Может, ты гексоген возишь.

Теперь о случайных свидетелях можно не беспокоиться...

Пузатый, необъемный старшина оторвался от «жигуленка» с надписью «ГАИ» и по-хозяйски, с профессиональной небрежностью, как опытный кузнец молотом, махнул полосатым жезлом, призывая «Газель» остановиться.

— Интересно, тормознет? — Атаман напряженно вглядывался в монитор, на котором была трасса идвигающиеся машины.

— Куда денется. Ему конфликт не нужен. Надеется откупиться парой сотен.

«Газель» затормозила и остановилась прямо посреди лужи. «Кадиллак» с Моджахедом, чуть снизив скорость, продолжил движение. А зеленый «БМВ» угрожающе застыл метрах в двухстах сзади.

— Так, — Атаман пробежал по клавишам. — Соединение прошло.

Моджахед по мобильнику заговорил с кем-то по-чеченски. Разговор контролировался и был чисто слышен в салоне штабного «Форда». Атаман отлично понимал чеченский и с ходу переводил Глебу.

— Шайтан, что там? — зашуршал голос.

— Кажется, обычные менты.

— Контролируй, Аскер. Если что — валите их всех... Груз важнее.

— Понял. Осел на асфальте капусту захотел. Мням-мям...

— Поговори мне...

— Не беспокойся, Руслан. Все будет хорошо.

Глеб физически ощущал, как пространство вокруг будто сгущается. И время начинает течь по-другому. И цена каждой секунде возрастает многократно. Приближается развязка.

Тем временем пузатый гаишник, не обращая внимания на лужу, хлюпя сапогами, подошел к «Газели» и произнес строго:

— Старшина Цыпко.

— Свой, командир. Капитан Дивенко, — водитель «Газели», по внешности чистый славянин, распахнул дверцу, спрыгнул на асфальт, тоже не обращая внимания на лужу, и продемонстрировал удостоверение капитана ГАИ.

— Что, из самой Москвы? Или из Подмосковья?

— Из нее, златоглавой...

— Москва, звонят колокола, — усмехнулся старшина.

— Звонят... Вот с дачи барахлишко везу.

— Барахлишко, — старшина задумчиво рассматривал «Газель». — Машина-то твоя?

— Друга, — «капитан» кивнул на мужчину в глубине салона «Газели».

— Ах, друга...

Подошел гаишник-сержант с автоматом, небрежно болтающимся, как хомут, на шее. Осведомился:

— Свои, что ли?

— Ну да, — кивнул старшина. — Москвич. Вон, глянь, ксивы у них какие новые. Земляк, покажи.

Водитель «Газели» терпеливо продемонстрировал трехцветное удостоверение сотрудника милиции и сообщил:

— Скоро вам тоже на такие заменят.

Глеб выпрямился на сиденье, резко потянулся, до хруста в костях, будто готовясь к драке. Но сегодня ему не мчаться вперед, срывая дыхание, не укладывать мордой в снег врагов, не ощущать бьющую отдачей в ладонь рукоятку пистолета. Сегодня его работа — произнести в микрофон:

— Готовность номер один. Десять секунд.

Пробежал глазами данные, выведенные на тактический компьютер, глянул на изображения на мониторах. Сознание ухватило картину во всех подробностях. Внутри шел свой отсчет.

— Захват!

В этот же момент старшина необычно резко для своей тучной комплекции рванул к водителю «Газели» и ударом кулака в челюсть сшиб с ног, успокоив на несколько минут. Его напарник выбросил вперед руку, бросая круглый предмет. В салоне «Газели» сверкнуло и ухнуло так, будто взорвалась ракета «воздух-земля». Светошумовая граната «Заря» на несколько секунд выбила у пассажиров возможность ориентироваться во времени и пространстве... Все, упакованы!

В это время грузовик перекрыл дорогу стоящему у обочины «Кадиллаку», сзади его подперла тяжелая «Волга»-фургон. Моджахед не успел опомниться, а его уже выволокли из салона и ткнули лицом в асфальт. Рядом устроился его шибко шустрый помощник, ему не дали дотянуться до спрятанного под сиденьем пистолета-пулемета «кипарис».

Рядом с «БМВ» резко затормозил темно-синий «Форд-Мондео» с раскосыми глазами-фарами. Трех бойцов будто мощной волной вынесло из его салона. Каждый из них контролировал свою цель — фигуры четверых врагов, сидящих в «Буммере». Одна из фигур дернулась. Хлопок — это почти задавленный глушителем звук выстрела. Пуля точно попала в череп — угроза ликвидирована. Ударом приклада вынесено лобовое стекло, водитель выдернут через проем, будто резиновый. У жирного бугая в «БМВ» в голове замкнуло, по-видимому, он хотел рвануть гранату прямо в салоне. Не успел. Его тоже уgomонили на асфальте, вжав морду в лужу. Вода булькала и пузырилась от его дыхания.

— Не стреляй! — захныкал бугай.

— Лежи, сученыш, — гаркнул боец и произнес в рацию: — Зачищено!

Пузатый гаишник залез в «Газель». Много времени, чтобы найти тайник, не понадобилось.

— Груз здесь, — сообщил он.

Пленных рассадили в подоспевший фургон для перевозки мяса и грузовик с будкой вместо кузова. На водительских местах в захваченных автомашинах обосновались оперативники. Блокировка шоссе была снята, и теперь ничего не напоминало о только что произошедшем здесь.

— Сбор на точке «один», — приказал Глеб, откидываясь в кресле и ощущая, как уходит напряжение боя. А на его место приходит радость победы.

Офис был просторный, не меньше пятидесяти квадратных метров, обставленный в современном, никелево-кожаном стиле — знатоки знают, что стиль этот моден и дорог. Такая обстановка призвана убеждать клиентов в том, что дела фирмы обстоят самым лучшим образом. Впрочем, так оно и было.

— Ты заказал билеты? — спросил благообразный, полноватый, широкоплечий мужчина лет сорока пяти.

Его волосы щедро посеребрила седина. Про такую седину говорят — благородная. Действительно, эти седины не скорбели о прошлом, а намекали на долгое, безоблачное и безбедное будущее их обладателя. Судя по тому, что он занимал место хозяина за просторным столом красного дерева, здесь он был за главного.

— Да, — кивнул лысый «колобок» с курчавенькой легкомысленной бородой и маленькими, вечно настороженными глазками. — Рейс в пятницу. До Лос-Анджелеса.

— Что делать, ты, надеюсь, в курсе?

— В курсе, — хмыкнул «колобок». — Начать и кончить... Вообще-то, нереально за такой срок...

— Через две недели ты здесь... Что ты должен обязательно успеть — это встреча с доктором Страусом. Визит во Флоридский технологический институт. И проработка протокола о намерениях с компанией «Интеллект». Остальное по обстановке.

«Колобок» с кислым видом кивнул.

— А ты что, хотел на Голливуд там глазеть? Нет, дружок. Работать надо. Деньги делать. Вкладывать капитал, в том числе интеллектуальный. Движение должно быть. А ты сидишь с унылым видом, Сема. И никакого блеска в глазах...

Судя по всему, песня была старая, не раз пропетая на бис, поэтому «колобок» только пожал плечами и с видом человека, который давно привык и устал отбре-хиваться, заявил:

— Тебе блеск нужен или работа?

— Работа.

— А работу никто лучше меня, старого еврея, не сделает. Так?

— За что тебя и ценю...

За окном заработал отбойный молоток. Хозяин кабинета успел одуреть от этого звука, сравнимого по зловредности только с ядовитым шипением бормашины. Прямо за окнами турецкие рабочие сноровисто превращали очередной московский памятник архитектуры девятнадцатого века в безликую стеклянно-бетонную упаковку для офисов.

— Теперь надо с Новосибирским институтом выйти на контакт, — деловито продолжил хозяин кабинета. — Разработка там перспективная есть. Англичане заинтересовались... В Обнинске — там голый Васер. Масса амбиций. Академики, доктора. Толку — ноль... Белидзе...

— Триумvirат, — хмыкнул «колобок». — Гении доморощенные.

— Да уж... Не знаю, что и делать... Ты веришь в эти их фантазии?

— Белидзе и команда — люди талантливые.

— Если такие умные, почему такие бедные, как говорят американцы?

— Талант и нищета в России — близнецы-братья. Мы, посредственности, за их счет богатеем, — изрек поучительно «колобок».

— Среди этих талантов больше психов, которые выдают неконструктивный бред за откровения свыше. И поди разберись, что стоит денег, а что только нервов. Боюсь, с группой Белидзе такая же история. Я не особо верю в мгновенные революции в науке и ниспровержение основ.

— Значит, не веришь в теорию относительности и квантовую механику? — Глаза «колобка» смеялись. Этой их дискуссии исполнился также уже не первый год. — И в геном человека?

— Верю. Было время, клады лежали под ногами. Стоило только увидеть их и нагнуться. Сейчас в мировой науке идет поступательное, неторопливое движение вперед, крайне материально затратное и вовсе не чреватое незапланированными прорывами... Плавно все

должно быть. Пристойно. Без суеты. А Белидзе со товарищи намереваются немножко растрясти основы...

— Но результаты есть. Экспериментальные...

— А кто их проверял?.. Ох, чувствую, влетит нам эта программа в копеечку... Не люблю потрясателей основ. Они чаще сотрясают воздух впустую.

— А нам-то чего? — пожал плечами «колобок». — За погляд денег не берут. А если это правда?

— Тогда мы поймаем жар-птицу. Опять побасенки — жар-птицы, — скривился Николай Валентинович Марципало — хозяин кабинета он же директор фонда «Технологии, XXI век».

Фонд этот был создан стараниями Академии наук и Министерства экономики с целью собрать перспективные идеи, дать им импульс в развитии, в худшем случае повыгоднее продать их на Запад. С внедрением получалось как всегда — то есть ничего не получалось. А вот с продажей на Запад перспективных идей и технологий шло гораздо лучше. Благо отдавали дешево, так что от желающих отбоя не было. Притом торг шел по российской арифметике — бакс пишем, два в уме. Того, что в уме, хватало на подкорм нужных людей и в Академии наук, и в Минэкономике, а потому фондом все были довольны. В том числе голодные ученые — генераторы этих самых идей, которым каждый бакс — счастье.

— Белидзе — не сумасшедший романтик. Он прагматичен, — отозвался «колобок», точнее, Семен Иосифович Ровенский, заместитель Марципало, его правая рука, левая нога и заодно голова. — И умеет соблюдать секретность. Ядро процесса, на котором и основано ноу-хау, не знает никто, кроме его группы. Свой интерес он блюдет...

— Блюстителю, — скривился Марципало. — Он у нас еще крови попьет...

Зазвонил мобильник. Ровенский зашарил по всем многочисленным карманам своей джинсовой безрукавки. Наконец извлек его из кармана брюк. Нажал на кнопку и произнес ровным, спокойным голосом, с обычной долей иронии:

— Весь внимание...

По мере того как он выслушивал сообщение, лицо его бледнело и вытягивалось.

— Когда? Как? Какая-то несурезица... Да, понятно... Черт возьми, ну надо же... Пока, Коля. До встречи...

Он положил со стуком телефон на стол и вытер ладонью лысину.

— Что там? — заерзал в кресле Марципало, у которого был отличный нюх на неприятности.

— Не попьет у нас Белидзе крови.

— В смысле?

— Он мертв...

— Как мертв?

— Ночью покончил жизнь самоубийством. В записке написал, что устал...

— Устал? — Марципало нервно поправил свой роскошный бордовый галстук. — Черт! Я же говорил, он обычный сумасшедший! Как и его идеи!

Мир Руслана, пусть и не слишком светлый и безопасный, но достаточно прочный, рухнул. Заносчивого чеченца грубо затолкали в холодный фургон — такие используют для перевозки мяса. Бросили на рифленый алюминиевый пол. Там крупногабаритный русский «медведь», присев рядом с ним на колени, резко бросил:

— По ходу маршрута ты должен отзванивать?

Руслан ничего не ответил.

— Я спросил, — спокойно произнес медведь.

— Собак помойных спрашивай. Они тебе как брату ответят!

— Настрой ясен.

Железные пальцы стиснули Руслану голову. А потом резкая боль в ухе.

Руслан задохнулся от боли. И заорал бы. Но челюсть ему стиснули, так что послышался только сдавленный рык.

По шее струилась кровь.

— Не скули, Моджахед, — по-чеченски произнес резко, будто плетью хлестнул, другой присутствовавший здесь жилистый, с холодными стальными глазами, мужчина. — Это только мочка уха... Потом будем резать по кускам...

Ужас захлестнул Руслана... Все шло здесь неправильно. Резать головы и уши — это привилегия его братьев... Русские свиньи слишком слабы и чувствительны для такой работы. Они не способны вести себя, как мужчины. Они — никто!

В мозгу щелкало. Кто это? Кто посмел? Менты? ФСБ? Военные? Кто это, шайтан их всех заberi?!

— Я повторяю — ты должен сделать отзвон?

— Должен, — выдавил Руслан. И снова его стиснули в тисках. Нож коснулся другого уха...

— Будешь дальше врать?

Руслан не должен был сделать никаких отзвонов в пути. Он уже сообщил, что товар получен. На крайний случай был предусмотрен звонок с кодовым словом — это значило, что все пошло наперекосяк. Его обязанность была сделать это, даже если придется пожертвовать жизнью...

Русские поняли это...

— К тебе еще немало вопросов, — хмыкнув, произнес жилистый. — Адреса, явки, планы...

— Я ничего не знаю. Мне сказали отдать деньги, взять чемодан. Привезти...

— На вокзал, да?.. Или в общественный сортир на Пресне?..

— Смешно, да? — опять начал хорохориться Руслан. — В центр города должен подвезти. Там у меня возьмут. Я ни при чем...

— Руслан... Я тебе гарантирую одно. Ты скажешь нам все, — пообещал «медведь». — Через

полчаса...

Руслан криво улыбнулся. Он не собирался говорить ничего. Сердце ухало в предчувствии страшного. Но он должен был держаться... Должен... Он не может опозорить себя. Своих братьев. Свой род! Должен...

— Отдохни пока...

Руслан пошевелил закованными в наручники руками. Разомкнуть бы их, ударом выбить дух из здоровяка, распахнуть дверцу фургона... Но это нереально...

Ему очень не понравились слова «отдохни пока»...

— Куда везете? Куда? — заволновался он.

Но ему не отвечали...

А потом кошмар продолжился. Гордого чеченца вытолкали из машины, как какую-то недостаточно поворотливую скотину. И затолкали в длинную фуру с иностранными надписями на боках. Захлопнулась дверца, отрезая солнечный свет и внешние шумы. Зажглась электрическая лампочка. Внутри было просторно, гулко и жутко. В центре стояло кресло.

От вида этого кресла решимость Руслана сразу ухнула куда-то в центр Земли, в магму, да там и сгорела.

Кресло было хирургическое, с ремнями. Рядом, как в старых фильмах о фашистах, столик с инструментами.

Здесь к тем двоим русским, которые сопровождали его в фургоне, присоединился невысокий, немножко сутулый человек с тщательно зализанными на пробор жиденькими волосенками. Руслан скривился. Даже в своем незавидном положении он не мог скрыть презрения к таким вот червякам, которых можно навсегда задавить одним взглядом. В них нет ничего от настоящих мужчин, кроме привычки носить брюки.

— Руслан, — произнес Глеб, которого Руслан окрестил «медведем». — Я буду говорить коротко и доходчиво. Выбор остается за тобой, но он невелик. Первый вариант — ты сотрудничаешь с нами, помогаешь нам разрешить возникшую проблему. За это мы оставляем тебе жизнь...

— Можешь меня убить, — сквозь зубы процедил Руслан.

— Это второй вариант. Ты отказываешься от сотрудничества. Тогда Доктор, — он кивнул на «червяка», который вежливо улыбнулся, будто его представили на светском рауте, — с помощью нехитрых инструментов и хитрых психотропных веществ — слышал небось о таких — выдавливает из тебя по капле все. И ты умираешь. В мучениях...

Глаза чеченца полыхали ненавистью и упрямством.

— Я тебя понимаю. Ты боишься не за себя, а за своих близких... Поэтому учти, что вместе с собой сегодня же в могилу ты потащишь свою сестру и отца, которые живут в Подольске.

Руслан дернулся, изрыгая нечто нечленораздельное, но ремни крепко удерживали его. Это было нечестно! Русские так не могут! Чеченцы — могут, а они — нет!

— У нас специфическая организация, — продолжил Глеб. — Ее авторитет основан на том, что мы всегда держим обещания... Мы зачистим всех твоих родственников, которых

найдем...

— Ты... Ты грязная свинья. Ты скотина... Я на руку наматаю твои кишки, собака...

— Эмоционально, но не убедительно... Даю тебе три минуты на раздумье. — Глеб посмотрел на часы. — Потом отдам тебя в руки Доктора.

— Ты... Я вырежу всех твоих...

— Время пошло...

В Чечне Руслан привык жить рядом со смертью. Он очень много видел смертей, убийств. Гибли люди от бомбежек, от межплеменной вражды. От солдат федеральных войск. Убивали его братьев и сестер. Он сам убивал... Это было нормально... Он готов был убивать и умирать... Так ему тогда казалось...

Сейчас ему казалось иначе. Он понял, что умирать именно сейчас и именно здесь совсем не готов. Тем более вместе со своими родными... Он боялся смерти. Он хотел жить...

Когда время истекло, он пробормотал:

— Мы все равно сочтемся, собака...

— Итак, ты согласен, — констатировал Глеб.

— Что хочешь знать?

— Начинай сначала...

Руслан поплыл. Биополевой стресс-детектор, который был смонтирован на передвижном оперативном пункте, устроенном в самой обычной на вид фуре, сбрасывал на компьютер диаграммы, и специалист за перегородкой подтверждал — Руслан говорит правду...

Картина получалась следующая. Руслан, немало потрудившийся на благо чеченских террористов, неоднократно снабжал группировки оружием, снаряжением и всем необходимым. Дело было прибыльное. Работал, в основном, по конкретным заказам. На этот раз очень серьезные люди ему заказали партию радиоизотопов. Правда, изотопов не простых. Это было одно из старательно оберегаемых ноу-хау ядерного центра в «Снежанске-11». Группа высокоактивных трансформеров, как коряво обозвали их. Вещества безобидные, но путем нехитрой обработки переходящие в активное состояние. По всем научным парадигмам, такие изотопы вообще в природе существовать не могут. Но факт остается фактом — НПО «Сигнал», держащее две трети производства радиоизотопов в стране, в прошлом году создало это чудо. Одно из его применений — в качестве оружия массового поражения. При распылении над мегаполисом последствия могут быть самые страшные. Попадая в тело жертвы, эти изотопы практически не выводятся и работают как бомба, разрушая организм радиоактивностью. Рак легких, лейкемия, лучевая болезнь... И все в массовых масштабах... Идеальное орудие для теракта.

— Откуда ты узнал, где взять эту дрянь? — спросил Глеб.

— Я одно время занимался рынком изотопов, — пояснил Руслан.

— Вместе с Мирзоевым? — Глеб вспомнил давнее кровавое дельце.

— Да.

Задача Руслана состояла в том, чтобы добыть оружие вездехода. Дальше — не его забота.

Планировалось, кажется, что-то грандиозное.

— У нас нет танков и самолетов, — прошипел Руслан. — У нас есть воля к победе. И все средства для этого годятся...

— Давай дальше, философ...

А дальше все просто. Проходит купля-продажа изотопа. Руслан в Москве передает товар и отчаливает на все четыре стороны.

— Кто все это затеял? — спросил Глеб. — Кто получатель?

— Он тебе не по зубам, — буркнул пленник.

— Хотя бы облизнуться.

— Сельмурзаев.

— Тот самый? Депутат законодательного собрания?

— Да...

— Уже интереснее, — Глеб хмыкнул. Как же. Личность известная. Депутат Усман Сельмурзаев, председатель правления банка «Спектр-Интернациональ», а также совладелец парочки гостиниц и пивного заводика в Москве. — А дальше. Кто исполнитель теракта?

— Не знаю...

— У нас договор, Руслан...

— Я не знаю!

— Врет, — слышалось у Ратоборца в крошечном наушнике. — Все показатели зашкаливают. Похоже, очень тепло...

Ратоборец опять посмотрел на часы и произнес:

— Игра старая — тридцать секунд на выбор.

— Рамазан Акторов.

— Правая рука Колченого Муртазалиева.

— Да... Его боевые группы рассредоточены по всей Москве.

— Кто с ними держит связь?

— Сам Сельмурзаев.

В трейлере было тоже холодно. Но еще больший холод терзал Руслана изнутри. Зубы постукивали. Сотрясала дрожь. Он ежился. Наручники сзади тоже холодили, перекрывали ток крови. Но больше всего леденила мысль, что он предает всех.

— Куда ты должен отвезти товар?

— За Ногинском частный дом.

— Кто приедет за ним?

— Сельмурзаев пришлет кого-нибудь, чтобы убедиться в наличии товара...

— С деньгами?

— Да...

— Кто в доме?

— Обычно пара его людей, отлеживающихся после работы в Чечне.

Когда почти все было сказано, Руслан вдруг испытал странное облегчение. Ему вдруг подумалось, что предавать не только страшно, но и приятно. Будто разом расплачиваешься со всеми долгами, которые наделал за свою жизнь.

— Они твоих подручных знают? — спросил Глеб.

— Одного-другого видели в лицо, — ответил Руслан.

— Ну что ж... Придется тебе еще немного нам помочь...

«Хомо компьютерикус» — новый вид человека, рожденный щедрым на научно-технические и социальные революции двадцатым веком. По замыслу он должен быть молодым, тощим, бледным, с красными глазами и сутки напролет проводить перед монитором, скользя по запутанным, с развязками, заторами, пробками трассам Интернета. Внешний мир, еда, женщины его интересоваться не должны. Все это пустая трата времени. Программы, файлы, сайты, вирусы и антивирусы, базы данных — именно в этом настоящая жизнь. Именно тут истинная реальность.

Из подобных качеств Леша Гурвич обладал, пожалуй, только молодостью, да и то уже не первой. Было ему двадцать семь лет. Крупный, с уже нагулянным жирком и румяным круглым лицом, любитель пива, женщин и горных лыж, он тем не менее был человеком-компьютером. Во всемирной паутине ощущал себя как рыба в воде, или, скорее, акула в океане. Мог без проблем хакнуть защищенный сайт. Языки программирования знал лучше, чем русский. И вполне мог бы сделать карьеру и стать высокооплачиваемым программистом. Сделал бы и стал бы, если бы его интересовали деньги. Точнее, деньги его интересовали, но не настолько, чтобы жертвовать ради них душевным спокойствием и ощущением значимости своего места во Вселенной. А эту значимость он ощущал, когда вторгся в неизвестные, нехоженые края, где не ступала еще нога ученого. Поэтому, работая с Белидзе над проектом, названном с претензией — «Титан», он был счастлив. Потому что то, чем они занимались, было смело. Это было круто. И до этого не допер никто в мире.

Да, там был полет! Там открывались такие горизонты!.. Но в последнее время Гурвичу иногда становилось жутковато. Слишком далеко они зашли. Химические процессы, которым они дали жизнь, все больше напоминали алхимию. Они вторглись в совершенно неизведанные земли, где легко оступиться и провалиться в топь. И еще там могли поджидать хищники...

Впрочем, голову ломать над вечными проблемами не было никакого желания. Гурвич устал. Ему как воздух нужна была капитальная расслабуха. Он давно мечтал о горячей баньке, холодном пиве и теплом женском теле. Все это нашлось у его институтского приятеля Ромы, имевшего уютный домишко в Замяткове, что в двухстах километрах от столицы.

Дом располагался на окраине поселка городского типа. Деревянное строение под грузом прожитых лет немного покосилось, дряхлую мебель изъел жадный червь. Зато банька была отличная.

— Шею сильнее массируй, солнце мое, — проурчал, жмурясь от удовольствия, Гурвич, разлегшись на лавке в предбаннике.

Тонкие женские пальцы, оказавшиеся на удивление сильными, массировали мышцы и вызывали истому.

Девки были местные, молодые, развратные и, по московским меркам, удивительно дешевые. За тысячу рублей, пиво, водку и закуску они уже второй день скрашивали одиночество двоих институтских друзей, утомленных московской суетой. При этом девки считали, что им подвалило просто немыслимое счастье, потому что деньги в Замяткове уже несколько лет являлись редкостью и роскошью. Фабрика и два совхоза дышали на ладан, и заняться в этих местах было нечем.

— Я устала, — капризно произнесла Натаха, встряхивая руками. — Замандавалась вся.

В выражениях она не стеснялась, и Гурвич имел счастливую возможность слегонца пополнить свой запас нецензурных и ругательных слов.

— Ничего, — сказал он. — Еще чуток поработай. Потом пивком поправимся.

Это обещание воодушевило девушку, и она начала мять спину клиента с новой энергией.

— Развлекаетесь, — констатировал худосочный, с глазами профессионального мошенника, вечно улыбающийся Рома, зайдя в предбанник.

— Балдеем, — кивнул Гурвич.

— Мы уже потрахались, — незатейливо проинформировала Наташка. — А где Нинка?

— За пивом уснул. А у меня чего-то машина барахлит.

— Какая? — хмыкнул Гурвич.

— Та, что на колесах. А ты что подумал? С этим все ништяк.

— Это радует, Рома...

— Полезу под железяку, — вздохнул хозяин фазенды.

— И охота? — удивился Гурвич.

— Завтра не заведется, — Ромка вышел. Дверь со скрипом закрылась. И Гурвич снова расслабился под сильными пальчиками массажистки...

Так бы лежал и лежал... Хорошо... Но хорошо не бывает долго.

Затренькал мобильник. Точнее, вдарил бойко и громко саунд-трек из нашумевшего блокбастера «Звездная дорога». Брать трубку страшно не хотелось. Но абонент был настойчив, если не сказать настырен. Телефон звонил и звонил. Гурвич переборол желание заткнуть его, бросив с размаху на пол, чтобы только осколки в стороны брызнули. Нехотя протянул руку.

— Кто там? — растягивая слова, произнес он.

— Это Санин.

— Здорово, — Гурвич закричал, как старый дед, и приподнялся на лавке, по ходу легонько шлепнув Наташку по округлому заду. — Палыч, если бы ты только знал, от чего меня

отрываешь...

— Плохи дела, Алешенька.

Санин всех знакомых и своих студентов называл уменьшительными именами, отчего у многих закрадывались подозрения по поводу правильности его сексуальной ориентации.

— Что случилось? — встревожился Гурвич, вдруг поняв, что голос у третьего члена их научной группы доктора математических наук Санина потерянный.

— Белидзе...

— Что Белидзе?

— Он умер.

— В смысле?

— Он умер. Погиб. Покончил жизнь самоубийством. Наглотался снотворных таблеток. Достаточно?

— Так, Палыч. Успокойся и не кипятись... Ерунда какая-то. Как Белидзе мог покончить жизнь самоубийством? Сейчас, когда все на мази?

— У него спроси! — По голосу Санина ощущалось, что в его душе трепетала, как птица в клетке, пытавшаяся вырваться на простор, истерика.

— Так... Успокойся... Успокойся, — как заклинание повторял Гурвич. В предбаннике было жарко. Но в груди возник сквознячок. Холодный такой сквознячок, от которого замерзает сердце. — Я сейчас собираюсь и еду... И мы что-нибудь придумаем.

— Что мы можем придумать?

— Так. Успокойся, — то ли себе, то ли собеседнику сказал Гурвич. Дал отбой. И присел на лавке, замерев и тупо уставившись в дощатую стену, на которой был зачем-то накрепко прибит барометр.

Девушка настороженно погладила его по плечу.

— Ну, котик, чего случилось? Он не ответил.

— Чего киснешь, красавец?... Ох, какой хмурый. Сейчас мы тебя успокоим, — она потерлась голой грудью о его плечо, ее руки поползли вниз.

— Отстань! — заорал Гурвич, резко оттолкнув ее.

— Ты чего, совсем? — обиделась Наташка.

— Извини... У меня... У меня друг умер.

— Как умер?

— Отравился... Или отравили...

— Отравили?! — изумленно уставилась на него девушка.

— Да... Но это начало. Всех нас перебьют... Я как чувствовал...

Он начал одеваться.

— Надо ехать... Надо...

Девушка смотрела на него, как на психа...

— Извини, крошка, — застегнув рубашку, кинул он ей. — Пока.

Он вышел из бани, согнувшись от удара мокрого снега. С утра зарядил этот снег, будь он неладен. И тучи — низкие, давящие. Куда подевалось вчерашнее солнце?

— Во, психический, — покачала головой деваха, глядя на захлопнувшуюся дверь.

— Люблю огонь, — сидящий на корточках молодой плечистый чеченец с наивным дурашливым лицом ткнул кочергой в уютно потрескивающие в камине поленья. — В горах огонь — тепло, хорошо... И редко.

— Почему редко? — спросил Глеб, комфортабельно устроившийся в плетеном кресле с мягкими подушками.

— Огонь — нельзя. Самолет прилетит. Вертолет прилетит. Снайпер ударит... В спальный мешок спишь. Там хорошо. Тепло. Но огонь лучше.

— Долго воевал?

— С тринадцати лет. Отец воевал... Я воевал. А ты?

— Пришлось маленько.

— За кого воевал?

— За всех, — хмыкнул Ратоборец.

— За всех — это правильно. Дураки воют просто так. Умный воет за деньги. Нет денег — нет война.

— Хорошо хоть платили? — поинтересовался Глеб.

— За работу. БТР убил — платят много. Солдат убил — платят так себе. Офицер убил — платят нормально. Война. Выгодно.

— Это верно...

— Руслан хорошо тебе платит? — как бы невзначай бросил молодой чеченец.

— Иногда неплохо... Чаще — так себе.

— Руслан жадный... Ты сильный. В тебе воин виден. Сейчас мы с братом отлежимся, тогда поехали с нами Чечня.

— В горах воевать?

— Зачем в горах? Кто сейчас в горах воет? Дома живешь. Хорошо кушаешь. Днем спишь. Ночью свиной режешь...

— Свиной?

— Которые в военной форме...

— И много заработать можно?

— Как работать будешь, — в голосе молодого чеченца зазвучали зазывные нотки, как в рекламе памперсов. — Ты воин. Мину, фугас класть можешь. Стрелять умеешь. Кроме того, ты русский, в форму тебя оденешь — от солдата не отличишь. Не то что мы... Денег много получишь. Богатый будешь.

— Денег... Каких? Фальшивых?

— Зачем фальшивых? Имам Муртазалиев получил от братьев с Аравии мало-мало много денег.

— Значит, фугасы класть, — усмехнулся Глеб.

— Не просто фугас класть. Фугас мальчишка положит... Специальная операция! — многозначительно произнес молодой чеченец важное слово.

— Почти уговорил...

— Руслан мало-мало платит. Муртазалиев щедрый. И никогда фальшивый доллар не дает. Его за это уважают. Кого хочешь спроси.

— Спрошу...

Чеченец удовлетворенно крякнул, решив, что доброе начало важному делу положено. Заполучить такого бойца — здорового, с кошачьей грацией в движениях, выдающую человека серьезной подготовки, это ли не удача! И еще приятно подложить свинью Руслану, которого не любят за жадность, хитрость и пренебрежение обычаями.

— Скоро они там? — Глеб посмотрел на часы.

— Приедут. — Молодой чеченец снова принялся ворошить угли. — Сиди. Чай пей. Разве плохо?

Проникнуть на чеченскую базу в Ногинском районе удалось без труда. Руслану стоило только бросить негромко и властно:

— Это свои.

И металлические ворота отворились. Место для двухэтажного кирпичного дома было выбрано с таким расчетом, чтобы не мозолить людям глаза и в случае опасности иметь путь отступления к раскинувшемуся на многие километры лесу, перемежаемому болотами. В поселке в это время было совсем немного жителей. Дымились трубы в парочке домов, горело несколько окон. В основном домишки были бревенчатые, убогие. На пригорке виднелась полуразрушенная церковь с обломанной, как карандаш, колокольней. Над ней вились вороны.

«Газель» Глеб велел загнать за ворота. Трофейный зеленый «триста восемнадцатый» «БМВ» оставили на раскисшей дороге. Он одним колесом утопал в огромной луже, из которой поднималась вросшая в землю тракторная шина, как спина допотопного чудища из Лохнесского озера.

В доме, как и обещал Руслан, отлеживались, зализывали раны двое чеченских боевиков. Чувствовали они себя здесь вольготно. Видимо, были уверены, что милиция сюда не сунется, поэтому на виду держали два автомата Калашникова.

Гостей боевики встретили сначала с настороженностью. Но после звонка Сельмурзаева,

который подтвердил, что гости вполне заслуживают хороших отношений, горцы расслабились и подобрали. Друзей хозяина надо уважать.

— Телевизор хочешь смотреть? — спросил молодой чеченец у Глеба, к которому проникся теплыми чувствами как к начинающему клевать на щедрые посулы объекту вербовки. — Тарелка от спутника есть. Сто программ берет!

— С комфортом устроились.

— Да... Чечня — электричество мало. Все плохо. Здесь хорошо.

Чеченец загрустил. Но ненадолго. Его посетила показавшаяся ему весьма удачной идея.

— Кассеты есть. Порнуха есть.

— Не стоит, — отмахнулся Глеб.

— Зря. Хорошая порнуха... Такие девушки... Что, думаешь, я не знаю, как с девушками туда-сюда, да! — вдруг воскликнул молодой чеченец горячо. — Помню, одну в зиндан держали. У нее отец богатый такой, да. Крутой такой... Армянин... Или еврей... Из Москвы ее везли... Ах, какая была... Ох, какая кожа... Ох, как я с ней...

— Блондинка?

— Да нет, рыжая такая. Но неважно... Жалко даже ее было.

— Почему жалко?

— Что-то там не получилось. Базар-мазар с ее отцом не пошел.... В общем, пришлось ее стрелять. Я и стрелял... Раз — и все. Перед видеокамерой... Но хорошая была...

— Да. Бывает, — рассудительно произнес Глеб.

— Бизнес, — развел руками чеченец.

Атаман, сидевший на кожаном диванчике в углу, хмуро уставился прямо в затылок молодого чеченца. Если бы боевик поймал этот тяжелый взор, то наверняка сейчас бы не чувствовал себя так комфортно. Так глядят, когда целятся перед контрольным выстрелом.

Через четверть часа послышались звуки автомобильных моторов.

— О, приехали. — Второй чеченец, низкорослый, с длинными руками, похожий на пастуха из высокогорного аула, появившегося на свет от порочной связи его матери со снежным человеком, бросился на улицу открывать ворота.

Глеб выглянул в окно. В ворота въезжал «Мерседес» с темными тонированными стеклами. Черт возьми, бронированный... При определенном раскладе этот фактор может обернуться серьезными проблемами... Джип «Паджеро» цвета вишневого металлика — машина сопровождения с охраной — припарковался за воротами рядом с зеленым «БМВ».

Из соседней комнаты появился тучный оперативник, который недавно на шоссе столь убедительно сыграл роль старшины-гаишника. Он подталкивал в спину вялого, шаркающе передвигавшего ноги Руслана.

— Ну что, Руслан. Иди, встречай гостя, — кивнул Глеб.

Теперь бы только чеченец не выкинул какой-нибудь фокус. На этот счет Глеб подстраховался. Перед отъездом на базу Руслана оглушили, накормив приличной дозой

психотропных веществ, которые напрочь отбивают стремление к импульсивным поступкам. И все же стопроцентной гарантии, что объект будет действовать по плану, не было. Слишком мало времени с ним работали.

Комитет по торжественной встрече в составе Руслана, Глеба и Атамана выстроился во дворе.

Бугай в черном костюме, как из рекламы телохранителей, в черных очках (даром, что солнце уже село за лес) выскочил из машины и услужливо распахнул заднюю дверь. Из салона степенно, неторопливо выбрался высокий, статный чеченец с благородной осанкой и ступил на гравий дорожки.

Сердце Глеба радостно екнуло. Повезло так повезло! Это как раз тот, кто нужен, — депутат Сельмурзаев!

Собственной персоной пожаловал. Никому не доверил! И не в лом было на ночь глядя переться сюда!

Руслан шагнул навстречу Сельмурзаеву. Они обнялись, как два молочных брата после долгой разлуки.

Руслан напрягся. И Глеб совершенно четко понял, что сейчас горец что-то ляпнет, выходящее за рамки дипломатического протокола.

Ратоборец был готов к любому варианту развития событий. Он не обдумывал решения. Оно пришло само! Накопившаяся в Глебе энергия нашла выход! Он резко вдавил кнопку рации, прикрепленную к запястью... И начал движение.

Он мчался, как ураган, сметая все на своем пути. Походя сшиб с ног чеченца-пастуха — тот даже и не пикнул, рухнув как подкошенный. Рубанул ногой по горлу телохранителю в черном, кажется, отправив его в путешествие к самому Аль-Ваххабу и райским гуриям. Продолжая движение, сделал подсечку оторопевшему и никак не ожидавшему нападения депутату и отключил его щадящим ударом в голову.

Атаман выстрелил из бесшумного пистолета в грудь телохранителя, неосмотрительно высунувшегося из «Мерседеса» с короткоствольным пистолетом-пулеметом «скорпион».

У личного водителя депутата реакция была выше всяких похвал. Он резко повернул ключ в замке зажигания. Машина завелась сразу, как и положено «Мерседесу», и не к месту уютно заурчала мотором. Что будет дальше — спрогнозировать не так трудно. Бронированное четырехколесное чудовище снесет задним ходом ворота к чертям собачьим. И вырвется на оперативный простор. И пули от него будут отскакивать, как горошины от слоновьей шкуры.

Глеб стремительно преодолел расстояние, отделявшее его от машины, Рывком выдернул скрючившееся тело убитого телохранителя. И повалился внутрь, на мягкие лайковые сидения.

Водитель — квадратный, со сросшимися бровями и тяжелой челюстью, резко повернулся к Глебу боком. Он был вооружен. И вороненый ствол уже почти завершил свое неумолимое движение, готовясь выплюнуть свинцовую примочку в цель. Оставалось только надавить пальцем на спусковой крючок.

Глеб аккуратно, казалось, неторопливо отвел руку с пистолетом. Ухнул выстрел. Пуля пробила панель красного дерева. Следующего выстрела не прозвучало. Глеб перехватил пистолет, дугообразным движением провернул его, ломая противнику пальцы. Отшвырнул тяжелую и опасную игрушку в сторону. Потом ласково и мягко захватил квадратного за шею.

Она была мускулистая, железная. Но никакие мускулы здесь не помогут. Вот биоактивная точка. Надавить на нее...

Водитель дернулся, почувствовав, что ему не хватает воздуха. Потом на него навалилась тяжелая тьма... Бронированный «мерс» так и не стронулся с места. Машину сопровождения снаружи упаковали тоже быстро. Оперативники, выскочившие из «БМВ», поставили под стволы и вытряхнули из салона вовсе не спешащих умирать телохранителей.

Глеб перевел дыхание. Весы непостоянного бога войны снова качнулись в его сторону. Потерь у группы нет. У противника — два трупа. Чистая победа...

Пленных разложили в ряд в большой комнате. Там же на ковер лег портфель, наполненный пачками долларов, — плата Руслану за изотопы. Атаман подошел к распластанному любителю рыжих девушек и порнухи, схватил его за волосы, заставил подняться. Чеченец смотрел на него, как зверь, которого ведут на убой, — животный ужас и мольба о пощаде во взоре. Он встретился с глазами Атамана, и ему все стало ясно.

— Не хочу... Не делай, — пробормотал Молодой чеченец.

Атаман молниеносно выдернул из чехла на рукаве нож и полоснул боевика по горлу. Отскочил в сторону, чтобы не испачкаться в крови. Все произошло настолько быстро, что никто даже голоса не успел подать.

— Война, — недобро усмехнулся Атаман. — Бизнес...

Глеб неодобрительно посмотрел на своего помощника, но ничего не сказал. Взял рацию.

— Объект взят. Группа Два, Три — для зачистки территории. И эвакуации... как поняли?

— Принято...

— Ждем.

Машина у Ромы, видимо, решила объявить забастовку. На все попытки завести двигатель выдавая виды и знававшая лучшие времена двадцать четвертая «Волга» отвечала каким-то ехидным жужжанием. Двигатель не желал заводиться. Рома копался в моторе, Прикрикивая на белокурую шалаву, имевшую внешность невинной курсистки Императорского института благородных девиц:

— Ключ дай! Да не этот, а тот! Увидев идущего от бани Гурвича, он озадаченно посмотрел на него.

— Ты куда?

— Машина на приколе?

— Встала! Упрямая, сволочь!

— Мне в Москву надо, — голос у Гурвича был какой-то жестяной.

— Э, Леха, чего с тобой? Тебя что, Наташка укусила?

— Белидзе, мой шеф, умер.

— Да иди ты! Как?!

— Мутно все это, — пробормотал Гурвич. — Я так и думал...

— О чем ты думал?

— Упаси господи, если я прав, Рома!

— Может, подождешь... Завтра поедем... Все равно ты уже ничем горю не поможешь.

В словах Ромы был какой-то резон. Вечером тащиться в Москву. Зачем? Успокаивать скорбящих родственников? Но Гурвич чувствовал, что так надо. Он еще не знал, почему, но был уверен, что оставаться здесь ему нельзя... Никак нельзя!

— Мне надо ехать, — твердо произнес он.

— Да подожди хоть полчаса, — попросил Рома. — Может, еще почию мустанга. Живо до станции доскочим.

— Нет, надо ехать, — как заведенный повторил Гурвич.

Он прошел в дом. Натянул толстый вязаный свитер. Застегнул на «молнию» кожаную куртку с меховой подкладкой. Закинул на плечо ремень сумки.

Уже выходя за ворота, вспомнил, что забыл бритву с лезвиями, зубную щетку. Ну и черт с ними! Возвращаться — плохая примета... Хотя куда уже хуже...

Народу у остановки набралось много. Автобусы ходили раз в два часа, а желающих покататься на них за это время набиралось предостаточно. Щетинистые красномордые мужички с мозолистыми руками. Бабки с неизменными сумками на колесах, которые, судя по всему, всем бабкам раздают где-то централизованно, и ведром с огурцами. Размалеванные сверх всякой меры девицы, озабоченные и решительные, видимо, твердо решившие погулять в этот вечер на полную катушку. Гурвичу вдруг стало тоскливо. Тревожно защемило в груди. Он ощутил жуткое одиночество. А вокруг бесполезные люди совершают бесполезное броуновское движение, перетирая без всякой цели день за днем...

Через десять минут подкатил желтый «пазик», заляпанный грязью и мокрым снегом.

— А ну наддай! — азартно и грубо орали пассажиры, втискивая свои тела в узкие двери.

Гурвичу ничего не оставалось, как тоже заняться этим видом спорта. Иначе придется больше часа топтать до вокзала пешком.

Когда он протиснулся в салон, что-то заставило его глянуть в окно. Взгляд упал на желтую машину — кажется, «Рено», пристроившуюся в хвост автобусу. Для этих мест транспортное средство чересчур шикарное.

Из надсадного рева и жуткого скрежета механизмов напрашивался неутешительный вывод, что автобус вот-вот развалится, погребя под своими обломками пассажиров. Но он бодро катил по колдобинам и ямам, останавливаясь через каждые сто метров то на остановках, то по просьбам пассажиров. С горем пополам это антикварное чудо техники добралось до вокзальчика.

— Спишь, да? — Гурвича вывел из оцепенения толчок в спину.

Он спрыгнул со ступеней на асфальт, освобождая проход. Толпа из автобуса обтекла его и устремилась к вокзалу. А он замер на месте.

Им продолжало владеть ощущение какой-то ирреальности происходящего. Дело даже не в

том, что Белидзе мертв — человек смертен, и внезапно смертен. Дело в том, что он не мог покончить жизнь самоубийством. А если это не самоубийство, то привычный мир, в котором нашел свой теплый уголок Гурвич, рушится на глазах. И реализуются самые потаенные кошмары. И получается, что за его жизнь теперь и ломаный грош — много.

Гурвич сдержался, чтобы не застонать. Подбросил сползающую сумку на плече. И, согнувшись, направился вперед. В голове вертелись, как по кругу, мысли — сон, кошмар, не может быть, так и есть. Но крутились как-то тупо, не окрашенные в эмоции. В течении этих мыслей была какая-то магия. Потом глаз непроизвольно заскользил по асфальту, следуя изгибу пересекающих его трещин. В голову вдруг полезло, что эти трещины наверняка несут в себе скрытый смысл. В них язык взаимоотношения хаоса и гармонии. Конфликт залитого бетоном ровного и совершенного в своей завершенности пространства и сил разрушения, желающих нарушить порядок вещей... Стоп, оборвал он себя. Совсем не туда понесло. Так и до Канатчиковой дачи недалеко.

Гурвич распрямился. Встряхнул головой. Обозвал себя психом... Мысленно приказал себе собраться... Впрочем, без особого успеха.

В небольшом здании вокзала, выкрашенном в веселенький, как молодая трава, зеленый цвет, Гурвич направился к окошку кассы. Протянул деньги. Получил билет. Посмотрел на расписание. Электричка отходила через двадцать минут — в полпятого.

Эти заученные, миллион раз повторенные действия вернули его на грешную землю. Он вышел из странного состояния полутранса. Чувства обострились. И, наконец, пришел страх. Страх за свою шкуру и перед неопределенностью. Он таился в нем уже давно, когда программист просчитал все варианты. Он не верил в свои худшие опасения. Но все пошло именно по самому дрянному варианту.

Гурвич пошатался по тесному зданию вокзальчика, где с комфортом обустроилась многочисленная семья таджикских цыган, наостривших лыжи в столицу выпрашивать подавание и заниматься кражами. Самые мелкие начали работу уже здесь. Трехлетний, не больше, цыганенок начал теревить рукав программиста, жалобно попискивая:

— Дай! Есть хочу! Дай!

Гурвич отпрянул от ребенка, как от прокаженного. Нервы ни к черту!

Он направился к газетному киоску рядом с кассами. Купил у круглолицей девчонки сборник кроссвордов и пару номеров «Столичного метрополиса», в красках и пикантных подробностях повествующего о жизни и падении звезд и примкнувших к ним тусовщиков. В буфете рядом приобрел две бутылки «Тверского» пива. Нашел место подальше от цыган — в самом углу зала. Отсюда через замызанное окно открывался вид на унылую привокзальную площадь.

Гурвич распечатал ключом от квартиры бутылку. Припал к горлышку. Потом уставился на унылый вид за окном...

Удар по нервам — это как встряска от электротока. Гурвич издал слабое нечленораздельное восклицание, увидев ту самую желтую машину. «Рено» или «Шкода». Она пристроилась между мотоциклом «Урал» и грузовиком-пятитонкой на стоянке перед зданием вокзала.

«Тьфу, вот чокнутый, — мысленно обругал себя Гурвич. — Мания преследования. Так скоро в каждом человеке будем видеть врага. Да это та самая желтая машина, которая ехала за автобусом. Ну и что? А куда еще машине ехать, как не на вокзал? Все пути в городишке этом сходятся на макаронной фабрике, совхозе и вокзале!»

Он сделал усилие, пытаясь безжалостно выбросить глупости и подозрительность за борт. На

время ему это удалось...

Электричка опоздала всего на пять минут. Народу там было немало, но сидячие места имелись. Гурвич с удовольствием занял место у окошка. И принялся за чтение газеты и уничтожение содержимого второй бутылки.

В вагоне пахло луком и чем-то кислым. У выхода расположилась шумная молодежная компания. Ребята и девчонки матерились азартно и с толком, играли в карты и олицетворяли собой анархичную угрозу существованию правопослушного и безобидного обывателя, то есть тот самый хаос, разъедающий общество. Гурвич тоже ощутил себя неуютно. Поежился. Компания додавит еще бутылку-другую бормотени, и начнется битье морд.

Правда, ехать недолго, каких-то минут сорок. За это время до мордобоя может и не дойти.

Ветка эта дурацкая к Москве не шла. Добраться до столицы можно было, только пересев на станции Раздольное на другую электричку. Пьяная компания вывалилась из вагона ко всеобщей радости за две остановки до Раздольного. Исчезла, растворилась на российских просторах по своим делам — доиграть в карты, купить еще водки и начистить кому-нибудь физиономию. Начистят обязательно — что за пьянка без драки?

— Животные, — пробурчал Гурвич.

Когда из мира эмпирей он падал в реальный грубый мир, то в очередной раз убеждался в его непроходимом убожестве. Белидзе — тот совсем другого склада был. Везде как рыба в воде — и в дружеской компании, и в темной подворотне, когда нужно набить морду паре хулиганов, и за компьютером. А математик Санин, наоборот, существо совершенно воздушное, его земля не притягивает, а если притягивает, то бьет по пяткам больно. Он вообще не приспособлен к жизни. Гурвич в этой компании — нечто среднее... Но Белидзе мертв. Все-таки не удержала его земля, на которой он стоял обеими ногами — плотно и надежно. Ох, как плохо все...

Железнодорожные пути ветвились и ширились. На них застыли черные нефтяные цистерны, платформы с прикрытой брезентом техникой. За окнами резко тормозящей электрички потянулись ангары и краснокирпичные цеха. Раздольное — узловая станция. Пересадка на Москву. Приехали.

Опять повторение вечной процедуры — покупка билета, просмотр расписания, ожидание поезда, который появится через полчаса.

Гурвич купил еще бутылку пива. Влил ее в себя. Потом жидкость бестактно попросилась наружу. Программист взял курс на ближайший туалет типа сортир. Кинул пятирублевую монету старичку-боровичку, хмурому хранителю сортира, начальнику унитафов и писсуаров. Тот протянул ему чек — у него под рукой была целая картонная коробка, наполненная ими. Программист устремился внутрь. За умывальниками шли запутанные катакомбы с хаотично натканными писсуарами, кабинками. Здесь было на удивление чисто... Только выбрав приглянувшееся ему место и пристроившись около писсуара, Гурвич услышал тяжелые шаги. Скосил глаз. И похолодел.

В помещение зашел молодой парень с мясистым стриженным загривком.

Еще один шок — как обухом по голове. У Гурвича было отличное зрение. И прекрасная зрительная память. И он сразу вспомнил, где видел этого типа. В той самой желтой машине!

Программист поймал коснувшийся его мимолетный взгляд незнакомца. Угрожающий. Изучающий.

Сердце сжалось. Гурвич отвел глаза и напряженно уставился перед собой, старательно изучая белый, в серых потеках, кафель на стене. Амбал сделал шаг в его сторону.

Гурвич съежился. На спине выступил пот, и тонкая его струйка потекла меж лопаток. Спина казалась такой открытой, беззащитной. И он понял, что сейчас ее продырявит нож или пуля из пистолета...

Даже в подвале, будучи более чем в плачевной ситуации, Сельмурзаев умудрился сохранить свой лоск. Изрядно помятый костюм все равно сидел на нем как влитой. И на лице застыло выражение самоуверенности, брезгливости и угрозы. Тигр в клетке все равно остается тигром.

— Прошу объяснить мне, где я нахожусь, — произнес он спокойно, хотя видно было, что это требовало от него немалых усилий.

— Разве это важно? — сказал Глеб. — Важно, в каком положении вы находитесь.

Комната была тесная. Стулья привинчены к полу. Шуршала вода в ржавых трубах, стены были мокрые. Привести это помещение на базе-2 в приличное состояние ничего не стоило, однако опыт показывает, что именно в таких камерах лучше всего развязываются языки. Это помещение тем, кого занесло сюда не по своей воле, казалось тамбуром в могилу.

— По-моему, вы не бандиты, — произнес депутат сухо.

— Точно подмечено, — усмехнулся Глеб.

— Я достаточно видел спецназов, чтобы узнать специфический почерк... Федеральное агентство госбезопасности? Управление по борьбе с бандитизмом? Да?.. Для государственной структуры вы ведете себя слишком опрометчиво.

— Это почему же?

— Вы считаете, что похищение депутата Госсовета сойдет с рук спецслужбе, какой бы крутой она ни была?

— Для этого необходимо, чтобы кто-то подал жалобу.

— Вы напали на мою охрану, вторглись в жилище и теперь угрожаете смертью? — В голосе депутата появилась насмешка — мол, выдали мы такие разводки дешевые.

— Угрожаю? — удивился Глеб. — Я дал повод для такого обвинения?

— Не кривляйтесь. Кто вы там — майор, подполковник?.. Вы думаете, что вернулся тридцать седьмой год?.. Времена те уже прошли. Безвозвратно...

— В каждом времени есть своя прелесть, Усман Бисланович... Вы ведь признаете только силу. Сегодня сила на нашей стороне...

— Ладно. Оставим этот глупый разговор. Вы обязаны уведомить о моем задержании Госсовет, моих родственников и адвоката. После установления личности вы обязаны меня отпустить. Откройте мое удостоверение, — он кивнул на лежащую на столе бордовую книжечку.

— Вы всерьез считаете, что мы задержали вас, чтобы удостовериться в личности и потом отпустить?

— Вы сделаете это...

— Вы сами не верите в то, что говорите. Мы взяли вас в плен, Усман Бисланович.

— Что? Кто вы?!

— Мы, — Глеб усмехнулся.

Конечно, у него и в мыслях не было объяснять Сельмурзаеву, что такое «Белый Легион». Незачем чеченцу знать, что у Имперского комитета госбезопасности остался небольшой, но боеспособный наследник, давно пустившийся в свободное плавание, сбросивший с себя контроль всех ветвей власти и превратившийся в некий тайный Орден. В память о «Большой конторе» — КГБ СССР — эту подпольную организацию именовали еще «Малой конторой». В ее распоряжении оказались материальные средства и тщательно законспирированные структуры.

«Белый Легион» остался в России одним из последних серьезных игроков на арене, где ставкой служат стратегические интересы, жизнь миллионов людей, выживание русского народа, некогда великого, а теперь загнанного в угол. «Легион» — это тот костыль, на который еще может опереться едва державшаяся на ногах, умирающая держава. Правда, он прилично потрепан и ослаблен бесконечными войнами за место под солнцем, борьбой на свой страх и риск с террористами, «Синдикатом», спецслужбами Запада, мафией и собственными коллегами из госорганов. Но еще способен кое на что. Он ведет свою войну, где нет законов, где большая цель оправдывает любые средства. Иначе и быть не может, поскольку «легионеры», по существу, последние солдаты России на последнем рубеже.

— Давайте договоримся, — произнес Глеб. — Спрашивать будем мы. А вы — отвечать. Для начала вы нам поведаете, зачем вам чемодан с изотопами.

— О чем вы говорите?! — искренне возмутился Сельмурзаев.

— Руслан привез вам изотопы. Цель?

— Глупый разговор... Я не знаю, что наговорил Руслан. Он мой дальний родственник и иногда пользуется моим гостеприимством.

— Как и два террориста с оружием, что приютились в доме.

— О них я вообще ничего не знал. Этим домом пользуются многие мои родственники. И записан он на мою сестру. Что там творится — за это я ответственности не несу...

— Вы что, правда надеетесь, что мы будем брать согласие на привлечение вас к уголовной ответственности?

— А вы думаете по-другому?

— Я думаю, что если мы не найдем общий язык, то сначала порежем на куски тебя, сука позорная, — Глеб подошел к депутату и взял пальцами его за горло. Сельмурзаев попытался дернуться, но Ратоборец надавил на болевую точку, и рука обвисла. — А потом твоего змееныша, который в Англии учится. Родственников. Всех под нож...

Он отпустил.

Чеченец перевел дыхание. И произнес глухо:

— Делай что хочешь! Ничего не узнаешь!

— Значит, взаимного согласия не получилось... Жаль.

Сельмурзаев выругался по-чеченски.

Он привык, что с ним играют в поддавки. Что все наезды не страшны. Потому что даже если государственная контора наезжает по беспределу, всегда можно включить каналы, и зарвавшимся ребятам прикажут сдать назад. Но только он ошибался. Это была вовсе не контора. Точнее, не та контора...

Дальше разговор продолжился в комнате с хирургическим креслом. К теплой компании прибавился Доктор.

— Сколько у нас времени? — спросил он, бездонными черными глазами разглядывая депутата, чьи запястья были прикованы к креслу.

В глазах чеченца застыла тяжелым камнем ненависть. И упрямство. Депутат ожидал самого худшего. И был готов к нему. Он был готов умереть, в отличие от Руслана. Усмана Сельмурзаева знали как человека стального, несгибаемого. Но Доктор смотрел на него с пониманием, мудро. Он знал, что не бывает несгибаемых людей. Весь вопрос только в количестве затраченных усилий. Стального человека можно согнуть. Чугунного — сломать...

— Времени у нас не так много, — сказал Глеб. — Скоро его хватятся, и небеса содрогнутся от вопля мировой и туземной общественности.

— Мне нужно часов восемь-девять. — Доктор прилепил к плечу Сельмурзаева какой-то датчик. Чеченец дернулся и выругался, но Доктор не обратил на это никакого внимания.

— Главное — результат.

— Результат будет, — улыбнулся ласково Доктор и посмотрел на Сельмурзаева.

Их глаза встретились. Дуэль длилась не больше трех секунд. И ненависть, упрямство стали уступать место в глазах депутата животному ужасу.

— Не бойтесь, дорогой мой пациент. Я не палач. Будет совсем не больно...

Доктор был гордостью старой Конторы. В закрытом и пользующемся заслуженно зловещей славой НИИ номер семь он достиг совершенства в методике подавления личности — виртуозно использовал для этого дела весь возможный арсенал средств, начиная от гипноза и кончая психотропными устройствами и психотропными веществами. Шансы Сельмурзаева устоять против Доктора равнялись круглому нулю. Вопрос состоял в том, чтобы не угробить допрашиваемого, чтобы выдержало сердце и нервы, и он не преставился от инфаркта и не превратился бы в буйного психбольного.

— Ну что, начнем. — Доктор взял инъектор и вкатил пленнику первую дозу «лекарства». Человечество всю историю пыталось применять вещества, развязывающие языки лучше пыток. На научную основу это было поставлено в Англии в XVIII веке, когда подозреваемому сделали инъекцию опиума. В 1916 году американский врач Роберт Хаус провел опыты по использованию скополамина — обезболивающего препарата растительного происхождения. Позже были попытки применения для этих целей наркотиков — марихуаны, мескалина, ЛСД. В пятидесятые годы ЦРУ пробовало псилоцибиновые грибы, яд кураре. Особую известность получил пентонал натрия. Настоящая революция произошла в семидесятые годы, когда в закрытых институтах КГБ, ЦРУ начали прокатывать сложные химические соединения, обладающие порой волшебными свойствами. Применение психотропных веществ упирается в один момент — не проблема привести человека в состояние оглушенности, когда язык сам будет болтаться, как тряпка на ветру. Весь вопрос в том, что в таком состоянии человек легко

продуцирует ложные воспоминания и сам становится уверенным в их истинности. Отсесть лишнее, разобраться, где правда, а где фантазии, вот тут нужен высокий уровень оператора. Доктор в этих делах был настоящим чудесником. Он мог невозможное...

Сельмурзаев заорал — у него возникло ощущение, будто ему влили расплавленный металл.

— Тише, тише, — забормотал Доктор. — Сейчас все пройдет.

Для того чтобы выжать депутата досуха, залезть в самые потаенные уголки его сознания, заставить признаться в том, в чем он и сам себе не признался бы, Доктору понадобилось всего пять часов.

Итак, расклад с изотопами выглядел следующим образом. Дела у сепаратистов в Ичкерии шли в последнее время ни шатко ни валко. Цель достижения независимости, и так довольно эфемерная, сегодня отодвигалась лет эдак на тысячу, но это полбеды — серьезные люди всерьез к этим целям не относились. Хуже, что иссякали зарубежные ассигнования. Стабилизация обстановки резко сокращала доходы и в самой республике. Утрачивалось влияние определенных кланов.

Способ разрешения этих проблем один — удивить, потрясти всех. Захваты концертных залов — дело трудоемкое, трудозатратное и трудновыполнимое. После того как бойцы группы «Контртеррор» уложили полсотни усыпленных боевиков, делая аккуратные контрольные выстрелы в голову, количество ичкерийских патриотов, мечтающих покурить на пороховой бочке, резко пошло на убыль. А взрывы самодельных взрывных устройств на остановках, вокзалах и дискотеках уже воспринимались народами России как неприятная и вполне обыденная неизбежность.

Нужно было что-то грандиозное.

Сельмурзаев, человек, имеющий высшее техническое образование, выполняя свои депутатские обязанности, наткнулся на информацию о секретной разработке в «Снежанске-11» — активных трансформерах. Вещество безобидное, не выявляемое с помощью счетчика Гейгера, его можно спокойно перевозить в дорожных сумках без риска облучения. Но с помощью нехитрых манипуляций оно превращается в сильно радиоактивный порошок. При попадании в легкие — пятидесятипроцентная вероятность рака легких и летального исхода. А при больших дозах — лучевая болезнь. Мечта воина джихада! Захватывающие перспективы! Порошок активизируется. Распыляется над Москвой. Одновременно травится водоканал. Предусматривались еще некоторые сюрпризы. Все это сопровождается галдежом в России и Европе. Наиболее отработанная часть сценария — правозащитные организации, свободная пресса, комиссии Евросоюза. Грозные требования немедленно начать улаживание споров политическими методами, поскольку военного решения вопроса не существует, а борьба с бандитами ведет лишь к эскалации конфликта. Доводы известные, обкатанные не раз. Результат — Россию ставят на колени. А если заартачится, все равно пинок получит хороший.

В качестве основного исполнителя был выбран известный мастер террористических многоходовок Рамазан Актвов, больше известный как правая рука бессмертного колченогого отца чеченского террора Муртазалиева. В столицу выдвинулись рядовые исполнители. Разместились здесь и терпеливо ждали обещанных взрывчатки и изотопов. Пятеро из них готовы были ошахидить-ся — принять мученическую смерть за веру. Остальные рассчитывали выполнить работу и уйти, сорвав хороший куш. Сам депутат Сельмурзаев адресов боевиков не знал. Аюпов счел за благо не посвящать его в такие подробности — береженого Аллах бережет. Депутат оказывал поддержку деньгами, информацией и кое-какими ресурсами.

— Сколько, по расчетам, должно было погибнуть мирного населения? — спросил Глеб.

— По приблизительным оценкам от трех до пятидесяти тысяч, — глаза депутата были полуприкрыты, слова звучали отстраненно, скрипуче. Пленник был похож на механическую куклу, у которой кончается завод и проржавели пружины. — Перед терактом чеченцы и дружелюбно настроенные лица будут предупреждены. Не все, только самые ценные...

— Какими соображениями могут быть оправданы подобные жертвы среди мирного населения?

— Для вас это мирное население. Для нас — никто. Чужая вера, враждебный нам образ жизни. Враг, который подлежит уничтожению, кроме детей младше пяти лет и стариков, которые не могут рожать детей, но могут еще работать, — слова текли без задержки, как будто отрепетированная не раз речь.

— Как по писаному шпарит, мерзавец, — хмыкнул Глеб.

— При психосканировании легко выплывают на поверхность глубинные подсознательные маркеры. Они — следствие социального зомбирования. Тут и религиозные, и бытовые постулаты, и неписанные законы племени, в общем, тот самый пресс, которым с детства у человека подавляется личность и трансформируются морально-нравственные оценки. Он не принял эти истины на веру после долгих размышлений о смысле жизни. Они вбиты в него, — пояснил Доктор.

— Понятно, — кивнул Глеб.

— Особенно мощные маркеры оставляет идеология мусульманского фундаментализма, будто специально созданная для зомбирования. Сельмурзаев может, блистая в обществе, разъезжая на лимузине по московским политическим бомондам, читать Бебеля и Бабея, но в подсознании стоят флажки. В этом заключается мощь глобальных идеологических движений. И дело не только в мозге человека. Тут сказываются еще совершенно неизученные связи в биоинформационном поле.

— Все слишком мудрено, — усмехнулся Глеб. — Нам нужно немного. Чтобы этот подонок еще поработал на нас.

— Тогда продолжаем обработку...

Доктор снова взялся за подопытного. На этот раз в ход пошла «медуза» — металлический колпак со щупальцами проводов, отходящих к жестяному ящику и компьютеру.

Еще через полчаса Сельмурзаев был готов к новому этапу.

— Экстренная связь с Рамазаном, — нагнулся над ним Глеб. Сейчас депутат смотрел на него, выпучив глаза, и глаза эти были стеклянные. — Есть канал?

— Есть.

— Ты вызовешь его...

— Я не могу.

— Это надо для проведения священной акции возмездия, — мягко произнес Доктор, касаясь рукой плеча пленного. — Это очень важно. Ты сделаешь это.

— Сделаю...

Глеб протянул депутату его же мобильник.

Депутат нащелкал номер экстренной связи с Рамазаном Актовым. И назначил срочную встречу. Дал отбой и произнес:

— Я все сделал.

— Молодец, — сказал Глеб и повернулся к Доктору: — Нужно привести депутата в транспортабельное и послушное состояние.

— Нужно, значит, приведем, — кивнул Доктор, разглядывая подопытного, удовлетворенно, как скульптор, которому осталось совсем немного, чтобы довести свое творение до товарного вида.

С последней частью работы он справился за полчаса.

— А теперь поехали, — Глеб положил руку на плечо Сельмурзаева, которого освободили от датчиков и зажимов.

Депутат был готов ехать куда угодно...

Удара не последовало.

Бугай пристроился в кабинке. Но пробыл там недолго.

Гурвич мысленно перекрестился. У него было такое ощущение, что его только что похоронили, а потом выкопали еще живым. Сердце ухало. В висках пульсировала кровь...

«Надо же быть таким дураком! — обругал он себя. — Что теперь, бояться каждого встречного?! Ничего не произошло! Это глюки! Коль со стенок лезут руки, не пугайтесь — это глюки... Глюки... Глюки... Глюки?»

Вдруг на Гурвича снизошло какое-то вселенское спокойствие. И вместе с ним ясное понимание ситуации. Он совершенно определенно понял, нет, даже не понял, а постиг, что никаких глюков не было. Ситуация вот она, на ладони!

За ним шли... Точно шли... За ним наблюдали еще от дома Ромы. Пока его решили не трогать. Во всяком случае, здесь. А вот что будет дальше? Тут воображение подсовывало картинку одну другой краше. В поезд заходят люди. «Пойдем, парнишка, прогуляемся!» Выкидывают на ходу. И бесчувственное тело летит со скоростью шестьдесят километров в час на насыпь. «Пройдемте с нами... Не беспокойтесь, граждане, мы милиция, задерживаем опасного преступника!» Возможен и такой вариант. Могут его взять у вокзала. Могут в той же электричке. Случайная машина вполне способна переехать зазевавшегося гражданина. Равно как и случайный кирпич не против спланировать ему на голову. С ним могут сделать все — похитить, убить, бросить на съедение крокодилам. Могут начать игру... Все возможно. Одного только не может быть — чтобы все это оказалось плодом буйной фантазии.

Следующий вопрос — что теперь делать? Удавиться самому или подождать, пока удавят другие?

В туалет зашел еще один человек — типичный колхозник, худосочный, промасленный, продубленный ветрами, холодом и жарой, проспиртованный самогоном и брагой. Явно не из тех. Хотя...

Стоп. Это уже мания преследования...

Думать надо... Действительно, с ним могут сделать что угодно. Но для этого нужно одно

условие — чтобы он был на виду. Под контролем. А если он ускользает от них, тогда расклад меняется коренным образом. Ищи ветра в поле...

Ускользает. Легко сказать... Говорят, новичкам везет. Посмотрим!

Колхозник вышел из сортира, оставив программиста наедине с его проблемами.

Гурвич толкнул дверь кабинки. И увидел то, на что надеялся, — застекленное окошко. Сквозь него падает свет заходящего солнца... Сердце радостно екнуло.

Он толкнул раму. Та не поддавалась. Прилеплено намертво. Покрашено белой масляной краской, которая держит лучше клея. И шпингалеты залиты ею — не сдвинешь ни на миллиметр. Еще раз толкнул. Еще...

Он уже примерился разбить стекло и поднять ненужный шум. Но тут шпингалет шевельнулся и скользнул вверх. А потом и рама с треском поддавалась.

Окно тесное. Для Гурвича явно маловато. Но протиснуться можно. Правда, если предварительно снять куртку.

Он стянул куртку. Бросил ее в окно. Она с глухим стуком упала на что-то. Туда же последовала и сумка. Кряхтя и проклиная себя, что мало занимался спортом и давно не сидел на диетах, Гурвич приподнялся на унитазах, втиснулся в окно. Выдохнул. Рванулся.

Выпал, больно ударившись коленом и рукой. Грохот, который он поднял, как показалось, прозвучал весенним громом. Программист оказался на жестяной крыше, гулко отзывавшейся на каждое его движение.

Он быстро натянул куртку, прихватил сумку и осторожно, стараясь поменьше грохотать башмаками, двинул вперед.

Внизу, метрах в трех, был заваленный металлоломом дворик. Справа тянулся серебристый пенал ангара. Внутри его ухало и лязгало. Скорее всего, там ремонтировали вагоны...

Гурвич сбросил вниз сумку. Хотел тоже легко, в стиле героев боевиков, прыгнуть вниз, на асфальт, щедро измазанный грязью и смоченный лужами. Но, реально оценив свою физическую форму, решил, что ногу точно сломает. Поэтому сполз на брюхе к краю крыши. Вцепился в нее пальцами. Перевалился. И начал разгибать руки. Ноги болтались в воздухе...

Вытянув руки, разжал пальцы. Земля больно ударила по подошвам. Гурвич упал на землю, испачкав брюки и куртку в грязи. Приподнялся. Ощупал ногу. В порядке.

Он подобрал сумку. Направился к заборчику. Перевалился через него с трудом.

Теперь перед ним расстилался небольшой пустырь. Дальше шли участки. Огороды. Гурвич огляделся. Ничего подозрительного...

Он вздохнул и потопал прямо по грязи. Асфальтовый путь ему заказан.

Когда ботинки его отяжелели от прилипшей грязи, а сам он стал похож на чучело, удалось выбраться на шоссе. Огляделся. Решил, что достаточно удалился от станции. Преследователи, наверное, переполошились. Начнут его искать. Так что надо уматывать отсюда как можно дальше.

Он отряхнулся, соскреб грязь с куртки и брюк, отбил ее с ботинок. И поднял руку, призывая остановиться грозно урчащий «КамАЗ». Машина притормозила.

— Тебе куда? — спросил шофер.

— Куда подальше...

Водитель с подозрением посмотрел на него. Потом бросил:

— Ты мне все сиденья замызгаешь.

— Пятьсот рублей. Хватит?

Водитель прикинул что-то про себя. Кивнул:

— Залазь...

«КамАЗ», зарывав, рванул вперед.

— От кого бежишь? — спросил водитель.

— От себя...

— А, интеллигент. Весной у вас бывает... Метания души, — водитель довольно хмыкнул.

— Да в гости зашел. И не вовремя.

— Муж, — водитель хохотнул. Потом сообщил: — Я до Стрельнического еду...

— Там автобусная станция есть?

— Имеется.

— Годится...

Гурвич вытащил мобильник. Отстучал номер. Зона приема была слабая, эфир шуршал и трещал...

— Але, — слышался голос Санина.

— Это Леха. Палыч, уматывай куда глаза глядят,

— Алешенька, это ты?

— Я. Уматывай, говорю.

— Что?

Шуршание забило голос. Потом молчание. Зона приема накрылась. А потом мобильник замигал. Дисплей потух. Все, электричество кончилось. Батарейки сели. Вот невезуха! Черт, понял ли что-нибудь Санин? Надо надеяться на лучшее.

— Хорошая хоть девка? — поинтересовался водитель.

— Да так себе.

— Тогда не стоило и стараться.

— Думаешь?.. Наверное, все-таки стоило...

Рамазан Актвов был обучен азам оперативной работы. И место встречи он выбрал пустынное, так, чтобы просматривалось все вокруг, — незамеченным не подберешься. Хотя подлости от депутата и не ждал, но подстраховаться никогда не мешает.

Если бы он встречался в многолюдном центре, то прибавил бы оперативникам забот. А тут его сумели засветить еще на подходе. Невзрачный «жигуленок», за рулем которого сидел скромно одетый мужчина, не слишком похожий на кавказца, свернул от жилмассива в сторону ветки железной дороги. Срисовали и машину прикрытия с двумя бойцами в салоне — кавказцем и славянином.

— Третий, Первый — принимаете объект-2, — произнес в микрофон Глеб, руководивший операцией из ставшего уже для него домом родным штабного микроавтобуса. — Четвертый, Шестой, Седьмой — объект-1...

Послышались отчеты о готовности.

— Внимание... Начали...

«Газель», мирно стоящая на обочине, рванула вперед и подрезала неторопливо движущийся «жигуль». Послышался грохот — легковушка двинула бампером фургон и замерла. Через окно «Газели» устремился пущенный из спецкарабина светозумовой заряд, пробил лобовое стекло и рванул в салоне, на несколько мгновений оглушая и ослепляя Аюпова, лишая его возможности дотянуться до «лимонки» и унести с собой на тот свет несколько неверных.

На ходу из «Газели» выпрыгнули бойцы. Оперативник, обладающий комплекцией пещерного медведя, легко выдернул оглушенного Рамазана Аюпова прямо через выбитое лобовое стекло «жигуленка», встряхнул, как шкуру, и бросил в ласковые руки своих товарищей. У террориста хрустнули суставы, когда локти завели чуть ли не до затылка. Пленный что-то замычал, получил удар кулаком по затылку и отключился. Его бросили на пол «Газели». Дверь с грохотом закрылась.

— Наконец встретились, — зловеще улыбнулся Атаман. У него были давние счёты с Рамазаном.

С машиной прикрытия тоже все прошло как по писаному. Тяжелый, как танк, джип протаранил «Ауди» в бок, вынес ее на обочину.

Один боевик так и остался в салоне, потеряв сознание. Водитель выпрыгнул, когда машина еще двигалась, бросился, было, наутек. Вовремя огляделся. Увидел стволы и понял, что его сейчас завалят. Замер, продемонстрировал пустые руки:

— Не стреляй!

Получив сообщения от групп захвата, Глеб выдал в эфир:

— Отработано. Молодцы. Отход. Зачистка...

Если кто из москвичей и наблюдал произошедшее, то наверняка ничего не успел понять. Пленных упаковали в машины. В точке переброски кинули в фургон для перевозки мяса.

Через полчаса Рамазан Актвов был на базе.

Десять минут на разговор. Сначала поломал, как положено, дурака — не понимаю, почему задержали честного гражданина России, имеющего так похожий на настоящий паспорт. Какой Аюпов? Правая рука кого? Колченогого Муртазалиева? Не знаю такого. И газет не читаю.

Еще несколько минут на попытки хитрить, предложение сотрудничества. Глеб не стал

вдаваться в дискуссии. Он передал Рамазана Аюпова в лапы Доктора.

Сам Аюпов уже давно записал себя в покойники. Да, он надеялся выжить и после этой акции, песни всей его жизни, но слишком сильно на это не рассчитывал. Что такое его жизнь телесная по сравнению с жизнью вечной, в райских садах, которая обещана воину ислама? Эти идеи были впаяны в самые глубины его существа, они составляли базу его личности. Он не ставил ни во что жизнь других людей, даже своих соратников, родственников. Готов был пожертвовать и своей жизнью. И ничто в мире не могло вынудить его отказаться от своей священной миссии.

Подобные установки сродни самой мощной кодировке сознания. Доктору пришлось потрудиться. После психоволнового воздействия он все-таки поломал Аюпова. И информация потекла рекой. Она соответствовала тому, что рассказывал Сельмурзаев, но выгодно отличалась конкретикой.

Детали операции еще окончательно не утвердили. Имелось несколько предварительных проработок. По примеру Нью-Йорка захватить спортивный самолет из подмосковного аэроклуба, благо их вокруг столицы пруд пруди. Подлетное время таково, что ни одна ПВО — не среагирует. Заразить воду тоже не проблема. Времена прошли, когда охранные зоны водохранилищ берегли как зеницу ока. Сегодня там понастроили вилл, и «новые русские» спокойно и со вкусом сливают в водопровод отходы своей вонючей жизнедеятельности.

Эффект от теракта можно усилить несколькими точными ударами по системам жизнеобеспечения мегаполиса. Например, пройтись по подземным московским коммуникациям, в которых полно болезненных точек, воздействие на которые нанесет колоссальный ущерб. Ту же канализацию можно в нескольких местах взорвать, и город утонет в нечистотах.

Планы у Аюпова были огромные. Но свободы маневра не было. Действовать надлежало только по указанию пребывающих в Турции заказчиков и Сельмурзаева.

Собранная Актовым из Чечни, регионов России и СНГ команда отборных рыцарей священного террора отсиживалась по адресам. Притом на каждом адресе было не более трех человек, снабженных железобетонными документами, транспортом и мобильными телефонами. Координацию осуществляли командиры троек, они имели выход по мобильным телефонам лично на Рамазана. В команде нашлось место не только горцам, но и славянам, в основном украинцам, некоторые из которых приняли ваххабизм. На долю славян достанется наиболее тонкая работа, где с чеченской мордой не пролезешь.

Рамазан Актов выложил, как на духу, имена, адреса проживания, контакты, номера телефонов.

Когда террориста выжали досуха, Атаман и Глеб устроили военный совет. Что получалось? Зачищать такое количество по всей столице — немыслимо. В принципе, это возможно, но потребовало бы привлечения практически всех оперативных возможностей «Белого Легиона». И еще возникало множество угроз. Боевики вооружены. Многие из них готовы биться до последней капли крови. Весьма вероятны потери у нас в живой силе. Кроме того, такая масштабная акция не останется незамеченной. А сейчас не те времена, чтобы привлекать к себе внимание правоохранительных органов и спецслужб. И так уже наследили достаточно.

— Будем собирать боевиков в одной точке, — решил Глеб.

— Каким образом? — поинтересовался Атаман.

— Рамазан протрубит общий сбор.

— Где?

— На одной из точек активных действий... Рекогносцировщики Конторы — несколько специалистов высокого класса — давно занимались тем, что мотались по Москве и области, подбирая места для возможных акций. Учитывалось все — как добраться до места, как обрубить концы, как не привлечь внимания. Или же «наоборот» — устроить наибольший шум. Эти места назывались «точки активных действий».

Глеб вызвал начальника группы рекогносцировки, который как раз был на базе. Они залезли в компьютер и за четверть часа подобрали наиболее подходящее для акции место — точка активных действий номер пять в полусотне километров от Москвы. Когда-то там был заброшенный пионерский лагерь, его выкупила невнятная коммерческая структура, а потом забросила из-за неимения средств. Одно время там хотели создавать клуб для любителей конного спорта, но идея засохла на корню из-за отдаленности места от железнодорожной магистрали и отвратительных дорог.

Снова взялись за Аюпова.

— Мы собираем команду. Это нам очень нужно, — ласково вещал Доктор.

Воля находящегося в трансе Рамазана Аюпова была сломлена. Базовые блоки в сознании заморожены. Сейчас он представлял из себя воск, из которого можно лепить что угодно.

— Общий сбор, — произнес Актв.

— Обзванивай. — Доктор протянул ему мобильный телефон с первым набранным номером.
— Назовешь следующие место и время сбора...

Через двадцать минут работа была закончена. Руководители троек получили сигнал экстренного сбора...

Прошло все очень просто и мирно. В нужное время группы подтянулись к заброшенному пионерлагерю. Деревня рядом почти вымерла — там осталось несколько дворов, в которых доживали жизнь старики или тянули бессмысленные, в тумане, дни пропащие пропойцы. В целом же здесь была тишина и благодать.

С утра на точку активных действий потянулись машины. Некоторые командиры троек, выбираясь из салона, напряженно оглядывались. Они понимали, что происходило нечто экстраординарное. Ведь в одном месте были собраны люди, которые вообще не должны были друг друга видеть и знать.

Приехали, естественно, без оружия. Только сумасшедший террорист будет расхаживать в свободное от нелегкой работы по уничтожению мирного населения время по городу со стволом — лучшего подарка спецслужбам и правоохранительным органам не сделаешь. Террорист без оружия и с правильными документами — это обычный гражданин, который если и вызовет подозрение, то его задержат на пару часиков и отпустят.

Поэтому работа для группы захвата оказалась совсем несложная. По окончании сбора всю команду поставили под стволы. Пара наиболее отчаянных боевиков дернулась. С ними не стали устраивать рукопашных боев. Хлопок бесшумного оружия. Стук падающего тела. Кончено. На остальных это подействовало отрезвляюще.

На точку подогнали фуру. Туда кинули пленных, предварительно вкатив им инъекции, — теперь они пролежат бревнами часов семь.

— Исполнено! — удовлетворенно произнес Глеб, когда машины начали отваливать от точки.

Дальше работа для «изыскателей» — Доктора и его помощников. Каждого пленного вывернут наизнанку, по капельке выцеживая информацию. Самый незначительный факт, информационный мусор, на который нормальный человек не обратит внимания, попав к аналитику, может оказаться жемчужиной.

А дальше по каждому из задержанных будет принято рациональное решение. Тех, кого можно использовать, используют. Остальных, а это большинство, выведут в расход, спишут со счетов... Работа грязная, но необходимая. Зато можно быть уверенными, что ни один из них не подложит больше бомбу в самолет и не захватит в заложники детей. Каждая уничтоженная мразь — это десятки спасенных человеческих жизней. Эту арифметику «легионеры» усвоили хорошо...

Настало время, когда Глеб мог перевести дыхание. Активная фаза операции «Полынь» завершилась стопроцентным успехом. Теперь наступала рутинная стадия обработки полученной информации и зачистки «хвостов». Это могло занять несколько месяцев.

Вечером, кинув материалы в портфель-контейнер, служащий для перевозки секретных материалов, — достаточно было нажать на кнопку, чтобы через секунду все его содержимое превратилось в пепел, — Глеб отправился на «точку один» — аккуратненький, скромный двухэтажный дом в ближнем Подмоскowie. Там ждал Зевс — Главный оперативный координатор Организации.

— Информация к размышлению, — сказал Глеб, открывая контейнер и извлекая лазерные диски, аудиокассеты и бумаги.

— Поглядим. Покумекаем, — кивнул Зевс — сухощавый мужчина, давненько разменявший полтинник. Сегодня он пребывал в добром расположении духа и не намеревался метать громы и молнии. — А ты здесь отдохни, Глеб. Расслабься после трудов праведных...

— Обязательно, — безрадостно ответил Ратоборец.

— Массажисток предоставить не могу. А вот записи Шуберта и Глинки имеются.

— Вот спасибо...

Это надолго. Глеб знал, что теперь сутки или двое не вылезет отсюда. Зевс будет тщательно знакомиться со всеми материалами, а Ратоборец будет давать пояснения. Тут же под рукой шеф аналитической группы.

Глеб вздохнул. Ему страшно хотелось домой, к семье. Там его мечущаяся душа находила настоящее успокоение. Но его желаний никто не спрашивал.

Ему отвели просторную комнату. Там он провалялся несколько часов на диване, щелкая пультом телевизора, перескакивая с безрадостных новостей о падениях вертолетов, терактах и новых политических инициативах Европарламента на американские боевики, где горели машины и герои стучали с треском друг друга по мордам. Грязь, боль, дерьмо — в общем, норма. У Глеба возникало немного жутковатое ощущение, что за стеклом экрана живет иная, зазеркальная реальность, которая просачивается в нашу вселенную и материализуется наяву. Мир, слава господу, пока еще не такой. Он не должен быть таким.

Глеб выключил телевизор. Врубил музыкальный центр. Подборка дисков была по вкусу Зевса — сплошь классика. Зазвучала божественными аккордами опера Вагнера «Гибель богов». Эта музыка будто вышибала человеческий дух из тесных оков обыденности, возносила его к божественным вершинам, открывала взор на суть вещей. Да, «Хор Валькирий» стоило бы

сделать гимном Организации...

Насладиться до конца высоким искусством Глебу не дали. Затренькал внутренний телефон.

— Зайди ко мне, — слышался в трубке многообещающий голос Зевса. — Тут кое-что интересное... Глеб спустился в подвал, где в защищенном от всех видов прослушивания помещении Зевс ознакамливался с материалами.

— Не упускай ничего, — произнес он, включая видеомagneтофон.

На экране появился Рамазан Актв, из которого Доктор выжимал все самые позорные факты его мерзкой биографии.

« — Отработали заказ... Взорвали лабораторию. Вместе с людьми.

— Дальше.

— Цель была — лаборатория, оборудование. Персонал.

— Чем дело кончилось?

— Мы выполнили заказ. Там был список людей, которых надо ликвидировать обязательно.

— Кто заказчик?

— Платили хорошо... Какой-то Виктор.

— Кто такой Виктор?

— Станный тип... Не из уголовников. Не из идейных...

— Как выглядит? — Голос у Доктора был вкрадчивый.

— В шляпе... Серый какой-то. Средний рост. Среднее телосложение. Весь какой-то средний. Я не помню его лица, — допрашиваемый запнулся. И с отчаянием воскликнул: — Я не могу вспомнить его лица. Не могу. Не могу...

— Спокойно. Тут тихо и безопасно, — голос у Доктора стал как у проповедника, агитирующего туземца принять христианство. — Все нормально. Тут все относятся к тебе хорошо. Тут ничто не угрожает.

— Не поверишь, я его боялся... Я, который никого никогда не боялся...»

Это дала о себе знать базовая матрица личности. Хотя тут Рамазан себе льстил... Когда его привели в себя, вернули ему адекватное сознание, дали прослушать, что он наговорил, это уже был другой человек. Раздавленный. Сломленный. Боящийся смерти. Утративший просветленное, необходимое для шахида пьянящее состояние абсолютной уверенности в правильности пути.

Последний разговор. На экране появился Атаман.

— Расстрела для тебя мало, но все, что можем... В тот момент Рамазан не выдержал.

— Служить буду! — заголосил он. — Верным псом буду! Жить хочу!

Он окончательно утратил свое лицо. Произошло то, что он, презиравший смерть, еще несколько часов и помыслить себе не мог.

— Дохлым псом ты будешь, — Атаман ткнул его стволом пистолета в лоб. Погладил пальцем спусковой крючок. И убрал пистолет. Хотя и очень хотел пустить в лоб этому существу пулю.

Зевс выключил видеомаягнитофон и покачал головой.

— Мне кажется, у Атамана слишком много личного. Это мешает работе.

— Иногда мешает. Иногда помогает, — сказал Глеб. — У Атамана немало накопилось счетов к этим подонкам. В Наурской боевики вырезали семью его брата-казака... Труп возили по селу, привязав к трактору... Мы не роботы. Когда кончается личное, мы превращаемся в обычных убийц. Должно быть, ощущение справедливости.

— Ладно, — отмахнулся Зевс. — Отставить философию. Ты понял, о чем говорил Акторов?

— Он исполнил заказ на взрыв какой-то лаборатории. Скорее всего, это Ищенко.

— Правильно. Неожиданно пересеклись разработки «Зеленая книга» и «Полынь».

— Виктор...

— На имя не обращай внимания. Серая шляпа. Невзрачный тип. Человек без лица... Кто это, Глеб?

— «Вервольф»!

— Точно. Он. Оборотень...

— И что теперь?

— Пока ничего. Отдыхай, Глеб. Ты заслужил... По ласковому тону Зевса Глеб понял, что отдохнуть ему не дадут.

Санин не умел ездить на метро. Это было для него пыткой. Особенно в час пик. Особенно сегодня. Состояние у него было нервное. Не хватало воздуха, и от этого сердце тревожно сжималось, а потом колотило молотом. На душе лежала холодная лягушка. Белидзе... Как все неожиданно, глупо... Смерть всегда приходит неожиданно... Но Белидзе — жизнелюб, с искрометным чувством юмора, душа любой компании — наглотался таблеток... Почему? На финишной прямой, когда им предстояло порвать ленточку и взять приз. Может быть, просто сошел с ума? Не выдержал обрушившегося счастья? Или давно точила его проклятая ржа, разъедала нервы все годы, тянувшиеся беспросветно, без какого-либо намека на лучшее будущее. Все было посвящено изнурительной работе, в которой он забывался, как алкоголик забывается в вине? Неясно все... И жутко...

Санин с трудом влез в поезд на «Савеловской». Самая неудобная линия метро — серая. Поезда ходят редко, битком набитые. И народ тут какой-то остервенело злой. Эта серая кишка засасывает работяг, люмпенов, молодежь из лимитских спальных районов. Он жил на «Алтушке» — есть такой «Гарлем» в Москве, гавань детей разных народов...

Плотно стиснутый телами, Санин завис, вцепившись в поручень. В левый бок ему впечатывался острый локоть. На спину мягко легла объемистая женская грудь. В стороне кто-то сдавленно, под нос, для себя, не для людей, матерился. Девушка рядом тщетно пыталась раскрыть покетбук серии «Страстная любовь». Математик ощущал себя в этой толчее одиноким и беззащитным. Сорокапятилетний интеллигент, не умеющий в жизни ничего, кроме как решать дифференциальные уравнения, выстраивать модели, обчислять линейные и нелинейные процессы. В России сегодня на фиг не нужны нелинейные процессы.

И России на фиг не нужен доктор математических наук Санин... Белидзе злила такая постановка вопроса. Он хотел изменить положение вещей... Белидзе, Белидзе, где теперь твоя мятущаяся душа?.. И вдруг какой-то бесенок, живущий в каждом человеке, тихонько подсунул Санину подленькую мыслишку: уже все на мази, время стричь купоны. Деньги. Огромные деньги. И одним компаньоном стало меньше.

«Дмитровская». Народ вынесло из вагона, как пробку. И новых пассажиров забило обратно, как поршнем... Сердце все сильнее ухало в груди Санина. Тягостное томление стискивало, и настроение опустилось ниже ватерлинии. Сегодня в метро было особенно тяжело и тоскливо... Тела вокруг утрамбовывались, колыхались в несущемся на всех парах вагоне. Теперь слева была плоскогрудая тетка. Сзади дышал луком кавказец. А справа притерся серый невзрачный тип, таких вообще в жизни не заметишь. Тип локтем давил ему в бок.

— Осторожнее, пожалуйста, — произнес с раздражением Санин.

— Ох, прошу прощения, — как-то жалобно проворковал тип в сером костюме, и математику стало неудобно, что наехал на такую же жалкую жертву метро, как и он сам.

— Ничего, — пробормотал Санин.

Тип еще более неуклюже развернулся, вжимая в бок Санину холщовую сумку, и стал с трудом продвигаться к дверям. Чертова сумка! Гвозди он там, что ли, носит?!

— Да аккуратнее же! — воскликнул Санин, почувствовав легкий укол в бок. — Вы меня укололи!

— Ох, простите. Пожалуйста, простите! — с этими словами, произнесенными обезоруживающе жалким тоном, невзрачный тип был вынесен из вагона.

На этот раз народу зашло меньше, чем вышло. Стало чуть-чуть просторнее. Наконец можно было перевести дух. Вот только дух не переводился. Наоборот, Санину показалось, что его сдавливает прессом со всех сторон, вжимает в пол. Но давили не тела, а земное притяжение. И в груди образовался камень. Математик прислонился к холодному стеклу с надписью «Не прислоняться». Сердце понеслось вразнос, потом его сдавило стальной рыцарской перчаткой... И земное притяжение потянуло Санина вниз — оно действовало неумолимо, как топор палача. Он начал сползать, из последних сил тщетно пытаясь удержаться.

Поезд остановился. Снова будто поршнем выдавило и затащило народ. Никому не было ни до кого дела. Но тут, наконец, на падающего человека обратили внимание.

— Врача! — Откуда-то издали доносились до Санина встревоженные голоса. В ушах гудело, как при погружении в воду. И сознание уже уплывало в неведомые края.

Врач, подошедший к заботливо уложенному на лавочку в вестибюле станции человеку, уже был не нужен. Его профессиональные обязанности заключались в том, чтобы констатировать смерть, которая наступила, как позже покажет вскрытие, от острой сердечной недостаточности.

Доктор физико-математических наук Владимир Павлович Санин всего лишь на два дня пережил руководителя проекта «Титан» Григория Белидзе.

Глеб вышел из машины. Наконец решившее порадовать москвичей своим присутствием солнце падало за дома, озаряя красными отблесками перламутровое небо. Алые отблески на стенах. На предметах. На людях. Глеб вздрогнул — ему показалось, что на руках осталась кровь. Нет, бред! Нет крови. Дело сделано.

Как всегда по окончании активных мероприятий, Глеб ощущал опустошенность. Единственно, что могло вернуть вкус и цвета жизни — голос сына, объятия жены...

Он давно потерял счет акциям. И иногда думал, что в нем живет не один, а несколько человек. Точнее, несколько программ на все случаи жизни. Притом их пересечение вызывает конфликт программ с перегревом и глюками. Есть Глеб для общего употребления, любящий хорошо выпить и закусить, обладающий прекрасным тенором, шпарящий романсы под гитару под прицелами влюбленных в него в этот миг девичьих глаз, человек мягкий, податливый и бесконфликтный — по мелочам. Есть любящий отец и муж, тающий при виде четырехлетнего сына и любимой жены. Есть боевая машина невероятной эффективности, танк, который не остановишь и гранатометом. А боевая машина не обращает внимания на кровь и писк из-под гусениц. К боевой машине неприменимы обычные моральные категории. Боевая машина сминает все на своем пути, оставляя за собой горящие обломки и истерзанные тела. Быть боевой машиной — это его крест, который он должен нести. Есть мистический, всепоглощающий азарт, когда ты идешь по черепам врагов, размазываешь врагов по стенам и потолкам. Только потом, когда все кончено, отцепляешь от себя танковую броню и становишься другим, которому лучше не вспоминать о хрусте костей под гусеницами. И нельзя терзать себя шальными мыслями — зачем и почему надо делать все это?.. Надо! Потому что идет война. И слабый, малодушный солдат на ней теряет не только свою жизнь. Он открывает путь врагу, который сожжет твой дом, растопчет твоих близких, родных, людей, которых ты вызвался защищать. На небесах воину много спишется. А если и не спишется, то что такое чистилище на том свете по сравнению с земным адом?

Нет, на руках у Глеба не кровь. Всего лишь лучи весеннего вечернего солнца. Земля провернулась еще раз вокруг своей оси, штопором ввинчиваясь в глубь Вселенной. Этот день кого-то смел безвозвратно. Кому-то продлил бессмысленное существование. Кому-то дал шанс...

Все, пора нацеплять другую личину...

Шумный, медленный лифт со скрипом поднял Глеба на седьмой этаж. Какая это уже по счету его квартира? Оперативнику «Легиона» нельзя задерживаться долго на одном месте, даже в одном городе. Сейчас его приют в ближнем Подмоскowie. Вокруг краснокирпичные новостройки.

Двери лифта раздвинулись. Глеб вышел на лестничную площадку, где сосед, пятидесятилетний работяга из автобусного парка, внушал своему отпрыску:

— Чтобы в десять дома был.

— Да по-о-ял я, по-о-ял, — молодежно-хулигански растягивая слова, изрекло лысое по последней моде дитя улицы.

— Смотри мне.

— Да понял я...

Недоросль буркнул Глебу «здравствуйте» и сбежал быстро вниз по лестнице.

— Одни дискотеки на уме, — заворчал озабоченный папаша. — Сегодня в Москве группа «Катастрофа», так они туда все двинули. Слушай, почему у них одни дискотеки на уме? Мы, помню, другие были.

— Были? Чего-то рано нас хоронишь, Семеныч!

— Я не в том смысле.

— Ладно... Не занудствуй.

— С работы? — поглядев на осунувшегося Глеба, поинтересовался сосед.

— С нее, родимой.

— Много заработал?

— Пару седых волос.

— Мои года — мое богатство.

Глеб усмехнулся, представив, как вытянулось бы лицо соседа, узнай тот, какой работой занимается свой в доску молодой человек, которого все считают бизнесменом средней руки.

— Как насчет пивка? — спросил сосед, чмокнув и облизнувшись.

— Завтра, — Глеб надеялся, что завтра выдастся спокойный день.

Дверь открыла Настя, и Глеб утопил лицо в ее пушистых, пахнущих цветами волосах. Она крепко прижалась к нему. В этом движении было выражено скупое все — облегчение, что ожидание закончилось, счастье почувствовать вновь рядом родного человека. Муж вернулся. Вернулся живым. И целым... Настя отлично знала, что Глеб уходит от нее не торговать зубной пастой или апельсинами. Он уходит на войну. И от нее никогда не слышно было ни нытья, ни причитаний. Она была создана женой воина. Ее призвание было любить. Ждать. Стиснув зубы, терпеть боль.

— Как вы тут без меня? Расслабились небось без отца семейства, — спросил Глеб, проходя в комнату.

— Мы отлично. Сидим тихо и осваиваем мультики. «Карлсона»... Восемь раз посмотрели.

Из спальни как ураганом вымело четырехлетнего Вовку.

— Папка! Купи мне летательный мотор! — с ходу огорошил он.

— Зачем мотор? — Глеб схватил сына и подбросил вверх.

— Летать.

— Правильно. Рожденный летать ползать не может.

— Я и ползать могу, — заверил Вовка.

— Тоже иногда пригодится, солдат ты мой!

— Буду солдатом! — звонко объявил Вовка.

— А кем же еще, — вздохнул Глеб, опуская его на пол.

Вовка будет воином. Такая судьба Кондратьевым написана на роду. Они не первый век были воинами. И Настя тоже знала, что так и будет. И от этого скорбь лежала на ее сердце. Но она знала, что много им просто не дано. И принимала это стойко.

— Пельмени сейчас сварю, — засуетилась она.

— Сибирские?

— А как же, дорогой мой. Настоящие... Свои...

— Попробуем. Оценим, — произнес Глеб.

Он обожал сибирские пельмени в исполнении своей жены. Что-то в ее руках было такое, что она творила просто произведения кулинарного искусства. Это была традиция. Пельмени. Этот ритуал будто привязывал стремительно летящего по жизни Глеба к земле, к обыденной размеренной жизни... Пельмени. И еще стопка водки. Настя тоже за компанию прикладывалась. Водку она воспринимала в небольших дозах. Зато до тошноты ненавидела вино. Дело не в вине как таковом, а в воспоминаниях. Вино любил палач по кличке Менге, в чьем исследовательском центре Настя провела в ожидании смерти не самые лучшие дни в ее жизни. Из-под ножа этого ученого-расчленителя в последний момент ее вытащил Глеб. Он явился как Ангел небесный с огненным мечом и спалил то осиное гнездо. Пять лет... Прошло пять лет! Как будто фантастический роман вспоминалась та битва с «Синдикатом», когда обе стороны оставляли после себя выжженную землю.

— Что у нас хорошего в семье? — любопытно спросил Глеб.

— Попытки неповиновения. Революционные устремления, — сообщила Настя. — Для Вовки один авторитет — ты. А меня замучил. Тысяча вопросов — что, как да почему. И минимум послушания.

— Счастливое детство, — хмыкнул Глеб. — Балуешь террориста. Вот разделаюсь с делами, и будет у нас воспитанный в спартанских традициях ребенок.

— Японцы позволяют детям до семи лет делать что им вздумается, а потом берут в ежовые рукавицы, — злорадно произнесла Настя, покосившись на надувшегося сына, устроившегося с ногами на высоком табурете.

— Слышь, Вовка, через три года будешь у нас в ежовых рукавицах. И станешь самураем...

— Ежовые — это которые ежи носят? — поинтересовался Вовка, переместившись поближе к отцу на мягкую скамейку у кухонного стола.

— Ежовые — это колючие!

— Здорово! А почему?

— Все, — хлопнула Настя ладонью по подоконнику. — Молчать. Дать папе поесть!

Молчание воцарилось секунд на десять. Потом было прервано очередным вопросом:

— Пап, а ты киборга-терминатора можешь побороть?

— Ага, — кивнул он. — И Змея Горыныча.

— Пап, а если...

— Дай очухаться, — Глеб прижал к себе сына, ощущая, как по телу прокатывается сладкое чувство — ощущение дома-крепости. Пусть дом — съемные хаты. Но все же он есть, и в нем живут Настя и Вовка.

Он принялся за еду. При этом одновременно беззаботно болтал со своими. С Настей он с удовольствием говорил о планах на будущее. О поездке к морю. О покупке страшно нужных вещей. Он будто произносил заклинания, поскольку очень хорошо знал, что будущее слишком неопределенно.

Он молил, чтобы ему дали время. Во всей холодной Вселенной, в сумасшедшем мире, сорвавшемся с катушек, он заработал право на тихий, родной уголок. Эдакое потаенное

пространство, где пребывают три родные души — он, Настя и Вовка. Где ему хорошо и спокойно. Где душа его отдыхает и преисполняется умиротворения. Где понимаешь, что бог есть любовь. Как же он ждал этих минут! Ласковые глаза Насти. Бесконечные «почему» Вовки. Мягкий диван. Желтый свет ночной лампы. И обязательно книга Гоголя, Тургенева или Толстого... Это счастье.

Потом был блаженный миг, когда на свете остаются только два любящих человека — мужчина и женщина. И божественное ощущение единства тел и душ. Это тоже счастье!

Вот только счастье не может быть долговечным.

Оно слишком хрупко. Его легко может разбить вдребезги звонок мобильного телефона.

Этот самый телефон зазвонил на тумбочке. Настя вздрогнула, в глазах ее на миг появилось страдание. Она закусила губу.

— Сейчас, Настюш, — Глеб потянулся за мобильником. — Может, хорошие вести...

На маленьком корпусе «Нокиа» зажегся разноцветный жидкокристаллический дисплей. Глеб выслушал сообщение и отложил телефон.

— Не туда попали? — спросила с надеждой Настя. Глеб не ответил. Попали именно туда. Через два часа он должен быть на КК-5.

Зевс ждал на КК-5 — конспиративной квартире номер пять. Обычная трешка на последнем этаже стандартной блочной шестнадцатизэтажки на северо-западе столицы. Те, кто подбирали конспиративные квартиры, знали в этом деле толк. Она отвечала всем возможным требованиям, в том числе по безопасности информации. Стоимость аппаратуры, которая была здесь напихана, многократно превышала стоимость самого жилья. Считать информацию с технических каналов связи, определить разговор по дрожанию стекла, поставить «жучок» в ней, когда защитные системы активизировались, было довольно затруднительно.

— Наденем колпак, — Зевс щелкнул двумя тумблерами, скрытыми под деревянной панелью.

— Теперь мы в бочке, — кивнул Глеб, усаживаясь на вельветовый продавленный диванчик.

— Отдохнул? — усмехнулся Зевс.

— От души. Отпуск за три года использовал. Канары. Багамы. Сейшелы...

— Ладно, не попрекай, — добродушно улыбнулся Зевс. Считалось, что он человек настроения. Иногда — добродушный и отходчивый, иногда же под руку ему лучше не попадаться. Но Глеб знал, что это не так. Главный оперативный координатор сам умел создавать себе настроение под определенную ситуацию. Трудно найти другого человека, столь совершенно владеющего собой и своими эмоциями. Глеб мог припомнить всего два-три случая, когда Зевс что-то делал под влиянием душевного порыва. Это когда припекало очень сильно. И так получалось, что те эмоциональные решения в конечном итоге оказывались самыми верными. У этого человека все ходы просчитаны и расписаны. Он великий игрок. Но у Глеба никогда не возникало ощущения, что Зевс играет с ним. У них было общее Дело. И оба прекрасно понимали, что они в Деле — лишь фигуры, которые обязаны двигаться в русле общего замысла.

— Не буду попрекать, — буркнул Глеб. — Я отходчивый...

— Глеб, ты же незаменимый.

— Правильно. Я незаменимый. Мне не нужны отпуска. Я — киборг на страже Галактики...

— Мультиков насмотрелся, — хмыкнул Зевс. — Перекипел?

— Перекипел... Хотя что за энкавэдешная привычка работать по ночам?

— Ночь — наше время, Глеб... Теперь слушай новость, — Зевс провел пальцами по лежащей на столе доске для игры в «Го» — это японский ответ европейским шашкам, любимая игра Главного оперативного координатора «Белого Легиона». — Вновь появился «Серый человек».

— «Вервольф»!

— Он!

— Значит, опять будет кровь...

— Уже льется... Два трупа... С сегодняшнего дня ты полностью переключен на разработку «Зеленая книга»... Руководитель разработки — ты. Куратор — Одиссей...

— Я понял, — Глеб до изотопного кризиса немножко поработал по «Зеленой книге», но больше на подхвате. Не обладал всей полнотой информации.

— Остаешься здесь. Ноутбук на столе. Там все необходимые материалы. Код доступа твой, стандартный... В твоём непосредственном распоряжении три пятерки Атамана. При необходимости можешь подключать, в разумных пределах, конечно, резервы. Все понятно?

— Все...

— Ох, Глеб, — покачал головой Зевс устало. Встал. Подошел к окну. Посмотрел с высоты шестнадцатого этажа на огни Москвы, перешедшей во власть болезненного, разнузданного, шумного столичного вечера. Вид этого города, казалось, таящего миллион самых зловещих тайн, внушал ему сейчас тревогу. — Даже боюсь подумать, на что мы тут набрали... И чем все это кончится.

У лоха жизнь плоха...

— Бесплатная лотерея, — надрывалась Светка.

Толчея у метро «Алексеевская» была плотная. Народу на площади полно, но работа шла ни шатко ни валко. Шатаясь по площади мимо лотков, засунув руки по локоть в карманы и зло оглядываясь по сторонам, Жорик предавался невеселым мыслям.

В последнее время доходы неуклонно рушились. Нет, лохов на Руси не становилось меньше. Только даже потомственный лох, которому сто раз по телевизору скажут, что в лохотрон играть нельзя, наконец допрет до того, что действительно нельзя. Все меньше народу клюет на беспроектную лотерею. Если так пойдет, так вскоре нужно будет переключаться на другое — благо, новый вид мошенничества первое время безотказно приносит дивиденды. Вон Кирюха со своей командой додумался до того, что стал индексировать сгоревшие в период либерализации деньги. Всего-то просил, отдавая старичью красивые гарантийные бумажки, исполненные на лазерном принтере, внести первоначальный взнос. Собрал кругленькую сумму. А тут... С утра обули одного лоха. Да и то на пару сотен рублей. Ушел, даже не обидевшись. Две сотни!.. А за точку платить надо! А братве жить! А за жильё!..

Да, подпирает. Приходит пора искать что-то другое. А какая точка была еще пару лет назад! Бывало, в три стола работали. Раз в неделю милиционеру начальнику деньгу таскали и патрулю отстегивали, все довольны были. Но слишком разгулялись. Много жалоб пошло. А тут еще начальник ОВД взбесился. Получилось как-то по-глупому. Ехала патрульная машина, так пацаны ментам через всю площадь и давай орать: «Передайте полковнику Семенову, что деньги мы сегодня не смогли принести. Завтра принесем». Полковник обиделся на такое нарушение правил конспирации. В общем, вышибли с точки. Правда, ненадолго — через три месяца заселились опять. Очень уж милиция голодная...

Вечер. Темнело. Народ из метро валом валил.

— Беспроигрышная лотерея! — гундела Светка — молодая, грудастая, кровь с молоком. — Выигрывают все. Благотворительная акция. Не проходите мимо. Получите выигрыш.

Бригада, в которой работал Жорик, была сборная, международная — из Донецка и Кишинева. Пацаны и девчонки съезжались в Россию с четким представлением, что Москва — это гигантский денежный мешок. За два года ребята привыкли к каменным катакомбам, к толпам людей. В этой бурной реке страстей, среди человеческой неустроенности, алчности, все посвящено верховному богу — Звонкой Монете! В этом городе много денег, которые легко взять!

Законы большого города и дикого бизнеса постигаются быстро. Один из самых основных — надо делиться. С теми, кто сильнее и может доставить неприятности. С ментами, с бандитами. Когда затеваешь дело, нужно быстро и четко понять, кому сколько платить. Переплатишь — поработаешь в убыток. Недоплатишь — быстро очутишься в обезьяннике в отделе милиции с отбитыми почками или в канаве с перебитыми бейсбольными битами ногами...

Пока Жорик предавался не слишком веселым мыслям, подкатил тот блеклый субъект неопределенного возраста в сером потертом костюме и клетчатой жеваной рубашке. Он походил на оставшегося без работы бухгалтера — невысокий, с залысинами, и щечки такие пухлые, что ущипнуть хочется.

— Пожалуйста, гражданин, — без былого задора, как-то дежурно обратилась к нему Светка. — Беспроигрышная лотерея.

Блеклый скользнул по ней взглядом. Взгляд какой-то снулый. И никакого интереса к жизни в нем.

— Возьмите билетик, — без всякой надежды продолжила Света.

— Правда беспроигрышная? — полюбопытствовал блеклый.

— Точно, — заулыбалась Светка, осознав, что перед ней хоть плохенький, но клиент. Ох, вид затрапезный. Ну хоть пару сотен с него слупить — и то хлеб.

И началась разводка лоха.

Это был воистину сладостный момент. Сейчас Жорик чувствовал себя чуть ли не сверхчеловеком. Он становился избранным, он владел помыслами человека, играл на его алчности и глупости. Ох, как же он умел это делать! Артист!

Для затравки Жорику предстояло сыграть тоже эдакого неуверенного лоха. Подыграть. Разогреть человека. Тут и возникает сладостное ощущение управления ближним. И как-то забывается, что в городишке, где ты родился, тебя не считали за человека, а держали за прохиндея. В шахтерском городке в авторитете были те, кто умеет лучше мылить рожу и

переть буром, а Жорика за его способности заслуженно и обидно прозвали «хитрозадым». Забывалось все... Он был хозяином человеческих душ, а рядом был лох — его лох, его собственность, который подлежал обработке. Это ощущение даже еще более сладостное, чем последующий дележ денег... И пацаны в бригаде знали, что развести лоха никто лучше Жорика не может. Он будто гипнотизировал жертву. За это его уважали... И он уважал себя за это.

Дальше пошло как всегда — вы выиграли видеомэгнитофон, вон он в коробке. Но у нас есть еще один претендент, который выиграл тот же приз. Аукцион. Кто больше положит на кон денег, тот получит и видик, и все деньги. Такова игра...

Все шло, как по рельсам. Лох втянулся. Исправно на кон ложились деньги. Но вскоре Жорик начал испытывать какую-то сначала отдаленную, но нарастающую с каждой секундой тревогу... Его глаза и глаза лоха встретились. И лохотронщик будто наткнулся на стену. Во взоре блеклого было нечто твердое, пугающее и вместе с тем затягивающее... Дальше ставки делал Жорик, словно преодолевал упругую преграду. И мысли путались. Становились вязкими. Воля к жизни уходила. Уже не хотелось ничего.

— Еще, — блеклый кинул на лот несколько купюр...

— Вы выиграли, — неживым голосом произнес Жорик, пытаясь сбросить с себя оцепенение и не в силах сделать это.

— Благодарю, — блеклый сграбастал с кона все деньги, усмехнулся, добавил: «Приз оставьте себе» — и как ни в чем не бывало пошел дальше...

— Ты чего? Ты чего творишь? — подскочил к Жорику Михай, выходец из Кишинева, старший в смене. — Ты чего лоха с бабками с удочки сорвал?

— Он выиграл...

— Ты что триндишь, сволочь?! Обширялся, да? Приторчал?

— У него бабок полные карманы! А с виду обычное чмо! — встрял Леня по кличке Малюта, приземистый и мощный, как броневик, отбойщик. В его обязанности входило отбривать особо ретивых граждан, возмущающихся несправедливостью своего лоховского существования, и, если чего, придавить клиента массой.

— За ним! — прикрикнул раздраженно Михай, махая рукой в направлении, куда устремился блеклый.

Несостоявшийся лох обошел круглое белое здание метро, спустился по лестнице вниз, углубился в заросшие деревьями дворы.

Четверо лохотронщиков во главе с бригадиром устремились в погоню.

Михай увидел замаячивший вдали серый костюм и сделал знак — сбавить ход. Сразу бить опасно. Надо проводить в укромное место. Лучше разделать его под орех где-нибудь в подъезде.

Но блеклый в подъезд не спешил, шел мимо новостроек, прошел через двор поликлиники, устремился вдоль длинного забора какого-то предприятия. Место для разборок — лучше не придумаешь.

— Э, куда разогнался? — крикнул Михай, догоняя блеклого. — Мужик, ты нам должен.

Главный отбойщик Леня Малюта быстро приближался к намеченной на заклятие жертве,

обогнав Михая.

— Лига защиты уродов тебе должна, — пугающе спокойно проговорил блеклый.

Михай чуть не споткнулся от такого.

— Ты чего загнул, петух гамбургский? — заорал он, убыстряя шаг. — Не, ты повтори...

Блеклый шел вперед, по-прежнему не оборачиваясь, не сбиваясь с размеренного шага, будто происходящее его не касалось. Это настораживало и одновременно бесило преследователей. Жертва не имеет никакого права вести себя так.

Парни догнали блеклого, обступили. Михай преградил дорогу. Малюта взял жертву под руку — ласково так, как даму, рассчитывая с такой же легкостью, как женщине, сломать тонкую кость. Третий член бригады пристроился по другую руку. Угрюмый Жора, единственный, которому происходящее совсем не нравилось и которого душил тесный, тяжелый страх, не спешил присоединяться к своим соучастникам.

Поскольку жертва была в полной власти лохотронщиков, начинать избиение не спешили. Тогда весь кайф пропадет. Нужно с толком, с расстановкой объяснить лоху, кто он есть и где его место, а потом наказать по полной — вогнать в асфальт по макушку, чтобы год на лекарства работал.

— Ну чего, падла. Ты подумал, кого на хер послал? — Михай ослабилась, с хрустом повел пальцами, сжал их в кулак, ударил им выразительно по ладони. По телу прокатилась истома. Ему нравилось втоптывать людей в асфальт. Особенно тех, кто не имел никакой возможности ответить тем же. Малюта сильнее сжал руку блеклого, который и не думал дергаться.

— Вы сильно ошиблись, — на устах блеклого появилась ломаная, невеселая и очень многообещающая улыбка.

— Чего-чего, козел? — Михай сделал молодецкий замах. Он с внутренним ликованием спускал все тормоза, понимая, что будет бить лоха, пока окончательно не выбьет из него весь дух.

Ударить он не успел. Держащий лоха Малюта вдруг начал непроизвольное неуклюжее движение и уперся мордой в асфальт. Как это блеклый сделал — было непонятно. Он только извернулся, как ящерица, а Малюта, казалось, сам только и мечтал о том, чтобы распластаться на асфальте. Поддерживающий лоха с другой стороны отбойщик получил короткий резкий удар ребром ладони в шею, всхрипнул, упал на колени, держась за горло. Блеклый небрежно, но с чудовищной силой ударил Жору, тот впечатался в бетонный забор и выключился.

— Сколько вас, дегенератов, расплодилось, — покачал головой блеклый и шагнул к потерявшему способность двигаться, а заодно и дар речи Михая. У кишиневца брызнули из глаз искры...

Когда команда пришла в себя, блеклого и след простыл...

— Падла! Мочить его надо было! — завопил Михай, держась за раздавленную грудь.

— Вот и мочил бы, — произнес Жорик, кривясь от боли. — Михай, ты прыгай до потолка, что жив остался!

— Обосрался! — Михай подскочил к Жорику. — Ты ему, гондон рваный, тугрики слил! Ты!

— Убью, сука! — Бешенство застлало Жорику глаза. Он бросился на Михая, твердо решив

порвать ему глотку зубами, если руками не додавит. Их растащили.

— Остыньте, припадочные, — между ними встал Малюта, через которого было пробиться сложно.

— Потом добазарим, — с угрозой пообещал Михай. Вдалеке взывала милицейская сирена.

— Валим отсюда, пацаны.

Глеб, полуразвалившись на просторном матерчатом диване, продавленном, но довольно удобном, уже который час гонял ноутбук, оставленный ему. Время от времени он готовил себе чай с лимоном. Японские ученые недавно выяснили, что лучший способ борьбы с компьютерным одурением — это чашка холодного чая с лимоном. Впрочем, Глеб дошел до этой идеи еще раньше, подсознательно, поэтому этот напиток при работе с информацией глушил пол-литровыми чашками.

— Так, а что у нас в этом мешочке? — проворковал Глеб, влезая в очередную папку с плотно упакованными файлами. При ненадлежащем обращении они тут же самоуничтожались, поэтому приходилось пользоваться паролями, открывавшими доступ. Коды он получил от Зевса отдельно.

Его всегда радовала строгая логичность и доступность, с которыми аналитики сортировали и оформляли информацию. Большинство разработок начиналось с таких вот хорошо проработанных файлов. После блестящего анализа вполне заурядных на первый взгляд фактов, натасканных из различных ведомств — МВД, Федерального агентства госбезопасности, налоговой полиции, пограничной службы, внешней разведки. Не так редко та щебенка, которую презрительно отбрасывали сотрудники государственных оперативных подразделений, под зорким взглядом аналитиков «Белого Легиона» начинала сверкать бриллиантовыми гранями. Искусство аналитика — это и есть сопоставление фактов, выявление в них системы, а потом и осмысление ее сути.

Глеб преклонялся перед этим высоким искусством. Но он еще отлично знал, что даже самые блестящие умозрительные конструкции аналитиков способны лишь потешить эстетические чувства знатоков. В лучшем случае из аналитических записок можно при достаточном упорстве и творческом порыве соорудить неплохой авантюрный роман-разоблачение на радость праздным читателям. Поэтому вслед за головастиками всегда приходят оперативники, задача которых действовать. Такие, как Ратоборец, Атаман. Они могут позволить себе методы, которыми давно не пользуются государственные организации, истощенные правовым и административным бессилием. И именно эти люди действия ставят точки над «і», нередко свинцовые.

Итак, суть аналитической выкладки, трансформировавшейся потом в разработку уровня «А» под условным наименованием «Зеленая книга».

История эта началась не сегодня. Как всегда, аналитики обратили внимание настораживающие факты, а потом выяснили, что почти со стопроцентной вероятностью имеют дело с системой, а не цепью случайностей.

На сей раз головастиком заинтересовал ученый люд. Точнее, отдельные представители научной общественности. Изредка это были увенчанные наградами и званиями люди, руководители научных коллективов. Чаще безвестные старшие и младшие научные сотрудники. Или законченные чудаки, не вызывающие ни интереса, ни сочувствия окружающих, свято уверенные, что сделали Большое Открытие, оставалось только осчастливить им человечество. Таких ниспровергателей основ, сумасшедших изобретателей

вечных двигателей в любой точке земли пруд пруди. Но особенно богата ими Россия. Они обивают пороги инстанций, как ужи проскальзывают за закрытые для них на тяжелые замки двери патентных бюро, как по мановению волшебной палочки материализуются в кабинетах главных редакторов научных журналов. Некоторым из них удается приобрести быстротечную славу, легко надуваемую средствами массовой информации и так же легко лопающуюся, как мыльный пузырь. Чудаки растут, как трава на пустыре — бесполезные, но вроде никому и не мешающие... Этим людям, попавших в сферу внимания «Легиона», объединяло то, что все они умерли при странных обстоятельствах. Притом бесславная кончина настигала их после того, как они объявляли о своем Большом Открытии.

— Охота на чудаков, — усмехнулся Зевс, которому доложили первоначальную раскладку.

— Или выбивание перспективных технологий, — безапелляционно заявил руководитель группы аналитики. — Притом целенаправленное, на протяжении продолжительного времени.

— Какого?

— Минимум пятнадцати лет. Глубже копать трудно.

— Каждая такая акция требует профессионального дорогостоящего подхода, — заметил Зевс. — Значит, ставки высоки.

— И существует система, отслеживающая стратегически важные прорывы в технологиях.

— Это угроза национальной безопасности и будущему страны, — отметил Зевс.

Этими словами он выразил решение. Так началась разработка «Зеленая книга».

Аналитики без труда вычленили двадцать пять подобных случаев. Большинство из них — несчастные случаи и самоубийства. Внешне убедительные. Случайные пожары или взрывы бытового газа пожирали лаборатории и документацию, иногда вместе с людьми. Качественные такие летальные случаи. Не вызывающие вопросов. До той поры, пока не сопоставишь их. И тогда открываешь удивительную вещь — схожесть всех этих историй.

Итак, по порядку.

Глеб щелкнул «мышью», на дисплей вышла страничка досье.

Восемьдесят девятый год — исчезновение инженера, соорудившего на родном московском машиностроительном заводе трансформатор с коэффициентом полезного действия 700 процентов... Возможно, ему удалось воссоздать утраченный в тридцатые годы резонансный трансформатор Теслы. Устройство порезано на металлолом. Чертежи не сохранились...

Девяносто первый год — еще одна сгинувшая разработка, в результате которой мог появиться совершенно новый класс компьютерной техники. Несчастный случай. Скончался непризнанный компьютерный гений.

Девяносто пятый — группа ядерщиков, три человека. Двое ученых слетели на машине с моста в Псковской области. Третий покончил самоубийством. Отрывочные лабораторные журналы не могли дать представления о сути исследований. Так и непонятно было, какой приятный или неприятный сюрприз намеревались преподнести эти люди человечеству.

Девяносто восьмой — проект по генным технологиям. Один ученый умер от сердечного приступа. Другой — снова самоубийство. Кто-то начинает повторяться.

Позапрошлый год — взрыв лаборатории профессора Иващенко. Тоже генная инженерия. Новое ее направление, принародно охаянное и подвергнутое обструкции — волновая

генетика... Тут шуму было много. Взрывчатки не пожалели — почти целое крыло здания НИИ обрушилось. Взрыв произошел ночью. Как раз тогда, когда делали очередную серию экспериментов. Из-под завалов извлекли трупы четырех ученых. В том числе доктора Иващенко. Тогда теракт зачислили как разборку с полукриминальной коммерческой структурой, снимавшей соседнее помещение... Только вот на днях Рамазан Актвов признался, что его работа. И что действовал он по заказу...

Глеб задумчиво провел пальцами по «мышке».

Так, а где государство? Неужели так никто ничего не заподозрил? Покажитесь, асы сыска и гении контрразведки! Нет. Никого. Хоть обкричись. Хотя, наверное, кто-то и заметил неладное. Приезжает умный сыщик на место самоубийства. Чует — что-то не то. Но появившись он пред очами начальства и заикнись, что интуиция ему подсказывает — убийство тут замаскированное... Зачем такой опер нужен? Вот если бы наоборот — смог представить двадцать ножевых ранений как жестокое самоубийство — тут ты молодец, классный сыщик. На доску почета в УВД!

А госбезопасность? Было дело, преисполнилась она в лучших своих традициях подозрениями по этому поводу, но тоже возник вопрос — а на фиг надо? И так забот полон рот. Зарплата у офицеров маленькая. А тут еще очередной дележ начальственных кресел подоспел. А кресло — это святое. Это возможность держать крыши бизнесменам и тянуть свою копеечку. Какие тут подозрения еще? Какие пропавшие ученые?

Глеб усмехнулся, представив, что, может, и собрались вечерочком менты и чекисты за рюмкой вина, обговорили проблему, поудивлялись, покаркали — куда страна катится. И забыли. А если и не забыли, так заставляют себя забыть, несмотря на то что стыдно и противно. И никто ничего поделать не может. Даже если бы захотели. Поскольку и милиция, и госбезопасность, эти некогда могущественные конторы, реорганизованы по полсотни раз, перекроены, перестроены так, что в итоге появившихся на свет жалких ублюдков родные отцы бы не признали. В безвоздушное рыночное пространство выбиты лучшие сотрудники, теперь они кто на стекле, кто в коммерции. И органы не могут сегодня ничего, кроме как цеплять мелких рыбешек, ошалевших от безнаказанности и не напрягающих мозги вопросами типа — а как прятать следы преступлений?

Вот и получается, что «Белый Легион» — единственная система, которой в России есть дело до сгинувших бесследно вместе со своими открытиями российских ученых.

«Зеленая книга». Зевс присвоил разработке уровень «А». «Легион» не в состоянии тянуть больше двух, максимум трех разработок такого уровня одновременно. Поэтому выбор приоритетов очень важен. Но Зевса никогда не подводило чутье. Он всегда умел выбирать самые главные, самые перспективные направления.

Оперативники устремились на сбор информации. Становилось очевидно, что тут замешана серьезная законспирированная организация, обладающая неограниченными финансовыми возможностями. Ее назвали «Луддиты» — по аналогии с движением английских разрушителей машин времен первой промышленной революции.

Теперь Зевс кидает на «Зеленую книгу» тяжелую артиллерию, подключает Ратоборца. Почему? Обострение ситуации — вот ключевой момент. Аналитическая группа утверждала, что «Луддиты» начали исполнять очередную акцию.

Глеб еще раз щелкнул «мышкой». Вот она, горячая информация. Проект «Титан». Смерть его руководителя Белидзе. И его первого помощника Санина. Причины смерти? В первом случае — самоубийство. Во втором — острая сердечная недостаточность. Почерк тот же. Аналитики уверены, что прошло активное воздействие.

Оперативникам «Легиона» удалось найти свидетельницу, ехавшую в вагоне с Саниным. Дама утверждала, что около математика крутился какой-то мужчина. И Санин возмутился, что этот тип его чем-то уколол. Женщина даже попыталась дать его описание:

— Серый. Невзраченький такой. Невысокий. Щеки пухлые... Не на чем взгляд остановить.

Серый человек! Тот самый мифический Виктор, заказавший Рамазану Аюпову взрыв лаборатории. Его черная тень возникает еще в двух акциях по ликвидации ученых... Странная фигура, которая в документах «Легиона» получила название «Вервольф». Оборотень — внешне незаметный человек, который в сумерках превращается в волка-людоеда.

— Прямо пришелец из преисподней, — прошептал Глеб.

Как сам дьявол, серый шел по земле, сея тихую, но от этого еще более страшную и омерзительную гибель...

Итак, дальнейшие действия? Глебу сейчас предстояло принять решение, избрать путь, по которому он рванет, не жалея себя, надрывая сухожилия и мышцы.

Из группы Белидзе на сегодняшний день неизвестна судьба программиста Гурвича. Скорее всего, его уже нет в живых. Но все-таки имеется небольшой шанс, что он еще меряет шагами эту землю, а не лежит в гробу.

Программиста надо искать. При его обнаружении откроется возможность исполнить самый простой, безотказный, обкатанный много раз прием — ловлю на живца.

Итак, кто у нас фигурант. Алексей Гурвич... Возраст... Адрес... Телефон домашний... Телефон мобильный...

Разведчики постарались. Успели разнюхать, что мобильник отключен. Добыли распечатку с номерами телефонов, с которыми соединялся Гурвич за те полгода, что стал абонентом «Би-лайна». В компьютере была общая информация о владельцах этих телефонов.

«Похоже, придется от этой распечатки и отталкиваться, — подумал Глеб. — Будем отрабатывать связи программиста. Остается надеяться, что программист не дурак, понял, что его коллеги не просто так отдали богу душу, и вовремя сделал ноги».

— Ты думаешь, нам дадут перевернуть земной шар? — напирал вечный спорщик и смутьян Леша Гурвич, барабаня пальцами по черной крышке маленького уродливого компьютерного стола.

— Мы не собираемся его переворачивать, — устало отвечал Белидзе. — Речь идет об обычном изобретении, которое сделает излишними чересчур затратные производственные процессы в тонкой химии и продвинет человечество немножко вперед.

— Излишние процессы? Это миллиардные убытки для транснациональных корпораций. Это целые регионы, которые останутся не у дел. Нас поубивают.

— Ах, оставь, Лешенька, — встрял Санин. — В научном мире так не делается. Научную мысль и прогресс не остановить.

— Так ли это?

— Конечно, так, — резко произнес Белидзе, и стало понятно, что он сам не раз задумывался

над этими вопросами. — Да и пока твои транснациональные корпорации, или масоны, Или кого ты там еще боишься, расчухаются, мы уже получим патент и растиражируем весь процесс.

— Если успеем.

Зимняя неуютная ночь стиснула город. На крыше института хулиган-ветер колотил отодранным жестяным листом, издавая раздражающие звуки. Тучи заволокли полную луну. Гудела низко, как-то утробно аппаратура и шуршали вентиляторы в системных компьютерных блоках. Заканчивалась последняя серия опытов, и вся группа дневала и ночевала в лаборатории.

— У тебя мания преследования, Лешенька, — снова подал голос Санин. — Ты хоть сам веришь в эти страшилки?

Гурвич пожал плечами... Ни во что он не верил. Даже пытался убедить себя, что действительно так не бывает.

— Не знаю. Верю — не верю. Жизнь покажет.

— Успокойся. Давай лучше хлопнем по стаканчику вина, — предложил Белидзе.

Он любил вино. И хлопать по стаканчику для успокоения и поднятия тонуса стало для научной группы традицией — хорошее красное вино прекрасно вымывает дурные мысли и настроения.

Гурвич встряхнул головой, отгоняя воспоминания. Он сидел в одиночестве за пластмассовым столиком в пивнухе с громким названием «Баварский сувенир». Перед ним стояла опустевшая кружка вполне приличного пива и лежали два разорванных пакетика со спинками воблы. Бар был средней руки на окраине Москвы рядом с автовокзалом, на который Гурвич прибыл в девять вечера прямо из Стрельнического, где его высадил шофер «КамАЗа». Потолок в помещении был так низок, что, казалось, стоит встать резче — и упрешься в него головой. Вдоль стен шли декоративные закопченные бочки. Лампы не слишком активно развеивали полумрак. Цены не особо кусали, но и не радовали дешевизной, что тоже было не так уж плохо — хоть опустившиеся ханыги не донимали.

Он вздохнул. Тот разговор состоялся три месяца назад. Белидзе — отличный мужик, аккумулятор идей, организатор, который смог заставить их коллектив работать с полной отдачей. Теперь его нет. И Санина нет. И как ни крути, выходит, что именно он, Гурвич, был прав тогда. Теперь он остался наедине против могущественных сил, с которыми бороться — это как пытаться развести руками ураган.

Первые пару часов он просто не верил, что находится в такой заднице. Потом был короткий период привыкания. После пришло понимание, что это теперь его существование, и иного у него просто быть не может. Оставалось принять как данность, что все кошмары реализовались. Теперь его жизнь, как яичная скорлупа — такая же хрупкая и ничего не стоит. Теперь он уже не просто Леха Гурвич, компьютерный маг и дамский угодник, а дичь, которую будут гнать, пока не загонят и не набьют из нее чучело.

Постепенно вернулась привычка логично и трезво раскладывать все по полкам. Он оценил, что у него два варианта. Первый — поднять лапы, поползти на кладбище или на милость победителя, что одно и то же. Второй — делать ноги. Были еще всякие подварианты — типа отправиться просить защиты в милицию. Или в госбезопасность, городскую прокуратуру, адвокатуру, фонд защиты зеленых насаждений и альпийских тигров. Результат будет один и тот же — то есть никакого. В лучшем случае напоят его валерьянкой, посочувствуют и пошлют к такой-то матери — это если пойти в общество защиты тигров. В милиции просто

дадут увесистым сапогом сорок пятого размера под зад и велят больше глупостями не додумать. Оставалось одно — бежать, скрыться, умотать куда подальше.

Бежать. Скрыться. Затаиться... Отлично. Кошелек тощ, как медведь после зимней спячки. Кредитных карточек нет. Значит, перво-наперво нужны средства к существованию. Откуда? Это надо обдумать — лучше, если еще за одной кружечкой пива. На нее денег хватит.

Он поднялся и устремился на очередной заход к барной стойке.

— Кружку, — потребовал угрюмо, высыпая на стойку мелочь.

— Как скажете, — радушно улыбнулся бармен, отметив про себя, что кружка уже третья. Впрочем, учитывая комплекцию покупателя, — это не предел.

Гурвич взял пиво, бросил взгляд на круглые часы за стойкой — они показывали двадцать один час тридцать восемь минут. И направился к себе за столик, привычно с опаской оглядевшись. Месяц назад в такой же пивнухе подкатил какой-то красномордый бич, схватил его только что купленную стопку водки, заглотнул залпом и заявил нахально: «Хорошо-то как... Мужик, теперь можешь меня бить». Гурвич криво усмехнулся, вспомнив эту историю. Это событие было для него происшествием, сильно взволновало его. В ту пору мир еще не стал минным полем, где каждый шаг может быть смертелен.

Здесь бичей не было. Зал полупустой. За соседним столиком сидела компания не по возрасту серьезных молодых людей, облаченных в костюмы, галстуки и плащи. За другими столиками коротали вечер одиночки.

Гурвич отхлебнул пива и снова попытался собрать воедино разбегающиеся во все стороны мысли. Итак, бежать, скрываться. Его будут искать. Как ищут беглых — программист имел представление все больше по детективным сериалам. Но зато просмотрел он их достаточно.

«На явочной квартире нас будет ждать засада», — вспомнилась цитата из классического произведения. Когда читал, было смешно. Сейчас не до смеха... Скорее всего, за его квартирой на самом деле будут следить. Значит, дорога домой заказана. В Сбербанк, где деньги лежат, тоже нельзя. К знакомым нельзя. Родственники давно свалили в места, куда более пригодные для жизни и все, как назло, находящиеся за пределами Российской Федерации. Жена послала его к черту в прошлом году, так что он один-одинешенек.

Часы тикали, приближая ночь. Перед беглецом возникает множество проблем, которые раньше и проблемами не были. Где ночевать? На какие шиши питаться?.. От всех этих мыслей захотелось биться головой о ближайшую пивную бочку. Накатила волна отчаяния.

Он сделал еще один большой глоток, зубы застучали о кружку.

— Можно к вам? — спросила хрупкая молоденькая брюнетка с бокалом пива.

Свободных столиков было полно. Но ее понесло именно за его стол.

Гурвич издал нечленораздельное мычание. Она истолковала его по-своему и присела на стул рядом.

— Что, проблемы? — осведомилась она деловито. — Помочь?

— Проблема одна — денег нет, ласточка, — криво улыбнулся Гурвич.

— Это не проблема. Это горе, — констатировала брюнетка.

Она пригубила пиво. Окинула программиста внимательным взглядом. И отвалила поближе к

расслабившим галстуки и начинавшим уже походить на нормальных людей мальчикам в серых костюмах.

Деньги, деньги... Черт, куда без них? Гурвич вздохнул и богатырским глотком разделался с остатками содержимого своей кружки.

Вдруг ему пришла в голову совсем деморализующая мысль — а ведь даже если он сейчас выкрутится, то сколько ему скрывать? всю жизнь? годами ждать выстрела в спину? Нет, люди так жить не могут. Люди вздергиваются на берегах от таких перспектив.

Так, надо мыслить. Мыслить логически... Пиво тяжелило не только желудок, но и мысли. Но это неважно... Итак, из-за чего его ищут? Камень преткновения — научная разработка, которой Белидзе дал громкое название — проект «Титан».

Черт! Как же он сразу об этом не подумал?! Истерика — плохой советчик. Нужно просто что-то сделать с проектом...

Тут два варианта. Первый — продать его в темпе кому-то, кому он нужен, и пускай тогда таинственные силы разбираются с покупателями... Сложно! Белидзе единолично занимался коммерческими контактами. Гурвич же тут вообще был не при делах, никаких концов у него нет...

Второй вариант — богатства тут не наживешь, но зато точно перестанешь быть у таинственных недругов гвоздем в заднице. Взять исследовательские материалы и сбросить их в Интернет. Притом запустить так, чтобы к тем, кому они нужны, попали бы обязательно... Скорее всего, за ним охотятся люди сугубо деловые и практичные, кидать деньги на банальную месть они не станут.

Значит, нужны материалы по проекту «Титан». Хорошо, что Гурвич предусмотрительный, умный и дальновидный. Еще две недели назад передал все на два лазерных диска и спрятал их у Алки.

Алла — давнее увлечение. У них странные отношения — то возрождающиеся, то угасающие уже пять лет. Об их связи мало кто знает. Поэтому он и оставил у нее эти диски. Она бережно хранит их. Надо надеяться, что бережно.

А еще у Алки можно позаимствовать денег. Денег у нее до черта. И он никогда не претендовал даже на маленькую их долю. Так что она деньги даст...

Решено, надо двигать к Алле.

Он взял телефон. Набрал ее домашний номер. И долго ждал, когда кто-то подойдет. Никто не подошел.

— Черт! — произнес он.

Набрал номер мобильного. Услышал: «Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети».

Наверное, укатила куда-то. У нее парфюмный бизнес. И она постоянно куда-то укатывает впаривать свой лежалый товар. А может, и не лежалый, это он просто от злости напраслину наводит... Куда ее черти занесли, где нет зоны покрытия мобильной связи?

Он с тоской огляделся. Поймал заинтересованный взгляд подкатывавшей к нему брюнетки. Вытащил портмоне, провел ревизию его содержимого. К радости своей обнаружил за подкладкой вечно припрятываемые и забываемые доллары.

Брюнетка будто почуяла запах «зелени» и совершила маневр, перемещаясь поближе к Гурвичу.

— Полюблю я тебя, ласточка, на твоей территории? — поинтересовался он.

— У меня хата неподалеку, — девчонка томно потянулась, отведя глаза, в которых загорелась алчная радость. — Хорошая, чистенькая хата.

— И сколько удовольствие стоит?

— Сто пятьдесят ночь! — с вызовом произнесла брюнетка.

— Глупо...

— Ну, сто двадцать.

— Стольник, — не располагаящим к дискуссии тоном произнес программист. — И учти — от сердца отрываю...

— А пивом напоишь? — В голосе брюнетки зазвучали просительные нотки.

— Напою, — сжалился Гурвич.

— Ну, тогда я тебя люблю, соколик, — деваха пододвинула свой стул поближе к Гурвичу.

Часть вторая

Бой с тенью

— Торговец заблудился, — устало произнес Усман Сельмурзаев в телефонную трубку.

— А Али-Баба наш? — послышался издали настороженный голос.

— И брат заблудился...

Это означало, что Руслан с изотопами и Аюпов с головорезами исчезли.

— Почему? — после паузы вновь прозвучал голос.

— Тут что-то происходит не то. Я разберусь.

— Разберись, — в голосе появилась угроза.

Сельмурзаев небрежно бросил телефонную трубку назад, и звероподобный массивный телохранитель с ловкостью вратаря поймал ее на лету.

— Вон! — крикнул депутат, и телохранитель испарился.

Сельмурзаев сжал пальцы в кулак. Ох как плохо. Тревожат такие звонки из-за рубежа. Бьют по нервам.

Два дня депутат, после того как его отпустили, отлеживался на даче на Рублевском тракте. Никого не принимал, ни с кем не разговаривал.

Ощущение, будто его гусеничным трактором переехало. Им владели чувства бессилия,

ярости и страха. Основное — ярость, которая распирала череп изнутри, как пар перегретый котел, того и гляди взорвется. И запоздалый страх сжимал сердце ледяными тисками.

Усман, сильный, волевой, гордый человек, теперь чувствовал себя, как девица, которую изнасиловали в парке. Он не мог представить, что когда-то с ним поступят вот так, как с обычным бомжом, из тех, что батрачат на плантациях Ичкерии. С ним! С Сельмурзаевым, чей род имеет в Ичкерии большой вес, так обошлись! Не говоря уж о том, что он депутат Собрания!

Ему хотелось напиться до потери пульса, но Аллах запрещал пить. Сельмурзаев обычно следовал этому завету. Кроме того, пьянство — это проявление слабости и малодушия...

Что теперь делать ему, опозоренному человеку? Мстить!

Он ловил себя на том, что пальцы непроизвольно сжимались, когда он представлял, как будет душировать тех животных! Уши резать! Уродовать! Умирать они будут долго!!!

Фантазии распалили депутата. Сердце его колотилось все сильнее и сильнее. Глаза застилало красным.

Когда же возвращалась способность мыслить трезво, то перед его мысленным взором представала совершенно безрадостная картина. Все настолько плохо, как никогда не бывало. Рамазан Аюпов мертв. Наверняка мертв. Широкомасштабная террористическая акция, подготовка к которой стоила безумных денег, провалена. Кого будут винить в этом? Его, Усмана Сельмурзаева.

Нет, черта с два на него все свалят! Это еще доказать его вину надо! Но будут ли доказывать — вот в чем вопрос?

Депутат метался по огромному холлу, устланному коврами, падал в глубокое кресло перед холодным камином.

— Шайтан! — шептал он себе под нос. — Шайтан...

В тяжелый сон он провалился часа в три ночи. Там его подстерегали кошмары. Несколько раз он просыпался с тягостной мыслью, что завтра надо что-то решать... И опять отдавался во власть кошмаров.

Окончательно проснулся он в девять утра. Голова была тяжелой, зато в сердце — решимость действовать.

Он не мог понять, почему враги отпустили его на четыре стороны. На их месте он решил бы эту проблему просто — выстрелом в затылок или отрезанием головы — в зависимости от настроения. Может, они надеялись на его признательность за подаренную жизнь? Или рассчитывали, что теперь он их с потрохами — после того, что наговорил перед видеокамерой? Кстати, он не помнил, что именно наговорил, в памяти осталось нечто смутное. Но, скорее всего, наговорил немало. Впрочем, это неважно! Теперь в его сердце горел священный огонь мести!

Все, часы слабости миновали! Пришла пора действовать!

Ключевой момент — сорвать маску с лица врага. Он сорвет, чего бы это ему ни стоило! И объявит свой маленький, но жестокий джихад!

Он потягал гирию, со злым удовлетворением отмечая, что мышцы еще работают. Он еще крепок. Способен и держать, и наносить удары. Потом залез под холодный душ. Тщательно побрился.

Выйдя в холл, крикнул:

— Ломали!

Старший группы охраны Ломали Махмадхаджиев возник, как привидение. Половину своих телохранителей после того, как они не спасли его от позора, Сельмурзаев выгнал. Но Ломали, верный, как пес, остался...

— Через пятнадцать минут две машины, — велел депутат. — Едем в город.

Ломали, не говоря ни слова, повернулся и отправился исполнять приказание.

В просторной гардеробной, где, как в магазине, на вешалках были развешаны десятки костюмов, на полках стояли десятки пар обуви, Сельмурзаев выбрал представительский костюм за пять тысяч долларов. Натянул ботинки крокодиловой кожи. Галстук в тон. Посмотрелся в зеркало. Вид вполне приличный. Как и положено бизнесмену и политику его уровня. Чувствуется стиль, безупречный вкус.

Механические ворота со скрежетом открылись. И похожие на блестящие торпеды бронированный «Мерседес» и джип, выехав за территорию обороняемого милицейской вневедомственной охраной поселка, устремились по правительственной трассе, в этот час уже разгрузившейся.

Сельмурзаевым овладело болезненное воодушевление. То, что он принял решение и начал действовать, наполняло его энергией. Депутат никогда не прощал обид.

Всю дорогу Сельмурзаев не отрывал от уха мобильный телефон. Он переговаривался с людьми, назначал места встреч, просился на прием. Эти звонки открывали ему двери в высокие кабинеты. Смешно, но в государстве, против которого он боролся уже много лет, он обладал определенным весом.

С кого начать встречи? Конечно, с обитателей Старой площади.

— Сергей Владимирович, — произнес он в микрофон мобильного. — Это депутат Сельмурзаев. Тут серьезные обстоятельства. Мы не могли бы встретиться?.. Очень срочно... Лучше не на рабочем месте... Как всегда...

Встретились они в ресторанчике «Царский чертог» в центре Москвы, запредельные цены в котором отпугивали посетителей скромного достатка. В нем имелись уютные закутки для конфиденциальных разговоров.

Тот, с кем встретился депутат, примелькался в каждом российском доме — его постоянно показывали по телевизору. Обычно он с видом оксфордского профессора вещал, как надо обустроить страну. Любые банальности изрекал как божественное откровение. Он был известным артистом политического балагана. Но здесь, наедине со своим старым знакомым, лицедействовать смысла не было. Он внимательно выслушал Сельмурзаева, время от времени задавая вопросы и выдавая комментарии, преимущественно матерные. Потом, опрокинув стопку холодной водки, крикнул и покачал головой:

— Ох, етить твою. Хрена лысого я тут понимаю...

— Кто посмел?! — процедил Сельмурзаев, ощерив зубы и на миг став похож на волка — символа ичкерийских бандитов.

— МВД — маловероятно, — покачал головой Сергей Владимирович. — Ты им неинтересен. Госбезопасность? Ручки их шаловливые в последнее время чуток укоротили. Такие вещи творить не позволяют. Если только они самодеятельностью занялись, — он помрачнел,

прикидывая про себя самый дрянной вариант — Федеральное агентство государственной безопасности отбилась от рук и начнет потихоньку давить политических партнеров, которых обыватели по недомыслию считают врагами. — Но это вряд ли...

— Вряд ли или возможно?

— Тебе гарантию с талоном? Я не въезжаю, Усман. У тебя претензии ко мне какие-то? — Кремлевский функционер нехорошо прищурился, и Сельмурзаев тут же осадил назад.

— Извините.

— Узнаю — скажу...

Сергей Владимирович поднялся.

— Пока...

Когда он вышел из кабинета, Сельмурзаев прошептал:

— Крыса.

Он знал, что, как только появится даже не течь, а только намек на нее, эта крыса тут же дунет с их общего корабля. Не мужчина он. Депутат сладко прижмурился, представив, как хорошо было бы влепить ногой в тяжелом десантном башмаке по этой самодовольной морде! Чтоб сопли с кровью! И за горло его! За горло!..

Стоп. Надо успокоиться... Предстоят другие важные встречи. И нельзя распускаться раньше времени. Ему сегодня еще немало наговорят неприятного...

В этот день Сельмурзаев дополнительно пересекся с двумя людьми, которые могли что-то знать. Они тоже занимали не последнее место в иерархии сгнившего до основания российского государства.

На десерт он приберег разговор с генерал-лейтенантом Федерального агентства государственной безопасности Аркадием Войченко.

С ним встретились на конспиративной квартире, обставленной с непотребной роскошью. У Сельмурзаева создалось впечатление, что в остальное время она использовалась как бордель для услады высокопоставленных чекистов.

— Заходи, гордый мой брат, — улыбнулся радушно Войченко. — Чувствуй себя как дома.

— Но не забывай, что в гостях.

— Точно, — хмыкнул Войченко.

Генерал был как генерал — толстый, астматически дышащий, однако не с вяло тупым, как у армейцев, взором, а с цепкими глазами профессионального мошенника... Нет, скорее наемного убийцы.

Сельмурзаев по роду деятельности имел старые хорошие связи с госбезопасностью. Сложилось это еще во времена бойкой торговли заложниками, которых сотнями захватывали ичкерские повстанцы. Все имели с этого бизнеса свою долю. И всем это нравилось. И Совету Безопасности. И ФАГБ с МВД. И Администрации Президента.

С тех пор Сельмурзаев ведет с госбезопасностью и правительством России жесткие игры по довольно сложным правилам. Цель у депутата и группы его товарищей простая — создание у руководства страны иллюзии, что только удельные подконтрольные князьки и авторитеты в

состоянии удерживать дику ичкерийскую орду от того, чтобы полностью сорваться с катушек и пройти огнем и мечом по всей стране. Мол, князьков этих (в частности, уважаемого всеми Усмана Сельмурзаева) надо лелеять, сдувать с них пылинки, позволять им многое и, главное, не бросать им с хозяйского стола крошки, а на блюдечке преподносить полноценные увесистые куски от общего пирога.

В последнее время эта тактика начала давать сбои. Сельмурзаева и его соратников стали потихоньку-помаленьку отодвигать в сторону от политики и дележа денег. Могло это кончиться плохо — выкидыванием за борт. Чтобы этого не произошло, был затеян «изотопный шантаж», на который с охотой подписались непримиримые из самой Чечни и Саудовской Аравии. Пора в очередной раз напомнить Москве, что все под Аллахом ходим. И что очень уж мегаполис уязвим для террора. Недвусмысленный такой намек — договариваться надо. Договариваться. И еще раз договариваться. Это выгодно. Это обоюдно идет на пользу и здоровью, и карману.

Все бы так и получилось, гладко, как по писаному. Теракт. Шум — «раздавить ичкерийскую гадину!» А потом тихие, нигде не афишируемые переговоры с серьезными уступками и гарантиями... Все бы так и получилось, если бы не эти как с неба свалившиеся шайтаны!

— Ну, рассказывай, зачем пожаловал, — потребовал генерал, разливая по чашкам крепкий чай.

— Возникла небольшая проблема, — произнес Усман Сельмурзаев.

Он поведал прилично отредактированную историю своих мытарств и в лоб спросил:

— Ваши?

— Ты на нашу фирму напраслину-то не возводи, — строго произнес Войченко, но в глубине его глаз тлели веселые искорки.

— Почему?

— Потому что официально такую акцию провести — это утонуть в согласованиях. А бригады единомышленников, которые втихаря могут поднять такую операцию, у нас в конторе давно нет. Были когда-то сорвиголовы, да все вышли.

— А кто?

— Не знаю, — развел руками генерал.

— Кто? ЦРУ? МОССАД? Кто еще так свободно работает здесь, в этой сраной стране?!

— В этой сраной стране работают свободно все, кроме государственных органов, — усмехнулся Войченко. — Такая национальная традиция.

— Это была спецслужба, а не банда! Какая-то непонятная спецслужба!

— Все спецслужбы у нас перечислены в Законе об оперативно-разыскной деятельности, — назидательно изрек генерал. — Остальное — выдумки авторов бульварного чтива.

— Значит, на меня наезжали персонажи бульварного чтива? — Ярость поднималась и клокотала в груди Сельмурзаева. Он чувствовал, что его водят за нос. Генерал что-то не договаривает и сильно взволнован новостью.

— Материализация образов, — хмыкнул Войченко.

— Кто это был? — поднапер депутат.

— «Легион», — произнес, как плюнул, генерал.

— Что? Какой «Легион»? — опешил Сельмурзаев.

— Белый.

— Сказки желтой прессы.

— Ну конечно... Особенно если вспомнить, как пять лет назад они раздолбали в пух и прах некую структуру, образованную высшими должностными лицами государства. «Синдикат» — не помнишь?

— Я не особенно верил во все эти слухи.

— В этом твоя беда... После той свары эти ублюдки ушли на дно. Все считали, что уже не выплывут. Но я-то чувствовал, что затаились. Их уши торчали во многих делах. Возникали они редко, но жалили коброй.

— Ты это серьезно?

— Куда серьезнее... Что собираешься делать, горец?

— Этот «Легион» — он у меня из белого красным станет. От крови, — Сельмурзаев кинул на генерала тяжелый взгляд.

— Хорошо, — кивнул Войченко. — У меня информация по ним на нуле. Особо не интересовался — жизнь спокойную полюбил. Но с людьми, которые знают больше моего, встречу обеспечу. Ты точно решил? Обратного пути не будет.

— Я решил!

— Договорились... Чаек-то пей. Настоящий индийский.

У противника была фора — он давно изучал объект и имел представление о его связях, образе жизни. Оперативникам «Легиона» надо было начинать с нуля. Зато было и преимущество. Противник не знал, что в игре появился новый игрок.

Разведчики проехали по адресам возможного появления Гурвича. Восстановили все его маршруты за последние дни. Добрались до загородного дома Ромы. Дальше следы обрывались.

Мест для засад набралось десятка полтора. Все их живыми людьми не перекроешь. Технари проехали по этим адресам и понатыкали везде скрытые видеокамеры. Теперь на пульте в штабе операции на базе-3 можно было снимать видеоинформацию.

Семь экипажей Глеб распределил на патрулирование по городу с таким расчетом, чтобы до цели добраться за пять-десять минут. Этого времени должно хватить, если Гурвич нарисует в объективе камеры слежения.

В две квартиры — к бывшей жене и близкой знакомой Гурвича — удалось сунуть «жучки» и поставить на контроль телефоны.

Глеб согнулся за письменным столом. Старомодная лампа с зеленым абажуром бросала свет на пачку бумаг. Это были распечатки соединений с мобильного телефона Гурвича. Здесь

можно было проследить все его связи. Особенно интересовали соединения последних дней перед тем, как он выключил телефон.

Это он звонил Белидзе. Это бывшей жене... Знакомым...

Тут уже интереснее. Последний день перед исчезновением. Соединение с Саниным... После этого Гурвич срывается из деревенского дома своего знакомого. Вот еще один звонок — опять на мобильник Санину... Время — за несколько минут до гибели математика. Что хотел Гурвич? Предупредить? Узнать что-то? Ладно, неважно...

Дальше — несколько звонков. Последние звонки перед отключением телефона. На мобильник и на городской телефон. И ни одного ответа. А дозвониться он мечтал до Румяновой Аллы Владимировны, директора компании «Легос» и учредителя еще пары фирм по торговле парфюмерией. Вот и фотография ее — острое, злое лицо, колючие глаза. Типичная бизнесвумен тридцати трех годков от роду. Явно не из круга Гурвича. Профессиональная общность исключена. С другой стороны, он мужчина видный, девки на него клюют.

Зачем он звонил ей? Два варианта. Если не насторожился, то поплакаться в жилетку. Если же почувствовал опасность, запаниковал, кинулся к ней за помощью.

Оперативники пробили ее по адресу и месту работы. Выяснили, что сейчас бизнесвумен находится в командировке в какой-то черной дыре российской глубинки, где население из парфюма знало только старый добрый тройной одеколон. Должна появиться вот-вот.

— Надо цепляться за ее адрес, — сказал Глеб Атаману, который сидел на диване, поигрывая мобильны телефоном.

— Там установлена камера слежения, — заметил Атаман.

— Мало, — покачал головой Глеб. — Там нужно физическое прикрытие.

И, действительно, интуиция Глеба не подвела.

На следующий день топтуны наружного наблюдения срисовали около адреса Румяновой нечто подозрительное. Когда одни и те же фигуры мелькнули в третий раз, стало ясно — дом пасут. Потом видеочасть показала, что субъекты зашли в коридор, поставили «сторожевик» — полосу бумажную. Когда кто-то заходит, тот падает.

— Деревня, — сказал Глеб, получив отчет. — По старинке работают.

— Зато наверняка, — произнес Атаман. — Они тоже прилипли к адресу.

— Таинственные соперники, — хмыкнул Глеб.

— Может, воры обычные хату присматривают?

— Вряд ли, — покачал головой Глеб.

— Что с ними делать? На допрос к Доктору? Или протащить по городу?

— Это всегда успеется. Скорее всего, мы имеем дело с «шестерками», которые даже не знают, на кого работают. Будем ждать продолжения...

Сельмурзаеву не нравилась эта встреча. Настораживали многочисленные условия ее проведения. Одно из них — чтобы приходил один, притом в какую-то дыру на окраине Москвы

между силикатным заводом и ТЭС.

Депутат договаривался с человеком по мобильному телефону. Тот позвонил точно в назначенное время.

— Если что-то пройдет вне договоренностей, встреча не состоится, — сообщил собеседник.
— Никогда...

На всякий случай перед отъездом депутат сунул в карман пистолет. В гараже выбрал не бронированный «Мерседес», а скромную «Тойоту».

На въезде в Москву он приказал остановиться в ста метрах от бензозаправки. Кивнул телохранителям и шоферу:

— Выходите. Дальше поеду один.

— Следовать за вами? — спросил Ломали.

— Я сказал — один!

Оставив на обочине телохранителей, он газанул. Поплутал по Москве, пытаясь на всякий случай провериться — нет ли за ним слежки. Рванул пару раз на красный свет светофора. В этих шпионских премудростях он был не большой мастак, поэтому так и не был уверен в результате своих действий. Но время подходило, и надо было торопиться к месту встречи.

Встречу организовал генерал Войченко. Он обещал, что человек даст все возможные пояснения по «Белому Легиону» и, возможно, даже окажет практическую помощь. Притом бесплатно, то есть даром... Депутат знал, что даром ничего не делается. Значит, там какой-то свой интерес...

«Тойота» переехала мост, закрутилась между сплошных заборов, гаражей, складских ангаров. Наконец выбралась в район унылых новостроек.

Сельмурзаев сверился по карте, решил, что оказался там, где надо. На одном из домов разглядел название улицы — все верно, Четвертая Тракторная. Она самая...

Огляделся, пытаясь найти место, где оставить машину. На улице кучковались молодежь — наглые морды специфически криминального вида, так что машину можно, вернувшись, больше и не обнаружить. За поворотом он увидел платную стоянку. Сунул купюру сонному сторожу. И побрел в сторону длинного мебельного магазина. Именно там, под монументальным огромным рекламным плакатом сигарет «Мальборо», должна была состояться встреча.

Сельмурзаев посмотрел на часы. Оставалось две минуты.

Человек появился со стороны ларьков. Подошел, кивнул:

— Здравствуйте. Усман Бисланович?

— Похож?

— Похожи...

Этот тип ничем не напоминал боевиков, от которых исходили кураж и сила. Или оперативников, переполненных бесшабашной энергией. Больше всего он походил на работягу — потомственного токаря, таких полно у проходных заводов. На вид лет сорока, ростом под метр девяносто, чуть сгорбленный, с жилистыми руками и длинной лошадиной

морщинистой мордой, на щеках черная жесткая щетина. Губы скривлены в вечной ехидной улыбке, которую хочется стереть ударом кулака. Держит жестяную банка пива — ну это ж надо! А одет в коричневое, похожее на робу вельветовое пальто, несуразную клетчатую кепочку. Турецкие джинсы. В общем, субъект из категории «до звания забулдыги рукой подать».

— Пойдемте поговорим на природе, — «работяга» кивнул в сторону чахлого скверика.

Они перешли через дорогу. Нашли свободную скамейку. Депутат смахнул газетой, которую держал в руках, грязь и уселся. Закинул ногу на ногу. Брезгливо огляделся. Рядом радовалась жизни толпа полупьяных люмпенов.

— Не беспокойтесь, — кривая улыбочка «работяги» стала еще кривее. Обнажились очень ровные, наверняка дорогие металлокерамические зубы. И в глазах появился странный нездоровый блеск. Пальцы правой руки его чуть подрагивали, будто перебирали струны гитары.

— Как вас называть? — спросил Сельмурзаев.

— Феликсом. Я не обижусь.

«Такой же Феликс, как я донна Анна», — подумал раздраженно Сельмурзаев. Он ненавидел шпионские игры.

— Аркадий Станиславович обрисовал в общих чертах вашу проблему. Думаю, его умозаключения верны. Мы имеем дело с «Белым Легионом».

— Чем он занимается, этот «Легион»?

— Как бы лучше сказать, — Феликс распечатал пиво, слизнул языком появившуюся пену. Приложился с видимым удовольствием к банке. — Можно сравнить его с добровольной народной дружиной. «Легион» помогает стране выстоять против многочисленных врагов. Хотя никто его об этом не просит. Защищает интересы страны, понимаете ли.

— А ФАГБ что защищает?

— Вам ли это объяснять, Усман Бисланович? Госбезопасность защищает не столько интересы страны, сколько интересы элит. Эта шкала приоритетов установилась очень четко еще при первом президенте России. Спецслужбы стали тем, для чего и были изначально созданы еще в древности — защиты властной элиты. А интересы элиты и страны часто не совпадают...

Сельмурзаев смотрел на Феликса, и в нем все больше закипала ярость. Ему не нравилось, что его вызвали для выслушивания банальностей. И тон — казалось, что собеседник издевается. Но депутат обуздал себя. И спокойно спросил:

— Откуда они взялись, эти дружинники?

— Дружинники образовались из малахольных романтиков, кто считал и продолжает считать интересы страны выше интересов элиты. В рамках государственных структур им не нашлось места.

— И они образовали собственное государство...

— Собственную структуру... Достаточно жесткую. Как любое тайное общество.

— Насколько сильную?

— Некогда достаточно сильную. Но время идет, Усман Бисланович. Одних оно делает сильнее. Других слабее. Ничего не остается неизменным.

— Вы философ?

— Непрофессиональный. Жизнь была такая, что теперь хочется задуматься о смысле жизни.

— Так что «Белый Легион» из себя представляет сегодня?

— В какой-то мере их постигла судьба многих подобных самодеятельных ансамблей. Хочешь не хочешь, а идеология постепенно уступает место экономике. Тамплиеры сломались и утерjali четкое понимание цели, когда стали заниматься ростовщичеством.

— Значит, это обычная банда?

— Так скажем — коммерческая структура... Возможности, конечно, уже не те. Они сильно сломались на войне с «Синдикатом». Слышали о таком?

— Слышал. А вы имели отношение к «Синдикату»?

— Это не так важно, где я был, есть и буду. Эти детали не имеют отношения к делу. Вернемся к «Легиону»... Время от времени эти пенсионеры шалят. И начинают донимать своими шалостями.

— Тогда почему не разберетесь с ними?

— Я пришел, чтобы помочь заняться этим вам... И так, что вас конкретно интересует?

— Как их извлечь на белый свет?!

Феликс усмехнулся:

— За последние годы такие попытки предпринимались неоднократно. Это приводило к тому, что «Легион» прятался все глубже. И заметал следы все лучше... Опишите внешность тех, кого вы видели...

Сельмурзаев, как мог, описал нападавших на него. В основном боевиков. Хоть убей, ему не удавалось вспомнить лицо того садиста, который с ласковой улыбкой накачивал его психотропными веществами.

У обратившегося в слух Феликса в глазах зажегся интерес. Он вытащил карманный компьютер с жидкокристаллическим дисплеем. Задал программу. И через некоторое время вывел рисованный портрет.

— Он?

— Он! — выдавил Сельмурзаев, увидев ненавистное лицо.

— Один из наиболее квалифицированных оперативников «Легиона». Псевдоним Ратоборец. Откуда взялся и куда нырнул — одному черту известно... Одно известно точно — если начинается серьезная заварушка, он тут как тут.

— Он — покойник, — прошипел народный депутат, наливаясь злобой. С крошечного экрана на него глядел его враг. — Я его из-под земли достану. Из лап самого шайтана вырву. И отрежу голову...

— Аллах в помощь, — Феликс спрятал компьютер. — Вам будут благодарны многие. Я в их числе... Вынужден откланяться. Дела... Но этот вопрос я буду держать в поле зрения.

— И все?

— Ах да, — Феликс вытащил из кармана пальто лазерный диск, протянул депутату. — Тут кое-какая информация. Если появится еще что-то интересное для вас, сообщу...

Шалавочка оказалась совсем молоденькой — около двадцати, демонстративно циничной, но, как и у всех девчонок ее возраста, с мозгами, сверх меры заполненными романтическим мусором. Звали ее Анжела.

В постели от злости и отчаяния, пытаясь забыться, Гурвич отработал на все двести процентов.

— Мне редко нравится. Но с тобой понравилось, — она прижалась к нему, смотря на него уже другими глазами.

— Умею, — буркнул Гурвич.

Утром она приготовила ему завтрак — тосты (кто их только придумал, эту дрянь!) с джемом, яичницу и стакан сока. Девочка, видимо, внимательно смотрит американские фильмы, мотая на ус. Позавтракав, программист как-то вяло подумал, что пора выметаться. Ох, кто бы знал, насколько неприятно уходить из уютной квартиры, когда идти некуда.

— Что загрустил, мальчишечка? — немножко виновато посмотрела на него брюнетка.

— Есть поводы.

— Понимаю. Сейчас придешь домой, к жене стервозной. Она тебя скалкой в лоб пометит за то, что дома не ночевал, — Анжела весело хохотнула.

— Нет у меня жены.

— Нет? Врешь. Ты парнишечка классный. И чтобы никто не подобрал...

— Ты что, по совместительству зудильником работаешь?

Она обиженно надула губки.

— Некуда мне идти! — с прорвавшимся отчаянием выпалил он, хлопнув ладонью по кухонному столу.

— Некуда? — она удивленно вскинула брови.

— Некуда! Потому что обложили со всех сторон!

— Ты чего, бежишь от кого? — Глаза Анжелы восхищенно загорелись. Ситуация начала ей напоминать один из любимых американских боевиков.

— Бегу!

— От ментов?

— Нет.

— От бандитов?!

— Не думаю... Эти ребята покруче будут.

Она посмотрела на него с недоумением. В ее представлении круче ментов и бандитов ничего на свете быть не может.

— Ух ты, неужто чекисты? — нашло на нее жуткое озарение.

— Да хватит ерунду молоть! Не знаю я! Знаю только, найдут — убьют.

— За что? — У Анжелы перехватило дыхание.

— За то, что слишком умный и много знаю.

— Тайн?

— Вообще. Умных не любят.

— Правильно, — согласилась она. — Вон меня в школе не любили. Поэтому и пришлось с восьмого класса уходить.

Гурвич недоуменно посмотрел на нее, переваривая услышанное, потом расхохотался.

— Ну чего ты ржешь, как лошадь Пржевальского? — обиделась она и снова надулась.

— Ладно, Анжелка. Не обижайся. Пойду я.

— Куда?

— На кудыкины горы воровать помидоры.

— Тебе же некуда идти, — она задумалась, потом неожиданно предложила, с затаенным ожиданием смотря ему в глаза: — Оставайся...

Гурвич удивленно посмотрел на нее, пытаясь понять причину такой щедрости. И решил, что девчонка, переварив его слова, уже придумала себе историю и прониклась к нему романтическими чувствами. Как же, герой в изгнании, по пятам идут злобные враги. Как не помочь? Такое случается у всех женщин, даже у шлюх — молодых и старых, насквозь пропитанных цинизмом.

— У меня денег не хватит, — решил он опустить ее с небес на землю, зная, что деньги у шлюх — особенно болезненная тема. Но не тут-то было. Анжелу уже понесло по кочкам.

— За благотворительность ныне налогов не берут, — она прижалась к нему всем телом.

— Хорошо. Я обещаю тебе не мешать.

— Хочется верить, — произнесла задумчиво Анжела, вдруг усомнившись, что поступила правильно. Но отступить уже было поздно.

И он остался у нее. На некоторое время часть проблем была решена. Но все равно его положение оставалось незавидным. И нервы... Нервы, будь они неладны.

Ему казалось, что стоит вылезти на улицу, он тут же попадет на глаза врагам. И тогда... Черт возьми, только теперь он смог осознать, какую спокойную и полноценную жизнь он вел до сих пор. Как у Христа за пазухой. Серьезной неприятностью считался насморк. А грипп был катастрофой. Ругань с соседом из-за громкой ночной музыки была вершиной конфликтов. Бояться приходилось только несовершеннолетнюю шант-рапу, сшивающуюся у подъезда, от них в кармане был газовый баллончик — малолеток можно было травить им как тараканов. Сегодня же смерть шла за ним по пятам. Гурвич готов был поклясться, что наяву ощущает ее ледяное дыхание в затылок. Ни с чем не сравнимое ощущение. И когда это

дыхание приблизится, то мир замерзнет — для тебя в нем больше не останется будущего...

В таком состоянии он провел у Анжелы пару дней. В общем-то, здесь было довольно уютно. Шлюшка оказалась вполне мягким и покладистым человеком. Если не считать некоторых дурных привычек. Придя домой, она сразу врубала музыкальный канал. Познания ее в области жизни и успехов попсы были огромны. Ни один из исполнителей не оставался без комментариев.

— Элита Барумова. Я от нее прусь, — всплескивала руками Анжела. — Группа «Центральный профилакторий»! Посмотри, какие все милые. Я тащусь...

За это время он узнал, от каких групп Анжела «прется», «тащится», «балдеет», какие музыкальные произведения — «улет», «балдеж», а какие «полный отстой», «старье», «лажа галимая» и «хрень моржовая».

Гурвича это раздражало, поскольку всю эстрадную тусовку он воспринимал, как мир насекомых. Порхают, жужжат, кусаются. А толку от них никакого — ни уму, ни сердцу. Так, заполняют экологическую нишу.

Но для Анжелы это было окно в другую, шикарную жизнь...

Переживания и перемалывание в сознании всех своих неприятностей привели к тому, что веко у Алексея начало дергаться, а руки мелко подрагивать. И с каждым днем мысль о необходимости выбраться из своего нечаянного убежища казалась все более пугающей. Но выбираться все-таки нужно было. Анжелка, кажется, начинала все сильнее раскаиваться в своем подвиге. Романтика — это хорошо, но когда у тебя на шее дармоед... Программист долго прикидывал, как достать денег и не попасть в западню. И решил рискнуть.

Единственный человек, который мог помочь и при этом не был засвечен, как его близкая связь, был Толя Гусак. Гурвич налаживал ему компьютерную сеть на фирме и делал программное обеспечение. За Толиком остался долг в штуку «зелени». Обещал отдать через месяц. Месяц уже прошел.

Анжела, уходя утром на свою многотрудную работу, оставила ему ключи. Он вышел из дома, поежился. Светило солнце, но ветер дул пронизывающий, холодный.

На вылазку в город Гурвич шел, как в атаку на укрепленные районы противника. Ему все время казалось, что на него все смотрят. И кто-то сейчас крикнет: «Это беглец. Мочи его!»

Никто не крикнул. Мир не проявил к нему ровным счетом никакого интереса. Каждый последующий шаг давался ему легче. Через пару сотен шагов, когда он вынырнул из арки и добрался до дороги, успел чуток успокоиться. Нет, чувство опасности не притупилось, просто сердце перестало отчаянно барабанить в груди.

Он встал около автобусной остановки, оглянувшись на опостылевший ему еще из окна стандартный пейзаж с девяти — и двенадцатиэтажными зданиями, парой заводских труб вдалеке и длинным «Универсамом». На часах было двенадцать двадцать. Через сорок минут Толя выйдет в кафе поблизости от своего офиса на Тверской. Там неторопливо, со вкусом пообедает. Он живет по распорядку. Утром — зарядка, вечером — фитнес. По Толику можно сверять часы.

От мысли о том, чтобы ехать на автобусе и метро, программиста замутило. Решив спустить последнюю наличность, взмахнул рукой. Рядом, едва не окатив его смешанной со снегом водой из лужи, затормозил старый, покрытый ржавыми царапинами «БМВ». Договорились о цене.

Автомобиль продрался через пробки, поплутал по узким переулкам в центре, вынырнул у мэрии. До Тверской добрались за пятьдесят минут. По логике вещей, Толик уже десять минут должен был предаваться тревоугодию.

— Спасибо, — кивнул Гурвич, кинул на сиденье купюру и пошел по направлению к кафе, Приютившемуся на первом этаже серого сталинского дома, увешанного мемориальными досками.

Гурвич прошел мимо гардеробщика-охранника, вошел в зал. Посетителей было немного, отпугивали цены. Толя сидел на своем любимом месте около окна и, сосредоточенно работая челюстями, поглощал второе блюдо. Программист приземлился рядом с ним.

— Столиков мало? — не поднимая глаза от тарелки, осведомился Толик.

— Здорово, Толян, — произнес Гурвич. Толик поднял глаза от тарелки, удивленно посмотрел на него. И произнес равнодушно:

— Привет. Ты как из-под земли вынырнул.

— Так оно и есть...

Гурвич быстро, напряженно огляделся, стараясь казаться непринужденным, как шпионы в фильмах, — это был единственный его источник познания о конспиративной деятельности.

— Ты чего мельтешишь? — поинтересовался Толик, начиная пилить ножом отбивную. Нервное поведение приятеля не скрылось от него. — Случилось чего?

Веко у Гурвича дернулось. Нервный тик, черт его побери! Ему по-прежнему казалось, что люди вокруг — не те, за кого себя выдают. Вон вошел в зал тип в темном костюме — вовсе он и не бизнесмен, каким кажется, а боевик. Сейчас подаст сигнал, и беглому еврею-программисту скрутят руки прямо за столом. Или та девица, по виду продавщица ларьковая, на самом деле агент наружного наблюдения. И подаст сигнал... Или вон тот пацан... Стоп, это уже мания преследования...

— Толик, у меня проблемы, — программист попытался расслабиться. — Мне срочно нужны деньги...

— Заходи завтра в офис. — Нож в руке Толика располосовал отбивную и с противным скрежетом прошелся по фарфору тарелки. — Я тебе под роспись выдам...

— Ты не понял. Они мне нужны сейчас!

— Где я тебе сейчас возьму? У меня нет при себе штуки.

— Сколько есть...

— Что за дурацкий разговор... Пошли в офис...

— Не пойду... Не могу...

— Леша, что с тобой?

— Неважно... Сколько у тебя с собой?

Толик посмотрел на своего приятеля, как на законченного психа, вытащил из кармана четыре стодолларовых бумажки.

— Сойдет, — Гурвич вырвал у него из пальцев доллары.

— А расписка?! — возмутился Толик.

У официанта выпросили чистый лист бумаги. Гурвич размашисто написал расписку, поставил малочитаемую подпись и число, протянул приятелю со словами:

— Доволен?

— Это ты должен быть довольным, — пожал плечами Толик.

— Я доволен. Пока. — Программист поднялся со стула.

— А есть не будешь?

Гурвич только усмехнулся.

— Отсутствие аппетита — дурной симптом, — такими словами проводил его Толик.

Гурвич пошел не к выходу, а направился в служебные помещения, где был черный выход.

— Псих, — вздохнул Толик. Он со своим купленным по дешевке дипломом экономиста считал всех ученых психами, и в лице Гурвича постоянно находил этой мысли яркое подтверждение.

Вернувшись с обеда, он сделал в блокноте отметку, списав со счета своего приятеля четыре сотни. Чужие проблемы его занимали меньше всего на свете...

В уличном обменнике Гурвич разменял деньги — часть на рубли, часть на мелкие долларовые купюры. В ларьке около метро купил комплект сотовой связи, назвав от фонаря чужую фамилию и чужой адрес. И вернулся в тесную однокомнатную Анжелину квартиру. Нырнул в нее, как солдат ныряет в бомбоубежище при бомбежке.

На кухне он взял бутылку боржоми. Выхлебал ее. Упал на диван, глядя в потолок. Поразмыслив о своей вылазке, он пришел к выводу, что все было не так уж и страшно. Шанс наткнуться на охотников, шатаясь по двенадцатимиллионному городу, исчезающе мал. Главное, не маячить вблизи мест своего прошлого обитания.

Очухавшись, Гурвич принялся за дела. Поставил новую сим-карту в мобильный телефон. Старый номер уже, наверное, взяли под контроль. Черт, зачем он тогда звонил Алле? В детективных сериалах людей отлавливают по соединениям с мобильника. Ладно, что сделано, то сделано. Сейчас у него новый номер, который пока никому не известен. С него можно звонить.

Алка, эта владычица мазей и духов, нужна ему позарез. Пусть вопрос с деньгами снялся на несколько дней. Но остальные проблемы остались. И нельзя затягивать с их решением. Долго он на этой хате не проживет...

С нового телефона он позвонил в офис:

— Мне Аллу Владимировну.

— Назовитесь, пожалуйста, — послышался до тошноты предупредительный молодой женский голос. Секретарши у Алки всегда были вышколенные.

— Борис Николаевич, — буркнул Гурвич.

— Алла Владимировна прилетает завтра. На работе будет в четырнадцать часов.

— Понял...

У Алки дурацкая привычка. Приезжая, двигает не домой, а в офис. Нетерпение ее сжигает, боится, как бы за время отсутствия хозяйки фирму по миру не пустили.

Завтра... Остается ждать. Завтра она приедет. Он завалится к ней домой. Возьмет диски с информацией. Отправится в Интернет-клуб. Там загонит информацию в Сеть, разбросает по адресатам. Отсидится несколько дней. Повторит сброс информации. И тогда можно будет выбираться на белый свет. Больше он никому не будет нужен.

Гурвич сел в кресло, взял пульт телевизора. Хотел нажать на кнопку, но тут в прихожей послышался шум.

Программист похолодел... Но это оказалась всего лишь пьяная Анжела, открывшая дверь и смахнувшая со стойки на пол фарфоровую вазу.

— Гадина, — обозвала она разбившуюся вазу. Сняла меховую коротенькую куртку, сбросила сапожки, покачиваясь, прошла в комнату. — Как, мальчишечка, не соскучился?

«Почему я должен по тебе соскучиться?» — раздраженно подумал Гурвич, но вслух, понятно, ничего не сказал.

Она чмокнула его в щеку. От нее разлило вином.

— Устала, — сообщила она. — Ото всех устала.

И завалилась на кровать. Лежа — умудриться надо — стянула платье и заснула.

Хорошо. Не будет пустых разговоров...

Всю ночь Гурвич ворочался в постели, обдумывая разные варианты. Заснул под утро, не слышал, как Анжела упорхнула.

Он дождался четырнадцати часов. На прямой телефон Алке звонить не стал. Позвонил одной из ее сотрудниц.

— Не могу дозвониться Алле Владимировне, — сообщил он. — Скажите, что «медвежонок» человека пришлет за вещами. Это срочно...

— Передам, — в голосе сотрудницы сквозило недоумение.

Она посчитала его за чокнутого. Но это неважно. Он знал, что какую бы чушь ни сказал, сотрудница передаст Алке его слова. Персонал хозяйка держит жестко. Вольностей не прощает. За любую провинность — штраф или пинком под зад. Мегера, одним словом...

Он глянул в окно на скучные коробки домов, спящих машин и людей. Человеческий муравейник. Куча насекомых, озабоченных выживанием. И он — одно из них. Не успеет увернуться — раздавят башмаком...

Ну что, пора собираться...

Он побрился. Оделся. И вышел из квартиры...

Сельмурзаев утонул в глубоком кресле в холле своего дома на Рублевском тракте. Напротив него расположились ближайшие люди. Ренат, троюродный брат, держал торговый центр и гостиницу в Москве, строительный рынок в Питере. Султан — руководитель крупной преступной группировки, под ним рынки, автосервисы, различные фирмы, он мог поставить под ружье до пары сотен штыков и устроить в Москве локальную войну. Ибрагим — старший

бригад, кормящихся в южнопортовом районе, у него тоже было в наличии немало отморозков и оружия. Салех — хозяин крупной юридической конторы, самый хитрый из присутствующих, мастер интриг и провокаций, обладающий большими связями во всех властных структурах и преступных группировках, в коммерции.

Депутат изложил суть проблемы, опуская ряд особо щекотливых моментов. Но и того, что он сказал, было достаточно, чтобы вызвать у гостей шок.

— Нанесена обида. Обида смертельная, — сухо закончил он. — Мне. Моему роду... Я хочу услышать совет близких мне людей.

Собственно, советы ему были не нужны, не для того он звал их. Он уже все решил. И гости, зная его характер, понимали это.

— Мы — как ты, Усман, — сказал Ренат.

— Я решил. Те шакалы запомнят тот день не как день своего торжества, а как самый черный день в своей жизни.

— Всем головы поотрубать. И им, и детям... Русский ишак должен знать, как жестока бывает наша плеть! — Ибрагим, самый горячий, махнул рукой, будто отсекая кому-то невидимому башку.

Порыв был похвален. Только депутат знал, что с таким же порывом в случае чего Ибрагим отыграет назад. Он готов резать врагов, детей врагов, жен. Но . только когда они не режут его.

Осторожный Салех поинтересовался:

— Против кого мы собираемся воевать?

— Пока враг не известен. Но мы найдем его, — убежденно произнес Сельмурзаев.

— Враг скрыт. Мы перед ним как на ладони, — скривился Салех. — Не напоминает что-то такая ситуация?

— Что она должна напоминать? — раздраженно спросил депутат. Салех со своим практицизмом раздражал его.

— Нашу борьбу с собаками на нашей земле. Мы вырываемся из засад, кусаем их и скрываемся, растворяясь в селах. И русский ничего не может сделать. Здесь все наоборот.

— Русский слаб, — снова подал голос Ибрагим. — Мы сильны!

— Ибрагим, ты пыл поумерь, — недовольно произнес Салех. — Не на митинге. Серьезный вопрос решаем.

Ибрагим насупился.

Султан не встречал в перепалку, предпочитая молча ждать продолжения. Он уже просчитал все варианты. И пришел к выводу, что при любом решении он поимеет свою выгоду. Поэтому был спокоен.

— Враг силен? — спросил Ренат.

— Не так страшен черт... — произнес внешне спокойно Сельмурзаев. Но внутри он был весь взведен, как пружина. С нервами совсем не в порядке. Он чувствовал, что готов взорваться, как бочка пороха. — Это бывшие сотрудники спецслужб, которым не живется спокойно на

пенсии. Шавки. Что они могут? Только из-под лавки тявкать. Физически мы передадим их.

Депутат искренне был уверен в своих словах. Если бы его более глубоко просветили, что такое «Белый Легион», он поостерегся бы бросаться такими словами.

— Я бы не стал ввязываться в драку, не имея подробной оценки противника, — гнул свое Ренат, который вовсе не был заинтересован в конфронтации.

— Мы узнаем, — сквозь зубы процедил Сельмурзаев. — Я же сказал — узнаем!

— Или нас поубивают, — усмехнулся Ренат.

— Ты мужчина или трус?! — Предохранители в голове Сельмурзаева слетели. Он сорвался.

— Ты же знаешь ответ, — спокойно ответил Ренат.

— Мужчина! Вот и не голоси, как русская баба! — заорал депутат, — ярость требовала выхода. — Я хочу, чтобы они ответили! Все!

Ренат молча кивнул.

— Нужны люди. Султан, чем ты сможешь мне? Сколько солдат дашь?

— Скажешь — всех выведем!

«Всех? — усмехнулся про себя Сельмурзаев. — Выведешь. Только что потребуешь взамен?»

Благотворительность в их отношениях была не принята. И расплачиваться придется по полной программе.

— Ты, Ибрагим?

— Каждый придет! И умрет, если надо! Я сам буду резать! — Очи Ибрагима пылали праведным гневом.

— Всех пока не надо, — произнес глухо депутат. — Будем действовать по обстановке.

— По какой обстановке? — напрягся Султан.

— Искать. Находить. И убивать, — Сельмурзаев прищелкнул пальцами, и охранник поднес ему папку со стопкой цветных распечаток. — Вот один из них. Раздать самым доверенным людям. Пусть узнают о нем все, что могут. Где-то он должен был наследить.

Он раздал портреты Ратоборца всем присутствующим. Они найдут его. Обязательно найдут.

«У нас достаточно сил в этом проклятом городе, — убеждал себя депутат. — Мы стянули его цепями. И русские ходят на поводке!»

На миг в его душе всколыхнулась гордость за свой небольшой, но гордый и сильный народ. Россия — огромный, анемичный, исхудавший слон... А чеченская диаспора — это спрут, который протянул щупальца всюду в ее равнинные города. Горец всегда победит. Потому что за ним стоит род, а за равнинными овцами — только слабое государство, не способное никого защитить. Русский ничтожен. Он думает лишь о том, чтобы урвать свой кусок и утащить в нору. Так ведут себя мыши, но не орлы. Горец же мыслит интересами семьи, рода, клана. Добыл золото — принеси в свой тейп!

Русский и чеченец. Разве можно сравнивать?! Чеченец всегда будет на коне, а русский —

убирать за этим конем навоз! Горец — хозяин. Русский — раб! И Сельмурзаев с каждым годом все укреплялся в этом всосанном с молоком матери убеждении. Русский веками пахал землю. Растил хлеб. Ковал железо. А горец приходил и брал все, что ему нужно. Угонял его скот, забирал его детей в рабство. Прошедшие века закалили ичкерийских воинов. Ружье и кинжал стали им матерью и отцом. Русский же все это время утешал себя сопливыми рассуждениями о морали, а его писатели исписывали целые тома о слезе ребенка.

Любимой темой в интервью, щедро раздаваемых Сельмурзаевым, было создание демократического правового государства. Он действительно восхищался демократическими переменами. Потому что знал — в таком государстве, при либеральной власти, источившей некогда мощный стальной каркас Российской Империи, бороться с жесткой родоплеменной ичкерийской структурой невозможно. Уже сегодня горец если и не правит в столице ненавистного государства, то во всяком случае владеет большей частью этого города. И здесь его боятся. Русская скотина работает на чеченца — бухгалтером в банке, шлюхой в офисе, вышибалой в банде... То ли еще будет...

И тех негодяев, которые бросили вызов диаспоре, ждет страшная судьба. «Найдем... Найдем иотрежем все, что торчит», — как заклинание повторял про себя Сельмурзаев. Но против его воли душу царапали сомнения.

— И осторожнее, — напоследок сказал своим братьям депутат.

Когда гости разошлись, у него на душе стало совсем слякотно. Ярость ушла. Зато ощущение, что он совершает ошибку, стало расти, как снежный ком.

Зазвонил один из его сотовых телефонов. Сельмурзаев нажал на кнопку и услышал крадчивый голос. Легок на помине.

— Усман Бисланович. Это Феликс. Есть кое-что новое. Мы можем встретиться через полтора часа на прежнем же месте?

— Не лучше ли выбрать местечко поприятнее, — недовольно произнес депутат. — У меня на примете пара неплохих ресторанов...

— Ну зачем же? — укоризненно произнес собеседник. — Здоровье уже не позволяет предаваться чревоугодию. Требуется прогулки, свежий воздух, знаете ли.

— Знаю.

— Будете?

— Буду.

— Тогда я жду.

На этот раз Сельмурзаев нашел место куда быстрее. На плакате, под которым назначена встреча, рекламу «Мальборо» успели заменить на призыв голосовать за какую-то карликовую политическую партию — близилась выборы.

Феликс был одет в то же самое сиротское пальто, безобразную кепку. Только щетина на его щеках стала еще гуще. И в руке была не банка, а бутылка пива. Они устроились на той же лавочке. Контингент вокруг — как в прошлый раз. Мусорное местечко гигантского города, где обитают человеческие отбросы.

Москва. Сельмурзаева тошнило от нее. Он искренне ненавидел этот столп древней и

насквозь прогнившей цивилизации. Нельзя сказать, чтобы Усман был особо правоверным мусульманином, но он считал, что гниль нужно стирать с лица земли. Слово пророка могло бы изменить что-то в этом городе, среди этих людей, но оно здесь не приживется никогда. Россия, колосс на глиняных ногах, как правильно называл ее Гитлер, должна быть сметена. Вместе с этими замусоренными улицами, синюшными от пьянства выродками, угасающими наркоманами. Все под бульдозер!

— У меня для вас хорошие новости, — сказал Феликс.

— Весь внимание, — приторно вежливо произнес Сельмурзаев.

— Не скрою, «Легион» умеет путать следы. Но есть люди, которые умеют их находить... Мы обнаружили объект оперативного интереса «Легиона».

— Что это значит?

Феликс поддел пробку бутылки металлическим перстнем, снес ее. Приложился к горлышку. Крякнул. Только после этого пояснил терпеливо ждавшему депутату:

— Мы засекали их связь в одной из контор, ответственных за техническое обеспечение оперативных мероприятий спецслужб. Много «легионеры» не хотели. Им нужна была распечатка телефонных переговоров с одного номера мобильного.

— И что?

— Мы наткнулись на очередной проект «Легиона», — Феликс опять приложился к пиву. — Номер принадлежит пропавшему без вести ученому. Фамилия его Гурвич. До этого погибли двое его коллег. Они разрабатывали перспективную технологию. Спецслужбам этот факт известен, но заниматься расследованием у них нет ни возможностей, ни средств, ни интереса. «Легион» занялся. Они, как стервятники, любят падаль...

— Дальше.

— «Легионеры» пойдут по следу ученого. Вы по их следу. Рано или поздно пересечетесь. А там уж вам карты в руки, уважаемый Усман Бисланович.

— Карты в руки?

— Или кости игральные. Как уж получится... Пока это единственный выход на их структуру. Ловля на живца...

— Мне кажется, Феликс, ты используешь нас, — нахмурившись, произнес депутат. — Хочешь нашей кровью, нашими деньгами, нашими силами...

— Так кто же неволит? Сделаем вид, что не было этого разговора. Расходимся, — на лице Феликса опять появилась бесящая депутата мерзкая кривая улыбочка.

— А если я сейчас кивну своим людям, они тебя скрутят. А потом мы выьем из тебя дух, допросим в подвале, как мы умеем?..

— Аллах с вами, Усман Бисланович. Что за разнузданные фантазии?.. Во-первых, это технически трудновыполнимо. Вы здесь один. Да и не думаю, что вам станет от этого лучше.

— Это еще вопрос.

— А вот что поймете серьезные проблемы — это точно... Не хочу вас пугать, но...

— Ладно...

— Тем более, если не разберетесь с функционерами «Легиона», вас ваши товарищи, пребывающие за границами России, могут не понять.

Депутат зло посмотрел на Феликса. В корень глядит, сволочь! Скальпы шакалов, сорвавших операцию с изотопами, нужны, чтобы представить тем, кто дает деньги, поставляет боевиков, поддерживает тлеющий костер террора.

— Ладно, я пошутил, — процедил Сельмурзаев. — Забудем... Говорите дальше...

Но их мирная беседа была прервана самым бесцеремонным образом. Шпана, избравшая скверик как место своего постоянного обитания, подогревшись паленой водярой, начала искать себе развлечения. Далеко им идти не пришлось. Сначала они слегонца отпинали бредущего по скверу бомжа. Потом взор старшего из них — долговязого прыщавого дылды лет двадцати — упал на депутата и его собеседника.

Их было пятеро. Они подкатили к лавке. Главарь потребовал безапелляционным тоном:

— Э, черный, дай на пиво...

Сельмурзаев напрягся. Его глаза превратились в щелочки. Он решил — если этот выродок дотронется до него, то умрет. За поясом депутата был прицеплен ствол, «беретта» — подарок министра внутренних дел России за содействие в вызволении заложников.

— Э, пацаны, пацаны, — Феликс нагнулся, поставив на асфальт ополовиненную бутылку пива. И поднялся, засунув руки в карманы пальто. — Шли бы лучше к общаге молдаван донимать.

— Ты, козел, будешь говорить, че нам делать, да? Ты... — Главарь подвалил к Феликсу, сунув руку за пазуху. Похоже, там было что-то увесистое. Шобла рассчитывала на праздничное развлечение.

Феликс пожал плечами. И выдернул молниеносно руку из кармана. В ней была черная трубка. Он сделал выпад в сторону главаря. Послышался электрический треск, паленым запахло. Электрический разряд шибанул в шею долговязого. Тот отключился.

Феликс подкинул в руке рукоять. Нажал на кнопку. Это был не только разрядник, но и нож с выкидным лезвием.

— Следующего недоноска пришью! — радостно хохотнул он и сделал шаг навстречу ребятам. Пару раз молниеносно взмахнул лезвием. И шпану как ветром сдуло. Про своего предводителя они забыли. Тот начал приподниматься, скуля.

Феликс поднял бутылку пива. Отхлебнул. И когда долговязый встал на четвереньки, врезал ему ногой, вышибая неровные, гнилые зубы. Долговязый распластался, заливая хлынувшей изо рта кровью асфальт.

Феликс обернулся к депутату. На миг маска с его лица слетела. И пламя болезненное, замеченное Сельмурзаевым еще в первую встречу, выплеснулось наружу. На лошадином лице этого человека застыло выражение чистой, как первый снег, радости.

«Психопат, — подумал Сельмурзаев. — Натуральный психопат!»

— Вы специально назначаете встречи в таких местах? — спросил Сельмурзаев, когда они отошли на десяток метров от места побоища.

— Эта шпана не представляет угрозы. Если с ядовитыми насекомыми уметь обращаться, они не опаснее тараканов.

— Не лучше ли встречаться в спокойных местах?

— Нет... Мы слишком заигрываемся, считаем себя жителями Олимпа. Возникает иллюзия, что мы не имеем никакого отношения к мутному тошнотворному потоку жизни. Это вредно. Ничего лучше не возвращает с небес на землю, как потасовка с пьяными ублюдками. Ладно. Мы не закончили. Вот, — Феликс вытащил из кармана сложенные вчетверо листы. — Это распечатка соединений с сотового телефона скрывающегося Гурвича. Сам он нам неинтересен. Зато он интересует их...

— Вы уверены, что «легионеры» придут за ним? — с недоверием произнес Сельмурзаев.

— Придут... А вы придете за ними... Кстати, обратите внимание на подчеркнутые желтым номера. Наверняка «Легион» будет их обрабатывать в первую очередь.

— Посмотрим, — депутат сунул листы в нагрудный карман.

— Если будет что-то новое — я сообщу...

Феликс прибавил шаг. И депутат имел возможность полюбоваться на его удаляющуюся спину.

Сельмурзаев развернулся, перешел через дорогу и направился к автостоянке. Феликс! Генерал Войченко! Те, кто стоит за ними! Вот же змеи! Решили использовать ичкерийскую диаспору как разборную команду в своих играх... Ничего... Главное, решить эту проблему... А потом он повернет так, что генерал Войченко, который в этом деле по уши, будет его должником еще раз. А это дорогого стоит.

Как и ожидала Алла, за время ее отсутствия коллектив подраспустился. Перво-наперво, пройдя в свой кабинет и строго кивая приветствовавшим ее подчиненным, она залезла в компьютер. Там Леша Гурвич полгода назад установил сетевой шпион, чтобы было понятно, кто из сотрудников чем занимается.

Поглядим... В ее отсутствие Людмила, старший менеджер, играла в «Марьяж» и «Цивилизацию». Сколько часов?.. Ух ты, маньячка компьютерная, считай, напросилась! Коля Дубин рубился в «Квэк»... Так, а Интернет-то! Интернет! Тут был праздник жизни. И файлы сплошь порнушные, для извращенцев. Господи, с кем приходится работать!.. Ну что ж, посмотрим, как они будут радоваться после распределения квартальных премий!

Недовольство росло. Алла нажала на кнопку вызова. Зашла секретарша Света. Лицо у нее было мечтательно-отстраненное. Алла вскипела, глядя на свою подчиненную. Радостно ей! Идет, как лебедь плывет.

— Документы по переписке с Петербургом, — потребовала хозяйка фирмы «Легос».

— Сейчас, Алла Владимировна.

Секретарша упорхнула. Появилась уже с бумагами.

— Так, — гнев Аллы все закипал, давление в котле нарастало. — Когда будет в бумагах порядок?! Когда, я спрашиваю?!

Светка тут же расширила удивленно глаза и обиженно надула крашенные в какой-то темно-сиреневый цвет губки.

«Плохо, когда витаешь высоко в облаках. Шмякаться больно», — с садистским

удовлетворением подумала Алла.

— У меня все материалы подобраны, — залепетала, оправдываясь, секретарша.

— В твоих материалах год можно копать и ничего не найти! — Алла хлопнула ладонью по пухлой папке. — По лицам, по датам привести в порядок! Ну что выпучилась на меня, будто я тебе лесбийскую любовь предлагаю?!

— Вы же смотрели папки, указаний не давали?!

— На все указания давать?! Детский сад?.. В бумагах бардак. Начальство за дверь — у вас тут что, гульбище сразу?!

— Нет.

— Что, заработалась здесь? Ну да, начальница — стерва! Понимаю! Другое место тебе найти? Где за триста долларов будешь телом обслуживать хачика-на-чальника и всю свору его земляков?!

На глаза Светы навернулись слезы.

— Зачем вы так? — она шмыгнула носом.

— Распустились... Где две бутылки мартини в баре? С Урновым выпили?

Заслышав имя охранника, девчонка зарделась. Алла попала в самую точку. Теперь понятно, почему секретарша витает в облаках. Разврат!

— Вдвоем вышибу, чтобы неповадно было! — воскликнула хозяйка. — Нет чтобы водку взять, им мартини и коллекционное кьянти подавай!

Алла ощутила, как настроение и жизненный тонус поднимаются, усталость куда-то уходит. Вообще, она давно заметила, что лучший способ поднять настроение — вставить хороший пистон подчиненным. И она это умела.

— Ладно. Закрой шлюзы, а то слезами тут все зальешь, — примирительно произнесла Алла, глядя на заревевшую секретаршу. — Ну, все?..

Света кивнула.

— Теперь излагай, что тут произошло за мое отсутствие.

Света подрагивающими пальцами открыла блокнот и начала перечислять звонки, запросы, бумаги. Все-таки Алла выдрессировала ее прилично — секретарша докладывала четко, ясно, по делу и достаточно сжато.

— Все? — выслушав ее, осведомилась начальница.

— Еще звонок был какой-то глупый. Не ко мне, а в бухгалтерию.

— Что за звонок?

— Звонил какой-то ненормальный. Сказал, что это медведь.

— Какой медведь? Белый? — хмыкнула Алла.

— Нет, не медведь... Медвежонок, о! И он сегодня сам появится или кого-то пришлет. Вы ему что-то должны отдать.

— Так и сказал, что я должна что-то отдать медвежонку?

— Да.

— Умереть и не жить, — хохотнула Алла. — Медвежонок...

Оставшись одна, она углубилась в документы. Но теперь не могла сосредоточиться на работе. В голову лезли посторонние мысли. Медвежонок... Леша Гурвич, кто же еще. Он зайдет за вещами. И обязательно об этом оповещать ее подчиненных, да еще не по прямому телефону, а через бухгалтерию? И называться кличкой? Бред какой-то!

«Я ему задам!» — без особой злости подумала она.

Закончив с бумагами, Алла уже без энтузиазма взгрела за нерадивость еще двоих подчиненных и отправилась домой. Настроение в целом было неплохое, однако звонок Гурвича не давал ей покоя. Что-то в этом было неправильное. Не в его стиле...

Во дворе она поставила свой новенький ярко-желтый, с вызывающей красной полосой «Фольксваген»-«жук» рядом с соседскими древними «Жигулями». Закрыла машину, поставила ее на сигнализацию. Кодовый замок на подъездной двери барахлил, послушался только с третьего раза. «Деньги дерут исправно, а с обслуживанием не спешат», — раздраженно подумала она.

Лифт в подъезде сталинского дома был просторный, медленный, двери открывались не автоматически. Сначала поверни тугую ручку, потом толкни решетчатую дверь. В общем, раритет.

Первый этаж... Второй... Ее раздражало, что лифт двигался неторопливо и скрипуче... Вообще, почему-то сейчас ее раздражало все. Тревога, легкой тенью легшая на душу, усиливалась. Давление, что ли, атмосферное меняется? С позапрошлого года она начала ощущать эти чертовы перемены давления. Плохо. Тридцать три года — еще далеко не старость...

Восьмой этаж. Лифт подпрыгнул и осел — тяжело, как старый астматик.

Алла вышла из него, хлопнула раздраженно дверью и начала возиться с ключами. Наконец открыла замок, кинула немного обеспокоенный взгляд на спускающегося сверху тощего субъекта. Сосед новый, что ли, из двадцатой квартиры? Туда недавно въехали новые жильцы, с которыми она еще не познакомилась. Наметанным женским взглядом моментально оценила его достоинства, которые стремились к нулю. Худой, одет плохо, в очках, да еще на ходу читает. Из тех шибзиков, кого и в гроб положат с книгой. Смотрите, не может оторваться...

Она презрительно посмотрела на очкарика. Звякнула ключами. Отперла мультилоковский замок. И толкнула тяжелую стальную дверь.

— Извините, — неожиданно произнес очкарик. — Вы не подскажете мне...

Он преодолел оставшиеся ступени.

— Чего надо? — осведомилась Алла, оборачиваясь и замирая на пороге.

— Да тут... — начал мямлить очкарик.

«Ненавижу мямлей», — раздражение у Аллы росло. Но недолго.

Очкарик, резко сблизившись с ней, отбросил книгу и нанес сокрушительный удар под ребра.

Поддержал женщину, не дав свалиться на кафель лестничной площадки. И почти ласково опустил ее на наборный паркет в коридоре квартиры. Вытащил нож-выкидушку. Выщелкнул лезвие и произнес, взяв Аллу за волосы:

— Заорешь — сдохнешь!

Лезвие маячило перед ее глазами. Она орать не стала.

Впрочем, очкарик тут же избавил ее от выбора ловко, одним движением — заклеив ей рот липучей лентой. Потом вытащил мобильник, нажал на кнопку и сообщил:

— Воробышек прилетел. Жду...

Глеб сидел в неказистом стареньком темно-сером внедорожнике «Субару-Форестер» с тонированными стеклами. Машина приткнулась к бордюру около автобусного круга. Рядом был огромный салон сантехники, за ними шли жилые пятиэтажки и мебельный магазин. Справа протянулся длинный десятиэтажный серый сталинский дом с колоннами и архитектурными излишествами. Там проживает Алла Румянова.

Атаман, сидящий за рулем, изнывал от того, что некурящий Глеб запретил дымить в салоне. Он уперся в газету «Футбольный обзор» и читал с интересом все статьи подряд, не забывая комментировать:

— Мантелли из «Реала» если уйдет, им на Европе ничего не светит... Так, а у «Локомотива» тоже дела неважны.

Приемник в салоне был включен, но доносил лишь шорох эфира и отдаленную музыку. На жидкокристаллическом экране, установленном на стойке между сиденьями, тоже ничего нового.

Вокруг текла обычная жизнь. По улице спешили москвичи, груженные сумками, волоча за руку детей. Тащили из магазина и грузили в автомобили упакованные унитазы, раковины, краны. Около стройтоваров в ряд стояли кавказцы и молдаване, как на невольничьем рынке. На их груди висели таблички с перечнем работ по ремонту, которые они предлагают.

Плоскость обитания, подумал Глеб. Для кого-то город с его проблемами — это арена для повседневного выживания, обустройства своего маленького мирка. Озабоченные тысячами мелких забот, эти люди пережигают на пустую суету свою жизнь, вечно мучаясь от недостатка времени и иногда оглядываясь на дни и годы, летящие со свистом в тягучей бессмысленности. Для редких избранных, таких, как Ратоборец, — это поле боя, простор для оперативных комбинаций. Чтобы различать эти плоскости, нужно особое зрение.

У Глеба было особое зрение. Он отлично видел эти параллельные, пересекающиеся миры. Вон наркоши наверняка ждут с товаром барыгу, передали деньги... Вон, машина с антенной — наверняка милицейская служба наружного наблюдения. Кого пасут? Скорее всего, вон тот джип... Вон у троллейбусной остановки менжуются кавказцы, присматривают карман, в который уместится их рука. Нужно только уметь смотреть. И нужно относиться к городу не как к месту для прогулок, а как к сельве, где попадаются грызуны, травоядные и крупные хищники.

— «Принцесса» вошла в подъезд, — сообщили по рации.

— Вижу, — кивнул Глеб, кинув взгляд на экран.

Технари установили несколько видеокамер, так что, не выходя из машины, можно бышо

получить исчерпывающую информацию об объекте.

Атаман сложил газету и с видимым сожалением кинул ее на заднее сиденье. Складывалось ощущение, что в жизни ему, кроме штрафного на последней минуте в ворота киевского «Динамо», ничего не интересно. Но эта футбольная незамутненность сознания — как режим ожидания в компьютере. Рыбки по экрану плавают безмятежно, но стоит только нажать на кнопку «ввод», и в действие придет разрушительная программа...

— Чует сердце, сейчас начнется, — улыбка у Атамана стала какая-то хищная. Он превратился в пантеру, почуявшую близкую добычу.

Глеб испытывал примерно такие же чувства. Пока все складывалось нормально. Их противник проявил себя. И нет никаких намеков, что он заподозрил присутствие «Малой конторы».

Подружку Гурвича «легионеры» взяли под наблюдение в аэропорту «Внуково», куда она прилетела утренним рейсом. Потом ее сопровождали четыре машины наружного наблюдения. Своих конкурентов «легионеры» не заметили. Те предпочитали контролировать дом.

Алла побывала в офисе, двинула домой. Теперь поднимается на лифте...

— Ты смотри, что это за явление, — ткнул Атаман в экран. На него сейчас сбрасывалось изображение с видеокamеры, установленной за вентиляционной решеткой на лестничной площадке.

По лестнице спускался один из представителей конкурирующей фирмы, для солидности нацепивший на нос очки и вперившийся в какую-то книгу. Интересно, он читать умеет и не держит ли книжку вверх ногами?

— Черт, не завалил бы «Принцессу»! — заерзал на сиденье Атаман.

— Не завалит, — сказал Глеб, нервно побарабанив пальцами по мягкой панели. — Она им не нужна. Им нужен Гурвич.

— Ты смотри!

Было видно, как худощавый парень умело отключил бизнесвумен и захлопнул за собой дверь.

— Молоток. Классно сработал, — оценил Атаман.

— Они перешли к активным действиям, — удовлетворенно отметил Глеб.

— Решили не ждать у моря погоды.

— Значит, ресурсы у них ограничены.

— Во всяком случае поменьше, чем у нас... Теперь наш ход, Глеб. Как работаем?

— Пока наблюдаем. — Глеб переключил изображение на другие камеры, установленные на подступах к дому. — Чую, сейчас еще появятся гости...

Ждать долго не пришлось. Двое молодых уверенных ребят, одетых в длинные кожаные плащи, прошли в подъезд. Поднялись на лифте на восьмой этаж. Дверь квартиры Аллы услужливо распахнулась. Они юркнули внутрь.

— Так, компания в сборе, — потер руки Атаман. — Сейчас услышим, что они хотят от

«Принцессы»...

Слышимость была не слишком, с шорохом помех, однако слова можно было различить без труда. Технари постарались и установили необходимую аппаратуру без проникновения в квартиру Аллы. Это гораздо сложнее и дороже, чем просто сунуть «жучок», но приходилось считаться с ситуацией.

Как и ожидал Глеб, началось все с разговора по душам. То есть слышались пощечины, прикрикивания и угрозы.

— Порежу, сучка... Говори!

— Я не знаю, где он.

— Сдохнешь же, падла...

— Я правда не знаю!

— Говори, сука помойная! Хрясь, шлеп...

— Забьют девку, — с сожалением произнес Атаман.

— Пока ничем ей помочь не можем, — нахмурился Глеб.

Ему совершенно не улыбалось сидеть спокойно и слушать, как изничтожают человека. Но поделаться они действительно ничего не могли. Он знал, что убивать заложницу сейчас не будет. Пока нет Гурвича. Вот если он нарисует, тогда дело другое...

Глеб начал раздавать указания:

— Пятый, Восьмой. Провырнитесь по окрестностям. Может, нащупаете наблюдателей. Не лезьте на рожон... Третий, Одиннадцатый, на позиции. Готовность — единица...

Разборка в квартире между тем шла своим ходом.

— Он тебе звонил?

— Нет!

— Я же вижу, тварь бесстыжая, ты мне на уши помой льешь... Говори, падла! Ну! Хрясь. Бум!

— Он звонил мне на работу... Еще несколько ударов.

— Это чтобы не врала, шалава! Говори все, не стесняйся, как врачу!

— Со мной он не разговаривал. Девчонкам просил передать.

— И что он просил передать?

— Что медвежонок сегодня появится...

Женский всхлип.

— Кто такой медвежонок?

— Он.

— Почему медвежонок?

— Потому что плюшевый.

— Голубки воркуют, — слышался более тонкий голос. — Может, это любовь, Майкл?

— Нашли друг друга. Хер и подруга... Когда появится твой пещерный медведь?

— Он не сказал.

— Будем ждать... Если врешь — накажем, крыса серая...

Глеб кивнул:

— Уже кое-что...

И уперся в экран, увидев там кое-что интересное.

— Первый. Видишь, человек в подъезд зашел?

— Вижу. Бомж бомжом.

— Вот именно, — сказал Глеб.

Бомжатский прикид — один из лучших способов маскировки. Обращают внимание на бомжей не больше, чем на бродячих собак.

Новый субъект сел в лифт. Доехал до седьмого этажа.

— Смотри, — напрягся Атаман. — Неужели туда?

— Посмотрим. — У Глеба было пьянящее чувство, как у профессионального игрока в покер, которому идет на руки хорошая карта и наклеывается крупный куш. — Все интереснее...

Новое действующее лицо пешком поднялось еще на один этаж и направилось прямо к дверям квартиры номер двадцать восемь.

— Наш человек, — с удовлетворением заключил Глеб.

Бомж позвонил в дверь.

— А там уже готов комитет по приему гостей, — Атаман похлопал себя по карману, потянулся за сигаретой, но, покосившись на Глеба, сунул ее обратно.

Дверь отрылась. Как пылесосом туда втянуло нового гостя.

— Лежи, сука!

— Да вы чего, мужики?!

— Ты к кому, петух гамбургский, прилетел?

— Вы менты, да?

— Коля, он нас обзывает.

— Мужики, не бейте... У, бля! У меня у самого две ходки. Свой я!

— Он нас еще больше оскорбляет, Майкл. Опять удары.

— Я не при делах, да!

— Ты к кому пришел?

— Баба тут должна быть.

— Какая баба?

— Алка какая-то.

— Вон та, что ли?

— А я не знаю!

— И что ты от нее хотел?

— Меня мужик прислал.

— И чего?

— Сказал, пакет у нее взять...

— Слышь, курва, чего тебе твой хахаль оставлял? — на этот раз таинственный Майкл обращался к Алле.

— Пакет, — всхлипнула Алла.

— Сопли подбери! Где пакет?

— На балконе!

— Где?!

— В старой стиральной машине.

— Ты, доходяга, куда мужику должен был принести пакет?

— На остановку.

— Где?

— У строймагазина!

— Как он выглядел?

— Такой курчавый. Здоровый. Сто рублей пообещал! И мобильник в придачу дал.

— Какой мобильник?

— Вон в кармане...

— Майкл, проверь мобильник! Выключен?!

— У, бля! Он же все слышал!

— Ищи теперь ветра в поле! Все, ускакал медвежонок!

— Так, давай за пакетом... — какие-то щелчки. Похоже, с размаху пальцем барабанили по клавишам мобильного. — Серега... Ты никого в окрестностях не видел похожего на Эйнштейна нашего?.. Сейчас выходим. Приберем только! Тут больше ловить нечего. Мы проявились. Клиент ушел. Товар, кажется, на месте...

Глеб кивнул Атаману:

— Наш выход.

И произнес в рацию.

— Приготовьтесь снять наблюдателя...

Когда очкарик снял очки, выяснилось, что за ними скрываются голубые и холодные глаза классического убийцы, как их показывают в фильмах. Чистый маньяк на вид.

Потом появились еще два молодца, одинаковые с лица — спортивные, широкоплечие, только один жгучий брюнет с волосами хвостиком, стянутым сзади резинкой, а у другого затылок бритый до синевы.

Алла забилась в угол в просторной, тридцати пяти квадратных метров, столовой с лепным потолком. Ее тонкие запястья украсили хромированные наручники.

Рот залеплен пластырем — незваные гости отлепляли его, когда хотели услышать ответы на свои вопросы.

В ее жизнь пришел кошмар. Гигантский. Всепожирающий, как лесной пожар! Когда она утверждалась в бизнесе, то не раз приходилось иметь дело с блатными, и даже дань платила одно время, как положено. Обычно это выглядело так — приезжали качки, пуленепробиваемые, тупорылые, с гипертрофированными бицепсами и мышцами спины. Они с ходу объявляли свои условия. Или забивали стрелку. Как правило, по достижении взаимоприемлемых договоренностей особенно не донимали. Одного Алла умудрилась охмурить, у них вспыхнул роман, длившийся аж два месяца. После этого Рыжий Олаф, оказавшийся в душе вполне тонкой натурой, исчез — говорят, завалили где-то. В общем, с братвой Алла не конфликтовала. Обычно если наезжали, называла наименование бригады, покрывшей «шифером» ее крышу. И они отваливали.

Вот и сейчас она поначалу решила, что это обычный наезд или ограбление, и попыталась прикрыться блатными знакомыми:

— Я долгопрудненским плачу... Леню Зверя знаю...

— Зверя знает, — уважительно произнес брюнет с хвостиком волос.

— Ничего себе, — присвистнул голубоглазый маньяк.

— Майкл, а ты знаешь Зверя? — спросил брюнет.

— Я что, в зоосаде работаю?! — пожал плечами бритый затылок.

— Он не знает... Значит, не прохияло, сучка. Не внушают нам твои кореша уважение!

Позже с изумлением Алла узнала, что причина ее мучений Леша Гурвич. Никогда и никаким образом он, компьютерный псих, не мог перебежать дорогу таким парням. Тут было что-то не то. Когда она попыталась заявить об этом, то получила по губам, которые и так уже распухли до такой степени, что не нужно было делать пластическую операцию по их увеличению, как это стало модно в тусовке.

Никого выгораживать Алла не собиралась. Тем более Лешу Гурвича. В ней поднималась злость на своего любовника. Червяк ученый! Втравил ее в такую историю!

Допрашивали ее, умело чередуя психологическое и физическое давление. При этом не давая соскочить в истерику. Мысли путались, поэтому она не могла выдать все и сразу и только отвечала на конкретные вопросы. В голове будто билась птица — она готова была унести Аллу в края безумия. Было страшно, безысходно и очень противно.

Голубоглазый оказался мастером бить больно и ничего не отбивать.

За десять минут она выложила им почти все.

А потом послышался звонок в дверь. И появился тот тип.

Такие типы не могли приходить к ней. Она обходила их за километр и уж никак не могла включить их в сферу своего общения. Скорее всего красномордый ханыга ошибся адресом. На свою беду.

Его подсечкой сшибли с ног, распластали на глубоком ворсистом ковре, утопив в него морду. Избили. И быстро выдавили все, что он знал.

Ханыга и рассказал про тот несчастный пакет, который Леха оставил на ее балконе несколько месяцев назад.

Голубоглазый маньяк, узнав об этом, посмотрел на нее с холодной яростью, в которой было обещание смерти. И она почувствовала прилив ужаса. Она забыла уже про этот Лехин пакет. Забыла! Она проклинала себя! Как она могла забыть! А голубоглазый смотрел на нее все упорнее. И питался ужасом, который исходил от нее. Наслаждался им.

— Где пакет? — осведомился брюнет.

Она сбивчиво объяснила.

Все было как во сне. Даже боль казалась ей отстраненной. Этого просто не могло быть в ее жизни!

Бандиты начали по-хозяйски копаться на балконе. Алла не могла освободиться от ужаса, который сжимал ее в своих объятиях и парализовывал, как удав кролика.

Она сидела, прижавшись к стене. Рядом присел голубоглазый.

— Ты мне нравишься... Я тебя оставлю жить. Пока... Мы позабудемся...

Он провел лезвием ножа-выкидушки по ее гладкой нежной шее. Она закричала. Точнее, хотела закричать, но голубоглазый предусмотрительно залепил ей лентой рот.

— Не бойся, — ослабил маньяк. — Бояться уже нет смысла...

Его приятели копались на балконе долго.

— Навалила всякого дерьма. Выбросить, сука, боится. Бабок немеряно, а она барахло копит, — занудствовал брюнет.

— Пыли-то, — бритозатылочный закашлялся.

— Вот, нашел!

Алла видела, как брюнет вытащил сверток, отряхнул брюки, на которые осела балконная пыль.

— Поглядим, — он развернул пакет. Там были два лазерных диска.

— Оно? — спросил бритозатылочный.

— Похоже... Его? — посмотрел брюнет на Аллу. Та отчаянно закивала. В ней вспыхнула надежда — они нашли то, что им нужно. Теперь они уйдут.

— Понятно, — брюнет спрятал диски в маленький «дипломат».

— Как? — с жадностью посмотрел на него маньяк.

— Давай, Зомби. Кончай обоих!

Голубоглазый кивнул и подбросил в руке нож.

Алла прижалась к стене, будто пытаясь вдавиться в нее, впечататься в бетон, продавить стену, уйти от этих исчадий ада.

Голубоглазый усмехнулся:

— Не повезло тебе, мясо. Не дали нам времени позабавиться...

Он шагнул к ней.

Алла снова попыталась закричать...

— Как думаешь, что с заложниками будет? — произнес Атаман.

— Кончат...

— Вот черт!

Глеб и Атаман поднимались неторопливо вверх по ступеням, проигнорировав лифт.

Расклад сил «легионерам» был предельно ясен. В полусотне метров от подъезда пристроился старый «Форд» наблюдателя. Сидящий там глазастый субъект не первый час честно высматривал Гурвича. Наверное, это был тот самый Серега, с которым созванивался бандит из Аллиной квартиры. Видимо, Глеб, направившийся к подъезду с авоськой продуктов, а потом и Атаман с веником под мышкой не вызвали никакого подозрения. Детали отвлекают. Ясно, что не группа захвата — мужик веник купил, несет супруге. Второй прихватил по дешевке помидоры.

В ухе у Глеба был наушник, на который скидывались переговоры из квартиры. Похоже, все шло к кровавой развязке.

Исходную позицию заняли на лестничной площадке. Глеб присел на подоконник, болтая ногой. Он напряженно слушал переговоры в квартире. Потом кивнул:

— Они нашли то, что искали.

— И теперь?

— А теперь начинается самое интересное. — Глеб нажал бусинку и произнес в микрофон на воротнике: — Наблюдателя взять!

— Принято, — услышался ответ. В наушниках прозвучал голос налетчика: «Вот, нашел».

— Пошли, — кивнул Глеб Атаману.

Ситуацию просчитывали. Дом старый, с ходами и выходами, балкончиками, эркерами.

Атаман кивнул и начал неторопливо подниматься на площадку к квартире бизнесвумен.

Глеб отжал защелки — подались они с трудом, распахнул окно. Примерился и махнул на пожарную лестницу. Вцепился в мокрые скользкие поручни — крепко, как тонущий в спасательный круг. Руки едва не соскользнули, но Глеб удержался. И облегченно выдохнул.

Восьмой этаж. И этажи раза в полтора повыше, чем в «хрущобах». Шмякнешься как раз на бетон — кости можно не собирать, скорбящим коллегам они не понадобятся. Хорошо, что люди смотрят чаще под ноги, чем в небеса. Да и дом весь углами и выступами — снаружи эта сторона закрыта, так что эквилибриста, порхающего по балконам, просто так не разглядеть. Все это просчитано заранее — чтобы бдительные жители не всполошились и не вызвали милицию. К чему лишние проблемы?

Предстоял еще один прыжок — на узкий балкончик. В квартире Аллы таких аж три.

Глеб примерился. Затаил дыхание. Внизу бездна. Она манила: ошибись, сделай неверный шаг! И тогда — стремительный полет. Каша из костей, мягких тканей... Нет, так нельзя.

«Давай, Зомби. Кончай обоих», — слышалось в наушнике.

— Второй, давай, — негромко произнес Глеб. Атаман шагнул к двери и глубоко вжал бусинку звонка. Крикнул:

— Алла Владимировна, тут вас просили по поводу стоянки подойти... Откройте, дело срочное. Атаман снова вжал кнопку звонка. В наушнике зашуршали нервные голоса. Как улей растревожили. Налетчики начали перешептываться — случайный гость или подстава...

Глеб прыгнул. Ударился коленом. Но подошвы крепко сцепились с гранитным выступом. А пальцы намертво впились в каменные поручни балкончика. Каскадер, мать твою! Звонки надрывался...

Глеб мягко перемахнул через поручни балкончика. Прижался к стене. Осторожно глянул в окно. Балкончик выходил как раз в столовую, служившую сейчас пыточной камерой, а заодно разделочным цехом. Два силуэта. Там же должны быть жертвы, подготовленные на убой, но их отсюда не видно. Где третий? Разберемся...

Пора.

Глеб вытащил пистолет для бесшумной стрельбы, заранее взведенный и снятый с предохранителя. Резко вдавил плечом раму окна. Хорошо еще, что осталось два деревянных окна в этом стеклопакетовом царстве. Рама с треском вылетела, посыпались осколки. Теперь вперед. Молнией. Пока противник ничего не понимает.

Он прыгнул в комнату, присел на колени. За это время пистолет в его руке дернулся. Хлопок. Голубоглазый с ножом, склонившийся над жертвами в другом конце комнаты, рухнул как подкошенный. Из медперсонала ему теперь понадобится только патологоанатом. Вперед.

Бритозатылочный, обладавший прекрасной реакцией, резко повернулся — пистолет уже навскидку, выцеливает мишень... Он опоздал. Страшный удар ногой в грудь снес его. Стена содрогнулась, когда в нее врезалась стокилограммовая туша. От его затылка в штукатурке осталась вмятина. А с серванта посыпались вазочки. Бритозатылочный отключился. Ему повезло. Жить будет.

Теперь в коридор — просторный, с тумбами, китайской вазой, деревянными панелями. Там третий налетчик... Глеб прыгнул вперед, перекувыркнулся. Интуитивно выбрал именно ту

траекторию движения, при которой попасть в него будет труднее всего.

Жахнул выстрел. Пуля разбила вазу за спиной Глеба. Второго выстрела позволить было нельзя...

Тип с хвостиком на затылке стоял у двери. В одной руке «дипломат», в другой пистолет. Глеб уже достаточно сблизился с ним и снес его подсечкой. Ударом ноги выбил пистолет из руки. Отскочил, целясь в пленного, и посоветовал:

— Не дергайся!

— Не дергаюсь, — прохрипел брюнет, лежащий на паркете, но так и не выпустивший из руки «дипломат». На его лице проскользнула тень торжества.

Глеб понял, что этот человек успел что-то сделать такое, что означало — если не его выигрыш, то хотя бы достойную плюху противнику. Ладно, будем разбираться потом.

— Нейтрализованы, — произнес Глеб в микрофон, открывая Атаману дверь. — Готовьте эвакуацию...

У Махмуда было множество самых различных талантов. Но главное, за что его ценили, — наблюдательность, прекрасная зрительная память и зоркий глаз. Качества, полезные для разведчика. Для хорошего разведчика, каковым считал себя он сам и каковым считали его другие.

В Чечне благодаря ему было проведено несколько громких акций. Он вычислил маршрут генерала госбезопасности, и того упокоили фугасом вместе с охраной. Или хотя бы вспомнить нападение на главу администрации Даргунского района... Да, есть чем похвастаться. В узком кругу.

Впрочем, Махмуд ощущал себя вполне свободно не только в селах и горах, но и в городе. Город нравился ему даже больше. По душе были его шум и грохот. Нравилось лавировать в потоках людей и выслеживать добычу.

Сегодня его послали на предварительную рекогносцировку. Оглядеться на местности. Присмотреться к адресу. Проверить, нет ли конкурентов.

В чем конечная цель его работы, Махмуд не интересовался. Он за свою жизнь усек простую истину — излишнее любопытство опасно для здоровья. И для жизни.

Султан дал указание. Махмуд его выполнит. Для этого он из стильно и дорого одетого гордого горца стал зачуханным чуркой. Похож на гастарбайтера из Азербайджана, но защищен российским паспортом с московской регистрацией от милицейского беспредела и вымогательства. Мало ли зачем он здесь шатается? Земляков ищет. Здесь вокруг везде земляки. Вон оптовый рынок рядом.

Машину он оставил за несколько кварталов. Добрался до длинного сталинского дома. Прошел мимо подъезда, где должна была быть квартира объекта. Кинул взгляд на таблички — квартиры с 1-й по 35-ю. Значит, где-то на восьмом этаже. Прикинул, где должны быть окна.

Побродив по окрестностям, он нашел идеальное место для наблюдения. Оно располагалось у выезда со двора, рядом с трансформаторной будкой и двумя ракушками. Там стоял лоток с фруктами и овощами. Около лотка на складном стуле сучал усатый пузатый, и носатый азербайджанец.

- Как торговля идет, брат? — спросил Махмуд.
- Э, решил помочь? — насмешливо осведомился торговец.
- Смотря сколько заплатишь... Из Мингечаур, да?
- Да, — настороженно кивнул азербайджанец.
- Ваших много здесь... Я был в Мингечауре.
- Давно? — заинтересовался торговец.
- Прошлый год...
- Правда?
- Конечно...
- У тебя там кто?
- Родственники. Аббасов Надиршах. Слышал небось о таком.
- Слышал, — кивнул торговец. — Уважаемый человек...

Они разговорились. Беседа получилась легкая и беззаботная. Говорил в основном азербайджанец. О дальних теплых краях. О московских мытарствах и тяжело дающихся деньгах. О тоске по дому. Подходили покупатели, присматривались, что-то покупали, уходили. Азербайджанец их обсчитывал — не слишком сильно, чтобы без обид. И опять говорил про дом.

— А чего ты сюда? — наконец заинтересовался торговец своим собеседником, который так хорошо умел слушать.

— Строитель, — сказал Махмуд. — Был заказ хороший. Теперь заказа нет. Вот шатаюсь. Должен встретиться у магазина строительного с земляком. Он работу обещал. Время коротаю.

— А...

Махмуд, поддерживая умело беседу, не забывал присматривать за окружающим пространством. И в его душу начала закрадываться тревога. Что-то здесь было не так.

— Чего, только фруктами торгуешь? — спросил Махмуд.

— А чем еще?

— Ну, травкой там...

— Э, — потряс пальцем торговец. — Тут за траву бьют больно. Нищий совсем останешься от милиции откупаться.

— Да ладно тебе.

— Нет, если надо, я могу свести с земляком. Но сам я — ни-ни...

— Пока не надо. Своя есть.

— А я не балуюсь. Ни к чему это.

— Иногда помогает, — рассеянно произнес Махмуд. Он ощущал, как атмосфера сгущается, будто перед грозой. Не мог понять, что творится, но что-то здесь затевалось.

Появилась изящная, как игрушка, машинка. Новый «Фольксваген» — видоизмененный «жук», желтый, яркий, не заметить его невозможно. Ее машина!

— Если не найдешь работу, я тебя брату покажу, — великодушно пообещал торговец. — Точку даст. Присмотришься. Торговать научишься — тогда больше, чем на ремонте квартир поимеешь.

— Спасибо, — улыбнулся Махмуд. — Поглядим...

Ох, как не понравились ему двое громил в кожаных плащах, которые вошли через некоторое время после женщины в подъезд. В их поведении было что-то слишком целеустремленное. Так идут на дело. Притом идут люди, уверенные в своих силах.

Махмуд решил пока не соваться ближе. Надо прикинуть, что там творится. Может, он чересчур мнителен, и его насторожили обычные люди.

— Кури, — протянул он азербайджанцу сигареты «Кэмел». — Настоящие американские. Не левые.

— Спасибо, — торговец взял сигарету. — Хорошие куришь.

— Люблю...

Текли минуты. За это время в подъезд вошло еще трое. Какая-то тетка с увесистой сумкой. Мужик с пакетом. Другой с веником. Эти явно не из его клиентов. Скорее всего... Хотя...

Тягучее ожидание. Бессмысленный разговор. Махмуд механически продолжал балагурить. К ним присоединился еще один азербайджанец. Кажется, старший над несколькими точками. На своего подчиненного и на Махмуда он смотрел свысока, но намек на родство незнакомца с самим уважаемым Надиршахом Аббасовым возымел волшебное действие. Последовали рукопожатия, вопросы, обещание помочь с работой и найти торговую точку.

И тут все закрутилось...

В подъезд повалил народ. Подъехала «Газель» с глухо занавешенными окнами. За ней — «Жигули». Оттуда вышли ребята и слишком сноровисто преодолели запертую на кодовый замок дверь. Тут же замаячил какой-то тип в форме майора милиции. Интересно, настоящий или ряженный?

— Э, ты слышишь?.. — спросил торговец, увлеченный изложением очередных своих взглядов на жизнь и судьбы мира в целом и Азербайджана с Москвой в частности.

— А, да, ты прав, — закивал Махмуд, косясь в сторону подъезда и теперь убедившись, что происходит нечто по их тематике.

Потом энергичные ребята повалили обратно. Здоровенный, широкоплечий парень вел женщину, обняв ее за плечи, она двигала ногами как-то механически. В ней Махмуд опознал хозяйку «Фольксвагена». В толпе вполне мирно, явно по своей воле, шли те двое в кожаных плащах. Протащили какой-то предмет, подозрительно напоминающий завернутое в целлофан тело.

Вся эта странная свора быстро расселась в машины. Заревели моторы. И вскоре во дворе опять воцарились тишина и покой.

А Махмуд застыл как вкопанный, осененный внезапным озарением. Шайтан побери! Он провожал глазами «Жигули», куда уселся широкоплечий здоровяк. Получался совсем неожиданный, интересный поворот. Очень выгодный поворот!

— Так ты придешь? — спросил торговец.

— Куда?

— Как куда? — возмутился азербайджанец. — Ахмеду показаться! Мы же говорили!

— Приду... И Ахмеду покажусь, — кивнул Махмуд, хлопнул торговца по плечу. — Спасибо. Встретимся.

— Телефон его возьми.

— Я к тебе подойду. Мы же мусульмане. Должны помогать друг другу.

— Да, — торговец расчувствовался...

Махмуд легкой походкой, засунув руки в карманы, двинул вперед. Добрался до своей древней «бээмвухи». Взял оставленный в «бардачке» мобильный телефон. Но потом отложил — незачем доверять трубке то, что он узнал.

Через сорок минут он был у Султана, пахана крупной чеченской группировки и друга депутата Сельмурзаева. Махмуд коротко доложил, что видел. А потом произнес:

— Я узнал их.

— Кого?

— Того, с рисунка. Он выводил из дома ту самую ведьму.

— Их — это много человек!

— Вот именно. И другого узнал... Это...

— Кто? — прожег его взглядом Султан.

— Это из бригады Саши Кандагарского.

— Что?!

— Когда мы договаривались, помнишь... Он был там. Кликуха, кажется, Карась.

— А ты не ошибся, Махмуд? Подумай.

— Я подумал.

— Подумай лучше. Ошибка может дорогого стоить.

— Он это! — воскликнул Махмуд.

Султан кивнул. Ну что ж, все сходится. Насколько он знал, Саша Кандагарский воевал в спецназе ГРУ. И «Легион», эта странная структура, состоял в основном из бывших спецов всех мастей...

Ну что ж, будет чем порадовать народного депутата Сельмурзаева...

Из подъезда вышли хорошо. Почти мирно. После дозы препарата налетчики двигались хоть и вяло, но по своей воле. Накачали и Аллу. У окружающих создалось впечатление, что компания вполне мирно покинула дом. Наблюдателя, следившего с улицы за подъездом, тоже сняли тихо.

Больше на адресе делать было нечего. Языки захвачены. Заложники спасены. Точка засвечена.

— Где теперь искать этого Гурвича? — досадливо произнес Атаман, когда они пересели из «Жигулей» в «Субару-Форестер».

— Да, — Глеб кивнул задумчиво, глядя на замигавший красный светофор. Опять пробки. Нужно убраться с места как можно быстрее. — Все усложнилось...

— Черт. Гурвич ушлый, гад, оказался.

— С мобильником хорошо придумал.

На базе-2 уже приготовились к приему. Новый материал терпеливо ждал Доктор со своим инквизиторским инструментарием. Там же были технари со своим оборудованием. Последним Глеб передал изъятый чемоданчик, мобильники, записную электронную книжку, изъятые у пленных.

Портфель технари просветили насквозь, проверили детекторами взрывчатых веществ, провели еще какие-то загадочные манипуляции.

— Чисто, — сказал старший группы техников. — Будем делать вскрытие.

— Ну да, — хмыкнул Глеб.

— Не думаю, что это что-то даст.

— Почему?

— Портфельчик непростой...

Из портфеля извлекли бумажный, перетянутый изолентой, надорванный сверток с двумя лазерными дисками.

— То, за чем мы гонялись, — произнес Глеб.

— Сейчас посмотрим. — В голосе технаря не чувствовалось воодушевления, наоборот, ощущалась подозрительность.

Компьютер проглотил лазерный диск. На экран поползли какие-то значки.

— Ну, — произнес Глеб.

Технарь, не удостоив его ответом, вставил второй диск. Опять поползли значки.

— Чего там? — Глеба жгло нетерпение.

— Ничем порадовать не могу. Пациент скорее мертв, чем жив.

— Объясни.

— Смотри, этот кейс — аппарат для стирания информации с дисков и дискет, — пояснил техник. — Злодей успел нажать на кнопку уничтожения информации.

— Успел, сволочь. — Глеб вспомнил удовлетворенное лицо брюнета. Доволен, сволочь, был, что врагу тоже ничего не досталось. — Я так понимаю, информация эта настолько важна, что заказчик решил подстраховаться.

— И выдал хитрый чемоданчик для транспортировки. Чтобы при малейшей опасности достаточно было нажатия пальца.

— Можно восстановить информацию?

— Этот прибор не для того делали, чтобы после него что-то можно было восстановить.

В помещении для допросов с пристрастием Доктор довольно быстро привел первого допрашиваемого по кличке Карась, того самого брюнета, в состояние сговорчивости и предельной искренности. Не понадобилось слишком стараться. Объект был не из тех, кто готов погибнуть, но ни на шаг не отступить. И теперь брюнет послушно, с готовностью отвечал на вопросы Глеба. На его лице застыло благостное выражение — результат действия препаратов, которые Доктор вогнал ему в вену.

— Откуда вы такие приткие? — спросил Глеб.

— Из Реутова, — пленный даже не пробовал на прочность кожаные ремни, которыми был привязан к креслу. Он говорил невнятно, скороговоркой, и все время нервно улыбался — тоже результат использования психотропных веществ.

— И что вы у Аллы Владимировны Румяновой в квартире забыли?

— Мы искали ее знакомого.

— Кто мы?

— Я, Майкл и Зомби.

— Кто послал?

— Саша Кандагарский.

— Что за птица? Не слышал о таком.

— Кому надо — те слышали. Кому не надо — тому и знать не обязательно.

— Профиль работы?

Карась замялся. Доктор положил ему руку на плечо, внимательно поглядел в глаза, не произнося ни слова. Из допрашиваемого будто скелет выдрали, расплылся в кресле, взгляд потух.

— Деликатные дела, — пробормотал Карась. — Кто-то кому-то не нравится. Кто-то готов платить деньги, чтобы кто-то исчез.

— Конкретнее. Кого убрали? — потребовал Глеб.

— Слава Бакинский, — послушно стал перечислять пленный, — банкир Розецкий. Еще пара...

Он попытался снова напрячься и прервать поток откровенностей, но рука Доктора опять успокаивающе легла на его плечо.

— Что вам понадобилось от знакомого Румяновой?

— Все документы и дискеты. И он сам.

— Дальше что с ним делать собирались?

— Утилизировать. Чтобы никогда не нашли. Или передать заказчику. Это решал Саша Кандагарский.

— Кто заказчик?

— Я о нем мало знаю... Саша его знает... Мы уже работали по поручению того заказчика.

— Что делали?

— Утилизировали. Какого-то мозгляка ученого.. Хи-хи. По цепи ходит кот ученый... Ученый... Хи-хи...

— Где жил этот кот ученый?

— На улице Алексея Толстого. Устроили самоубийство.

Так, сделал отметку Глеб. Проект «Биоконструктор». Профессор Аврамов.

— Еще был один, — продолжал выкладывать брютет. — Там инсценировали разбойное нападение. Кастетом по кумполу. Банный переулочок.

— Ты видел хоть раз заказчика?

— Однажды видел. Мутный тип.

— Под Сашей Кандагарским еще много людей ходит?

— Ходят. Мы не пересекаемся. Работаем четверками. Я старший. Для моих подчиненных Саша недоступен.

— То есть твои люди ничего нам ценного не сообщат?

— Ничего.

— Ты должен был делать отзвон Саше Кандагарскому?

— Я ему прозвонил, когда мы зашли на хату. Следующий звонок в четыре часа. Или по итогам, если что получится.

— Звони.

Карась послушно взял трубку. Нащелкал номер. И повторил слово в слово то, что ему сказал Глеб:

— Саша. Пока без изменений. Мы с девкой сидим У нее дома. Ждем.

— Не сходить с места, ясно, Карась?

— Я понял.

— Упустите — сниму бошки сразу.

— Я все понял.

— Хорошо, что такой понятливый. Чего голос такой?

— Голос как голос.

— Ну, давай!

— Отбой.

— Где нам его найти? — спросил Глеб.

— В Москве, в кабаке. «Золотой корень», он там тусуется. Или в Реутове... Или...

— Где вероятнее всего?

— В Реутове.

Постепенно Глеб выдавил из брюнета всю интересующую информацию. Теперь можно было приступать к следующему этапу. Он нажал кнопку внутреннего оповещения, произнес:

— Все оперативные группы, задействованные в операции. Выезд через десять минут. Старшие групп — в комнату четыре.

После определения плана мероприятий, распределения ролей, проработки маршрута передвижения, точки сбора, Глеб кивнул старшим групп:

— Ну, в дорогу, ребята...

Оперативные машины отчалили от базы. Вечерело. Предстояло проехать насквозь Москву с ее пробками.

На въезде в Реутово их тормознул милицейский заслон. Переливались огнями мигалки патрульных машин. Гаишники были экипированы по тяжелому варианту — серые бронежилеты, короткоствольные автоматы. Глеб продемонстрировал старшине муровское Удостоверение — документ прикрытия, и полюбопытствовал:

— Чего за переполох?

— Да обнаглели бандюки, — вздохнул полноватый, с одышкой сержант, которому было тяжело таскать броник, и он проклинал сейчас весь свет. — Палят почем зря.

— Убили кого-то?

— Есть немного...

Султан недовольно думал о несправедливости этого мира. Сельмурзаев сидит в своем роскошном доме или протирает штаны где-нибудь в законодательном собрании и ожидает, чего ему доложат. Ну да, депутат должен раздавать интервью и приказывать делать грязную работу. А Султан обязан подставляться под стволы, колесить по пыльным улицам и искать сумасшедшего «афганца».

— У него несколько любимых мест, — информировал Махмуд, сидящий на переднем сиденье машины и жадно вдыхающий воздух ноздрями. Точно гончая на охоте. За это его и любил Султан. Этим он его и пугал. Оборотень, а не человек. И нюх сверхъестественный.

Мобильник у Саши Кандагарского не отвечал. Гудки капали без всякого толка. Саша тронут на мобильных телефонах. Раз в месяц покупает новую карту. И последнего номера его никто не знает.

Султан огляделся. Унылые новостройки. Ухабистая, разбитая дорога с глубокими лужами. К грязной, с потеками девятиэтажке прилипла новенькая, с дымчатыми окнами пристройка с вывеской «Сберегательный банк». Дальше безвкусное краснокирпичное здание с названием «Харчевня „Три поросенка“». Султан остановил джип, затормозил, не доезжая квартал до этого питейного заведения.

— Проверь, — кивнул он Махмуду.

Тот вышел из машины. И растворился во дворах... Появился через несколько минут, переводя дыхание. Уселся обратно на кожаное сиденье джипа. И сообщил:

— Нет его здесь...

Следующая точка, где может быть Саша Кандагарский, — бильярдная «Гаянэ».

— Нет, — опять произнес Махмуд, пропихиваясь после вылазки в салон джипа.

Отработали еще несколько точек.

Вечерело. Никаких следов Саши Кандагарского не было. Сельмурзаев звонил на мобильник уже третий раз и спрашивал:

— Как?

— Никак, — отвечал зло Султан.

— Без него я вас не жду.

— Да понял я! Не мальчик, да!

— Жду...

Четыре машины с султановскими бандитами утюжили реутовские улицы. Двоих ребят выставили поблизости от берлоги Саши Кандагарского в краснокирпичном элитном десятиэтажном доме рядом с госпиталем внутренних войск. Но это было бесполезно. Саша редко бывал дома.

На Султана начала наваливаться тупая усталость. Не любил он долгой и бесполезной работы. Его деятельная, взрывная натура протестовала против нее. Душа жаждала стремительного броска, налета, выстрелов, запаха крови и упругого свежего ветра. Он воин, а не ищейка!.. И все-таки надо искать. Депутат будет зол, если Сашу Кандагарского не найдут. Зато если он представит Сашу перед депутатские очи, то за Сельмурзаевым будет должок. И он стребует его с максимальной выгодой для себя. Ему нужно было, чтобы Сельмурзаев был его должником. И для этого готов был колесить по этим улицам хоть до осени.

— Вон! — радостно воскликнул Махмуд.

— Что? — Султан непонимающе завертел головой, притормаживая машину.

— Вон его машина! «Мерс» темный.

— Откуда узнал?

— Да вижу.

— Зрение, как у орла! — хмыкнул Султан.

— Точно он.

Синий «Мерседес» застыл около сквера на бетонном пятчке рядом с высокой бетонной оградой войсковой части. В салоне темнели какие-то фигуры.

Султан прижал джип к бордюру. По мобильнику соединился со своими людьми, которые следовали за ним на двух машинах, но отстали:

— За поворотом, у забора части, напротив сквера, его машина. В ней двое. Мы их забираем...

Он вытащил из тайника «вальтер». Передернул затвор. Сердце заколошматило, как всегда перед потасовкой.

Подождав, пока подтянутся сопровождающие машины, он дал газ.

«Мерседес» зажали спереди и сзади, лишая возможности сдвинуться. Из машин посыпалась «пехота» со стволами.

— Сидеть, блядь! — крикнул Сейдым, звероподобный чеченец.

И тут грохнуло резко и хлестко. Сейдым согнулся и рухнул на колени, получив пулю в живот. Остальные боевики дунули в стороны.

— Живьем брать! — крикнул Султан, пригибаясь и прячась за джипом. В животе засосало. Стало неуютно. Он понимал, что может нарваться на пулю. Он всегда боялся шальной пули, предчувствуя, что однажды она найдет его.

Дверца «Мерседеса» распахнулась. Из нее выпрыгнул Саша Кандагарский. Встал во весь рост. И заорал:

— Ну, духи, давай! Выходи!

В одной руке он сжимал «лимонку» с выдернутой чекой. В другой — ствол, кажется, «ТТ».

Он выстрелил два раза в направлении боевиков. Послышался вопль боли — пули кого-то зацепили.

Саша поднял руку с гранатой. И бросил «лимонку» назад, где остановилась «Ауди».

Грохнуло.

Саша бросился вперед, выстрелил на ходу еще два раза. Кому-то опять досталось. Он действовал с такой безумной отчаянной смелостью, презирая смерть, что вполне мог уйти.

Ринулся к забору войсковой части, проломился через кусты... Тут его и догнала пущенная в спину пуля.

Из последних сил он успел размахнуться и швырнуть в сторону боевиков еще одну гранату.

Султан тяжело дышал. Осколок гранаты оцарапал ему щеку, и теперь по коже струилась кровь. Ох, как плохо все вышло! Русские, никогда не знаешь, что от них ждать!

Сейдым лежал без движения. Муслим корчился, схватившись за грудь. Еще один горец стонал:

— Больно! Кишки мои! Больно!

Итог. Один воин ислама убит. Двое серьезно ранены. Еще один контужен. Махмуд сидел, держась за окровавленное плечо. Ох, как Саша их сделал.

Кандагарского взять живым не удалось. Оставалось прихватить второго, кто был с ним в салоне.

Двое боевиков, присев, целились в сторону черного «Мерседеса», прячась за корпусами своих автомобилей, чтобы прикрыться железом в случае, если тот, в салоне, похож на Сашу Кандагарского.

— Стрелять? — крикнул один из бойцов Султану.

— Берем в плен! — отозвался тот. — Выходи, блядь! Или убьем!

— Не стреляйте! — донесся из машины жалобный вопль. — Пожалуйста! Я ни при чем!

— Выходи! Осторожно так!

Дверца «Мерседеса» распахнулась. Человек, съежившийся на полу салона, выполз на четвереньках. Он так и не поднялся — стоял, как животное, и что-то унизительно блеял. Был он малорослый, задрипанный, явно не походящий на крутых сподвижников Саши Кандагарского. Похоже, никаких гранат и оружия при нем не имелось.

Султан кивнул своим оставшимся на ногах боевикам:

— В тачку ишака!

Подошел к телу Саши Кандагарского и методично, с холодной яростью опустошил в него весь магазин.

Вдали заголосила милицейская сирена.

— По машинам! — Махнул рукой Султан. — Разъезжаемся!

Раненых и пленного кинули в автомобили. И те сорвались с места.

Теперь предстояло выбраться из города. В каждую машину Султан обязательно сажал человека, отлично ориентирующегося в Москве и области. При таких акциях, когда все идет наперекосяк и на хвост грозят шесть бандиты или менты, знание местности и дорог может спасти жизнь и свободу. Сейчас патрули перекроют основные дороги. Начнутся ментовские игры в планы «Перехват» и «Сирена». Может, придется уходить с боем...

— Рассыпаемся, — приказал Султан.

Теперь каждый экипаж выбирается сам. Спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

По каким-то околицам, пустырям Султан вывел машину за черту города. На основную трассу хода нет. Там все схвачено...

Хорошо, Махмуд ориентировался на местности, как настоящий бес, он безошибочно указывал единственно верную дорогу...

На ходу Султан соединился по мобильнику с Сельмурзаевым.

— Взяли? — осведомился тот.

— Не совсем. Но проблема решилась.

— Как решилась?

— Ну... Саша Кандагарский больше не будет нам досаждать...

— Ты серьезно?

— Так получилось...

— Ты меня огорчил, — с угрозой произнес депутат.

Голос был нехороший. Сельмурзаев закусил удила и в таком состоянии становился опасен. Тут Султан кинул кость.

— Одного гостя пригласили. Думаю, он заменит ушедшего.

— Куда везете?

— В схрон. Иначе нельзя. Мы уходили с шумом. Одного потеряли. Менты переполошились...

— С места позвонишь...

Султан нервничал. Прошел уже час после того, как он прибыл на базу. Подтянулись все экипажи, кроме серой «Волги» с тремя воинами. Он поглядывал на часы, раздумывая, что предпринять. Конечно, он надеялся на то, что если его люди попались ментам, то они будут молчать, хоть ремни из них режь... Но человек слаб. У человека иногда бывает слишком длинный язык... Так что вполне можно ждать сюда десанта в серых мундирах.

База располагалась на территории развалившегося животноводческого совхоза. Здесь имелась пара крепких кирпичных строений и заброшенный тракторный парк. Тут можно сбросить раненых. Пересидеть. Оставить засветившийся автотранспорт...

С каждой минутой Султан волновался все больше. На окрестности давно пала плотная тьма.

— Кто? — напряженно произнес он, вслушиваясь в отдаленный звук мотора и всматриваясь в темноту. Впереди — заросшие сорняками поля, среди которых петляла раскисшая проселочная дорога. Дальше — черная масса леса.

— Одна машина. Легковая, — с ходу оценил Махмуд.

Сердце у Султана заколотилось. Он прикрикнул, раздавая указания. Его люди с автоматами заняли позиции.

Запрыгал в отдалении свет фар...

Наконец Султан с облегчением перевел дух. Это была потерянная серая «Волга». Она застыла у одноэтажного кирпичного строения.

— На заслон наткнулись, — объяснил боевик, вылезая из салона. — Пришлось уходить с шумом...

Выбрались все! Время подводить итоги... С раненым в живот было плохо — похоже, что не выживет. Остальных осмотрел Махмуд, умеющий оказывать первую помощь в полевых условиях. Машины загнали в боксы. Ездить на них нельзя — они изрешечены осколками.

Теперь можно отзванивать Сельмурзаеву.

— Мы выбрались, — проинформировал его Султан.

— Оставляй своих людей. Езжай на наше место.

Я буду там.

— Не раньше, чем через два часа. Я остался без транспорта.

— Хорошо...

Через час подкатили две машины с султановской «пехотой». С ними был хирург группировки, который привык подлатывать раненных в жестоких московских боях бандитов.

— Этого в машину, — Султан кивнул на скованного наручниками пленного, пристегнутого в промозглом, холодном помещении к батарее. Тот походил на бухгалтера или мелкого бизнесмена. На нем был серенький дорогой костюм, светло-голубая рубашка, галстук, не модный, но добротный. Султан испытывал сомнения, что это достойная замена Саше Кандагарскому. Но на безрыбье и щуку раком...

— Георгий, Муслим — в машины, — начал давать Султан указания. Он решил двигать на «дачу» — хороший домик, который использовался для хранения пленных, с несколькими сопровождающими. Нужно не менее пяти верных людей, с оружием. Не то чтобы чеченский главарь собирался воевать со своим уважаемым земляком, но подстраховаться стоило. Сельмурза-ев порой бывает неуправляемым. В такой момент Султану не хотелось оставаться с ним наедине без доброго ствола за пазухой и без надежных бойцов за спиной.

— Вперед! — приказал Султан, плюхаясь на заднее сиденье и захлопывая дверцу «Фольксвагена».

«Дача» представляла из себя деревянный дом с огромными подвалами. Там уже ждал Сельмурзаев.

— Я думал, ты притащишь мне волка, — произнес с расстановкой, роняя слова, будто отщелкивал патроны, депутат.

В его глазах застыла такая холодная ярость, что Султан возблагодарил Аллаха за то, что догадался взять вооруженное сопровождение.

— А ты привез лягушку. — Сельмурзаев пнул ногой трясущегося пленного, которого поставили на колени на холодный каменный пол.

Тусклая лампочка, раскачиваемая сквозняком, играла человеческими тенями на серых, некрашеных бетонных стенах глухого подвального помещения. В углу на полу были пятна крови — следы прошлого разбора.

— Что из тебя можно выжать, жаба? — Депутат пригнулся, взял за жидкие волосы, посмотрел в наполненные ужасом глаза.

— Не убивайте! — захныкал пленный. — Я все сделаю!..

— Посмотрим, на что ты годен...

Голова у Гурвича была пустая и гулкая.

— Ну что с тобой? — Анжела прижалась к нему.

— Со мной все нормально.

— Мальчишечка, ты хоть выпей.

На столике рядом с диваном стояла открытая, почти полная бутылка медовой настойки «Немирофф». Гурвич взирал на нее с отвращением. Ничего не хотелось — ни есть, ни пить, ни говорить. Хотелось сдохнуть.

Девушка что-то ворковала, в чем-то убеждала. Поникший Гурвич вызывал у нее жалость. Но он ее почти не слышал.

— Выпей хоть глоток, — Анжела наполнила бокал, кинула туда лед и протянула ему.

Гурвич послушно проглотил стакан настойки, заел бутербродом.

— Вот и хорошо, — ворковала проститутка. Она обращалась с Гурвичем, как с ребенком. И желание избавиться от него куда-то подевалось. Он будто становился ее собственностью.

Она поцеловала его, потом включила «Тошибу» с плоским, почти метровым экраном, на который заработала своими нелегкими трудами. Выбрала музыкальный канал.

Динамики взвыли голосом поп-звезды Алисы Ишматовой:

Я тебя обожаю, Я тебя съем. Я тебя зажарю Будешь мой совсем!

— Леш, я торчу от нее, — Анжела захлопала в ладоши.

— Выключи! — крикнул истошно Гурвич.

Песня ритмом била по мозгам. А тут еще слова! Кто пишет такие слова! Они будто гвоздями вбиваются в психику!

— Ладно, ладно, — успокоительно заворковала Анжела, переключила телевизор на вторую программу и сделала потише.

— Ты только не беспокойся, мальчишечка...

Странно, он не обижался на это пошлое «мальчишечка». Оно его даже успокаивало.

Программист хватанул еще настойки. Спиртное лилось горячим потоком по жилам. Он чувствовал себя глубоко несчастным.

Сегодняшний день отнял у него надежду. Он так рассчитывал на эти диски. Он уже предвкушал, как получит их. Как пустит в оборот. И избавится от страха. От преследования. Свершится то, о чем грезилось в последние дни — он станет обычным человеком, а не прыгающим по бугоркам зайцем, рядом с которым бьет фонтанчиками земля от дробы охотничьих ружей.

— Криминальная хроника, — на экране телевизора миловидно улыбнулась дикторша. — Новые мафиозные войны в Подмосковье. Сегодня около восьми вечера жители подмосковного Реутова были встревожены артиллерийской канонадой. На этот раз исламские террористы были ни при чем. Сводили счета мафиозные группировки. На месте обнаружен труп Александра Воронцова, больше известного в криминальных кругах как Саша Кандагарский...

Гурвич кинул задумчивый взор на экран. Почему-то его задела за живое эта в мажорном тоне изложенная дикторшей информация. Саша Кандагарский. Наверное, бывший «афганец». Прошел через войну. Вернулся. А сейчас валяется в судебно-медицинском морге... И он, Гурвич, мог бы устроиться где-то рядом. У них разные судьбы. И попали бы туда по разным делам. И на время стали бы добрыми соседями, перед тем как найти последний приют на одном из московских кладбищ.

Мертвенно светящие лампы. Кафель. Алюминиевые столы. И синюшные тела. Одно из них — Гурвича. От этой яркой картинке, будто волшебным фонарем высвеченной в голове, пришел запоздалый страх... Такая противная вещь. Тот ужас, который ты не добрал в минуту опасности, потом вползает удавом в душу и сдавливает тебя упругими, душными кольцами.

Запоздалый страх — большой искусник на такие яркие картинке. Тело в морге рядом с тем самым «афганцем». Скальпель патологоанатома взрезает бесчувственное тело. Это могло бы случиться с ним, с единственным и неповторимым, с центром этой Вселенной. И не было бы для Гурвича на этой земле завтра. И солнца не было бы. И луны. И этой квартиры. Если бы он сам поперся на квартиру, а не послал бы случайно подвернувшегося ханыгу. И если бы не догадался сунуть ему в карман мобильный телефон.

— На улице Зеленой произошло бытовое убийство на почве распития спиртных напитков, — продолжала перечислять дикторша криминальные новости мегаполиса. — На Литовском бульваре обнаружен с колото-резаными ранами труп кавказца...

Трупы. Трупы. Трупы. И не затупятся ножницы того, кто в этом гигантском городе обрезает нити жизни. У него много работы — от часа к часу, изо дня в день. Реки крови. Город тонет в крови.

Гурвича передернуло от этой картины.

Те, кто охотится за ним, все-таки вычислили Аллу. И неизвестно, кого еще. Они широко раскинули свои сети. Надо бежать... Надо бежать из города. В тайгу. В Сибирь... Кто его найдет в тайге, в Сибири?

А может, за бугор умотать? Хотя бы на Украину... Не выйдет. Загранпаспорт на его квартире, а туда не попадешь — опасно.

Плохо все. Безысходно...

Яркие, наверное, в морге лампы. И под ними мертвое тело. Его тело...

На этот раз он налил полный стакан. И махом опрокинул его. Крякнул — дыхание перехватило...

Ангела с одобрением посмотрела на него. Если мужик пьет, значит, душевно выздоравливает.

После двух третей бутылки он отключился. Повалился на диван. И захрапел.

Ангела ласково поцеловала его в щеку. Потратила какие-то полчаса, чтобы наспех привести себя в порядок. Жирно покрасила сексуальные пухлые губы, которые почему-то всех мужиков наталкивали на одну и ту же мысль. И отправилась на работу.

Сбылась ее давняя мечта — она поднялась в табеле о рангах, переместившись из придорожной забегаловки в приличную гостиницу. Притом в самый центр, считай, у Кремля — в «Россию», которую еще прозывали «Кавказской пленницей». Говорят, лет десять назад, когда она была государственной, ее облюбовали дети южных народов. Любовь эта была настолько крепкой, что при начале дележа государственного имущества ее приватизировал ичкерийский клан.

Ангеле здесь нравилось. Работала четвертый день. Правда, платили ненамного больше, чем на улице. Зато куда спокойнее. Клиентов полно. Менты свои — только успевай им отстегивать да иногда обеспечить субботник — это дело житейское, не жалко.

Привела ее сюда подружка Лиля, исполнившая давнее обещание. И теперь они дежурили в

свободном номере. Тихо звучал телевизор на неизменном музыкальном канале. Вечер не задался — ни одного завалящего сексуального страдальца. Поэтому время пережигалось на болтовню, сплетни. Лиля перемывала косточки своим клиентам, не скупясь на уничижительные характеристики.

— На вид — снежный человек. Йети. Волосатый. Обезьяна, ей-богу... Ну, думаю, этот сейчас меня сделает. Не поверишь, инструмент маленький, тоненький, кривенький... У них в Германии там много таких. Страна импотентов.

— Понятно, — задумчиво кивнула Анжела...

— В прошлом году, помню... — продолжала журчать Лиля. Опыт у нее был богатый, хотя по виду — совсем малолетка. На ее невинный вид и голубые глаза клевали многие.

Анжела слушала ее невнимательно.

— А ты чего? — Лиля, наконец, прикрутила немного вентиль и обратила внимание на странно мечтательный вид подруги.

— Да у меня все ништяк. С парнем сейчас живу, — вдруг преисполнилась гордости Анжела.

— Хороший такой мальчишечка. Такой здоровый. Борода классная... И у-умный...

— Чего, образование верхнее?

— Кандидат наук.

— Бог ты мой, как тебя угораздило? — ехидно произнесла Лиля. — Голозадый, нищий, зато в мозгах куча философского дерьма, которое никак не обращается в бабки.

— Да нет, бабки у него есть. Немного, но есть.

— Короче, ты его кормишь!

— Не кормлю! Помогаю. — Понизив голос до заговорщического, она произнесла: — Он скрывается.

— От кого?

— От бандитов, наверное. Или от ментов... Или от КГБ...

— Да ладно насвистывать!

— Правду говорю.

Тут телефон зазвенел. Звонила дежурная по восьмому этажу:

— Девочки, вас там заждались.

— Не хачики? — опасливо спросила Лиля.

— Казахи. Но смирные. Интеллигентные.

— Ладно. А то хачики в прошлый раз мне грудь сигаретой жгли.

— Ну быстрее. Они ждут.

Лиля положила трубку.

— Ну что, подружка. Пошли. Тебе надо деньги на твоего беглого умника зарабатывать...

Человек так и стоял на коленях. Похоже, его эта поза вполне устраивала. По щеке текла одинокая слеза. Он вызывал у Сельмурзаева чувство гадливости и презрения. И, как ни странно, жалость.

— Встань, будь мужчиной! — прикрикнул депутат. Невысокий мужчина неопределенного возраста, с жиденькими волосами и пухлыми щеками поднялся.

— Снимите с него наручники, — велел Сельмурзаев. — Он опасен не больше дождевого червя.

— Спасибо, спасибо, — закивал человек.

— Тебя как звать, свинья?

— Анатолий Алексеевич.

— Алексеевич. Это серьезно... Ну, присаживайтесь, Анатолий Алексеевич.

«Шестерки» притащили в сырое подвальное помещение мягкие стулья. Пленный осторожно присел на краешек и уставился в пол. При этом его била дрожь.

— Ты мне скажи, чего у тебя, насекомого, общего с Сашей Кандагарским? Отвечай, свинья!

— Ничего... Ничего...

— Ты откуда такой взялся?

— Из Новосибирска. Я бизнесмен.

— И чем ты торгуешь, козел прыгучий? — Депутат Госсобрания в выражениях не стеснялся.

— Продукты питания.

— Фирма своя есть?

— Не на меня записана.

— И зачем Саше новосибирская фирма?

Анатолий Алексеевич болезненно поморщился и промолчал.

— Ты жив, пока говоришь правду. Понял, насекомое?

— Да, да...

— О чем ты с ним говорил?

— У меня проблемы... На меня лица, имеющие отношение к преступному миру, начали оказывать некоторое давление. Сопряженное с угрозами насилия и даже убийства.

— Языком чешешь, как швейной машинкой строчишь...

— Извините. — Человек съежился, ожидая удара.

— Короче, на тебя, лоха, наехали бандиты, — подытожил чеченский депутат.

— В общем... Да...

— И что?

— Их аппетиты показались мне неумеренными.

— Говори по-человечески. Много запросили?

— Много. Очень много...

— И ты призвал на помощь Сашу Кандагарского.

— Мне знакомые его порекомендовали. Сказали, что этот молодой человек владеет опытом разрешения подобных проблем.

— И как ты их хотел решить?

— Не знаю. Ну, чтобы он попугал их со своими ребятами. Или убил бы...

— Ты, червяк, хотел киллера нанять?

— Ну, хотел.

— За сколько?

— Я располагал пятьюдесятью тысячами долларов. Больше было затруднительно.

— Пятьдесят тысяч, — хмыкнул до того молчавший Султан.

— Я не бедный человек, — горестно вздохнул новосибирский бизнесмен. — Хотя и не богатый. Те люди хотели гораздо большего.

— Когда ты первый раз увидел Сашу?

— Мы договорились встретиться сегодня. Я подъехал на Щелковский автовокзал. Он взял меня в свою машину. В Реутове сидели и мирно беседовали... Тут так все неожиданно произошло, — пленник всхлипнул, вытер ладонью лицо. — Не убивайте... Пожалуйста.

— А зачем ты нам нужен? — В голосе Султана зазвучала заинтересованность.

— Я заплачу.

— Пятьдесят тысяч долларов, — хмыкнул чеченский бандит.

— Больше у меня нет.

— А если уши резать начнем? — широко улыбнулся Султан.

— Больше семидесяти тысяч долларов я не могу отдать!

— Семьдесят, — Сельмурзаев хмыкнул, посмотрел на пленника, потом на воодушевившегося Султана, почуявшего запах денег. — Вы пока поторгуйтесь, — он поднялся со стула.

— Поторгуемся, — многообещающе произнес Султан.

Депутат резко поднялся и вышел. Голова его болела, стискивало виски. Хотя тупая злость и раздражение немножко отступили. Странно, но разговор с этим неказистым и бесполезным человечешкой немного успокоил его. Приятно созерцать раздавленного червяка, который преданно смотрит на тебя и ждет решения своей участи.

Сельмурзаев поднялся из подвала наверх. Вышел на улицу, в промозглый вечер. Кивнул

одному из телохранителей:

— Бадри, останешься здесь. Будешь сторожить пленного. Там Султан с ним насчет выкупа беседует. Будь в курсе. Доля наша.

— Понял, — кивнул телохранитель. Слова хозяина насчет денег его воодушевили. Сельмурзаев никогда не обделял своих бойцов при дележках.

— Поехали, — кивнул депутат своему главному телохранителю Ломали Махмадхаджиеву.

Роскошный, как рояль, бронированный «Мерседес» качнулся под весом Сельмурзаева, кожаные сиденья мягко приняли тяжелое, мускулистое тело. Машины тронулись. Депутат расслабился. Головная боль отступала. Он прикрыл глаза и задремал.

А Султан принялся за любимое дело — разработку плана, как выбить деньги, организовать безопасное их получение да еще чтобы, в конце концов, втихаря заложника удушить и похоронить. Этот доходяга, заказчик киллеров, знал чересчур много, чтобы дальше топтать землю. Его надлежало закопать в эту самую землю.

Заложнику сунули мобильник.

— Звони родственникам, — Султан для острастки вклеил пленнику увесистую пощечину. — Компаньонам. Всем, у кого есть деньги.

Он перевидал на своем веку много заложников. В Грозном была целая невольничья биржа, куда свозили этих нелюдей. Избитые, измороженные, жалкие. Некоторые ломались долго, некоторые очень быстро. Но этот слизняк — нечто особенное даже среди русских скотов. Ни мужчина, ни женщина, так, тварь какая-то неопределенная. И надо же, деньги как-то делал!

— Да, да, конечно, — кивал Анатолий Алексеевич. — У меня нет родных.

— Сиротинушка, — хохотнул Султан. — Мне не нужны твои родные. Мне нужны деньги.

— Будут деньги... Будут...

Пленный снова и снова набирал телефонные номера. Безуспешно...

Султан, зарывав, повалил его на пол. Ударил пару раз ногой по ребрам.

— Ты крутить вздумал, сука?

— Нет... Еще звонок... Попозже. Они будут!

— Ладно. Давай данные на твою фирму...

Паспорт у заложника был при себе. В него вложены какие-то квитанции, бумажки.

Султан посмотрел на часы. У него на сегодняшний день было намечено решение еще одной небольшой, но довольно важной проблемы.

— Я поехал, — сказал он своим цепным псам. — Без меня барана не уродуйте. Завтра приеду, продолжим...

Анатолия Алексеевича оставили в подвале в полном одиночестве. Здесь было прохладно. Выйти отсюда можно было только поднявшись по крайне ненадежной на вид алюминиевой лестнице, ведущей к металлическому люку. Лампочка светила тускло. Из мебели наличествовало несколько покосившихся стульев, на которых можно было устроиться на ночь.

Заложник уселся на стуле, откинулся на спинку, скрестив руки на груди, прикрыл глаза.

В этой позе просидел часа полтора.

Люк открылся. В подвал протиснулся грузный, с одышкой Бадри, которого Сельмурзаев оставил присматривать за пленным. Поставил на пол поднос с какой-то похлебкой и хлебом. Пнул ногой пленного.

— Жри, сука...

Заложник закивал, послушно схватил еду и стал жадно ее поедать.

— Жри, собака, жри. — Бадри наслаждался видом униженного человека.

Пленный, держа почти опустошенную тарелку, опасливо поднял глаза на Бадри и спросил:

— А можно у вас попросить стакан воды?

Бадри размашистым ударом руки выбил тарелку, так что она подлетела и покатилась с грохотом по полу. Влепил пощечину заложнику и зарычал, как разбуженная злая псина:

— Запомни. Ты никто. Ты раб. Ты должен делать то, что тебе говорят. И брать то, что дают. Ты понял?

— Понял.

— И не разевать рот, когда не спрашивают. Ты понял?

— Понял.

Бадри отвесил ему затрещину. Заложник пригнулся, и рука только скользнула по его макушке.

— Ты ничего не понял... Теперь говори.

— Я все понял... Я буду делать, как вы хотите, — мягко заговорил пленный. — Я хочу жить...

Голос его приобрел какие-то воркующие интонации.

— Зачем ты бьешь меня? — продолжал, не обращая внимания на мечущего глазами молнии Бадри. — Мне же больно. Я человек, как и ты. Я ощущаю боль. Представь, что ты бьешь себя... Мы едины. Мы все люди. Наши души соприкасаются...

Бадри застыл, ощущая себя как-то странно. Слова этого человека окутывали его, сдавливали мягко, но мощно, как кольца анаконды. Лишали обычного его стремления к импульсивным, жестоким действиям.

— Я тоже человек, — пленник приблизился к тюремщику и перешел на шепот: — Я мог бы стать твоим другом... Я стану твоим другом... Я стану твоим братом...

Глеб обнял Настю.

— Это надолго? — спросила она.

— Я не знаю... Все очень сложно... Я не могу тебе сказать всего... Пойми, Настюха...

— Я понимаю... — Она прижалась к нему.

Ветер трепал ее просторный, модный, ярко-зеленый плащ, в котором она походила на фею леса. Они стояли около невзрачного «Москвича». Человек за рулем терпеливо ждал. Он будет ждать сколько угодно, не выказывая ни малейшего недовольства. Это его работа — ждать и делать то, что прикажут.

— Папка, а мы море увидим? — дергал Глеба за куртку Вовка.

— Увидите.

— А там вода черная?

— Почему черная?

— Так море Черное...

— Море Черное, а вода зеленая.

— В Черном море должна быть черная вода, — озадачился Вовка такой явной несообразностью.

— А в Красном море? — любопытно спросил Глеб.

— Красная... Пап, а...

— Стоп. Молчать, — Глеб взял сына на руки, подкинул.

— А я буду плавать? — не обращая внимания на приказ молчать, продолжал донимать вопросами малыш.

— Будешь...

Машины стояли, прижавшись к обочине трассы, ведущей на аэропорт «Шереметьево-2». Это был миг прощания. Надолго? Навсегда?

Настя ко всему привыкла. Она жила, зная, что в любой момент может разбить ее только-только устоявшуюся жизнь телефонный звонок, и ей придется убираться на другой конец света, бросая вещи, квартиру. Так уже бывало. Это означало, что у Глеба охота, притом охотится не только он, но и за ним. Рядом с охотником, когда он вышел на след, не должны идти женщина и ребенок. Они должны ждать в теплом и сокрытом от чужих взоров убежище. Еще она знала, и это знание наполняло ее холодом, что однажды может случиться так, что придут хмурые люди и скажут: «Глеб не вернется. Он был хорошим солдатом». И это «был» подведет окончательную, не подлежащую пересмотру черту. И она молилась, чтобы этот миг не наступил. И чтобы миновала их чаша сия. Единственно, чем она могла помочь самому дорогому человеку на земле, — это молитвами.

— Вовку держи в ежовых рукавицах, — с напускной серьезностью напутствовал Глеб.

Вовка тут же начал толкать свою старую теорию, что в ежовых рукавицах должны ходить ежи.

— Ладно, любимая... Вам пора.

— Пора, — кивнула она.

— Самолет через час.

— Глеб... Будет очень горячо?

— Не горячее, чем на сковородке. Нас так просто не поджаришь, Настюх. Тебе ли не знать, что мы в огне не горим.

— Я знаю. — Она поцеловала его.

Они стояли, обнявшись, еще долго.

Время вышло. Глеб еще раз подбросил на руках Вовку, посадил его в салон, крепко сжал руку Насти, вложив в этот жест то, что недосказано, — несокрушимую уверенность, что он вернется. Кивнул водителю.

Настя захлопнула дверь. И «Москвич» тронулся вперед.

Глеб постоял, смотря вслед машине, увозившей родных людей. Вскоре самолет унесет их вдаль. Там тихо, плещут волны, безопасно. Там за ними будут приглядывать люди, которым можно доверять.

И, как всегда, у Глеба было ощущение, что звенит внутри тоскливая струна, теребящая душу.

Ничего, это ненадолго. Может быть...

Глеб сел в серый «Форд-Фокус» и резко рванул с места. Развернулся, усмотрев промежуток в сплошном потоке машин, и на всех парах помчался в город...

Семья отправлена. Это самая уязвимая точка. Перед схваткой воину надо прикрывать уязвимые места, по которым легче всего полоснуть острым. А что схватка будет, и притом серьезная, без дураков, насмерть, Глеб не сомневался.

У здания цирка на Цветном бульваре он посадил в машину оперативного координатора «Легиона» Одиссея, в миру полковника милиции Олега Артемьева, заместителя начальника Регионального московского управления по борьбе с бандитизмом МВД. «Форд» сразу просел — полковник обладал воистину богатырскими габаритами, даже Глеб по сравнению с ним выглядел скромно. Координатор в стильном белом плаще смотрелся вальяжно, как бизнесмен средней руки.

— Ну, что скажешь, брат Пушкин? — осведомился Артемьев.

— А то ты не знаешь.

— Знаю. Гурвич ушел. Операция провалена.

— Не совсем.

— Если не достигнут ожидаемый эффект и запланированные цели — операция считается проваленной.

— Ликвидировано боевое звено противника.

— Ликвидировано. И цепочка обрублена. Вы обнулили солдат, расходный материал, которых «Вервольфу», если это он инициатор охоты на Гурвича, никак не жалко.

— Согласен, Олег...

— Потому что он найдет еще таких вот шустрых ребятишек с криминальными наклонностями и неуемной жадой баксов. Для неквалифицированной работы. Выследить беглого ученого — ума большого не надо. Таких спецов по России...

— Я в курсе всего этого, Олег.

— Гурвича нет. Нить оборвана. У нас несколько пленных бесполезных ублюдков...

— Мне спать не дает гибель Саши Кандагарского. Что твоя милиция говорит? — вопросительно посмотрел на Артемьева Глеб.

— Свидетелей нет. Мероприятия «Перехват» не дали никаких результатов.

— Это я слышал по «Радио Москвы».

— Версии ты сам вполне способен выстроить.

— Способен. На любой вкус. С архитектурными излишествами. Или в конструктивистском стиле, — улыбнулся не слишком радостно Глеб.

— Сашу Кандагарского могли грохнуть из-за старых делишек, — не обращая внимания на язвительный тон, произнес Артемьев. — Его мог убрать «Вервольф», прознавший, что ребята засыпались, и решивший по-обрубить все концы.

— Вряд ли, — возразил Глеб. — Там следы приличного боя. «Вервольф» убрал бы его деликатно.

— Это мне тоже приходило в голову... А если вмешалась какая-то третья сторона?

— Какая третья сторона?

— Без понятия. Узел такой, что его не распутаешь так сразу...

— Значит, мы его разрубим, — пообещал Глеб, правда, без особого воодушевления.

Он должен был признать, что пока они зашли в тупик. Мероприятия по розыску беглого программиста продолжались. К «Вервольфу» никаких нитей не было. Страницы в «Зеленой книге» слиплись и никак не желали перевертываться.

После встречи с Артемьевым Глеб, в хвост и в гриву гоня пятерки Атамана, заставляя их отрабатывать все намеченные мероприятия, которые носили больше формальный характер — в успех их никто не верил. Но в любом случае надо отрабатывать по полной все направления — может, что-то и высветится.

Через пару дней Артемьев назначил новую встречу.

Зевс ждал их в своем просторном кабинете на базе-2. На столе лежала неизменная доска для игры в «Го». Кофе и коньяк на журнальном столике говорили о том, что Зевс настроен на обстоятельный, долгий разговор.

— Докладов о проделанной работе не надо, — произнес Зевс, приглашая гостей расположиться в коричневых кожаных креслах. — Хочу отдохнуть от этого.

— А, — потянул Глеб. — О чем говорить будем? Если об искусстве — кубизм там, сюрреализм — тут я пас.

— О «Зеленой книге» будет разговор. — Зевс насмешливо посмотрел на Глеба. — Это похлеще любого сюрреализма... Вы, вообще, задумывались над тем, с чем мы столкнулись?

— Версий масса, — сказал Артемьев. — Наиболее реальная — это международная преступная система промышленного шпионажа и контроля за разработками, финансируемая крупными корпорациями, не заинтересованными в изменении технологического баланса.

— Ах, баланса, — улынулся Зевс.

В разговоре с ним всегда создавалось ощущение, что он знает гораздо больше, чем говорит. Даже при ответе на вопрос «который час» кажется, что Главный оперативный координатор не просто в курсе, что звякнуло тринадцать часов одиннадцать минут, а он постиг именно скрытый смысл течения времени. От этого беседовать с ним было порой неуютно.

— Смотрите шире, — произнес Зевс устало. — Эти некто отнимают у нас будущее... Вы не задумывались, что наша планета должна была выглядеть сегодня совершенно по-иному... Чище. Лучше. Более приспособленной для жизни. Для людей...

— Читал в романах Ефремова, — хмыкнул Глеб.

— Это хорошо, что у меня начитанные подчиненные... А ты читал, что паровой двигатель изобрели еще в Древней Греции? Он мог изменить расстановку сил на земле. Что мы имеем? Только через две с половиной тысячи лет его начали использовать. Наука и техника Рима вплотную приблизились к порогу современной технической цивилизации, но почему-то не переступили его. Сделанные открытия часто бесследно исчезали. Императору Нерону преподнесли кружку из ковкого стекла. В Римской Империи появлялись в начале первого тысячелетия от Рождества Христова изделия из алюминия, для производства которых необходимо электричество... Телескоп был создан раньше на пару сотен лет, чем принято считать. Изобретен и забыт. В архивах семнадцатого столетия находим упоминания об опытах не только с оптическим телеграфом, но и с телефонным аппаратом, передающим звук голоса. В 1729 году в вышедшей в Монтебурге книге описан весь процесс фотографии. Если не помнишь, официальное открытие фотографии — это 1839 год. Пароходы тоже пришли поздно — первые упоминания об их изобретении относятся к семнадцатому, а по некоторым источникам и к пятнадцатому веку... Все делалось поздно. Мы всегда опаздывали... Нас всегда тормозили!

— Зато ядерная бомба появилась слишком рано, — произнес Артемьев.

— Да? Когда мир еще не пропитался гуманизмом, так? Появись она раньше, это привело бы к фатальным последствиям? Но есть и другое мнение — мир никогда не был так жесток, как сейчас. Наши предки лучше чувствовали грань, за которую нельзя переходить.

— Спорно, — сказал Артемьев.

— Ладно, — отмахнулся Зевс. — Речь не об этом... Самое интересное — век двадцатый. Это столетие — кладбище открытий. Фантастические технологии возникали как по волшебству и как по волшебству пропадали. Начало века. «Лучи смерти» русского ученого Филиппова. Изобретение телепортации — мгновенного переноса предметов на расстояние — изобретатель убит в захудалой гостинице... Сороковой год. Ленинград. Загадочный прибор, позволяющий просвечивать толщу земли, безошибочно выявлять залежи полезных ископаемых, а также возраст пород. Начинается война. Вся научная группа погибает... Но самая любопытная интрига закручивается вокруг источников энергии... В двадцатом веке неожиданно производство энергии становится ключевым вопросом для человечества. Цивилизация уже не может жить на дровах. Ее энергетическая база основана на сжигании органических веществ — угля, нефти, и это сразу начинает тяготить планету... Земля опутывается цепями линий электропередач и телефонных проводов. Начинается трансформация, а порой и просто жестокое изничтожение природы... Мы узнаем, что такое экологический кризис... Энергия и коммуникации становятся основой не только экономики, но и власти... И под стук колес несущегося на всех парах неуклюжего паровоза цивилизации появляются тихие, странные открытия. Со странной судьбой... Слышали о Николе Тесла?

— Сербский изобретатель, отец генератора переменного тока, основы нынешней энергетики, — блеснул эрудицией Глеб.

— А ты слышал, что современники считали его черным магом? Но он был простым гением. Его руками создана действующая модель резонансного трансформатора с коэффициентом полезного действия больше единицы...

— Вечный двигатель, — скривился в усмешке Артемьев.

— Именно... Кстати, он же разработал установки по передаче энергии на расстояния без проводов, которые похоронили бы все линии электропередач. Он же чуть не явился могильщиком бензинового монстра, отравляющего смрадным дыханием наши мегаполисы, — автомобиля. В 1931 году Тесла снял бензиновый двигатель с нового автомобиля фирмы «Pierce-Arrow» и заменил его электромотором переменного тока мощностью в 80 лошадиных сил без каких бы то ни было традиционно известных внешних источников питания. Он ездил на машине неделю, гоняя ее на скоростях до 150 км/ч.

— Легенда? — спросил Артемьев.

— Задokumentированный факт... Новая эра в энергетике и транспорте. Где она?.. А семидесятые-восемьдесятые годы — проходит волна сообщений о двигателях с коэффициентом полезного действия больше единицы. Электромагнитные плазменные конвертеры, производящие энергию из ничего... Вакуумные генераторы... Антигравитационные технологии. Холодный термоядерный синтез... Высокотемпературная сверхпроводимость... Автомобильные двигатели, работающие на воде и воздухе. Иные принципы коммуникации взамен радиосвязи... Где? Все уходит в песок. Рассасывается...

— Но была же военно-технологическая гонка, — встрял Глеб.

— Да. Выход в космос. Термоядерные бомбы. Новые виды материалов... Гонка вооружений. Гонка технологий. Но... Кардинально ничего не меняется. То, что может перевернуть все, — гасится. Представь, изобретен новый источник энергии — это разрушение геополитического баланса. Перекройка карты мира. Миллиардные потери. Безработица. Трудно предсказать все последствия. Это крах нынешней цивилизации. Те, кто сейчас все, становятся никем.

— В том числе Россия.

— С Россией другой разговор. Мы бы выкрутились за счет высокого оборонного технологического потенциала. И фундаментальной науки. Пока у нас еще есть запас прочности. Через десять лет будем висеть, как Эмираты, на трубе, как на игле.

— Послушать вас, получается, что некая организация уже третью тысячу лет глушит передовые технологии.

— Организация? Тут что-то более масштабное. Это какая-то сила... Порой непреодолимая... И мы с ней столкнулись лоб в лоб. Вопрос — в состоянии мы что-то изменить?

— Кто-то должен попробовать, — безрадостно улыбнулся Глеб. — Во всяком случае бой будет красивым.

— И мы упустим момент, когда еще можно сдать назад. — Зевс поднял чашку из тонкого фарфора и пригубил кофе. Чашка в его руке дрогнула, и тут Глеб с некоторым страхом понял, что Главный оперативный координатор пребывает в состоянии неопределенности и неуверенности. Зевс, который знает все и видит любую ситуацию как на ладони, обладает феноменальным чутьем, сейчас пасует. Более того — он боится... И от осознания этого факта у Глеба похолодело в груди. Черт, на что же они наткнулись на самом деле? Если Зевс знает что-то большее, все равно скажет только то, что считает нужным...

Глеб был немножко оглоушен. Он будто заглянул в бездонную пропасть. На землю его вернул

Артемьев.

Пригубив коньяка, он доложил:

— Перед тем как завалили Сашу Кандагарского, по Реутову шастали чеченцы на нескольких тачках. Вели себя подозрительно.

— Чеченцы? — удивленно вздернул бровь Зевс.

— Они тут каким боком? — воскликнул Глеб.

— Не знаю. Но узнаю, — пообещал Артемьев. — Напрягу всю агентуру.

— Получается, чеченцы грохнули Сашу Кандагарского, — задумчиво произнес Глеб. Его начало точить какое-то неуютное чувство. Он не мог ухватить скользкую, как рыба, мысль — она все время срывалась с крючка. Что-то важное было здесь сокрыто... Чеченцы — Саша Кандагарский — «Вервольф» — убитые ученые... Сам черт тут ногу сломит!

— Давай говори, чтобы деньги собирали быстрее, — напутствовал Султан.

— Саша, Сашенька, — ныл Анатолий Алексеевич в телефонную трубку. — Деньги давай. Напряги Ахмеда. Людей напряги... Я со всеми рассчитаюсь. Ты же меня знаешь. Со всеми... Я хочу жить.

— Я стараюсь, — слышался в трубке испуганный голос. Человек, которому звонил заложник, кажется, был совсем не рад необходимости лезть в такие дела.

— Когда соберешь? Подумай. Завтра? Послезавтра? Через два дня?

— Да, через два дня.

— Я умоляю. Сашенька. побыстрее... Они меня убьют. Я умоляю...

— Кончай бляеть, как баран, — Султан отобрал мо-бильник. Ударил заложника ладонью по шее. Тот съежился, прикрывая руками голову.

— Почему ты маленьким не умер? — покачал головой Султан.

— Не бейте... Я все отдам.

— Сука. — Султан еще раз ударил новосибирского бизнесмена, ощущая, как в него вливается радостная энергия всемогущества, власти над жизнью другого человека. Одно из самых приятных чувств, которые Аллах даровал правоверному воину.

Неожиданно за заложника вступился Бадри:

— Султан, не надо бить.

— Почему? — удивился чеченский главарь.

— Ты запугаешь его до заикания. Он вообще разум потеряет. А нам нужно получить деньги.

— Нужно, нужно, — недовольно закивал Султан. Его приводило в бешенство, когда ему указывали, что делать, а что не делать. И хотелось сделать все наперекор. Но спорить с доверенным лицом самого Сельмурзаева неразумно. Поэтому он попридержал свои чувства... Хотя бы на время.

— Не забыл, что в деньгах этого барана доля депутата? — произнес Бадри.

— Не забыл. Я только не возьму в толк, зачем ему доля с каких-то ста тысяч долларов? Не его масштаб. Один раз в казино посидеть.

— Сельмурзаев не играет в казино.

— Ну да, — закивал Султан. — Он правильный. А мы падкие до шайтанских искусов... Так?

— Ты это сам сказал, — усмехнулся Бадри.

— Ничего не так! Ты думаешь, мне нужна Чечня? Мне нужны горы? — Султан все-таки сорвался. — Мне нужен этот город! Мне здесь хорошо!

— Это твое мнение. Я его не могу оспаривать.

— И правильно делаешь, — с угрозой произнес Султан, кидая злобный взгляд на депутатского помощника. Тот ему никогда не нравился. А сейчас еще меньше — какой-то смурной стал.

Потом Султан перевел взгляд на пленника. И внутри ощутил какое-то неприятное шевеление. Это было мимолетное ощущение опасности. Откуда оно сочилось? Уж не от этого ли убогого?

Закончив в «отстойнике» дела с заложником, Султан сел в машину и пришпорил ее по проселочной дороге, разбрызгивая широкими шинами грязь и лужи. Сегодня ему еще предстояла встреча с депутатом.

Сельмурзаев начал ему надоедать. Он окончательно потерял голову из-за неосуществленной мести. Опять будет сдвигать брови и требовать найти своих врагов. А как? Где их искать? Город под боком — двенадцать миллионов. Столько же в пригородах. Найти по рисованному портрету человека, о котором не знаешь ничего. На Рублевском тракте его уже ждали. Сельмурзаев хмуро пригласил своего помощника присесть на диван и осведомился:

— Ничего полезного из заложника не выдавил?

— Деньги за него внесут, — сообщил Султан. — А для наших дел — ничего.

— Вот, — Сельмурзаев протянул ему папку. — Здесь информация об одном банке и двух коммерческих структурах.

— Зачем? — не понял Султан.

— Добрые люди принесли весточку, что через них финансируется наш враг. Необходимо оперативно собрать о них всю информацию. Притом очень аккуратно... Чтобы не насторожить... А потом перейти к действиям...

— Информацию, — недовольно пробурчал Султан. — На коммерсантов. А Салех на что? Он юрист. Всех знает... Его работа...

— Он что мог, то сделал, — не отреагировав на резкий тон бандита, спокойно произнес Сельмурзаев. — В этих папках коммерческая информация, сведения о налогах, направлениях деятельности. Салех поработал хорошо головой. Теперь настало время поработать руками.

— Как ты это видишь?

— Как считаешь нужным, Султан. Можешь кинуть в подвал людей, о которых идет речь в

досье. Выбей из них все...

— Дело не слишком хитрое, — произнес неуверенно Султан. — Только в Москве так нагло уже давно не работают.

— Правильно. Потому что между влиятельными людьми есть неписаная договоренность не переходить грань, чтобы не быть взаимоуничтоженными. И эту грань первыми перешли не мы... Теперь мы имеем право...

— И возможности, — кивнул Султан. — Я сделаю это...

Клюв вышел из супермаркета. Одну его руку оттягивали несколько пакетов с продуктами. В другой руке он аккуратно, чтобы не помять, держал торт за четыре сотни рублей. Земфира любила торты, правда, пыталась слабо сопротивляться своей страсти к сладкому, опасаясь испортить фигуру. Хотя Клюва это не пугало. Он, наоборот, любил, когда у женщины есть за что подержаться.

— Почем букет? — спросил авторитетный подмосковный бандит Клюв, притормаживая около пожилой торговки цветами, стоящей на просторной площадке перед входом в супермаркет.

— Триста! — отчеканила торговка цветами, окинув взглядом потенциального покупателя — волосатого битюга с нахальной мордой и длинным горбатым носом. Цену она заломила втрое.

— Двести пятьдесят, — небрежно бросил Клюв.

— Ладно, — охотно согласилась торговка.

— И то много. — Он любил, когда последнее слово, лучше матерное, оставалось за ним.

Ему с трудом удалось сграбастать все вместе — сумки, торт и букет. Притом букет приходилось держать в той же руке, что и пластмассовую коробку с тортом, так что цветы постоянно норовили соскользнуть на асфальт.

Перед супермаркетом все было заставлено машинами, так что пришлось «Ауди» оставить за углом.

По пути один из пакетов все же выскользнул из пальцев — хорошо, что там были колбаса, паштет и ветчина — нечему биться.

Клюв подобрал пакет. В душе поднималось мутной волной раздражение.

— Чурка грузинская, — прошептал он. Он ругал Зем-фиру, ради утешения коей вынужден таскаться с тортами. Будь она под рукой — досталось бы ей на орехи.

Худо-бедно он добрал до своей «ласточки» — вишневой «Ауди-Аб». Положил торт и цветы на капот. Открыл дверцу. Бросил всю добычу на заднее сиденье. Перевел дыхание. И только собрался занырнуть за руль, как услышал сзади голос с гнусными, насмешливыми интонациями:

— Далеко собрался, Алик?

Клюв резко обернулся. Рука дернулась в направлении подмышки. Потом вспомнил, что пистолет давно не носит. Общеизвестно, что лучший способ нарваться на неприятности — носить с собой ствол.

— Никак, не узнал? — обиделся амбал, по сравнению с которым окружающие ощущали себя пигмеями.

— Олег Викторович, — Ключ поморщился, будто задергало зуб.

— Он самый, — полковник Артемьев, он же Одиссей, кивнул в сторону ждущего неподалеку темно-вишневого джипа «Гранд-Чероки». — Давай в машину.

— Спасибо, у меня своя есть, — с вызовом произнес Ключ.

— А мы тебя покатаем. За наш счет.

— У меня нет времени.

— Зато у нас есть.

— Повестку присылайте, — захорохорился Ключ. — Я приду с адвокатом... Может быть, приду.

— Ключ, тебе здесь засветить или попозже? — задумчиво посмотрел на бандита заместитель начальника Управления по борьбе с бандитизмом.

— Самоуправство, — больше для приличия пробормотал Ключ. — В прокуратуру заявку не хотите?

— Ключ. Ты меня знаешь. Садись в машину, пока у меня запас терпения не истощился.

Около джипа маячило еще двое бугаев, сильно напоминающих бандитов. Они из Управления по борьбе с бандитизмом. Ключ уже сталкивался с ними. Стоила ему та встреча двух зубов. Сейчас начнешь качать права — и снова идти к дантисту.

— Ладно. Я за вами на своей машине, — поморщился Ключ.

Артемьев шагнул к нему, взял за руку и ласково произнес:

— Дернешься, сломаю руку.

— Хорошо. — Ключ с размаху захлопнул дверь своей новенькой «Ауди», нажал на брелок, включая сигнализацию, блокируя двери, и направился к темно-вишневому джипу.

— На казенные доходы такие черные «воронки» покупаете или как? — начал зудеть Ключ, когда его усадили в просторный салон между двух оперов.

— Ты деньги наши считать будешь? — ласково спросил Артемьев.

— Мы налоги платим. Чтобы милиция честно жила. А тут... Неправильно это, — балагурил, усмехаясь, Ключ. — Коррупция во власти. Да еще самоуправство.

— Да что ты говоришь.

Джип тронулся с места и неторопливо двинулся в общем потоке напряженного московского движения. В этот день, наконец, заявила о себе в полный голос весна. Сильно затянувшаяся зима вместе со своими ветрами и облачными фронтами оттянулась на север.

В Москву пришло долгожданное тепло. И солнце решило порадовать утомленных москвичей своим ласковым вниманием. Но для Ключа этот день оказался черным...

— Слышал, Управление внутренних расследований в МВД есть, — Ключ пытался

расслабиться и привычно зачесал языком. — Вчера интервью его начальника читал. Говорит, вовсю избавляются сейчас от оборотней в погонах.

— Спасибо, что напомнил, — Артемьев лениво поддерживал пустой разговор с видом — мол, пой, птичка, пока дают.

Джип свернул с шоссе и закрутился между новостройками.

— Вот и я говорю. Не для народа милиция стала. Самоуправство. Тачка дорогая. На наши налоги жируете.

— Ты не заговаривайся, Алик. На какие налоги? — обернулся к нему с переднего сиденья Артемьев. — С вышибания долгов? Или с наемных убийств?

— Да ладно, — на миг стушевался Клюв, но тут же вернул себе прежнее нахальство. — Не доказано же... Отпустили меня тогда...

— Отпустили, — кивнул Артемьев.

— Вы тогда еще в силе были и все равно ничего не доказали. А ныне времена уже не те. И вашу контору в свете защиты прав человека, говорят, опустили ниже плинтуса. — Клюв натужно хохотнул. — Слухи или правда?

— Слухи, — заверил Артемьев.

— Да?

— Слухи. Я тебе сейчас это докажу... Останови машину, — кивнул Артемьев водителю.

Джип остановился. Глядя наружу через затемненные стекла, Клюв отметил, что место пустынное. Справа — длинный бетонный забор с колючей проволокой. Слева — усыпанный промышленным и бытовым мусором овраг, через который перекинут какой-то красно-кирпичный мост. Вверх взметнулись чахлые деревья.

Артемьев вышел из машины, вытащил оттуда обеспокоенного Клюва.

— Вы чего? — спросил тот настороженно.

Артемьев молча врезал ему кулаком в челюсть.

Когда у Клюва в глазах просветлело, он понял, что лежит на асфальте. Из рта кровь струится. И еще два зуба придется вставлять. Одна крошка от них во рту осталась.

— Теперь слушай, — Артемьев пнул тело ногой. — Выбирай статьи. Торговля наркотиками — до десяти. Ты пытался впарить нашему осведомителю пакет с тремястами граммами героина. Понятые, покупатель — все будет в порядке. Или изнасилование — клиентка тоже на месте... Или ношение оружия. Хотя оружия тебе маловато будет. Можно все вместе впарить. И самую лучшую камеру. Ясно?..

— Не выйдет у вас ничего, — жалобно проблеял Клюв.

— А что нам помешает?.. Есть еще один вариант, только не знаю, больше он тебе понравится... Я тебя везу за Кольцевую и закапываю...

— За что наехали? — заскулил Клюв.

— Есть за что, Алик. Вспомни расстрел на Авиастроительной. Не доказали тебе. Но там был ты. Четыре трупа... За убийства отвечать надо. Мы тут решили небольшую зачистку в городе

от нежелательных элементов устроить, — Артемьев еще раз врезал Клюву ногой по голени, но не так сильно.

— Что хотите-то от меня? — Клюву было очень неудобно вести переговоры лежа, но Артемьева такой стиль общения вполне устраивал.

— Ты с Сашей Кандагарским работал?

— Работал!

— Над чем?

— Долги вышибал.

— Много народу заглушили?

— Не знаю...

— Ты в курсах, что Сашу ухлопали?

— В курсах.

— А за что?

— Не знаю. Я с ним три месяца как разошелся.

— Он тебя отпустил?

— А куда денется?

— Саша подобрел? Или ты ему на хрен не нужен стал?

— Ему виднее.

— Не нужен, — засмеялся Артемьев. — Ты слабый, Алик. Трепливый. А у него пошли серьезные дела. Правильно ведь?

— Он заказ получил. Серьезный.

— Какой?

— Мне не говорил.

— За что его могли завалить?

— Не знаю! — воскликнул со слезами Клюв. — Я не знаю!

— Предположения? — Артемьев позволил Клюву присесть на земле и склонился над ним, глядя сверху вниз.

— Когда Сашу завалили... В тот день я в кабаке был, где он обычно вечерами гудит... Один гаденыш там крутился.... Кепка на лоб. Нос горбатый. Глаза хитрые. Шифровался, как мог... Но я его узнал...

— Кто это был?

— Махмуд.

— Что за гусь?

— Мы с чеченцами переговоры о работе вели. Так Махмуд там крутился при ихнем бугре.

— Что за бугор?

— Султан.

— Известная сволочь... А ты хороший парень, Алик...

Клюва подняли, усадили в машину, предварительно отряхнув, чтобы сиденье не пачкал.

— Ты очень хороший парень, — улыбнулся открытой, широкой русской улыбкой Артемьев. — Ты созрел, чтобы стать агентом Управления по борьбе с бандитизмом.

— Я?!

— Ты.

— С какой такой радости?

— Чеченов заложил. На нас поработал. Остается теперь рассказать остальное, что знаешь... Работа у нас не пыльная. В случае чего я тебе помогу, коли туго станет в нелегкой бандитской жизни.

— Я не въехал, это вы о чем?

— Работать мы будем с тобой, Алик. Рука об руку. Как соратники.

— Никогда!

— Ты же знаешь, что будем... Иначе тебя не будет... А теперь брысь отсюда.

Клюва выпихнули из салона. Водитель надал газ, обдав бандита выхлопными газами.

— Значит, все-таки Сашу прибрали чеченцы, — сказал оперативник, сидевший на заднем сиденье.

— Похоже на то... Так, по приезде в контору мне быстро весь расклад на этих самых Султана и Махмуда, — приказал Артемьев, прикидывая, что у Глеба сегодня определится новый обширный фронт работы.

Если бы Сергей Радченко был тем, за кого себя выдавал, — то есть «новорусским» удачливым котом сорока пяти лет от роду, богатым и бесшабашным, считающим, что ему на роду написано хватать за хвост жар-птиц, с компьютером вместо головы и цепкостью клещца, интересующимся только приумножением капиталов, то ему бы пришел конец в тот же день. Но в увлекательной книге его жизни было много авантурных страниц. А одним из самых насыщенных событиями этапов своего большого жизненного пути он считал работу в службе наружного наблюдения Комитета госбезопасности СССР. Было время, он входил в число лучших топтунов, отработал и старшим группы, и руководителем отделения. Уже потом его занесло в экономическую контрразведку на нелегальную работу. Тогда, в конце перестройки, КГБ активно создавал свои подпольные коммерческие структуры.

Две машины — задрипанную «Тойоту» и «Форд» — пару раз Радченко наметанным взглядом вычленил из потока движения. Сердце сладостно и тревожно екнуло. Черт, ведь за ним ведется наблюдение!

Этот вывод надлежало проверить как можно обстоятельнее. Резких движений он не делал —

«хвост» нельзя резко обрубить. Неведомые недоброжелатели навесят другой, более квалифицированный. Или устроят еще что-то. С «хвостом» надо поиграть. Перво-наперво убедиться на сто процентов, что действительно имеет место слежка.

Убедиться в наличии скрытого наблюдения для профессионала не составляло труда. Около Пушкинской площади Радченко проскочил на красный светофор и поглядел, как засуетились преследователи. Через несколько минут он выполнил лихой разворот в неполюженном месте. И окончательно убедился, что преследователи вцепились в него крепко. Пока прорисовались две машины. Судя по тому, как плотно они держались за него, ими бригада «наружки» и ограничивалась.

Последний финт с грубым нарушением дорожных правил обошелся финансисту в пятьсот рублей — на трассе очень некстати подвернулся гаишнику. Унылого вида дорожный пират в синем комбезе с удовольствием остановил навороченный «глазастый» темно-синий, только из мойки «Мерседес».

Радченко сунул старшине столярник и посмотрел, как страдальчески скривилось у служивого лицо:

— Чего мало, командир? Вот вам хорошо. Машина. Офис наверняка. Квартирка... У меня зарплата нищая. Стою тут с утра до вечера, дышу выхлопными газами... Если уж совести нет, то езжайте дальше, — махнул гаишник жезлом.

Это было нечто новое в системе вымогательства на дорогах. Обычно стражи дорожного спокойствия давили на страх, но уж никак не на совесть. Обалдевший от такого поворота бизнесмен вынул пятисотку:

— На, чтобы детишки не голодали.

Купюра быстро исчезла в кармане гаишника.

— Приятного пути, — молодежато козырнул старшина.

— И тебе приятно постоять. — Радченко тронул машину. Преследователей не было видно. Но они вскоре нарисовались.

Финансист рулил по Москве, насвистывая веселый мотивчик. Странное у него было состояние. С одной стороны, холодок полз по коже от близости затаившейся рядом угрозы. С другой — пьянил давно забытый азарт полевой работы. Ему давно осточертели все эти банки, склянки, фирмы, оффшоры, переговоры, уклонения от налогов и прочая муть. Душа жаждала движения, риска, схватки. Такого в его жизни уже давно не было. Весь риск заключался в несвоевременном падении или росте акций.

Радченко притормозил около газетного киоска. Вышел из машины, не обращая внимания на пацанов, сующих ему какие-то яркие буклеты. Купил «Комсомолец Москвы». Вернулся за руль. Пробежал глазами газетные полосы. Потом, продолжая насвистывать мотивчик, включил магнитолу, часы на которой показывали восемнадцать десять. В нее был встроен самый совершенный сканер из тех, что можно приобрести за деньги... Так, ничего он не показал. Значит, в салон «Мерседеса» не удосужились присобачить радиомикрофон или маячок. Уже легче.

Радченко вытащил мобильник. Нажал на клавишу. Хитрый телефон автоматически переключался на другой, закрытый номер экстренной связи, которым дозволялось пользоваться лишь в исключительных случаях — при близкой и реальной угрозе.

— Рокфеллер беспокоит, — уведомил он.

— Как жизнь? — спросил знакомый голос.

— Ничего. Только здоровье неважное. Бок покалывает.

— Сильно покалывает?

— Пока не особо. Слегка. Дальше что будет — не знаю.

— Принято... Кстати, на восемь двадцать завтра встреча у Семеныча. Не знаешь?

— Знаю.

— Будь там.

— Постараюсь.

— Давай, не кашляй...

Со стороны ни черта не было понятно. Но на самом деле все, что надо, сообщено. Диспетчер принял информацию, что Радченко, оперативный псевдоним Рокфеллер, финансовый агент «Белого Легиона», попал под колпак. Забито место и время, где он должен быть — через сорок минут на Ленинском проспекте. Там его примут под опеку ушлые ребята из «скорой помощи». Нужно только продержаться эти сорок минут.

Радченко на всякий случай надавил на выступ под сиденьем и сдвинул панельку. Теперь пистолет, лежащий в тайнике, при необходимости быстро ляжет в руку... Ох, как тяжело легли на плечи беззаботные годы в офисах. Уже отвык он действовать, как в былые времена — стремительно и эффективно.

Радченко тронул «Мерседес» с места. В отдалении послушно отъехала от бордюра «Тойота» наблюдателей. Вели его не слишком профессионально. Так, любители. Даже хуже современной милицейской или чекистской «наружки». Вон какую машину приметную взяли — вызывающе красный «Форд». Да и вторая — вишневая «Тойота»... Машина «наружки» — это «жи-гуль». Обычно с форсированным мощным двигателем, из тех, которые специально до сих пор изготавливают на заводах небольшими партиями для спецслужб.

Если посмотреть на мегаполис сверху, отлично видно, как по улицам течет, растекаясь на русла, притоки, заводы, гигантский железный сель. В час пик местами он замедляется до скорости пешехода, а то и вообще замирает.

Как раз настал час пик, и был риск угодить в мертвую пробку. Однако Радченко удалось вовремя прибыть на точку около гостиницы Академии наук на Ленинском проспекте. И «хвост» он не потерял. Вон среди металлических пыльных и мятых или с любовью отдраенных, сияющих автомобильных туш затесались старые знакомые. Прилипли, теперь не оторвешь...

Через пару минут после пересечения контрольной точки рандеву мобильный телефон пискнул два раза. Это означало, что «скорая помощь» засекла и глазастый «Мерседес», и его незванный эскорт. Финансист попытался распознать дружеские машины, но не получилось. Ребята прилипли к преследователям мягко и незаметно.

— «Спасатели» спешат на помощь, — под нос прошептал финансист.

Поток машин двигался неторопливо, но целеустремленно. Опять запиликал мобильник. Сейчас это чудо техники было переведено в режим рации с блоком засекреченной связи. Постороннее ухо, даже если и засечет переговоры, без дешифратора услышит только шелест.

— Мы в них вцепились, — послышался незнакомый голос.

— Я не ошибся?

— Все верно срисовал, бизнесмен. У тебя на «хвосту» два экипажа. В одном четыре быка. В другом три. В основном Кавказ.

— Кавказ? — удивился Радченко.

Быки. Да еще кавказцы. И в таком количестве. Что бы это значило? Что-то многовато народу. «Наружка» должна быть неприметная. Два человека, три максимум в машине, притом из них пара теток, блекло одетых, неприметных. А тут чисто бандитский вариант. Да еще кавказского разлива. Сердце екнуло. Вывод напрашивался один — противник готовит акцию.

— Скорее всего, они тебя будут принимать, — порадовал старший группы «скорой помощи».

— Я тоже так думаю...

Действительно, для того чтобы грохнуть человека, столько народу не надо. Достаточно пары опытных ребят с пистолетами Макарова или одного со снайперской винтовкой. И для слежки слишком большая толкотня. А для чего людей в самый раз? Для захвата!

— Езжай спокойно вперед, — напутствовал старший группы. — Пока они тебя просто ведут. А мы прикинем, как быть.

— Ясно...

— Не бойся, Рокфеллер.

— Не боюсь.

— Вот и лады.

Внутри холодок все разрастался. Радченко представил, что если бы не опыт наружной службы, то его бы упаковали в лучшем виде. Для чего он понадобился кавказским бандитам? Скорее всего, решили денежного туза пленить, чтобы деньги вымогать. Или хотят выдвинуть какие-то условия по коммерции с подачи многочисленных конкурентов, недовольных высокой деловой активностью финансиста... Или, не приведи господи, им нужна информация по «Малой конторе». В любом случае сценарий у них отработанный — в укромном месте бросок. Ствол в печень — не дергайся. А дальше — камера в подвале. Иголки под ногти. Обрезание пальцев. Что еще придумало человечество в своем стремлении раздавить ближнего?

— Сверни за светофором направо, — велел старший «спасатель». — Вон между двумя башнями улица. Мимо стройки.

— Вижу...

— Двигай прямо, никуда не сворачивай. Тихо так. Аккуратно...

Радченко крутанул руль. Здесь, не в пример проспекту, движение было слабенькое. Считай, вообще его не было. Обогнал пыхтящий автобус. Потом пару грузовиков. Улица уходила к промышленным районам.

В зеркале заднего вида сперва Радченко преследователей не разглядел. Уже грешным делом решил, что они отстали. Но вот появился красный «фордик». Значит, они решили просто увеличить дистанцию, чтобы не мозолить глаза.

Кто же вы, такие приставучие? Ох, как хорошо, если обычные бандиты. Вопрос решился бы

за часы... А если кто-то целит в «Малую контору»?

Жива в памяти Радченко была война с системным конкурентом «Легиона», когда неделю по Москве гремели выстрелы и взрывы. Тогда «Синдикат» был фактически уничтожен, а на «Малую контору» объявлен гон, так что пришлось зарываться поглубже в почву и долго не высываться.

Если это опять масштабное противостояние, то Радченко превращается в мишень... Хорошо, дети учатся за бугром и жена там с ними — все у него, как положено бизнесмену. И как лучше для спокойствия столь серьезной фигуры, на плечах которой во многом лежит финансовое обеспечение тайной организации.

Улица потянулась мимо однотипных белых многоэтажек, заборов, промышленных корпусов, бензозаправок.

— На развилке забирай направо, к железнодорожным путям, — велел старший «спасатель».

Радченко выполнил указание и свернул на колдобистую, узкую, прямую, как стрела, улицу.

Преследователи — за ним. Через несколько кварталов красный «Форд» надал газу и стал быстро сокращать расстояние... Ну вот, началось!

«Форд» обогнал машину Радченко. «Тойота» плелась сзади. Преследователи перестали таиться. Значит, развязка близка.

— Так! — Голос старшего группы в радиии становился все возбужденнее. — Слышь, Рокфеллер. Они тебя сейчас наверняка в коробочку возьмут. За лоха держат... И не знают, что сами лоханулись по полной — оттянулись в место, где нам легче всего действовать.

— А мне что?

— Только не суетись под клиентом, банкир. Тормознут — вылезай из машины. Начнется стрельба, вались на землю и уползай за тачку. Остальное мы устроим.

— Хорошо. Но...

— Ты понял или нет?

— Не дурной.

— Отлично...

Радченко проехал еще несколько сот метров. Вокруг кусты, заборы, железнодорожное полотно, по которому медленно тащился состав из закопченных цистерн.

— Сбрасывай скорость, — велел старший «спасатель». — Тише... Еще тише...

Радченко смотрел в зеркало заднего вида, но так и не смог зафиксировать, откуда за ним наблюдают опера из группы прикрытия. Вон, кажется, они. Вдалеке мелькнула машина и юркнула во дворы идущих вдоль железнодорожного полотна наполовину выселенных барачных краснокирпичных строений.

— Все, бизнесмен. Перехватываем инициативу, — по голосу старшего «спасателей» было заметно, что он принял решение. — Они в ловушке. Через сто метров тормози. Вылезай из салона. И открывай капот...

Радченко послушно сделал, как приказывали, зная по опыту, что в подобных случаях только дураки проявляют инициативу. Кто хочет жить — послушно выполняет приказы.

Он неторопливо прижал машину к обочине. Вышел, едва не утонув модельными туфлями в луже. Открыл капот, хотя движки «меринов» ломаются редко. Полез в двигатель отверткой, примеряясь, куда бы ткнуть для убедительности. Протер масло на металле тряпкой.

Сердце молотило кувалдой. Радченко тупо смотрел в мотор, не оглядываясь. Он слышал звук приближающегося мотора. Еще один. «Форд» сделал петлю и возвращался. «Тойота» двигалась с другой стороны.

Двигатель «Тойоты» взревел. Машина несколько увеличила скорость. А потом резко, с дешевым форсом, «затормозила». Из нее неторопливо вышли трое кавказских горных быков. Действовали они без суеты и криков. К жертве прошествовали вальяжно. Рядом встал красный „Форд“.

— Помочь? — спросил один из них, в коричневом плаще, с острым, как у лисы, лицом.

— Справлюсь, — произнес Радченко, бросая на них через плечо быстрый взгляд.

— Садись к нам в машину, — остролицый приблизился. — Мы тебя проводим.

Боевики приближались к Радченко. Черт, где же «спасатели»?

Из дворов появилась затрапезная «волжанка». С другой стороны нарисовалась еще одна машина. Они приближались. Однако пока ничего не говорило о том, что они имеют отношение к разворачивающимся событиям.

Остролицый первым почуял неладное. Он изрыгнул какую-то фразу на незнакомом чавкающем языке. Один из быков резко обернулся. Рука его нырнула под мышку.

Хлопок. Бык свалился, как куль. Водитель «Форда» попытался завести мотор. Еще выстрел. Еще труп... Бил снайпер откуда-то из засады, из бесшумного оружия. Было видно, что площадка эта давно пристреляна и огневая точка оборудована. Это место «Легион» Давно присмотрел для подобных ситуаций. Здесь действительно все было под контролем.

Радченко, как и было приказано, бросился на землю, отполз за свой «мерин», прямо в лужу. Лужа была холодная. Противная. Плащ и костюм моментально промокли насквозь. Ничего. Мокрый, зато живой.

Дальнейшие события финансист лишен был удовольствия лицезреть. Только слышал рев автомобильных моторов и скрип тормозов. Еще пара хлопков. Крики:

— Стоять! Убью, черная сволочь!

Звуки ударов.

Когда финансист поднял голову, две машины фиксировали «Тойоту». Еще одна отрезала отход «Форду». Бандюганы валялись в самых неудобных позах. Некоторые были даже живы.

Верховодил «спасателями» широкоплечий, русский, с широким лицом мужчина лет сорока с мобильником — рацией.

— Ты на кого, зверек, работаешь? Считаю до трех, потом делаю в тебе дырку, — старший «спасатель» склонился над остролицым.

— На Султана, — прошипел бандит.

— Ага. Все срослось, — кивнул старший. Нажал на кнопку телефона и произнес: — Группа зачистки, вы где прячетесь? Срочно сюда! Тут три жмурика, из злодеев, да! И пленные

зверьки.

Финансист похлопал по карманам мокрого плаща. Выудил сигареты, тоже промокшие. Отбросил их.

— Живой? — с усмешкой посмотрел на финансиста старший «скорой помощи».

— Мать вашу, — крикнул Радченко. — Вы меня как живца использовали!.. Меня могли угробить!

— Все было под контролем. Успокойся, дружище, — старший «спасатель» улыбнулся широко и радушно. И раздражение у Радченко сразу сдулось, как проткнутый шарик.

Подкатил зеленый фургон. Туда закинули трупы и раненых. Пленных рассадили в оперативные машины. Дальше — база, допросы...

— А я куда? — спросил Радченко.

— Ты с нами, бизнесмен, — сказал старший «спасатель». — Придется отлежаться несколько дней, пока картина не прорисовывается.

— Хреново это, братишка, — вздохнул финансист.

— Что, бабки мимо кассы потекут? — с деланным сочувствием произнес старший.

— Бабки не мои. Общие.

— Ничего. Переживем... Давай в машину, двигай за нами...

Артемьев прикурил от автомобильного прикуривателя и глубоко затянулся. Дым уплывал в приоткрытое окно джипа.

— Наркоман, — неодобрительно произнес Глеб. — Как и Атаман.

— Слаб человек. Не могу без курева. Не все такие идеальные, как ты...

— На меня хоть не дыми.

Артемьев приоткрыл дверцу, высунул ногу.

Машина припарковалась в одном из тихих арбатских переулков, начисто изуродованных неумной строительной активностью московского мэра. Когда-то здесь стояли особнячки середины девятнадцатого века. Сейчас нагло и бесцеремонно выстроились бетонные уродцы со стальными колоннами, зеркальными окнами, спутниковыми антеннами — такие виллы строят на окраинах европейских городов — богато, комфортабельно и уж никак не лезет в исторический ландшафт. И монастырь поодаль с древними стенами выглядит здесь как бедный, никому не нужный родственник, от которого, к сожалению, не избавишься, не проедешь экскаватором по кирпичам, не врежешь гирей по церковным стенам. Жирным котам, расчищающим под себя город, проблемы истории и культуры были никак не ближе, чем вопросы жизни на лунах Юпитера. Глеб любил старую, домашнюю, человечную, великую Москву и ненавидел этого растущего на ее костях вульгарного стеклобетонного монстра, где «усе, как у буржуев. Чай, мы не хуже».

Глеб отогнал от себя грустные мысли и вернулся к изучению отчета по акции силового прикрытия объекта «Рокфеллер». Щелчками «мыши» вызывал текстовые файлы на ноутбук, фотографии, видеозапись.

— Как зачистка прошла? — спросил Глеб. — Тихо все?

— В дежурную часть прозвонили, что какая-то разборка, — бросив бычок, сказал Артемьев.

— Патруль на место выдвинулся. Все чисто. Даже гильзы наши подобрали.

— Хоть это хорошо, Одиссей... И так слишком много шума в последнее время.

— Это точно...

— Все-таки окупилась все затраты на систему подстраховки...

Иногда раздавались голоса, что на «скорую помощь» расходуется слишком много средств. Постоянно держать в боевой готовности группы, поддерживать связь, оснащать самой дорогостоящей техникой — это чрезвычайно накладно. Но иного выхода просто не было. В «Белом Легионе» приоритет жизни сотрудника стоял на самой вершине. Люди были самым ценным достоянием «Малой конторы». Зевс не уставал повторять, что эти люди — лучшее, что осталось у страны. И для сохранения их жизни, спасения всегда делалось все возможное и невозможное. Бывало, вызволяли попавших в переплет бойцов из тюрем и застенков в России и в других странах. Отбивали у бандитов. Было две соответствующие акции в Ичкерии, тогда еще «свободной».

Каждый человек был на вес золота. Их подбирали великолепные психологи с феноменальным чутьем. Герои-одиночки, бродяги и авантюристы, искатели острых ощущений и азартные игроки отвергались сразу. Набирались кадры только из тех, кто готов жить, имея высокую цель и опору. Из пассионариев, не нашедших себя в этом скурвившемся торгашеском бедламе, в тухлом болоте, в которое превращалась страна. Из способных и готовых к большему. И не находящих большего. В «Белом Легионе» нашли смысл своей жизни капитан-десантник, отлично помнивший, как его с полусотней бойцов бросили умирать на взятой с боем высоте в горах. Чеченцы тогда как раз подогнали в Кремль хорошие деньги, было принято очередное миротворческое решение о мирном урегулировании кризиса, а потому оттянуты войска и прекращены бомбовые удары. И плевать на каких-то там десантников... Нашел свой дом в «Легионе» старлей из угрозыска, выловивший подонка, изнасиловавшего и убившего троих детей. При задержании опер погорячился, в результате убийца оправдан и признан жертвой ментовского произвола, а старлей осужден за превышение власти... Оказался нужен «Легиону» талантливейший ученый-электронщик, который готов был сотворить чудо, но выяснилось, что чудеса России не нужны... Нашлось место и аналитикам, гораздо лучше астрологов видящим будущее и понимающим, что это будущее может быть изменено, но только при одном условии — если его есть кому менять.

В «Малой конторе» не только подобрались отличные спецы. В ней царил дух тайного Ордена. Была высокая цель — вырвать седьмую часть суши планеты Земля из болота и придать гигантской, с колоссальными нерастраченными творческими возможностями державе ускорение, цель. Главное для воина — святая цель, иначе он становится наемником, убийцей за деньги. Цель требует полной отдачи всех сил, движений души. И самопожертвования. И подвигов, когда без них не обойтись. И кропотливой работы, плодов которой, скорее всего, тебе не суждено увидеть.

Эта спаянность высокой целью, тщательнейший отбор позволяли «Легиону» не вырождаться в обычную криминальную или финансовую империю, как уже бывало с другими подобными структурами, возникающими на переломе эпох.

— Что удалось выяснить у пленных? — спросил Глеб, отодвигая от себя компьютер.

— Бригада под Султаном ходит. Есть такой чеченский бандит. Эти ребята не слишком искушены в оперативной работе. Все больше используются для выбивания долгов, похищения людей. Приведения бизнесменов в чувство.

— Что чеченский бандит имеет против нашей конторы?

— Значит, имеет... Ох, ты посмотри, — Артемьев, прирожденный бабник, проводил жадным взором высокую девушку, прошествовавшую по тротуару мимо машины, и вздохнул: — Блондинка.

— Э, Олег, вернись на землю... К тому же она крашенная.

— Все-то ты знаешь... Так вот. Мы установили, кто такой Махмуд, который выискивал Сашу Кандагарского перед тем, как того замочили... Интересная личность, между прочим. Три года назад проходил по ичкерийским делам, в терактах участвовал. Ничего не доказали. Попал под очередную амнистию, спустился с гор и очутился в Москве. Сейчас он разведчик Султана. Его ценят достаточно высоко. Даже выполнял заказы самого Сельмурзаева...

— Чеченцы. — Глеб похлопал ладонью по мягкой панели. — Смотри, все срастается. Изотопное дело — там они. Потом они глушат Сашу Кандагарского, имеющего отношение к убийствам ученых. И в конечном итоге наезжают на нашего финансиста. Скажи, бывают такие совпадения?

— Вряд ли, — Артемьев прищелкнул пальцами.

— И все равно концы не вяжутся, — Глеб задумался, потом заявил: — Нужно прояснять ситуацию. Взять языка... Того же разведчика Махмуда. Такие люди редко работают втемную.

— Ребята его уже ищут, — сообщил Артемьев.

— Твои менты или наши опера?

— Наши, Глеб. Наши... Это работа не для тех, кто стеснен рамками закона...

В информационной базе Управления по борьбе с бандитизмом аналитики перелопатили весь массив информации. В ней скрывается немало полезного — в каких агентурных сообщениях засвечивался фигурант, чьей связью он возникал по другим делам, имелись ли его телефоны в изымаемых у бандитов записных книжках, фиксировала ли его где-то служба наружного наблюдения, проходил ли он подозреваемым по конкретным преступлениям. Кроме того — где прописан, штрафовался ли за превышение скорости или повреждение зеленых насаждений.

В итоге перед полковником Артемьевым на стол легла итоговая справка-меморандум. Оказалось, что Махмуд светился далеко не редко. В справке имелось несколько адресов его связей, которые стоило отработать.

Теперь дело оставалось за малым — пройтись по этим самым адресам. И найти Махмуда. Или информацию о его местопребывании. А кто исполнит эту работу лучше, чем Атаман с его подчиненными?..

И Атаман начал работать. И теперь не было сомнений в том, что, если фигурант имеет хоть какое-то отношение к этим адресам, его песенка спета...

Первый адрес. Здесь проживает некто Аджаров — член ингушской организованной преступной группировки и связь Махмуда. Машины останавливаются во дворе пятиэтажного дома. Лифта нет, поэтому оперативники прут на четвертый этаж пехом, сопровождаемые озадаченными взглядами нюхающей клей подъездной шпаны. Район люмпеновский. Дети растут, как сорняки на кладбище...

Звонок квартиры не работает. Ничего! Ногой по двери, да еще прикрикнуть:

— Милиция!

За дверью шаги. Щелканье замка. На пороге здоровенный, с курчавой волосатой грудью зверь неопределенной национальности. На нем спортивные шаровары и майка. На правом предплечье и кистях рук обильные синие рисунки, намекающие на причастность их хозяина к гильдии граждан, занимающихся противоправной деятельностью.

— Гражданин Аджаров? — осведомляется Атаман и сует зверю в морду удостоверение. — Есть разговор.

— Постановление на обыск давай. Тогда пушу, — зверь нахально ухмыляется и пытается закрыть дверь.

И сгибается пополам от разящего удара в печень. Не успевает и понять, что к чему, как видит перед собой половой коврик, крайне замызганный, а суставы трещат, потому что руки завели за спину так, что локти чуть затылок не гладят.

Слышится испуганный писк, на пороге объявляется завернутая в простыню деваха лет шестнадцати.

— Звук прикрути, — хрипит Атаман, делая шаг ей навстречу. — Тебя же не трогают.

Визги и пiski обрезает, как ветки бензопилой «Дружба».

— Одевайся, Аджаров. Задержан. Вот постановление об аресте. — Атаман сует хозяину квартиры, которого уже подняли с пола, постановление. Таких липовых бумаг у него полно на все случаи жизни. Печать прокурора, подпись, все реквизиты, даже ссылка на уголовное дело — все на месте, не подкопаешься.

— Да вы чего?! — голосит Аджаров — то ли скулит жалобно, то ли возмущается. — Не за что! Я ничего не делал!

Его причитания никого не интересуют. Внизу уже стоят под парами две машины с фальшивыми синими милицейскими номерами.

Машины уходят в московскую ночь. Выруливают около свалки рядом с лесопарком.

— Я не при делах. Завязал, — гундосит Аджаров. — Мужики, скажите хоть, за что взяли... Я не при делах. Падлой буду. Мамой клянусь...

— Ты нас перепутал с кем-то, — заявляет Атаман.

— Вы чего, не менты?! — в ужасе вопит Аджаров.

Машина замирает. Свет фар утыкается в кучу мусора и спугивает бродячих котов, которые неохотно разбегаются.

— Где Махмуд?

— Какой Махмуд? — ошарашенно переспрашивает Аджаров.

— Махмуд Маленький. Чеченец. Разведчик...

— Не знаю такого.

— Не знаешь? — удивляется Атаман. И резко ладонями бьет по ушам задержанного.

Когда в голове проясняется, Аджапов ощущает, что лежит на мокрой земле.

— Повторяю вопрос, — произносит Атаман.

— Не знаю! — кричит Аджапов, у которого в памяти всплывают законы корпоративной бандитской солидарности и примеры незавидной участи тех, кто не держал язык за зубами.

— Ладно, — кивает Атаман своему помощнику. — Давай, мочи его...

— Э, правда не знаю, — скулит Аджапов.

— Давно его видел?

— Месяц назад... Он помогал нам.

— Чем?

— Лоха одного пробить... Он полрынка на Севере держит. Мы его нагрузить хотели.

— Пробил?

— Нет. Махмуд сказал, что дел много. Никак не может. Мы ему платить хотели. А он — не хочу... Шакал...

— Где он может быть?

— Не знаю!

Атаман кивает. Его помощник вытаскивает бесшумный пистолет. И простреливает плечо Аджапова.

— У-й-я-а!!! — дико, как сирена, воет ингушский бандит.

— Дальше коленная чашечка, — уведомил Атаман.

— Ох... Что же вы за беспределыцики, — Аджапов начинает понимать, что мочить его будут по-настоящему. А значит, гордость бандитскую надо задвинуть подальше.

— Давай, говори, падла такая. Рассуждать еще будешь...

— Ой-я-а-а... С Гочей он близкий.

— Кто такой? Где живет?

— Ой-я... Ой, как больно-о... На хате в Бутове со шкурой своей... Ой-я-а... Снимает хату... Он и Махмуд любят с шлюхами гулять. Друзья...

— Адрес.

— Не знаю. Больно-о-о.

— Адрес, урод!

— Я покажу...

— Если врешь, мы тебя валим. Нет — отпускаем. Такой у нас договор. Годится?

— Да... Больно-о-о...

Один из бойцов рвет рубашку Аджарова, туго перевязывает простреленное плечо. Рана левая — больше шума и визга.

Ночь. Дорога. Мигание светофоров...

Гочу даже не приходится выживать из теплой постели. Вон, во дворе дома, рядом с джипом с распахнутыми дверцами стоит длинный, сгорбившийся, длиннорукий, в куртке по колено. Цепляется за талию девицы, явно легкого поведения.

— Он! — радостно шепчет Аджаров, страшно довольный, что Гоча на месте, а значит, шансы остаться в живых резко возрастают.

— Поверим на слово, — Атаман кивает невысокому, поджарому бойцу, который недавно стрелял в Аджарова. — Давай...

Боец выходит из салона. И двигает напролом через пустынный двор, мимо грибков, скамеечек, ракушек. При этом походка его немного заплетаящаяся, он покачивается из стороны в сторону, как пьяный.

— Закурить не найдется? — подваливает он к Гоче.

— Бамбук кури. — Гоча немного пьян. И невысокая сухощавая фигура не вызывает у него опасений. Профессиональный боксерский удар отключает кавказца. Девица взвизгивает. И получает шлепок по губам.

— Заглохни. Дольше проживешь!

Подъезжает «Волга». Гочу кидают в салон, как дрова. Машина трогается с места. На все про все — две минуты.

На этот раз помойка в другом конце Москвы, но пейзаж схожий. И опять Атаман задает тот же вопрос:

— Где Махмуд?

И слышит тот же ответ:

— Не знаю.

— Выбор у тебя небогатый — сдохнуть или сказать. — Атаман проводит по нежной щеке Гочи острым лезвием финки, оставляя порез. Ответом служит истощенный визг. Но тут никто ничего не услышит.

— Шинковать буду кусками, — объявляет Атаман. И Гоча ему верит.

— Он у Нинки!

— Поехали, покажешь адрес.

— Я не пойду.

— Тогда тебя понесут.

На этот раз путь лежит в Бескудниково. Ночью по Москве можно ездить. Машин мало. Только носятся как бешеные иномарки — видать, боясь опоздать из одного ночного клуба в другой. Да крутятся патрульные машины. Патруль Атаману не страшен. У него ксив прикрытия столько, что можно спокойно двигать хоть в Кремль.

Гоча, едва перебирая ногами, поднимается с бойцами на этаж.

— Здесь, — шепчет он. — Я не хочу, чтобы он меня видел...

— Звони, — Атаман подталкивал его к двери. — Заорешь, чтобы предупредить, тут же и завалю...

Гоча трясущимся пальцем вдавливает кнопку звонка.

— Кто? — слышится женский голос.

— Это я. Гоча...

Дверь начинает приоткрываться.

Вдруг Гоча не выдерживает и орет:

— Махмуд, беги. Меня убивают!

Орать дольше ему не позволяют. Об стенку башкой. Отключка. Атаман бьет ногой по двери. Удар такой силы, что железную дверь впечатывает в стену. За дверью лежит хозяйка квартиры — в отключке.

Атаман прыгает в прихожую. Потом в комнату. Там в вещах роется молодой хлипкий чеченец. Он выуживает из тряпок пистолет. Но, понятно, не успевает. Атаман сближается с ним, выворачивает руку, легонько бьет по шее. И советуется ласково так:

— Не суетись под клиентом, уродец... Наручники. Махмуда усаживают на пол.

— Он, — кивает Атаман, сверяясь на всякий случай с фотографией.

Тем временем хозяйка — полная дивчина, кровь с молоком — приходит в себя.

— Милиция, — Атаман демонстрирует ей удостоверение. — Твой гаденыш арестован. Ты не имеешь права выезжать из Москвы. Ясно?

— Да, да, — кивает, всхлипывая, дивчина, на лбу которой набухает шишка.

Все, операция завершена успешно. Теперь остается только Аджапова и Гочу отвезти в отстойник — подвал, где они посидят некоторое время. А Махмуда на базу-2 для допроса.

Ночное время самое подходящее для допросов. Об этом известно испокон веков.

На базе за пленника взялся Глеб. Махмуд, имевший представление о возможностях спецслужб по развязыванию даже самых накрепко завязанных языков (он был уверен, что попал именно в спецслужбу), не стал играть в молчанку. Хоть он и выглядел подавленным, но на вопросы отвечал полно и, скорее всего, правдиво. Но его все равно придется перепроверять при помощи Доктора.

В числе прочего Махмуд поведал о том, как занимался наблюдением за домом Аллы.

— Получается, вы пасли Гурвича и его любовь, — нахмурился Глеб. — Чего вам этот программист сдался?

— Нужен был не он, — понурился Махмуд, ерзая на прикрученном к полу стуле. Он постоянно отводил глаза, в которые бил в лучших энкавэдэшных традициях яркий свет лампы.

— А кто?

— Ты...

— Что значит — я?

— У Султана есть твой портрет, Ратоборец... Султан тебя ищет...

— Мой портрет?! Фотографический?

— Рисованный портрет.

Дальше Глеб, выясняя причину убийства Саши Кандагарского, подбил итог:

— Получается, Сашу вы решили пленить, посчитав, что мы с ним в одной упряжке?

— Ну да. Я же видел, как ты выходил из дома вместе с любовницей этого самого Гурвича и с Карасем. А Карась — это человек Кандагара.

— И через Кандагара вы хотели выйти на меня? — хмыкнул Глеб. Ситуация получалась абсурдная. Чеченцы просто взяли не тот след.

— И на твоих хозяев, — добавил Махмуд.

— А чего тогда Кандагара в расход пустили?

— Он бешеный, да! — воскликнул Махмуд. — Мы не смогли его схватить! Он убил двоих! Мы его убили. А второго забрали.

— Какого второго?

— С ним еще был один. Какой-то скунс. Бледный. С толстыми щеками, как у хомяка. И глаза такие водянистые.

— Кто такой?

— Он не при Сашиных делах. Бизнесмен какой-то. Из Новосибирска.

— Что с ним сделали?

— Султан его у себя в тюрьме оставил. Деньги с него получает. Хочет сто тысяч заработать...

— Опиши-ка этого скунса поподробнее.

Когда Махмуд закончил описание, Глеб встрепенулся:

— Где он сейчас?!

— Я же говорю — у Султана в тюрьме.

— Ты там был?

— Да...

— Покажешь место...

— Лучше расскажу.

— Покажешь, Махмуд. Покажешь...

Глеб поднялся со стула и вышел из камеры для допросов, предоставив чеченца своим помощникам.

Наверху в кабинете утопал в мягком диване Атаман. Он клевал носом, но при приближении Глеба очнулся и осведомился:

— Как там наша добыча?

— Поет, как соловей... И такое напел... В общем, собираем три штурмовые группы и группу разведки. Будем вскрывать чеченское логово...

Сельмурзаев чувствовал себя плохо. Какое-то гриппозное состояние, хотя ни кашля, ни насморка. Это нервное.

Он устал. Разговор обещал быть тяжелым. Напротив депутата в кресле у камина сидел Султан.

— Ты понимаешь вообще, что мы имеем? — воскликнул депутат.

— Понимаю. Я все понимаю, — процедил Султан.

— Ничего ты не понимаешь!

— Я все понимаю, Усман! — злобно прошипел Султан. — Я потерял семь человек! Семь! Если так пойдет, то скоро не останется у меня людей!

— Твои люди — это хлам!

— Мои люди — это мои люди!

— Твои люди не могут ничего! Мы теряем их. И не получаем ничего взамен...

— Мои люди воевали с неверными, Усман. И проявили себя хорошо. Они не заслужили таких слов.

— Ты так считаешь? — криво улыбнулся Сельмурзаев. Он встал, пошевелил кочергой в камине, обычно это занятие успокаивало его.

— Нам просто не везет.

— Не везет, — хмыкнул депутат. — Ты хоть отдаешь себе отчет в том, с кем мы столкнулись?

— Я знаю только то, что говорил ты, Усман...

— Пенсионеры, — горько усмехнулся Сельмурзаев, сжимая кулаки.

Страх в его душе боролся с яростью. Его опять тыкали мордой в дерьмо, как щенка. Он понимал, что инициатива не в его руках.

Все было хуже некуда. Как-то слишком быстро и неожиданно случилась катастрофа. Боевики отзвонились Султану и сообщили, что они зацепили у банка машину с бизнесменом из черного списка. Готовятся его взять. И пропали.

Сельмурзаев напрог свои связи, пытался что-то узнать по милицейским учетам и сообщениям на «02». И никакой информации там, способной пролить свет на случившееся, не нашел. Две машины с семью вооруженными боевиками, приученными действовать в самых экстремальных ситуациях, просто растворились в воздухе, будто их и не было. Бермудский треугольник?

Нет, конечно. Просто воины ислама оказались не готовыми к встрече с противником. Скорее всего, их перещелкали да еще и замели следы так, что ничего не раскопаешь.

Сельмурзаев вспомнил Феликса, того «работягу», сдавшего информацию на «Легион». Депутат тогда прекрасно понимал, что его руками хотят загрести жар. Но надеялся быстро решить проблемы, отомстить, выжечь обидчиков до третьего колена. «Пенсионеры, остатки былой силы», — так, кажется, говорил этот Феликс, шайтан возьми его душу! И результат — за несколько дней потеряно людей, как при обстреле отряда из системы «град». И проклятое унижительное чувство собственного бессилия... Кто-то должен за это заплатить... И когда-нибудь заплатят. Все заплатят ему по счетам. И Феликс. И генерал госбезопасности Войченко, с подачи которого диаспора утонула в этом дерьме. Заплатят. Когда-нибудь... Не сегодня...

А сегодня надо тормозить и сворачиваться... Ведь следующим может исчезнуть он, депутат Государственного собрания Сельмурзаев. «Легион» уже взял его один раз. И нет оснований считать, что это не удастся снова.

Еще недавно на стороне Сельмурзаева была внезапность. Теперь это преимущество утрачивается. Он вскоре будет как на ладони. А враг — в тени.

Сельмурзаев прошелся по холлу. Кинул взгляд на Султана. Тот сидел в кресле, закинув ногу на ногу, в ладном, очень дорогом костюме, при галстукке. Но европейский прикид не мог скрыть его животного начала. Руки волосатые, лоб низкий, глаза маленькие и умные. Зверь... Сильный, с железными руками. Неукротимый. Не остановишь ничем, только пулей... Пулей между глаз. Дырка аккуратная, и он заваливается...

Следом у Сельмурзаева возникла ясная и четкая мысль — а ведь если «Легион» взял пленных, так те знают своего хозяина Султана. Исчезни они, и ниточка к депутату Государственной думы будет обрублена. И он тогда совершенно чист... Причин жалеть Султана у Сельмурзаева нет. В прошлом слишком много черных кошек пробежало между ними.

Султан насторожился, поймав на себе недобрый взгляд. Внимательно посмотрел на Сельмурзаева, будто уловив его мысли. Спросил:

— Чего смотришь так, Усман?

— Да думаю... У тебя есть дела в Москве, которые ты не можешь переложить на своих людей?

— Плох тот хозяин, который не может переложить дела на своих людей, — покачал головой Султан. — Дело хозяина — держать в руке кнут и умело управляться им.

— Тебе нужно уезжать из города.

— Зачем?

— Ты ничего не понимаешь?! — взорвался депутат. — Наш враг уже знает, что вы объявили ему войну. Он придет за вами...

Султан не стал хорохориться, бить себя в грудь и кричать, что готов встретить любого врага

лицом к лицу. Он должен был признать справедливость слов депутата. Только спросил:

— Надолго?

— Пока не решится проблема.

— У меня есть братья. Есть деньги. Значит, весь этот мир мой. Мне есть куда бежать. Но я не буду бежать.

— Почему?

— Я отступлю на шаг. Но вернусь. Только перед этим нужно завершить дела...

— Завершай быстрее. Да, что с тем земляным червем, который у тебя на даче пригрелся?

— Это с бизнесменом новосибирским? Пока ничего.

— Ничего? — Сельмурзаев придавал голосу побольше язвительности.

— Он согласен на все. И ведет переговоры с друзьями, чтобы те собрали деньги. Те собирают деньги медленно.

— Султан, ты совсем ослаб. Не можешь выбить деньги у какой-то мокрицы... Так убей его!

— Не сейчас. Убью, взяв деньги.

— Ну так встряхни его!.. Эх, Султан, даже земляные черви не боятся тебя!

— Усман, ты не должен говорить так, — Султан с вызовом посмотрел на депутата.

И тот сдал назад. Обуздал раздражение. Сейчас не стоит сталкиваться лбами. Тяжелое время, надо выстоять.

Депутат сухо распрощался с гостем.

Султан уселся на заднее сиденье своего «Мерседеса».

— Куда едем? — спросил водитель-телохранитель, выехав за пределы охраняемого поселка на правительственную трассу.

— На «дачу», — приказал Султан.

Его душила злость. И на врагов. И на так называемых друзей. И даже на себя. Напоминание о новосибирском бизнесмене прибавило ему решимости. Кто-то должен сегодня ответить Султану за его унижения. Сладостно сдавило грудь, когда он представил, как отрежет сейчас заложнику палец. Или ухо. И как тот будет визжать. И визг этот зазвучит сладостной музыкой. Потому что это визг ужаса, а Султан — тот, кто сеет ужас...

До «дачи» добрались за час двадцать — по московским улицам, по раздолбанным подмосковным дорогам.

То, что Султан увидел там, вогнало его в ступор...

Бадри принес пленному еду. Последнее время это дело он не доверял никому.

Новосибирский бизнесмен сидел на раскладушке, прикрытой влажным свалевшимся матрасом. В подвале было довольно прохладно, но, судя по всему, пленник давно смирился с

неудобствами.

Бадри поставил поднос на деревянный ящик, заменявший Анатолию Алексеевичу стол. Разогнулся и посмотрел в лицо пленного.

— Здравствуй, мой брат... Ты ведь брат мой, — заговорил мягко заложник.

— Да, я твой брат, — жестянно ответил Бадри.

Этими словами начинался каждый их разговор. Если бы другие бандиты посмотрели на эту сцену со стороны, то оторопели бы. А потом от греха подальше пристрелили бы пленного. Но посторонних глаз не было. И эти двое могли говорить друг с другом спокойно.

— Ты чувствовал себя одиноко, когда не мог слышать мой голос, — пленник встал, приблизился, положил обе руки на плечи Бадри и внимательно смотрел ему в глаза.

— Да, я чувствовал себя одиноко.

— Ты хотел слышать мой голос. Мой ровный, наполняющий силой голос.

— Да...

— Расскажи мне о том, брат мой, что происходит вокруг?

— Муслим сменил Надиршаха на воротах.

— Хорошо, мой брат.

— Георгий проиграл деньги в казино. Много денег. Он обещал убить этих обманщиков.

— Правильно. Обманщиков надо убивать, мой брат.

— Сейчас звонил Султан. Он сказал, что едет сюда. И что отрежет заложнику палец, чтобы образумить его неразумных друзей.

— Зачем?

— Чтобы те заплатили выкуп.

— Ты понимаешь, что он собирается отрезать палец мне, твоему брату?

— Я понимаю это.

— Сколько сейчас человек в доме, кроме тебя?

— Еще четверо. Муслим. Надиршах. Георгий. И Расул — он только вчера из Ичкерии.

— Почему столько народу сторожат меня, безопасного и доброго человека?

— Они не просто сторожат. Они живут здесь. Муслим скрывается от кровных врагов. Надиршах бежал от милиции. Расула ищут чекисты. Георгий присматривает за тобой. И за ними. Я присматриваю за всеми. Я — глаза Сельмурзаева.

— Это несправедливо — отрезать мне палец. Ты должен вывести меня отсюда, мой брат.

— Я не могу. Сельмурзаев будет зол.

— Ты можешь.

— Я не могу. Мне приказали сторожить тебя.

— Мы же братья. Мы не можем сторожить друг друга. Тебе приказали неверные. Они обманули Сельмурзаева. Они чужие.

Бадри встряхнул головой.

— Они чужие. Чужие... чужие... Мы свои... Свои...

Как сомнамбула, грузный боевик шагнул к лестнице. Постучал в люк.

— Открывай, — произнес он неживым языком. Высокий крепкий чеченец с узловатыми мощными руками открыл люк. Отступил на пару шагов.

— Ну, чего там, Бадри? Выходи. Из люка показался заложник.

— Ты чего? — не испугался, а удивился охранник по имени Георгий. И приготовился ударить наглеца.

И получил удар пальцами в глаза. Вскрикнул. Потом перочинный нож, который заложник позаимствовал у Бадри, распорол Георгию сонную артерию.

Заложник усмехнулся, обернулся к своему сопровождавшему.

— Пошл и дальше...

Они поднялись по узкой лестнице на первый этаж и очутились в маленьком коридорчике. В комнате грохотал пистолетными выстрелами телевизор. Двое горцев смотрели боевик.

Бадри как зомби застыл посреди коридора. Заложник напряженно огляделся, прислушался. Взял забытую около ступенек, ведущих в подвал, совковую лопату, на которой еще были следы земли — кто-то из обитателей дома оказался человеком хозяйственным и копался в огороде.

Мирный новосибирский бизнесмен шагнул в комнату... Удары и короткие вскрики глушил грохот американского боевика. Теперь в комнате лежало два трупа — один с разрубленным горлом, другой с раскроенным черепом.

— Где еще один? — спросил заложник.

— Во дворе, — ответил Бадри. Заложник взял пистолет. Прошел через коридор. Осторожно выглянул на улицу. Спина к нему стоял человек в резиновых сапогах и возился с электрическим насосом.

Почуввав неладное, человек оглянулся и оторопел.

— Ты... — выдавил он.

И получил в живот пулю.

Потом заложник вернулся в дом. Бадри сидел на полу, обхватив голову руками. Он слабо стонал, пытаясь найти в мутной пучине чувств и обрывков мыслей свое потерянное «Я». Бадри поднял на заложника глаза, с трудом пытаясь осмыслить происходящее. В них мелькнул испуг.

— Убивать не буду. Мы же братья, — усмехнулся заложник и ударом рукоятки пистолета — аккуратно выверенным — отключил его.

Оставалось только взять ключи от машины и отчалить восвояси.

— Вот оно, их логово, — сказал Глеб. На жидкокристаллическом экране возник дом, окруженный высоким дощатым забором. Рядом — заброшенный свинарник усохшего совхоза. В трехстах метрах в сторону шоссе — пустеющий участок, огороженный столбами с колючей проволокой, — эта земля выкуплена под коттеджный поселок, но пока работы не ведутся, тишина. Хорошее место, чтобы хорониться от чужих глаз.

— Подойти ближе? — слышался шепот разведчика, который подобрался на безопасное расстояние с видеокамерой и теперь сбрасывал изображение в штабной фургон.

— Не спеши, — произнес Глеб в микрофон.

— Одного человека срисовал наверняка. Еще двое или трое в доме, — продолжал обрисовывать ситуацию разведчик.

— Осмотрись, вокруг ничего?

— Не похоже...

— Ну что, принимаем? — покосился Атаман на Глеба.

— Поехали...

В «Белом Легионе» собралось немало людей, которых учили без шума и пыли брать натовские военные базы. Не то что загородную избушку. И с тех времен форму они не потеряли.

Тени скользнули вперед, охватывая объект — маневр «удав».

— Блокировано, — слышалось донесение.

Все, теперь ни один человек не вырвется с оцепленной территории. Все сектора просматриваются и простреливаются.

Разведчик оставался на месте, так что с его видеокамеры можно было видеть в инфракрасном диапазоне, что творится на территории объекта.

Через забор перемахнули фигуры — один подставляет руки, другой, упираясь в них, преодолевает препятствие. Бесшумно. Мягко. Как призраки. И, главное, в мертвой зоне, которая не просматривается со стороны дома. Маневр занял секунды.

Часовой, который курил на пороге дома, был отключен, не издав ни единого писка, — минус один. Призраки просочились в дом. Они начали свое смертоносное движение по помещениям.

Глеб косился то на экран, то на часы. Переключил изображение. У двоих бойцов на плечах прилеплены миниатюрные видеокамеры. На экране возникали мутные, как в аквариуме, помещения с очертаниями мебели, окон, лестница, зеленые тени — так выглядят люди в инфракрасном свете. Удары. Распластывающиеся на полу тела. Никто и пикнуть не успел. Наконец долгожданный доклад:

— Разложены. В доме — три бревна...

— Все проверили?

— Больше никого.

Глеб кивнул водителю. Штабной микроавтобус «Форд» тронулся с места. И затормозил у зачищенного по всем правилам ведения активных силовых действий дома.

Внутри царил мрак. Атаман зажег свет. Лампочка под потолком высветила небольшое, отделанное деревянными панелями помещение с несколькими стульями, дощатым столом, диванчиком и телевизором «Сони» в углу. Пленные распластались на полу.

Атаман пнул ногой мелкого бородатого чеченца. Поднял его и осведомился:

— Где заложник?

— Пошел на козлиный сын, — гордо изрек горец.

Атаман понимающе кивнул и выстрелил ему в грудь из бесшумного пистолета.

— Теперь ты. — Ствол пистолета остановился на следующем горце.

— Он убежал, — чеченец сглотнул и очумело косился на своего только что бывшего живым, а теперь превратившимся в безжизненную массу мяса и костей товарища.

— Как сбежал?

— Никто не понимает. Султан приехал, увидел, что тут все вырезаны.

— Как?

— Двое лопатой убиты.

— Рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой, — хмыкнул Глеб.

— Я правду говорю...

— Остальные? — Атаман допрашивал в резком, наступательном стиле, не давая времени на обдумывание ответов.

— Одному пропороли шею и выкололи глаза. А Бадри лежал без сознания.

— Бадри?

— Он не из наших. Он на какого-то депутата работает...

— Депутата?

— Вроде тоже чеченца... Мы люди маленькие, нам ничего не говорят...

— Уже интереснее, — кивнул Атаман. — Значит, выжил один. Чего хотели от заложника?

— Выкуп просили. Сто тысяч... Он бизнесмен... Плохо, когда деньги пропадают. Хотели получить деньги, а потом убить.

— Это был приятель Саши Кандагарского?

— Да.

— Вас зачем здесь оставили?

— Султан трупы с собой забрал. А нам сказал дом сторожить.

— Ты хорошо подумал?

— Тут у Султана что-то запрятано.

— Что?

— Оружие!

— Где?

— Где-то в подвале... Не убивай... Не убивай, да...

Атаман обернулся к бойцам:

— Пятнадцать минут, чтобы найти оружие.

В указанное время уложились — выудили ящик с автоматами. Дальше искать не стали. Полили бензином дом и подожгли.

В начавшем движение по бездорожью штабном микроавтобусе Атаман с досадой воскликнул:

— Надо же! Немного опоздали... Сейчас бы «Вервольф» в руках у нас был...

— Красиво он ушел, — покачал головой Глеб. — Слишком красиво...

— Профессионал.

— Штучный экземпляр. Большая редкость.

— Познакомиться бы, — улыбнулся мечтательно Атаман.

— Да. Подержать за хвост гремучую змею... Познакомимся. Рано или поздно, — Глеб взял микрофон рации и сбросил сообщение на диспетчера базы: — Грядку мы пропололи. Вот только овощи повыдергали еще до нас. А фрукт сорвался...

— Оранжерея, — усмехнулся диспетчер. Обоим было понятно, о чем идет речь. На въезде в Москву Глеб отдал приказ:

— Рассредоточиваемся по точкам. Готовность номер один к сбору.

Машины рассыпались в стороны — каждая по своему маршруту.

Глеб вышел из фургона около автомобильной стоянки. Сел за руль «Форда» и отправился на конспиративную квартиру.

Через сорок минут по прибытии на место его оторвал от невеселых дум звонок мобильного.

— Ты на месте? — спросил Артемьев.

— На месте, — кивнул Глеб, принимая на диване вертикальное положение.

— Жди гостей.

Через пять минут в дверь позвонили. Появился Зевс собственной персоной в сопровождении Артемьева-Одиссея.

— Докладай, герой, — велел Артемьев.

Зевс был чернее тучи. Он уселся в кресло и испытующе посмотрел на Глеба. Его глаза, как и положено шефу Олимпа, метали молнии.

Глеб, который редко видел Главного оперативного координатора в таком состоянии, как можно более сжато и четко изложил ситуацию.

— Что за схема получается, — Зевс похлопал ладонью по подлокотнику кожаного кресла. — Против нас работают чеченцы. И, как сказал пленный, по заказу депутата-чеченца. Депутатов-чеченцев много?

— Да ясно все. Это Сельмурзаев, — кивнул Глеб.

— Человек крайне мстительный. До безумия, — начал перечислять достоинства народного депутата Артемьев. — И амбициозный. Злопамятный. Мы ему испортили песню с изотопами и познакомили с Доктором. После этого депутат начинает работать против «Белого Легиона». Для этого как минимум нужно узнать о нашем существовании.

— А еще им известно о нашем интересе к беглому программисту Гурвичу, — сдерживая ярость, начал перечислять Зевс. — Выявили сферу наших оперативных Интересов. Срисовали наших людей в коммерческих структурах и устроили на них охоту. А то, что они узнали псевдоним Глеба и получили его портрет, — это вообще песня! Они просветили нас насквозь!

Зевс перевел дыхание, задумался на несколько секунд. Потом посмотрел на Глеба:

— Кто тебя так гостей учил встречать?

Глеб понял, что начальник перекипел. Через некоторое время на столике стоял коньяк, в блюдечке желтел тонко нарезанный лимон. И электрический чайник пыхтел рядом с банкой растворимого кофе и сахарницей.

Главный оперативный координатор треснул доброго армянского коньячку — любимый напиток этого пожилого эстета, любителя классической музыки и японской игры «Го». Зажевал лимончиком. Немножко расслабился. Буря прошла стороной.

— Вот что, товарищи ребята. Такого палева давно не было, — покачал головой Зевс. — К нам подобралась слишком близко. Кто верит, что Сельмурзаев с его бандитами своими силами смог нас так высветить?

— Это вряд ли, — Артемьев вытащил из кармана пачку сигарет. — Тут чувствуется рука мастера. Сельмурзаеву слили информацию те, кто давно занимается нами.

— Кто, Одиссей? Кто?

— А что, «друзей» у нас мало? — Артемьев наконец отважился затануться и пустил дым из ноздрей. — Скольким влиятельным людям дорогу перебежали. Да и «Синдикат» вовсе не до основания нами скрыт.

— Вот что я вам скажу, — Зевс постучал ногтем по хрустальной рюмке, она отозвалась тонким звоном. — Если мы не разберемся с утечкой информации и не проявим противника в ближайшие дни, придется уходить на дно и сворачивать программы. Для локализации ситуации просите любые средства.

— У нас есть зацепки, — произнес Глеб. — Тот же Сельмурзаев...

— Что предлагаете с ним делать? — деловито осведомился Зевс.

— Похоронить по мусульманскому обычаю, — предложил с ходу Артемьев.

— Нецелесообразно, — возразил Зевс. — Его смерть нам не выгодна. Она дестабилизирует и так неустойчивую обстановку в Москве и на Кавказе. Будет утрачен во многом контроль за процессами.

— Тогда методика отработанная — похищение и к Доктору на просвечивание мозгов, — Артемьев рубанул ладонью воздух. — Один раз Сельмурзаев уже прошел через Доктора. Будет встреча старых друзей. Все прослезятся от умиления...

— Ты учти, что сейчас изъять депутата будет куда сложнее, — возразил Зевс. — Охрану и меры предосторожности он усилил. Акция серьезная.

— Вы сомневаетесь, что мы ее проведем? — вопросительно посмотрел Глеб на Главного координатора.

— Не сомневаюсь... Но мы перегибаем палку... Слишком много шума производим. К нам и так уже проявляют интерес. Хотите тотальной конфронтации?

— Не хотим. Тогда остается шантаж, — заметил Глеб. — Сельмурзаев в лапах Доктора достаточно наговорил. Мы ему напомним об этом. Он сделается уступчивым. Если поймет, что мы в курсе его фокусов, начнет работать на нас.

— Для острастки грохнуть кого-нибудь из его родственников, — гнул свое Артемьев. — Пообещать кончить остальных.

— Родственников? — заинтересовался Зевс. — Есть кандидаты?

— Есть.

— Не нравится мне это, — неожиданно произнес Глеб. — Одно дело убивать врага. Другое дело — выжигать его семьи. Мы не слишком много себе позволяем?

— Что? — В глазах Зевса опять вспыхнула ярость. — У нас завелись гуманисты? Права человека, да? Хельсинские соглашения?.. Много себе позволяем?.. Не больше, чем артиллерист, выбивающий огневую точку противника. Под развалинами тоже могут оказаться невинные люди. Но без подавления этой огневой точки наступление выдохнется. И погибнут многие. Враг будет гулять по твоей земле, гуманист.

Глеб поморщился. Правоту слов Зевса трудно было не признать. Но от этой правоты всегда тянуло ледяным холодом.

— Решено. Выходим на связь с Сельмурзаевым, — подытожил Зевс.

— Кто переговорщики? — осведомился Артемьев.

— Найдутся, — заверил Зевс. — Не ваша забота...

— Дело нехитрое, — кивнул Глеб. — Вопрос, будет ли наш депутат благоразумен?

— Будет, — пообещал Артемьев. — Ему же не в горы бежать, а здесь жить...

— Проработать детали. И мне доложить, — Зевс поднялся.

Сельмурзаев давно был на грани срыва. Дни потянулись для него черной чередой. Он просыпался по ночам с мыслью — какой же он был идиот, что втянулся в эту авантюру. Но

отыграть назад можно только в сказке.

После того тяжелого разговора ночью позвонил Султан и сообщил, что на «даче» заложник сбежал, при этом порубив в капусту троих охранников.

— Аллах милосердный, — поражение прошептал Сельмурзаев. — Никого в живых?

— Твой Бадри остался. Голова слегка разбита...

— Что ты решил?

— На «даче» оставил своих людей...

— Зачем?

— Там кое-какие вещи, их нельзя оставлять без присмотра.

— А если сибиряк отправится в милицию?

— Никуда он не отправится... Мы думали, он крыса. А он оказался львом...

«Зато ты оказался крысой», — подумал Сельмурзаев, но ничего не сказал.

На следующий день Султан сообщил, что оставленные на «даче» охранники не отвечают на звонки.

— Что это значит?! — Сельмурзаеву стало холодно, будто морозом все покрылось. Он начал ощущать нечто, похожее на панику.

— Разберемся, — заверил Султан. — Может, ложная тревога...

Тревога была не ложная. Разведчики, которых Султан послал на «дачу», сообщили: дом сгорел, людей нет. И тайник с оружием пуст.

Депутат выслушал молча новость от Султана. Отбросил телефонную трубку. И расхохотался.

Телохранители смотрели на него удивленно. Веселым нравом хозяин никогда не отличался. Если и было у него чувство юмора, то отдававшее мертвечиной — например, засунуть в задницу человеку ракетницу и дернуть. Тут он был изобретателен.

Сельмурзаев смеялся все сильнее.

«С ума схожу... Схожу с ума», — подумал он.

И замолчал, взяв себя в руки... Он уже перестал воспринимать плохие новости. Они стали для него просто фоном его черного существования.

А потом был еще один вечерний звонок. Вежливый голос как будто пришел из преисподней. Змеиные уста говорившего извергали то, чего Сельмурзаев боялся больше всего. Ему кое-что напомнили. И потом голос сделал предложение, от которого не отказываются.

— Вы думаете сломать меня? — воскликнул Сельмурзаев.

— Мы предлагаем выбор, — произнес обладатель вкрадчивого голоса...

Депутат нашел в себе силы оценить здраво ситуацию. И понял, что узел завязался слишком сильно. Притом на его шее. И пора его разрезать.

— Надо встретиться, — прозвонил он Султану.

— Где?

— Давай в пригородном кабачке. Вместе сеяли, вместе и жать будем... Только не приведи за собой слезку.

— Хорошо, — кивнул Султан, отметив, что голос у депутата какой-то непонятный. — А ты не тащи с собой целую свиту. Нам нельзя привлекать внимание. Хорошо?

— Неучи...

Подмосковный ресторанчик представлял из себя стилизованную русскую избу, выходящую на шоссе. Тут же дымился мангал с шашлыком, около которого шустрили двое парней кавказской наружности. На улице за избой стояли столики. Погода сегодня была хорошая, так что говорили на улице.

Со стороны могло показаться, что здесь собирается ячейка мастеров ритуальных услуг — машины все, подъезжали как на подбор черные и тяжелые. Из них возникали телохранители, настороженно озирающиеся и высматривающие врагов. Потом появились охраняемые персоны. По правую руку от Сельмурзаева шел старший его охраны Ломали. Впереди — злосчастный Бадри, так позорно опростоволосившийся на даче, — он был единственный выживший после побега новосибирского бизнесмена. Его широкий лоб украшал пластырь, но он уже оправился от удара и приступил к работе.

— Проходите, все готово, — стелился мелким бесом перед гостями пожилой азербайджанец — хозяин кафе. Крыша у ресторанчика была чеченская, и это место иногда использовалось диаспорой для различных встреч.

Сельмурзаев и Султан устроились за столиком. Быки расселись по соседству, бесцеремонно расчистив пространство от посетителей. Метрдотель завертелся, обещая обалдевшим гражданам гораздо лучшие места в здании ресторана и еще по бутылке за счет заведения. Хозяин же заведения гнулся подобострастно перед депутатом:

— Баранина? Шашлык?

— Принеси чего-нибудь, — махнул рукой Сельмурзаев. — Только не свинину.

— Как можно?

— И двигайся быстрее...

Хозяин улетел птицей.

— «Дачу» спалили, шайтаны, — угрюмо произнес Султан.

— Ты мне уже говорил, — кивнул депутат. — Забыл?

— Я ничего не забываю, — Султан недобро уставился на него. — Еще четверо моих погибли. Сельмурзаев нервно хохотнул:

— Скоро вам придется брать людей по объявлению...

— Возьму, — зло прошипел Султан. — Усман, я работал на тебя. Выбили лучших моих людей...

— Ты хочешь, чтобы я тебе платил за каждую голову или оптом?

— Не шути! — с угрозой произнес Султан. — Я хочу знать, когда это кончится. И во что ты нас втравил...

— А ты не воин, Султан, — покачал головой Сельмурзаев.

— Что?

— Воин должен уметь драться, когда все против него. И принимать смерть, стремиться навстречу ей. А ты просто любишь убивать, появляясь из ниоткуда. Засады. Убийства из-за угла... И ты не готов к тому, чтобы столкнуться с теми же, но в роли жертвы...

— А ты другой?

— И у меня есть такой недостаток.

— Хватит молоть языком. Что будем делать?

— Что делать? Тебе лететь в Турцию. Или в Эмираты.

— А тебе куда?

— Никуда. Попробую сгладить ситуацию.

— Сгладить?

— Будет нелегко. Но я попытаюсь.

Сельмурзаев не стал говорить о том, что вечером на него вышел на контакт человек из «Легиона» с устами змеи и напомнил об изотопном деле. О том, как депутат пел под препаратами, выкладывая все о своих друзьях. И Сельмурзаев от этих напоминаний почувствовал себя нашкодившим школьником, которого поймали за тем, что он на перемене в туалете нюхал клей.

«Легионеры» узнали, что депутат объявил на них охоту. И сразу из дичи сами стали охотниками. Они пообещали видеозаписи, на которых он продает друзей и родственников, пустить в оборот. Земляки вряд ли будут довольны. Но с ними еще можно разобраться. Еще они предъявили ему список родственников, которые отправятся на тот свет, если проблема не будет решена. Это тоже производило впечатление. Потому что они знали его родственников и были способны выполнить угрозы. Он же об их родственниках не имел никакого представления. И тут ловушка. Ни двинешься, ни вздохнешь. Колпак — глухой...

Ситуация для Сельмурзаева была отчаянная. Ему было внове, что против горцев работают их же методами. Он был свято убежден, что кровная месть, вырезание под корень семей, захват и уничтожение заложников — это привилегия воинов ислама. И ощущал беспомощность, когда все эти средства обещали использовать против него самого!

— Ты вышел на них и готовишься сдать, — уверенно заключил Султан, сверля глазами Сельмурзаева.

— Это не твое дело!

— Все и так ясно...

— Тебе ничего не ясно! — воскликнул Сельмурзаев. — Мы возьмем свое. Враг не сможет быть невидимым вечно. Как только мы узнаем о нем больше, по его домам пройдет карающий меч... Когда-нибудь...

— Ты уверен?

— Уверен...

Зазвенела противная, назойливая мелодия мобильного. Депутат поморщился, и сердце его тревожно сжалось. Он вдруг преисполнился странной уверенности — что-то опять случится. Тут его отвлек Султан:

— Ты слишком хорошо все рассудил... Пора рассказать все.

Сельмурзаев рассеянно кивнул. Звук телефонного звонка раздражал его все больше. Телефон тренькал у его телохранителя Бадри. Тот как-то рассеянно коснулся пластыря на своем широком лбу, потянулся к нагрудному карману. Поднес трубку к уху. Лицо его окаменело.

— Да, брат, да, — едва слышно произнес он и отложил от себя аппарат, отодвинул тарелку с мясом. Встал. Качнулся, как пьяный.

— Прилично ему голову повредили на «даче», — вздохнул Султан и вернулся к обсуждаемому вопросу. — Так вот...

Бадри еще раз качнулся, держась за спинку стула. Сидевший с ним за одним столом чеченец поднялся, протянул руку, чтобы поддержать, помочь. Но Бадри оттолкнул его. Выпрямился. Шагнул в сторону. Рука его стремительно скользнула под мышку. Зачернел обнаженный ствол.

Никто ничего не успел понять.

Бадри действовал, как киборг из фантастического боевика. Широко расставив ноги, он с каменным выражением на лице посылал пулю за пулей.

Первый свинцовый подарок достался Сельмурзаеву — его ударило в грудь. Султан, привыкший действовать на рефлексах, не раздумывая, после первого выстрела покатился за стол. Пуля настигла его в движении. Пуля быстрее человека.

Пришедшие в себя телохранители начали действовать. Ближайший прыгнул на стрелка, но Бадри небрежно, как котенка, отшвырнул его ударом ноги. Успел сделать контрольный выстрел в голову Султана. Главный телохранитель депутата Ломали Махмадхаджиев, оказавшийся самым быстрым, нажал на спусковой крючок.

Бадри покачнулся от страшного удара в грудь. Но выстоял и нажал еще раз на спусковой крючок, разнеся череп депутата.

Теперь во взбесившегося телохранителя начали палить с двух стволов. В тело вошло еще три пули. Откинутый ими Бадри дернулся и замер, как изувеченный робот...

Через три минуты к ресторану подкатила случайная милицейская машина. Двое сотрудников патруля поставили всех под автоматные стволы.

— Охрана депутата Госдумы! — крикнул Ломали.

— Стой, не дергайся, — повел старшина автоматным стволом. — Потом извинимся, если не врешь. А сейчас завалю при малейшем движении. Понял ты, жирный? То-то... Руки за голову все. И к стеночке. К стеночке. И осторожнее...

Глеб был уверен, что им удастся взять под контроль Сельмурзаева. Один раз тот уже погостил на базе «Легиона». Второй раз вряд ли захочет повторить это. Но встреча все равно

обещала быть нелегкой. На нее вызвался идти Шаман, один из лучших психологов организации.

— Поломаем горца. Будет послушным и вежливым, — заверил он, ознакомившись с ситуацией. — Наверняка он уже готов на все.

Глеб, Артемьев и рекогносцировщики тщательно просчитывали место и порядок встречи, подстраховку, различные варианты развития событий, где ситуация может выйти из-под контроля.

И вот — как гром среди ясного неба... Сообщение сбросили Артемьеву на его служебный мобильник. Выслушав новость от оперативного дежурного по Управлению по борьбе с бандитизмом, он озадаченно произнес в трубку:

— Расклад ясен. Сейчас буду. Селезнева и Иванова вызови. Не одному мне отдых ломать. Отключил мобильник, усмехнулся:

— На хрен наши выкладки теперь не нужны.

— Чего так? — напрягся Глеб.

— Сельмурзаева только что заглушили. Меня вы — зывают на место происшествия.

— Кто заглушил?

— Ситуация непонятная. На месте разберусь.

Через час вездесущие телевизионщики кинули в эфир срочное сообщение и кадры — подмосковный ресторанчик-теремок, испуганный хозяин-азербайджанец, лопочущий что-то невнятное, и кровь, трупы.

— В результате перестрелки сегодня под Москвой погиб депутат Государственной думы Усман Сельмур-заев. Обстоятельства происшедшего выясняются. Но уже сейчас есть основания полагать, что стрельбу открыл один из его телохранителей.

Поздно ночью Артемьев вернулся на базу-2 с подробным отчетом о происшедшем.

— Ты смотри, всю команду завалили, — покачал головой Глеб. — Кто же это за нас постарался?

— Бадри, телохранитель Сельмурзаева. Его тоже прижмурили. В морге теперь отдыхает.

— А это точно он? — спросил Глеб. — Не могли пальбу открыть со стороны, а на него свалить, чтобы милиция нос свой не совала и дело побыстрее прекратила?

— Исключено. Есть посторонние свидетели, что Бадри выхватил пистолет. И глушанул своего хозяина с Султаном. Когда стал делать контрольные выстрелы, его завалила охрана. При осмотре места происшествия картина подтверждается, — Артемьев вытащил из портфеля пластмассовую прозрачную папку. В ней лежали пачка фотографий, ксерокопии схемы места происшествия, протокола осмотра и допросов.

— Что с уголовным делом будет? — спросил Глеб, просматривая цветные фотографии, на которых были запечатлены тела погибших. Никаких особых эмоций он не испытывал — ни злорадства, ни огорчения, ни брезгливости. Только ощущение, что мир стал немного чище.

— Будет прекращено за смертью обвиняемого, — сообщил Артемьев.

— А оружие у абреков?

— Оружие зарегистрировано. Частное охранное предприятие «Эльдорадо».

— «Эльдорадо», — хмыкнул Глеб.

— Да, такое бандитское горско-обогатительное предприятие, — пояснил Артемьев.

— Да, для Сельмурзаева и его тварей вся Россия — Эльдорадо.

— И какого лешего Бадри стал мочить своего благодетеля? Он был его верным воином. Что думаешь?

— А вот тут начинается область непонятного и загадочного, — Артемьев ткнул в фотографию Бадри. — Следи за событиями. Тут есть, над чем покумекать... Чеченские паханы сидят, базарят. Терки у них нервные, но без мордобоя. Раздается звонок мобильного. Этот добрый хлопец берет трубу, выслушивает очень короткое сообщение. Говорит: «Да, брат». Встает. При этом все отмечают, что выглядел он, как зомби. И начинает очень метко бить из пистолета.

— Бадри, — Глеб задумался. — Это ведь единственный, оставшийся в живых после бойни, которую устроил «Вервольф» на «даче». Быстро оклемался и встал в строй. И грохнул своего хозяина.

— Объяснение простое. «Вервольф» его перевербовал.

— И превратил в шахида? Это не та публика, Олег. Тут что-то другое.

— Остается дистантный контроль.

— Точно. Контроль над сознанием. Зомби...

— Да, — покачал головой Артемьев. — Тут без стакана и без Доктора не разберешься...

Глеб взял мобильник, соединился с Доктором и забил встречу в логове, откуда ученый муж практически не вылезал.

Где-то через час «Форд-Фокус» подкатил к забору невзрачного дощатого домика с обширными подвалами и большой территорией. Здесь логово Доктора.

Охранник, напомилавший праздного дачника, приветливо махнул рукой и пропустил машину на территорию.

— Как ты тут? — спросил его Глеб.

— Здоровья набираюсь, нервишки успокаиваю, — потянулся охранник. — Соловьи поют. Свежий воздух.

Охрана состояла из нескольких бойцов. Все здесь нормально — сектора пристреляны, имеется немало сюрпризов, которые ждут незваных гостей, включая драматически-театральный финальный: взрыв объекта при невозможности его обороны.

— Дачники, — хмыкнул Артемьев. — Курорт. Аква-парка только не хватает.

— Подкинь начальству идею, — предложил охранник. — Мол, для психологической разгрузки личного состава.

— Вы тут такие загруженные...

— А бдительность блюсти... Хуже всего отдыхать, когда надо бдить...

— Ладно, работничек... Где Доктор?

— Барин в трудах праведных. В космосе витает. Но вас примет. Уже спрашивал...

В просторном подвальном кабинете царил творческий беспорядок. Грудами были навалены книги, научные журналы на трех языках. Под ногами валялись два ноутбука. В углу светился экран монитора. Такой беспорядок является спутником многих творческих натур. Правда, в этом беспорядке они прекрасно ориентируются и знают, где что лежит и откуда что взять.

Сам Доктор сидел за просторным угловым компьютерным столом и строчил чернильной ручкой очередной научный труд, время от времени поднимая от исписанных листов взгляд на дисплей. Подавляющее большинство его научных работ не имеют никаких шансов в ближайшие полсотни лет стать достоянием мировой научной общественности. Слишком уж скользкая и секретная сфера деятельности. Слишком специфический круг интересов — методика допроса под психо-тропным воздействием, кодирование психики и дальше в том же роде... В Организации Доктор нашел себя. «Белый Легион» поставлял ему большой материал. Был он человеком, одержимым своими исследованиями, и потому вызывал у окружающих закономерное опасение.

— Привет научной интеллигенции, — махнул рукой Глеб.

— А, душегубы, — хмыкнул Доктор, поправляя пятерней свою жиденькую прическу и отодвигая от себя голографическую клавиатуру. — Добро пожаловать.

— Все обидеть норовишь.

— Хочешь, закодирую. И обижаться сразу перестанешь.

— Шутки у тебя. — Глеб бесцеремонно свалил на пол кипу журналов и освободил кресло.

— По делу или как? — посмотрел на него пронизывающе Доктор. Обычно взор его был повернут куда-то внутрь себя, но иногда глаза становились, как у волхвов — они проникали в душу, как бур в мягкую почву.

— Чаем напоишь? — спросил Артемьев.

— А как же. — Доктор поднялся с кресла и устремился в небольшую кухню, в которую вела деревянная дверь. Кухня ему была необходима, поскольку он экспериментировал в свободное время с экзотическими китайскими блюдами и коллекционировал приправки к чаю.

— Без психотропов? — осведомился Глеб, наконец дождавшийся обещанного чая, принимая большую глиняную, покрытую синей глазурью чашку.

— И без стрихнина, — пообещал Доктор. — Пей, не отравят.

Глеб отхлебнул пахнущий травами и земляникой чай. И признал, что вкус исключительный.

— Как у тебя так получается? — спросил Артемьев.

— Бабка научила.

— Кем была?

— Деревенской колдуньей, кем еще.

— Ага, наследственность...

— Ладно, душегубы, каким ветром попутным вас принесло?

— Да обговорить одну ситуевину неоднозначную, — сказал Артемьев.

Они изложили суть дела.

Доктор очень внимательно выслушал историю позорной гибели депутата Сельмурзаева. Задал несколько наводящих вопросов. И сделал вывод:

— Вероятность кодирования высокая. Процентом восемьдесят.

— Откуда уверенность? — спросил Артемьев.

— Детали.

— Глаза стеклянные, — с видом знатока отметил Глеб. — Роботизированность движений.

— И это тоже, — кивнул Доктор. — Но на один момент вы внимания не обратили.

— На какой? — заинтересовался Артемьев.

— Бадри что сказал по мобильнику?

— «Да, брат»...

— Брат... Самое ласкающее слух слово для восточного человека. За ним — сила рода... Учтите, кодировка — это чаще всего не слом психики. Ломать психику полностью — это затратно, долго, сложно и требует определенных средств и навыков. На Гаити колдуны вуду зомбируют, травя жертвы порошком из рыбы фугу. Ее печень, икра, молоки, кишечник и кожа содержат в себе один из самых опасных природных ядов нервно-паралитического действия — тетрадотоксин. Под его воздействием психика претерпевает необратимые изменения. Практически уничтожается старая личность и на нее накладывается новая — раб, послушный и бессловесный. Знаменитый гаитянский зомби — живой мертвец. Он не способен самостоятельно жить в обществе. Его удел — работать на прополке огорода и спать в яме.

— Бадри жил, — возразил Артемьев. — И спал не в яме. Как же его обработали?

— Воздействие на базовые пласты личности. На те, что составляют ее основу — глубинные социально-психологические установки, которые укрепляются в подсознании. Родоплеменные основы социума на Кавказе очень крепки. Род, семья — это святое. Ради них можно пожертвовать жизнью.

— И что? — не понял Артемьев.

— В мозгу возникает фантом. Некто становится для кодируемого братом. Близким человеком. Олицетворением его родоплеменных связей, и, следовательно, нитей, связывающих с этой жизнью. Брата надо спасти во что бы то ни стало. Ему надо помочь.

— И «Вервольф» становится таким братом? — кивнул Глеб.

— Да... Несколько дней, пока они общались, шло активное кодирование.

— И сбежал «Вервольф» с его помощью?

— Вот именно. Сначала было прямое воздействие, когда объект рядом... Ему просто говорят, что делать... Самое сложное — это глубокая кодировка на отсроченное действие.

— Программа, — произнес Артемьев.

— Верно. «Вервольф» вложил в объект скрытую программу. При этом отключил или ослабил узлы, которые отвечают за критическое самосознание. После освобождения пленного Бадри наверняка чувствовал, что сделал что-то неправильное. Но самокритика в этом направлении не работала. Звонок по мобильнику послужил сигналом. Кодовое слово запустило программу.

— Программу на уничтожение хозяина? — подытожил Глеб. — Выходит, чечены привели козла в огород. Они считали, что держат его в плену. А на самом деле в плену он держал их. И выкачивал информацию. А когда ситуация обострилась и возникла реальная угроза его жизни, он сделал ноги.

— Зачем «Вервольфу» было ликвидировать бандита и депутата? — спросил Артемьев. — Какой мотив?

— А вы не допускаете обычную месть? — спросил Доктор.

— Для профессионала месть — это архитектурное излишество, — отмахнулся Глеб.

— Да-а?.. — язвительно протянул Доктор. — Вы упускаете из виду, что кодировщики, а их, к счастью, на Земле немного, люди совершенно особенные. Часто не во всем адекватные. Имеющие власть над душами часто считают себя подобными богам. И потому они крайне болезненно воспринимают посягательство на свою божественную сущность.

Глеб задумчиво посмотрел на Доктора. Ему пришло в голову, что сам Доктор был одним из лучших кодировщиков в мире. Не по себе становится, когда представишь, какие тараканы водятся в его голове. Доктор, уловив его настроение, улыбнулся:

— Не бойся. У меня достаточно адекватная самооценка. И почти нет психопатии.

— Значит, не опасен, — через силу улыбнулся Глеб.

— Когда как...

— «Вервольф» мог сотворить код на самоубийство? — спросил Артемьев.

— Это сложно, — ответил Доктор. — Основной инстинкт у человека — самосохранение. От него никуда не деться даже под гипнозом или в других измененных состояниях сознания.

— Но ведь кодируют на самоубийство, — настаивал Артемьев.

— Чаще просто обманывают, — возразил Доктор. — Внушают объекту в состоянии транса, что он шагает не с небоскреба в пространство, а в свою ванную. И что электрический провод — это поводок его любимой псины.

— А можно сломать запрет на самоубийство?

— Можно все, — кивнул доктор. — Но не все могут...

— Кодирование, — кивнул Глеб. — Этим легко объясняется изобилие самоубийств ученых.

— Занятная беседа, — улыбнулся Доктор. — Проект «Зеленая книга»?

— Он самый, — нехотя отозвался Артемьев.

В «Легионе» принято, что исполнители знают не более того, что им положено знать для выполнения конкретных задач. Однако такая секретность имеет свою оборотную сторону — часто люди, которые могут преподнести разгадку, просто не обладают достаточной осведомленностью.

Артемьев задумался. И как куратор разработки «Зеленая книга» принял решение:

— Итак, Доктор, слушай ситуацию в подробностях...

Выслушав все, Доктор заключил:

— Способ совершения преступлений — суггестивное воздействие.

— Это когда оператор воздействует просто взглядом, а не словами. Насколько оно эффективно? — осведомился Артемьев.

Доктор с усмешкой посмотрел на него и произнес:

— Ты чаек пей. Остынет.

Артемьев отхлебнул чай и скривился:

— Черт, соленый!

— Только что был сладкий, — заметил Доктор. Артемьев искоса посмотрел на него, осторожно сделал еще глоток. Чай был снова сладкий.

— Можно все. Если умеешь, — подытожил демонстрацию Доктор.

— Насколько сильный гипнолог нужен? — спросил Глеб.

— На такое способны считанные единицы, — успокоил Доктор. — Они все наперечет. Используются спецслужбами, транснациональными корпорациями. Еще более активно — религиозными организациями, сектами... Кстати, некоторые затесались в гуру различных сектантских движений.

— Значит, наперечет, — задумался Глеб.

— Этот «Вервольф» мне напоминает одного способного мальчика, — помявшись, заявил Доктор.

— Мальчика? — Глеб хмыкнул.

— Тогда он был мальчиком. Знаете, я ведь уже немолод, — Доктор провел ладонью по своим залысынам и язвительно улыбнулся. — А ему теперь уже сороковник.

— Кто это?

— Не принято тогда было называть имена, — глаза Доктора ностальгически затуманились. — В конце восьмидесятых годов я имел честь кое-чему обучить его...

— По чьему заданию? — поинтересовался Артемьев.

— Первое Главное управление КГБ.

— Разведка.

— Она, — кивнул Доктор. — Внешняя разведка Советского Союза.

— Его псевдоним? — испытующе посмотрел на Доктора Артемьев.

— Звали мы его Саша. Оперативный псевдоним Атташе...

— Саша Атташе, — Глеб щелкнул пальцами. — Интересно...

— Позже к нему прилипла кличка Гипнотизер, — дополнил Доктор. — На нее он отзывался охотнее всего...

— Произвел посадку самолет авиакомпании «Гамма», следующий рейсом номер сто пятьдесят шесть из Нью-Йорка. Встречающих просим пройти к сектору номер два в зале прилетов, — произнес мелодичный женский голос.

Международный аэропорт «Шереметьево-2», прозванный в народе «шариком», жил своей обыденной жизнью. На посадку заходил массивный «ИЛ-96». На рулежную дорожку выползал «ТУ-154». К пузатому гигантскому «семьсот сорок седьмому» «Боингу» протянулась ребристая кишка, по которой одуревшие от полусуточного перелета пассажиры двинутся в здание аэропорта, и, ощутив под ногами твердую землю, окончательно убедятся в том, что им посчастливилось выжить в борьбе с воздушной стихией.

Бородатый «колобок», тащивший за собой чемодан на колесиках, самолетов не боялся. Наоборот, они воодушевляли его. А запасы спиртных напитков в авиалайнере, к которым он имел счастливую возможность приложиться, сделали перелет через половину земного шарика не таким уж и тягостным.

Зеленый коридор. Час вечерний. Таможенники снулые и совершенно не зверствуют. Контрабанду из Америки везут редко. Все больше туда. Поэтому и поклажу особо не досматривают.

Бородатый «колобок», не вызвавший ни малейшего интереса со стороны сонного таможенника, проскочил в зал прилетов. И, к радости своей, убедился, что там его ждут.

— Вот это правильный подход, — кивнул он, хлопая по плечу вальяжного типа, встречающего его. — Начальство должно проявлять заботу о подчиненных.

Президент фонда «Технологии, XXI век» Николай Валентинович Марципало, который с удивившим его самого великодушием решил встретить своего заместителя, а не доверять это водителю, протянул приветственно ладонь.

— Прилетел, путешественник, — Марципало оценивающе окинул взором бородатого «колобка» Семена Ровенского. — Похудел.

— Это от жары и от недоедания.

— Не кормили капиталисты?

— Кормили. Но без души... Неискренне... Вот я знаю, что ты уже приготовил банкет по моему случаю. Уже бараньи отбивные шкворчат и икра киснет...

— Слушай, Сема, я почувствовал себя за эти две недели счастливым человеком.

— Это почему? — удивился Ровенский.

— Я понял, как хорошо жить без твоего треп.

— Спокойно. Но скучно... Треп — это возможность влиять на окружающий мир, делая его удобным для проживания.

— Твоего проживания. Но не окружающих.

— Так, любезностями обменялись. Чемодан за меня не потаскаешь? — спросил Ровенский.

— Нет?... Тогда я сам. Пошли...

Они с трудом преодолели целые укрепления аэропортовых жучков, агрессивно предлагавших за какие-то сто баксов провезти несколько километров до Москвы...

— На хрен нам эта наука? — оглядываясь на бомбил, произнес «колобок». — Давай устроимся возить приезжих. Такси в Москве дороже самолета.

— Тут все места давно заняты, — охладил его пыл Марципало.

— Вот так. Все хорошие места в мире расхватаны, и приходится довольствоваться малым...

— Давай прилуняйся, — Марципало нажал на кнопку.

Щелкнули замки, открывая двери ждавшего на стоянке внизу за автобусной остановкой вишневого обтекаемого роскошного «Ауди-А6».

Ровенский положил чемодан в багажник и залез в салон. Мягкие сиденья приняли его как родного. Отсиженные в самолетном кресле части тела ныли, и он принял полулежачее положение.

— Как оцениваешь поездку? — спросил Марципало, трогая машину. Двигатель работал почти неслышно, с уютным урчанием. «Ауди» набирала скорость стремительно и совсем незаметно.

— На четыре с плюсом.

— Почему доктор Говард уперся?

— Они считают, что своим путем дойдут быстрее, — махнул рукой Ровенский.

— Ты ему объяснил, что никуда они не дойдут?

— Объяснял... Капиталисты. Они считают деньги. И еще считают, что мы недоразвитые. Доктор Говард как раз из таких.

— Ладно. Главное, с центром в Кливленде все на мази.

— На мази, Коля. На мази. Подписание договоров назначено.

— Будем принимать американскую делегацию на нашей земле...

— Гамбургерами не отделаешься, как они, — хмыкнул Ровенский. — Придется проявлять русское гостеприимство. Икра, водка, медведи...

— Ладно. Разберемся как-нибудь. — Марципало вывернул на автостраду и тут разогнал машину от души. Был первый час ночи. Крюк большой делать директору не нужно было — жили коллеги почти по соседству.

— Как наши скорбные дела? — осведомился Ровенский.

— Наши скорбные дела стали еще скорбнее.

— Гурвич так и не нашелся?

— Не нашелся. Куда-то запропастился.

— Запропастился, — кисло произнес Ровенский. — От слова пропасть.

— Ладно. Забудь, — отмахнулся Марципало. — Головной боли от них было больше, чем пользы...

— Это если считать, что имело место прожектерство, а не действительно открытие. Иначе все бы озолотились.

— Я тебе говорил — не верю, — отрезал Марципало.

— Не верю. Не верю, — пропел Ровенский. — Я тоже во многое не хочу верить.

— Во что, например? — Голос Марципало неуловимо изменился. Ровенский знал — такой тон свидетельствует о том, что тема президенту фонда сильно не по нутру.

— Повышенная смертность вокруг нас, Коля.

— Как и во всей стране. Лекарства плохие. Эскалация насилия. Телевизор смотри.

— Думаешь? — Ровенский хмыкнул. — Тебя не смущает, что слишком много людей в последние годы отправились на тот свет? Или просто удалились из науки, позабыв о своих изобретениях?

— Не смущает.

— А меня смущает. Идеи-то у них были революционные.

— Революционеры обычно плохо кончают, — насупился Марципало. — Это люди с определенными изъянами в психике. Они мрут как мухи, потому что лезут куда не надо. И переоценивают ценность своих идей.

— Хорошо бы... А если идет выбивание носителей идей?

— Слушай! — раздраженно воскликнул Марципало и нажал сильнее на газ, так что его пассажира вдавило в сиденье.

— Воздушная яма, — хмыкнул Ровенский.

— Нет никакого выбивания. Нет!

— Нет так нет...

— Сема, послушай мой совет. Есть вещи, в которые лучше не лезть. Я тебе настоятельно рекомендую им воспользоваться.

— Обязательно, — согласился Ровенский. — Но с меня-то спроса нет. Я же трепач.

— Слишком длинный у тебя язык...

— Слишком, Коля... Я же не спорю... Молчу...

Ровенский угрюмо посмотрел на вырастающие прямо по курсу, похожие на лайнеры, вспарывающие черную морскую гладь, глыбы московских домов, усеянные светляками окон. И произнес задумчиво:

— А все-таки порой мне страшно.

Часть стены рухнула. В воздухе витал запах бетонной крошки и приглушенные ароматы

грузинской кухни. Ведь взорвали грузинский ресторан.

Сама коробка выстояла. Окна все вылетели. Хорошо еще, что кабак воткнули на место снесенного охраняемого памятника архитектуры восемнадцатого века в старый московский малолюдный переулок. Если бы рвануло где-нибудь на Тверской — весь «Склиф» уже был бы заполнен пострадавшими.

Какая-то невезуха была с этим рестораном «Кутаис». Сначала чуть не убили чиновника из московского Комитета по охране памятников, который решил, что он имеет право защищать памятники культуры — это когда земля в центре столько стоит! Потом пошли разборки. Сперва здесь было задумано казино, но подросла мафиозная война вокруг игорных заведений. Кому-то сильно помешало здесь казино — ведь такой же центр досуга уже есть через два квартала. Разбор — еще три трупа. Наконец все сошлись на том, что в здании разместится элитный грузинский ресторан. Добрая получилась харчевня. Почти все грузинские воры в законе почтили ее своим присутствием — устраивали сходняки, терли друг с другом о нелегких воровских делах. В прошлом году около «Кутаиса» неизвестные расстреляли пожилого авторитетного вора Гоги Зугдидского вместе с его малолетней любовницей. Голубки выпорхнули из кабака, сытые и пьяные, и на пороге их встретили автоматной очередью.

Нынешний взрыв обошелся в пять трупов.

— Ну что, бытовой газ? — с надеждой спросил эксперта начальник Московского уголовного розыска.

— Ага, — хмыкнул эксперт в форме майора милиции. — Тротил. Не меньше кило.

— Вот черт, — покачал головой начальник МУРа, предчувствуя, что одним всяком стало больше. — Что скажешь про все это, борец с бандитизмом? — обернулся он к Артемьеву.

— Ну что сказать, устроены так люди, — тот процитировал известный шлягер двадцатилетней давности. — Кутаисская группировка и татары дерутся.

— Дерутся, — согласился Артемьев. — Зураб кинул людей, которые под татарами ходят. Деньги немалые. Для разрешения спора стороны пригласили разводящего. Тот в пользу татар присудил. Разводящего грохнули... Теперь ответ прилетел.

— Что делать будем? Это уже переходит всякие рамки.

— А что тут сделаешь? — развел руками Артемьев.

— Надо на место ставить.

— Ставь, — хмыкнул боец с бандитизмом. — Тебя в офис к ним не пустят без решения суда. А суд у них на подкормке.

— Кому ты рассказываешь... Все равно будем зачищать. Давить хиву их поганую.

— А ты не знаешь, какие бабки они наверх платят? — усмехнулся Артемьев. — Не в курсе, какой хай поднимется? И с новым законом ты ничего с ними не сделаешь. Даже беспредел ментовский, как в былые времена, не устроишь, потому как прокуратура теперь на их страже. И прокуроры очень не любят превышающих власть ментов. Обратной позорных, подбрасывающих стволы и наркотики честным ворам в законе. Ты не знаешь этого, Василий Семеныч? Не знаешь, как прокуроры за бабки наших оперов опускают? Не знаешь, что там, где деньги, правосудие бессильно? Так я тебе рассказываю...

— Все равно, — упрямылся начальник МУРа. — Давай завтра ко мне. Подумаем, как им жизнь

попортить. Куда удары нанести.

— Подумаем, — кивнул Артемьев. — Нанесем... Иголочные уколы... Может, даже убедим их шалить потише, чтобы спать нашему Госсобранию и Администрации Президента не мешать...

— А ты что предлагаешь? — зло посмотрел на своего коллегу начальник МУРа.

— Да ничего я не предлагаю... По совести если, то гнить их надо. Стрелять, пока они всю страну не скупили и не продали... Скорпионов давят башмаком.

— Помечтай.

— Мечтаю, — криво улыбнулся Артемьев, повернулся и пошел к ждущему его джипу.

С места происшествия он отправился в Региональное управление по борьбе с бандитизмом. Поднялся в свой кабинет, оформленный по скучному офисному лекалу — белые обои на стенах, мертвенные лампы дневного света, сейф, видеодвойка, длинный стол для оперсовещаний.

— Никита, зайди ко мне, — произнес Артемьев, нажав на кнопку селектора.

Через минуту в его кабинете появился начальник отдела по борьбе с авторитетами подполковник Никита Денисенко.

— Ну что, Никита, — ласково начал Артемьев. — Посмотрел я, как твои подопечные тротилом друг друга по понятиям жить учат.

— «Кутаис»? Я же предупреждал, этим и должно было закончиться. Гиви после того, как его судья Измайловского суда за сто тысяч баксов отпустил, вообще стал кум королю, сват министру. Решил, что в городе ему никто не указ. Все у него теперь вокруг козлы, петухи и педерасты... Нарвался... Завтра татары Городскую думу взорвут, а грузины в отместку Госсобрание... Что делать будем, Олег?

— О, планов громадье, — заверил Артемьев. — Перво-наперво раздать под подпись задания негласному аппарату на выявление информации о лицах, имеющих отношение к данному взрыву. Провести внеочередные встречи.

— Толку-то?

— Как толку? — удивился Артемьев. — А задницу прикрыть?

— А... Знаешь, Олег, я тут философское умозаключение сделал.

— Интересно, какое.

— Задница в нашей конторе — это всеобъемлющее, философское понятие, — скривился в усмешке подполковник Денисенко. — Это источник всего сущего и итог.

— Объясни.

— Куда ни кинь, везде задница. Одни из кожи вон рвутся, делают карьеру, чтобы пристроить свою задницу в мягкое кресло. Вращивать ее, драгоценную, лелеять. Чтобы она ездила на шикарной машине с синими номерами и чтобы не им, а их задницам, сидящим в этих машинах, гаишники честь отдавали... Скажи, не так?

— Близко к истине.

— Другие делают все, чтобы прикрыть задницу, — начальник отдела загибал пальцы. — Третьих хлебом не корми, а дай подчиненных в задницу отыметь. Есть и такие, которые не поднимут лишний раз задницу со стула — им удобнее, чтобы она меньше передвигалась в пространстве. Подавляющему же большинству наших коллег, у которых зарплата, как у дворника, вообще все до задницы...

— Ну да.

— А в целом вся наша правоохранительная система находится в полной заднице.

— Не забудь добавить, что есть еще народ, который рвет задницу, чтобы хоть что-то изменить, — добавил Артемьев.

— Есть, — согласился Денисенко.

— А так как мы именно из этого народа, то с нас и спрос особый.

— А ну его в задницу, — как-то устало произнес Денисенко.

— Ладно. Поговорили, — хлопнул ладонью по столу Артемьев.

— Вон еще, — начальник отдела протянул ему папку. — Меморандум по оперативной информации. За пять дней. Будешь читать?

— Конечно, — Артемьев взял листы с грифом «секретно». Недавно он завел такой порядок, что оперинформацию, получаемую от агентурной сети управления, начали загонять в компьютеры и анализировать ее, составлять меморандум, искать пересекающиеся моменты. На эту линию посадили несколько толковых ребят, склонных к аналитической работе. Неожиданно они дали две реализации, и тогда руководство въехало, что аналитики не только штаны протирают, но и способны на реальную отдачу.

Артемьев отмечал черной ручкой в справке-меморандуме более-менее значимые моменты. Так, прибыла группа домушников-гастролеров из Рустави. Источник утверждает, что они взяли две квартиры в Самаре. Проверить. Может, просто агент решил набить себе цену или подставить недругов. Не исключено, что воровская братва хитрушку устроила, чтобы узнать, не подстукивает ли их кореш. Проверять надо... Так, убийство пятилетней давности. Расклад, кто совершил. Чем доказывать? Вопрос. С личным когда берут — суды и то отпускают. Но все равно следует отработать... Тут притон. Развращение малолетних, «голубые» дела. Фигуранты интересные — пара депутатов Госсобрания, крупный чиновник Министерства экономики, примелькавшаяся поп-звезда. Это пригодится. Реализовать такую информацию МВД никто не даст, но зато будет лишний козырь в рукаве. И для «Легиона» безразлично — тут есть простор для шантажа. На таких крючках во многом держится влияние.

Остальное — мусор. Информационные отбросы. Выполнение плана по встречам и по получению информации.

Артемьев уже собрался положить обратно в папку меморандум, и тут взгляд наткнулся на последний абзац.

«...На встрече источник Лолита сообщила, что у ее знакомой Анжелы живет мужчина — лет 30-35, особых примет нет, лысоватый, с бородой, назвался Алексеем, ученый, занимается программированием. Скрывается от своих врагов...»

Сердце загрохотало.

Черт возьми! Это же Гурвич!

— Подойди, — сказала дежурная по этажу.

Лиля и Анжела уже пятый час сидели и пялились в телевизор. Все сплетни переговорены. А заказов нет и нет. День проходил впустую. Звонок дежурной означал вызов.

— Нам обоим? — спросила Анжела.

— Нет. Только ты...

— К хачам не пойду! — как заклинание, каждый раз повторяла Анжела.

— Тебя и не гонят... Не заставляй себя ждать, королева...

Анжела бросила трубку и передразнила:

— Не заставляй себя ждать... И вся важная из себя, блин! Куда нам до нее, блин! Прямо дом на Рублевке и счета в Америке!

— Сучка драная, — поддакнула Лиля. У обеих девчонок накопилось немало обид на диспетчершу. — Тоже подрабатывала в свое время. Теперь кто на нее позарится? Вот и строит из себя...

Так уж складывается, что девочки не любят бандерш, диспетчерш, распорядительниц женских тел. Бывают исключения. Вот года полтора назад была у Анжелы «мама», так в ней души не чаяли, за девчонок, как за себя, горой стояла. Как к дочкам относилась. Жалко, села за героин. Бес попутал переодетым ментам сто грамм герыча впарить. Каждый должен заниматься своим делом. И не лезть в чужие.

— Ну, я пошла, — Анжела поправила прическу.

— Чтобы тебе гринов побольше срубить, подруга... И чтоб тебе замуж предложили, — Лиля хмыкнула.

— Ясный перец. Принц из Индии.

— В Индии нет принцев, подруга...

— Ну и ладно...

Анжела поднялась к дежурной по этажу — сорокапятилетней строгой тетке, похожей на надзирательницу в женской колонии.

— На хату поедешь, — произнесла она хмуро.

— По хатам же не работаем! — возмутилась Анжела.

— Ничего. Я людей этих знаю... Двести американских рублей за ночь тебе помешают?

— Двести гринов? — Сердце Анжелы радостно екнуло. — Не помешают... Только чтобы не хачи и не садисты.

— Нормальные люди. Денег немерено. Может, еще чего подкинут. Ну, согласна? — Дежурная напирала настойчиво.

— Согласна, — без боя сдалась Анжела.

— Тогда спускайся. У южного входа серебряная «Ауди» ждет. В ней — Стас в очках темных, прикид на миллион баксов. Скажешь, что от меня.

— Поняла, — обрадованно воскликнула Анжела. У женщин ее профессии, которым дорого даются деньги, отношение к трудовому баксу серьезное. Никогда своего не упустят. И такой заказ не упускают.

От ждущей на стоянке рядом с туристическим автобусом серебряной, как летающая тарелка, машины исходили волны роскоши. Анжела на таких давно не ездила. Новенькая, с конвейера, сиденья пахли дорогой кожей. И парень в салоне сидел — ничего такой, симпатичный. Костюмчик неброский, но очень дорогой.

— Стас, — представился он. — Садись назад.

— Как скажешь... Далеко едем?

— В Москву, — хмыкнул он.

— Цену говорили?

— Двести за ночь. Не вопрос.

— Тогда я тебя люблю, — выдала довольная Анжела обычную свою присказку, обещавшую в скором времени сказку.

Стас тронул машину с места и выехал на набережную. Через несколько минут, поблуждав по узким московским переулкам, остановился у серого шестиэтажного старинного дома. Рядом возвышалось недавно отремонтированное, празднично яркое здание Третьяковской галереи, в которой Анжелка ни разу не была и бывать не собиралась.

— Друга надо забрать, — поведал Стас.

— Что, двое? — почти искренне возмутилась Анжела. — Так не договаривались, — она помялась и нагло затребовала: — Доплатить тогда надо. За двоих-то...

— Он не будет участвовать, — усмехнулся как-то ехидно Стас.

От подъезда отделился высокий атлет и направился к машине.

— Привет, братцы и сестрицы, — он уселся на заднее сиденье рядом с Анжелой.

В общем-то, она и сама ему бы отдалась, при его виде внутри что-то екнуло — в нем ощущалась такая сила и уверенность, что хотелось растаять в его объятиях. И глаза ясные, пронизательные. «Черт с ней, с доплатой», — подумала Анжела.

Стас тронул машину с места.

— Анжела, — произнес атлет спокойно.

— Ну да, — девушку несколько удивило, что он знает ее по имени. Впрочем, ему мог отзвонить по мобильнику Стас.

— У тебя живет человек.

— Какой человек? — Внутри у нее похолодело. — У меня?

— Алексей. Так?

— Никто не живет, — соврала Анжела и подумала с ужасом: «Вот оно! Начинается!»

— Анжела, ложь не украшает такое невинное создание, как ты. И врать ты не умеешь... Адрес твой мы знаем. Нет проблем зайти в квартиру... Мы не хотим ему зла. Он в нехорошей ситуации. Мы хотим его выручить.

— Я не понимаю, — мысли Анжелы путались от страха.

— Не возражай, — подал голос Стас. — Нас твои возражения не интересуют. И на понт не берем. Живешь ты в однушке, квартира сорок семь. Адрес...

Она вдруг со всей ясностью осознала — эти люди хотят отнять у нее Алексея. Она так привыкла к нему, что он стал ей родным. Все внутри протестовало против подобной постановки вопроса.

— Нет! — крикнула она и попыталась рвануть дверцу...

— Да тише ты, — атлет оттащил ее от двери. Сжал аккуратно в объятиях, не делая больно, но и не позволяя ей двигаться.

Она захотела укусить его — не вышло. Он рассмеялся — беззлобно, без издевки, как человек, которого хочет цапнуть за палец красивая кошка. Спросил:

— Успокоилась?.. Ну все, все... Анжела, мы тебе не враги...

Он отпустил ее. Она вжалась в угол. Истерика прошла. Героизм — тоже...

— Теперь слушай, — твердо разъяснил атлет тоном, не терпящим противоречий. — Мы заходим в квартиру. Ты нас представляешь Алексею. Мы разговариваем с ним. Все...

— Вы... вы те, кто его преследует?

— Нет. Мы те, кто спасает его шкуру...

Когда Анжела, пряча глаза, зашла в квартиру, а следом появился уверенный в своих силах и правоте атлет, Гурвич понял — все! Это за ним. Его бег закончен.

Можно, конечно, было, как последний акт отчаяния, попытаться прорваться. Или достойно закатить драку. Только вот прорваться через этого бугая не получится — факт. Это как пробить скалу. Есть еще один вариант — выброситься из окна. Но и тут ничего не выйдет. Гость занял как раз такую позицию, чтобы исключить случайности.

Странно, но Гурвич даже испытал облегчение. Больше всего его томила неопределенность. Он завис между небом и землей. Ждал изо дня в день, когда за ним придут. И вот, наконец, это свершилось. Будто груз с плеч. Он не способен прятаться по темным пыльным углам всю жизнь. Лучше сразу умереть, чем как крыса всю оставшуюся жизнь хорониться по подвалам.

— Ну что, гадина, стреляй, — выдал совершенно дурацкую фразу, расправив плечи — прямо Орленок из одноименной героической песни.

А Атлет — а это был Глеб — вздохнул:

— Какой пафос... Давайте присядем, Алексей Леонидович. Что в коридоре стоять.

Гурвич послушно прошел в комнату, сел на диван, руки на коленях, спина выпрямлена.

— Если бы мы хотели вас убить, то убили бы... Сейчас у нас разговор. Ни к чему не обязывающий. Гурвич не отвечал.

— Анжела, красавица, подожди на улице со Стасом, — обернулся к девушке Глеб.

Она послушно вышла из своей квартиры.

— Кто вы? — спросил Гурвич обреченно.

— Мы не те, кто разделались с вашими друзьями, Алексей Леонидович. Мы те, кто пытается им помешать.

— Вы знаете, кто их уничтожил?

— Сейчас не время для ответов. Сейчас время для взаимовыгодных предложений. Вас рано или поздно найдут. Мы обеспечим вам безопасность.

— Почему я должен вам верить?

— Что же... Я могу уйти... И вы останетесь один... Ну, не совсем один. С Анжелой, которая привязалась к вам, как собачка. И которую вы тоже подставляете под удар...

— Что я должен делать?

— Ничего. Просто по собственной воле пойти с нами...

— Пошли, — Гурвич поднялся.

Обманывают его, говорят ли правду — не имело никакого значения. Все равно у него не было выбора. Теперь его судьба ему не принадлежала. Она была в руках этих людей.

В пятикомнатном деревянном доме на отшибе Егорьевского района Подмосковья не было роскоши, строители не стремились порадовать глаз интерьерами, однако имелось все необходимое для жизни. И самое важное для Гурвича — на столе стоял мощный компьютер. Правда, без доступа в мировую паутину ученый ощущал себя будто в инвалидной коляске, но ничего, это можно пережить. Когда жив, многое можно пережить...

Программист с трудом осознал, что здесь ему предстоит провести достаточно длительное время в компании трех охранников. Но это лучше, чем лежать в земле.

— Это телохранители или конвоиры? — перво-наперво спросил Гурвич, когда его ознакомили с тем, где и как ему жить.

— В зависимости от ситуации, — сказал Глеб. — В числе прочего они предостерегут вас от необдуманных импульсивных поступков, к которым у творческих людей имеется определенная склонность.

— Все ясно, я арестованный.

— Вы наш гость. И дополнительно к этому являетесь носителем информации, представляющей серьезную ценность. Поэтому мы обязаны принять меры предосторожности. Чтобы защитить свои и ваши интересы.

— Я не взбрыкну... Я все понимаю. — Гурвич налил пива из пластмассового бочонка, стоявшего на столе, — эти люди знали его пристрастия и позаботились о том, чтобы потрафить ему. — Все-таки объясните мне, как я попал в такую передрагу.

— Когда стало ясно, что проект «Титан» означает серьезный технологический рывок, вас просто решили уничтожить, — произнес Артемьев спокойным тоном.

— Я с самого начала боялся, что кончится именно этим. Они не позволяют...

— Кто они?

— Не знаю... Они... Это нечто скрытое от глаз, но присутствующее рядом. Не знаю... Знаю, что они должны быть. Кто-то должен заказывать музыку на этом шарике... Похоронную музыку... Впрочем, вам лучше знать, — программист вздохнул горько, откинулся на сетчатом соломенном кресле, устремил свой взор куда-то вдаль, поверх зеленых крон деревьев. — Эх, Белидзе... Он был больше идеалист, чем прагматик. Он мечтал, что это открытие в области аномального химического синтеза заменит целые отрасли. Химзаводы, изничтожающие все живое, уйдут на свалку цивилизации. Земля очистится.

— Рай, — оценил Артемьев.

— Не рай на земле, но один из небольших шажков к нему сделали... Могли...

— Где документация по программе? — поинтересовался Глеб. — Только не надо лукавить... Мы в одной лодке.

— Она была у Алки.

— Два диска?

— Да. От них не осталось ничего...

— Вы можете восстановить информацию?

— На это понадобится время, — развел руками Гурвич.

— Много?

— Несколько месяцев. Может, год...

— Ну что ж, время у нас есть, — заключил Артемьев.

— А что потом будет с открытием? — заерзал в кресле Гурвич.

— Вы хотите попытаться его продать? — усмехнулся Артемьев.

— Не приведи господи! — воскликнул программист.

— Оно понадобится, — заверил Глеб. — В нужное время, в нужном месте. Главное, не поторопиться и не опоздать...

— Я понимаю, — кивнул Гурвич. — Кстати, я по-прежнему ничего не знаю о вас.

— Оно и к лучшему, — заверил Артемьев.

— Что будет потом со мной? — спросил с замиранием сердца Гурвич, понимавший, что находится в полной власти этих людей и от них теперь в его жизни зависит все, в том числе — жить или умереть.

— Посмотрим, — Глеб глянул в осунувшееся лицо Гурвича и подмигнул: — Не бойся, мы людей не убиваем.

— А кого убиваете? — встрепенулся программист. — Сусликов?

— Вампиров глушим. Есть такая профессия...

— Почему я вам верю? — слабо улыбнулся Гурвич.

— Потому что за нами правда, — со спокойной уверенностью произнес Глеб.

Странно, но от этих слов душой Гурвича овладела какая-то умиротворенность — впервые за последнее время.

— Я не кровожадный, — он замялся. — Но как хотелось бы, чтобы за смерть моих друзей ответили...

— Как получится, Алексей Леонидович, — произнес Глеб. — Как получится...

Через полчаса он гнал свой «Форд-Фокус» в направлении Москвы. Впереди стелилась полоска дороги, поднимающаяся на холмы и падающая вниз, с редкими коробочками автомобилей и тракторов.

— Только бы программист не выкинул фортель, — задумчиво произнес сидящий на переднем сиденье Артемьев.

— Ребята будут держать его под контролем, — заверил Глеб. — Шахтера он не обманет.

— Интересно, он восстановит технологический процесс?

— Думаю, да. Это дело его жизни...

— Ты уверен, что это правильное решение — не использовать его как приманку?

— Правильное, — Глеб надал газ. — Его голова забита слишком ценной информацией, чтобы ею рисковать. И еще — при таком психологическом надломе из него помощник — курам на смех. Будет только мешать.

— Ладно. Будем бросать другой крючок, — Артемьев откинулся на сиденье и прикрыл глаза.

Сегодня они предложат Зевсу новую комбинацию. И тот согласится. Наверняка согласится...

Часть третья

«Новые луддиты»

Двенадцатиэтажный, веселенький, новый, бело-зеленый, с легкомысленными желтыми колоннами, ажурными балкончиками и волнистой крышей дом относился к категории элитных. Его двор стискивала высокая чугунная ограда с острыми кольями — на такие в былые времена насаживали врагов. За оградой имелось все для беззаботной жизни — подземный гараж, детская площадка с каруселями, спортивные снаряды. В просторной будке у ворот скучали цепные псы из частного охранного предприятия «Аргус», готовые рвать зубами нарушителей спокойствия хозяев.

К третьему подъезду подкатил черный «Линкольн» — любимая машина для гробовщиков и руководителей российских компаний. За ним остановился угловатый «Мерседес» — это «контейнер» для охранников.

Сперва из подъезда показался охранник — раздувшийся от бронежилета, с профессионально цепким взглядом. Остановился на мраморных ступенях, осмотрелся.

Потом вышел еще один. Следом появился нервный тип в сером костюме, размерами тела явно уступавший своим охранникам, но размерами своего состояния и по положению в обществе находившийся от них на недосягаемой высоте. Он немного затравленно озирался и походил больше на пленного, чем на охраняемую персону.

День был пригожий. Президент «Русбанка» Иннокентий Романенко вдохнул полной грудью воздух, напоенный с трудом пробивающимися сквозь газы мегаполиса запахами поздней весны. Закрутится, завертится. Так и весна, и лето пройдет мимо. И зима... Все бежит мимо. Только дни мелькают. Что-то достигаешь. Что-то теряешь... И так до самой смерти.

Правда, бизнесмен рассчитывал прожить никак не меньше лет девяноста. При таких деньгах меньше жить просто неприлично... И уж никак в его дальнейшей судьбе не могли иметь какого-либо значения те пять метров, которые ему предстояло пройти до ожидавшего его, черного и блестящего, как лакированная туфля, «Линкольна»... Однако секунды и метры бывают в жизни человека обычные. А бывают роковые — о чем бизнесмен забыл...

Шаг. Другой. Третий... Это шел обратный отсчет...

Впереди идущего охранника развернуло. И он уткнулся лицом в асфальт, проделав брешь в обороне.

Второй охранник сделал рывок, пытаясь прикрыть босса своим телом... Он опоздал. Пуля ударила банкиру в голову...

Охранник упал рядом с телом своего нанимателя, выдергивая пистолет... С таким же успехом он мог вытащить и авторучку. Кстати, теперь авторучка будет для него нужнее — ему придется в ближайшее время писать не одно объяснение и подписываться не под одним протоколом. Он еще не понимал, что в этом его счастье. Ему повезло. А не повезло его товарищу, лежавшему сейчас на асфальте в крови...

Снайпер отпрянул от бойницы, кинул на пол фургончика теперь уже ненужную снайперскую винтовку для бесшумной и беспламенной стрельбы. Прыгнул на место водителя. И надал газу...

Он мог гордиться собой. Отработано все на высочайшем уровне. Не так много людей, которые способны на такую филигранную работу. Одной пулей сбить тело и освободить траекторию стрельбы. А другой уложить мишень из «винтореза». Вглухую. С четырехсот метров... Даже для мастера спорта по стрельбе, каковым являлся Снайпер, это было достижение... Тончайший расчет... При этом все в динамике. На принятие решений — мгновения...

Отработать по цели для киллера — это полдела. Не менее важно — уйти с места исполнения. Это требует порой не меньшего расчета и квалификации.

Все продумано. Посты милиции. Маршрут выдвижения. Пробки на дорогах. Все.

Его работа — это математика. Во главе всего — хороший расчет. Однако никакие расчеты не помогут, если они не завершены безукоризненным исполнением.

Снайпер свернул во дворы. Узкие, московские, сквозные... Душа пела. Так всегда бывало после исполнения заказа. Это похоже на магию. Каждой пуле он придает ускорение своими душевными силами. Он заговаривает ее, и когда она достигает цели, накатывает волна восторга!

Мишень его не интересовала. Это была всего лишь мишень — падающий вдали силуэт. Впрочем, когда он задумывался над тем, что мишени — это живые люди, у них есть

престарелые мамы, папы, сопливые детки и занудные жены, то и тогда не испытывал особого раскаяния. Когда в Ичкерии на колонну, с которой передвигался Снайпер, тогда еще старший сержант внутренних войск, было совершено нападение и боевики долбили по русским голодным, необстрелянным солдатам, выцеливая их по одному, где были эти сытые, уверенные, что мир создан для их удовольствия, рожи? Они сидели в кабаках и жрали икру... Но так не бывает, чтобы одни вечно купались в дерьме и крови, а другие в икре и шампанском. За все надо платить... И те, кто купается в дерьме, однажды понимают, что это несправедливо. И еще они осознают, что сытые рожи — их враги, точнее, антиподы. Единство и борьба противоположностей. Жирные и сытые делают все, чтобы было больше голодных. Голодные мечтают наесться досыта, с запасом, и берут жирных в перекрестье прицела. Это закон природы. А против законов природы не попрешь...

Тупик. Глухой двор, заваленный картонками и ящиками, с отвратительным запахом нечистот, сочащимся из всех углов. Люди здесь не водятся. Бомж, свернувшийся у мусорного ящика, не в счет...

Снайпер выскочил из машины. Фургон найдут. Через полчаса, или через два дня — в зависимости от расторопности милиции. Ничего ценного внутри нет — ни отпечатков пальцев, никаких других следов. Оружие — снайперский «винторез», — конечно, жалко. Но это закон — в приличных акциях с оружием надо расставаться. Это только полные лохи чистят после исполнения стволы кирпичом, чтобы потом идти с этим же инструментом на следующее дело. На том попало немало народу...

«Винторез» милиции не поможет. Откуда этот ствол — Снайперу неинтересно. Одно он знает наверняка — по этой ниточке милиция никуда не придет...

Не приедет. Нет у милиции против Снайпера средств борьбы. Нет! Потому что живет он тихо, ничем не выделяясь. С блатными не водится. По пьянке язык не развязывает. Даже если на заказчика сыщики выйдут — не знает он исполнителя.

Насвистывая веселый мотивчик, Снайпер легкой походкой нырнул через арку в соседний дворик. Куртка темная, темные брюки, темная кепка, закрывающая лицо, очки-хамелеон. Лысого черта его опознают. И идти надо сгорбившись, немножко не своей походкой.

Ну, установят менты свидетелей. Покажут еще один фоторобот, по которому можно засунуть в «обезьянник» добрую половину взрослого мужского населения Москвы. Пускай стражи порядка развлекаются. Им за это деньги платят...

Снайпер перебежал дорогу перед замигавшим светофором. Опять проходные дворы. Куртку кинул в ближайший мусорный бак. Туда же последовала и кепка с очками. Он остался в толстом сером пиджаке. На улице пятнадцать градусов — не замерзнешь.

Снайпер прошел мимо выстроившихся фургонов с надписями на бортах «Торговая фирма „Стрела“». Зашел в супермаркет. Смешался с толпой. Вышел с противоположного выхода и очутился на узкой, плотно заставленной машинами улице. И направился к самому невзрачному „жигуленку“. Водитель его развалился на сиденье и с явным интересом усваивал содержание „Спортивного обозрения“.

Снайпер уселся на переднее сиденье и кивнул водителю:

— Отработал.

Водитель, похожий на классического работягу, лет сорока на вид, покосился на него, кивнул удовлетворенно и тронул машину с места.

— Он выходил, плотно прикрытый двумя телами... Пришлось первой пулей одно тело слегка

подвинуть. И тут же следом, вдогон, в черепашку, — Снайперу хотелось похвастаться. Человек, сидящий за рулем, был единственным, перед кем можно было похвалиться своим умением и кто мог со знанием дела оценить эти достижения. Они работали вместе уже на четвертой акции.

— Значит, два жмурика? — равнодушно произнес водитель.

— Два.

— Ладно, не страшно. Работа такая у бульдогов — хозяина прикрывать. Это был плохой бульдог...

«Жигули» преодолели затор, проскользнули по извилистым центральным улицам, выбираясь к окраинным прямым проспектам.

На улицах встревоженно сновали милицейские машины. Гаишники тормозили автолюбителей. Менты сейчас развлекаются введением разных планов — от «Перехвата» до «Сирены». Но после драки кулаками махать — это только воздух сотрясать без смысла и толку.

Задрипанная машина с задрипанными пассажирами — один похож на строителя откуда-нибудь из Великой Незалежной Хохляндии, другой — на дачника. Зачем эти люди ментам? Никак они не тянут на киллеров. Да и документы все в порядке.

— Куда едем? — спросил Снайпер.

— Тебе надо за городом отлежаться, — пояснил водитель, притормаживая перед пересекающим улицу троллейбусом с усталыми пассажирами. Эти люди будто жили в совершенно другом городе, и пьяные соседи, бузящие по ночам, волновали их куда больше, чем киллеры, охотящиеся на банкиров.

— Зачем?

— На всякий случай. Шуму сейчас будет — тебе представить трудно... Очень ты крупную рыбу глушанул, Снайпер.

— Даже так. И что в этом банкире особенного?

— Он из кремлевской команды. Оборонка. Стратегические интересы...

— А, все люди. Из плоти и крови.

— Точно. Но у одних кровь дешевле воды, а у других на вес золота. Поэтому отлежишься спокойно. А когда все утихнет, еще заказ подоспеет.

«Жигули» выехали за Кольцевую.

— Сколько отлеживаться?

— Недолго. Недельку-другую... И пускай тебя честным трудом заработанные деньги все это время греют...

У Снайпера внутри все нарастало беспокойство.

— Стоп, — запротестовал он. — Я конкретно не догнал, зачем мне отлеживаться? Кто обо мне чего знает?

— Никто... Но береженого бог бережет...

— Ты что-то скрываешь.

— Я от тебя когда-то что-то скрывал?

— Хренота все это. Выкладывай начистоту...

— Ты меня обижаешь, Сережа.

— Выкладывай!

«Работяга» остановил машину, прижавшись к обочине дороги. Слева лесополоса, справа поля какого-то совхоза. По бетонной, недавно расширенной на пару рядов трассе стремительно проносились легковушки, тяжело и быстро проехал караван фур, стремящихся на Запад.

— Я слушаю, — требовательно произнес Снайпер.

— Сережа. Ты меня разочаровал, — водитель внимательно, с грустью посмотрел на своего помощника. Вскинул руку. В ней очутился спрятанный в рукаве небольшой двуствольный бесшумный пистолет. И в голове Снайпера стало на одну дырку больше.

— Исчерпал ты свой ресурс, Сергей, — невесело усмехнулся водитель.

Получилось не очень хорошо. Место для этого выстрела предполагалось иное, более удобное. Но не все всегда получается так, как запланировано.

«Работяга» вздохнул. Жалко парня. Снайпер был стрелком от бога. Или скорее от черта. Добросовестный работник. Надежный, как автомобиль «Мерседес».

Но четыре акции — это предел... Исполнители ликвидируются.

Снайпер мертв... Концы спрятаны... И никакие страховки типа писем «вскрыть после моей смерти» не помогут. Снайпер не заботился о страховке. Он доверял тому, кто дал ему работу и смысл в жизни...

«Долбить людей, как мишени в тире, и доверять кому-то. Глупо! Глупо...» — подумал «работяга». У него на душе остался неприятный осадок. Это пройдет. стакан водки — отличное лекарство. Чувства сострадания и сожаления, привязанности — это как ржа. Если ее вовремя не удалять, она разъест даже самый совершенный механизм.

Главное, акция проведена. «Работяга», известный ряду людей, в том числе ныне покойному депутату Сельмурзаеву под именем Феликса, отметил с удовлетворением, что возрождающийся «Синдикат» начинает возвращать утраченные позиции и включается в политическую и экономическую войну. Красивая и важная акция по ликвидации банкира — она стоит жизни Снайпера.

Все, сантименты побоку. Считай, что поскорбели над невинно убиенным киллером. Большого тот не заслуживает. Теперь оставалось избавиться от трупа. Тут у Феликса опыт имелся..

Он завел мотор и свернул на проселочную дорогу...

— Храм науки, — хмыкнул Марципало, продемонстрировав сторожащему ворота охраннику пропуск на территорию.

— Олимп, — кивнул Ровенский. Да, бывали времена, когда Академию наук Марципало воспринимал как истинный храм знаний, некий Олимп, где в своем величии возвышаются над

бренным миром боги. Когда это было!

— Проезжайте, — кивнул скучающий пожилой охранник, у которого был вид человека, который уже видел все в этой жизни и видеть ему больше ничего не хочется.

«Ауди» въехала на огороженную железным частоколом территорию и устремила к старинному зданию Демидовского дворца. В конце аллеи на стоянке рядом со скромной машиной заместителя президента Академии наук России, чуть ли не нагло раздвигая остальные жалкие машинки, застыла пара хищных, сверкающих, похожих на пришельцев из иных миров черных джипов.

— Картина Саврасова «Рвачи прилетели», — всплеснул руками Ровенский.

— Прилетел, голубь американский, — кивнул Марципало.

Джипы принадлежали Саше Нейману. Значит, американец здесь.

Сашу Неймана одни сотрудники Академии наук воспринимали как стихийное бедствие, другие — как посланца свыше, с божьей помощью сеющего на иссохшую ниву долларовые зерна. Его отец — известный ученый-микробиолог, эмигрировавший из России еще в стародавние времена. Грянула, как взрыв порохового склада, перестройка. Саша, начинающий американский бизнесмен с сомнительной репутацией, прослышав, что на бывшей и нелюбимой Родине баксы растут на деревьях, напряг папу. Стареющий и впадающий в маразм микробиолог нашел в себе силы вспомнить о старых товарищах, занявших ключевые посты в Российской Академии наук. И семья Нейманов триумфально вернулась в варварскую страну наводить ревизию в академическом имуществе, которое начало накапливаться еще во времена Петра Первого. Саша свято верил, что это имущество только и ждало его долгие века. А поскольку у него было два основных достоинства, позволяющих достичь головокружительного успеха в начале девяностых годов — связи и доллары, то он очень легко нашел людей, которые разделили его устремления, а вместе с ними и часть доходов от грабежа.

Очень быстро Саша попал в приятели президента РАН, который, в свою очередь являлся приятелем бывшего запойного Президента России. У самого главного академика страны имелась слабость — очень уж он был падок до денег. Недаром самый первый его указ на новой должности касался приватизации его же служебной дачи. Сашу он принял, как украденного тридцать лет назад цыганами сына. В результате этой почти семейной идиллии возникла странная фирма под названием «Поиск». Название очень много значит. «Как вы яхту назовете, так она и поплывет». Простодушные ученые могли поверить в то, что речь идет о научном поиске. Более искушенные люди понимали, что искать можно и то, что плохо лежит. Последнее оказалось более верным. «Поиску» были переданы для коммерческого использования бесценные академические архивы. Под шумок Саша приватизировал гостиницу Академии наук и делал небезуспешные попытки приватизировать научный флот России, точнее, то, что от него осталось.

Марципало покосился на мрачных, как обобранные вкладчики, шоферов в черных джипах. Нейман всегда обставлял свои визиты в Москву с помпой — джипы, охрана в черных костюмах, светские рауты в честь приезда благодетеля.

— Легок на помине, — шепнул Ровенский, глядя на Неймана, плавно перемещающегося по гулкому коридору, украшенному лепниной, деревянными панелями. Интерьер некогда призван был подчеркивать незыблемость советской науки, но с того времени он сильно поизносился, как и сама наука.

По оба плеча Неймана маячили здоровенные и тупорылые охранники, глядевшие на сотрудников фонда «Технологии, XXI век» как на потенциальных киллеров и решавшие про

себя трудную задачу — то ли раздавить их, как клопов, то ли побыстрее спрятаться, если те ненароком вытащит из кармана оборонительную гранату «Ф-1».

— Здравствуйте, Николай Валентинович, — распахнул объятия вечно дыбящийся, обаятельный, как профессиональный мошенник, Саша Нейман.

— День добрый, — без особой радости кивнул Марципало.

— И вам, Семен Иосифович...

— Пионерский привет, — кивнул Ровенский.

— Ну, как поддержка отечественной науки? — поинтересовался американец.

— Терпимо, — произнес Марципало.

— А как торговля ядерным топливом? — полюбопытствовал Ровенский.

— Это в прошлом, — по челу Неймана скользнула легкая тень.

— Ну да. Все хорошее быстро кончается...

Саша Нейман недавно принял активное участие в ядерном проекте по сбыту за бесценок российского ядерного топлива. Видимо, в дележке по понятиям Саша знал толк, поскольку министр атомной промышленности в докладной записке рекомендовал именно российскую фирму и ее американского двойника «АЛТ-групп» для многомиллиардной сделки века, потому что — и как бумага стерпела — ООО «Поиск» хорошо зарекомендовало себя в коммерческой издательской деятельности трудов Академии наук. Буклеты Саша действительно делать научился, поэтому созрел и для ядерной сделки. В России вообще как-то очень легко проходили такие вещи. В Америке фирму Неймана «АЛТ-групп» включили в число организаций с сомнительной репутацией, а ее хозяина не пускали в приличные дома, здесь же он ногой открывал двери в кабинеты высокопоставленных правительственных чиновников и руководителей Академии наук.

— Слышал, дела-то в последнее время с внедрением идей не очень, — лихо перевел Нейман мимолетный коридорный разговор в нужное русло. Улыбка на его лице стала сочувствующей.

— На хлеб хватает, — отмахнулся Марципало.

— Хлеб? Плебейство, Николай Валентинович. Должно хватать и на икру.

— И на рябчиков, — поддакнул Ровенский.

— Вот именно, — кивнул Нейман. — Как насчет того, чтобы обсудить эти проблемы в более располагающей обстановке?

— В другой раз, — сухо пообещал Марципало.

— Ну смотрите... Сколько их еще будет, этих разов, — улыбка Неймана стала теперь усталой, как при общении учителя с непослушными детьми.

Он неоднократно ненавязчиво предлагал свое участие в деятельности фонда «Технологии, XXI век». При этом у него явно прослеживалось желание снять сливки, зато не было никакого намека на готовность входить в рискованные расходы. А на риске и держится этот бизнес. Несколько раз, когда начинало пахнуть деньгами, этот падалыцик, хлопая крыльями, возникал на горизонте. Приходилось принимать действенные меры, чтобы его отваживать.

— Чего, пакетики все разнесли? — Ровенский кивком указал на дверь вице-президента Академии наук, из которой Нейман только вынырнул.

— Злые языки, — поморщился Нейман.

— Страшнее пистолета, — завершил цитату Ровенский.

— Ну да... Язык до киллера доведет, — осклабился Нейман и снова обратился к Марципало:
— Подумайте, Николай Валентинович.

— Обязательно.

Сашины пакетики — это была притча во языцех в Академии. Нейман каждый визит в Россию уже седьмой год начинал с обхода кабинетов всех имеющих вес академических руководителей. Каждому вручался свой пакетик с зелененькими бумажками. Толщина его зависела от должностного положения получателя и от степени их близости. Некоторым пакетики вручались очень толстые. А у избранных пухли счета за рубежом.

Вежливо распрощавшись с конкурентами, Нейман двинул дальше по коридору.

— Когда говорят, что на науку выделяют мало денег, это неправильно, — сказал Ровенский.
— Это если на всех делить — то мало. А если на ограниченный круг лиц, то очень даже кучеряво можно жить.

— Ничего не поделаешь, — сказал Марципало, вырुливая к широкой парадной лестнице.

— Для меня был шок, когда оказалось, что среди столпов науки, академиков, ворюг еще больше, чем среди торгашей.

— Преувеличиваешь.

— Если бы... Дело в том, что многие из них проложили себе дорогу по черепам. Научный карьеризм ничем не отличается от обычного, чиновничьего. Есть, правда, подвижники, которые по заслугам получают почести, настоящие столпы.

— А есть администраторы, и таких большинство, — завершил мысль Марципало. — Это вполне естественно.

— А науку двигают одержимые... Хороший костюм и металлокерамические зубы редко сочетаются с одержимостью.

— Ладно... — Марципало посмотрел на свои швейцарские часы — сталь с золотом, вместо стекла сапфировый кристаллит, которые приобрел в прошлом году в Париже за одиннадцать тысяч долларов. — Пора. Нас уже ждут.

Они поднялись на третий этаж и остановились перед тяжелыми двустворчатыми дверьми вице-президента АН России академика Ачарова.

— Разрешите, Владимир Георгиевич? — постучав, осведомился Марципало.

Ачаров был в Академии не в фаворе, секретарша ему положена не была.

Кабинет был огромный — тяжелая мебель, тяжелые портьеры, высокие лепные потолки, шкаф, заполненный кожаными переплетами книг. Компьютер с плазменным экраном — это из современности, из наших времен. Этот кабинет знал гигантов... Но и директор института прикладной механики академик Ачаров тоже был из старой плеяды мамонтов, беззаветно преданных науке, основатель серьезнейшей научной школы, один из тех, кто прорубил окно в

космос. Да и внешне он походил на мамонта — пожилой, но еще мощный, широкоплечий, с громадными ручищами человек. Проницательные, всепонимающие глаза. Да, штучный экземпляр. Таких уже нынче не производят.

Академик предложил присесть в углу кабинета, где стояли неизменные кожаный диван, два кожаных кресла, невысокий журнальный столик на гнутых ножках.

Секретарша все-таки где-то в окрестностях водилась. Во всяком случае, после звонка академика в кабинет вошла полноватая девчонка в длинном платье. Она поставила на журнальный столик кофейник, фрукты, сахар и конфеты. А академик добавил к сервировке графинчик с коньяком.

— Владимир Георгиевич, вы не в настроении, — поставил диагноз жизнерадостный «колобок» Ровенский, которому многое прощалось из-за бесшабашного веселого нрава и незлобивости. — Сразу скажу суть проблем. Институту механики урезали финансирование на будущий год. Вы пролетели мимо грантов. Уехали за рубеж еще несколько перспективных сотрудников.

— Последние уезжают, — вздохнул академик. — Саркисян уехал. Считаю, целое направление утрачено. Перспективное направление.

— А тут еще Саша Нейман черным вороном вьется, — вздохнул Ровенский, разрезая маленьким серебряным ножиком апельсин. — Пакетики растаскивает. К вам не заходил?

Академик потер огромной ручищей подбородок.

— Знает, что бесполезно. И рука у меня тяжелая.

— Дал вашему институту хоть немного продержаться Колумбийский проект? — спросил Марципало. При посредстве ООО «Технологии, XXI век» было заключено соглашение с аналогичным американским институтом о проведении совместных разработок. Это позволило Ачарову еще на год сохранить расползающийся по швам институт.

— Немножко, — кивнул Ачаров. — А ведь были времена, когда не обязательно было ходить с протянутой рукой за рубеж...

— Были... Прошли, — недовольно произнес Марципало. — СССР сожрал системный кризис.

— Системный кризис? — академик насмешливо посмотрел на расслабившегося в кожаном кресле гостя. — Миф. Это был обычный кризис. Я знаю, о чем говорю. К началу девяностых наша страна подошла по ряду направлений к технологиям даже не двадцать первого, а двадцать второго века. Страна могла сосредоточить на перспективных темах огромные ресурсы. И оставить Запад в хвосте... Был бы гигантский скачок не только нашей страны, но и человечества... Сбили на взлете нас, а не мы сами упали.

— Спорный вопрос, — поморщился Марципало, которого быстро утомляли политические споры.

— Может быть, — кивнул устало академик. — Но у нас была своя дорога. Сейчас мы вынуждены плестись в русле цивилизации, которая подчиняется устоявшимся центрам силы и транснациональным монополиям. И тут шаг влево, шаг вправо — побег...

— Прыжок на месте — попытка улететь, — хмыкнул Ровенский.

— Оборона. Космос, — вздохнул Ачаров. — Межпланетные станции. Ядерные ускорители. Подводные исследования. На все средства находились. А теперь Нейман шастает по этажам с пакетиками и присматривается, чего здесь еще можно урвать.

— И что делать — вечный русский вопрос? — «Колобок» хватанул немножко коньяка, и его розовые щечки порозовели еще больше обычного. — На что надеяться, Владимир Георгиевич?

— На что? — Ачаров устало и грустно улыбнулся. — На самих себя. Русский всегда носы всем утирал... Важно сейчас пережить. Переждать. Выжить. И что можно спасти — вынести из огня.

— Что нельзя — похоронить, — поддакнул Ровенский.

— С почестями, — академик улыбнулся. — Ладно, чего душу травить без толку. Тут возникли несколько необычные обстоятельства. Думаю, для вас они будут небезынтересны.

— Весь внимание, — сразу напрягся Марципало, понимая, что начинается разговор, ради которого Ачаров пригласил их.

— В сибирской тмутаракани есть филиал института ядерных исследований... В былые времена работали чисто на оборонку, поэтому и заперли их в леса. Профессор Грушин. У него была лаборатория. Давно им финансирование пообрубали благодаря... — академик ткнул пальцем в пол, намекая на второй этаж, там располагался секретариат и другие органы, распределяющие деньги на науку. — Бесперспективно. Безумно. Не сулит немедленной выгоды... Недавно ребята Грушина позвонили мне...

Ачаров замолчал.

— Не томите, Владимир Георгиевич, — укоризненно произнес Марципало.

— Не знаю... Мне не верится... Но не доверять им оснований нет... Если действительно у них все вышло, как они говорят, то это прорыв в электродинамике. Где, кстати, прорывов никаких давно не ждут.

— Вы не хотите в своем институте устроить проверку? — спросил Марципало.

— Нет возможности. Урезают, урезают, урезают... На грантах держимся и на международных программах... Кроме того, немного не по профилю. И ребята хотят извлечь выгоду, в чем, как вы понимаете, мы совершенно не сильны...

— Все ясно, — кивнул Марципало. — Нужно смотреть. Изучать. Путь привычный — товар лицом. Экспертиза. Патентование. Приискание инвесторов или благотворителей — как выйдет.

— Я понимаю, — кивнул академик. — Завтра в Москве появится молодой человек. Я его лично не знаю, но мне его отрекомендовали как весьма перспективного ученого... Правда, личность несколько экстравагантная.

— Направьте его ко мне, — усмехнувшись, произнес Марципало. Он привык к экстравагантным личностям. И считал себя готовым ко всему.

Но то, что возникло на следующий день в офисе фонда «Технологии, XXI век», было нечто из ряда вон выходящее.

В назначенное время возник верзила лет тридцати — тридцати пяти. Его атлетическая комплекция сочеталась с плохой координацией движений и неуклюжестью. Он тут же смахнул вазу со стола в кабинете президента фонда и с трудом приземлился на стул, который жалобно скрипнул под его массой. Одет был в мятые джинсы, клетчатую рубашку, клетчатый же, достаточно жеваный, пиджак и зеленый галстук. Галстук тер ему шею, и верзила то расслаблял, то затягивал узел. Видно было, что к этому светскому элементу одежды он так и

не привык за свою жизнь.

— Парамон Васильевич Купченко, — сухо представился посетитель. Взгляд у него был несколько рассеянный и вместе с тем настороженный.

— Очень приятно. Присаживайтесь, — предложил Марципало, поняв, что это тот самый протеже академика.

Выпрямившись в кресле, будто кол проглотил, гость выставил перед собой ладони и повел ими вокруг себя, сосредоточенно и хмуро глядя в одну точку. Ровенский, сидевший в уголке на диване, наслаждался этой сценой. В его коллекции патологических ученых типажей сегодня прибыло серьезное пополнение.

— Аура неважная, — сообщил гость изумленному Марципало. — Подчистить бы надо.

Артемьев прочитал справку-меморандум по оперативному делу «Сластолюбцы». В три страницы, исполненные мелким шрифтом, втиснулось достаточно информации, чтобы в нормальной стране тряхануть, как землетрясением, властный Олимп. Но это в нормальной стране.

— Глубоко копаешь, — произнес Артемьев одобрительно.

— Ну да. Два солдата из стройбата заменяют экскаватор, — угрюмо кивнул Никита Денисенко, начальник отдела по борьбе с преступными авторитетами..

Артемьев поглядел на аккуратно исполненную схему связей фигуранта. Стрелки тянулись к многочисленным связям разрабатываемого лица — к «телам» (так называли детей), к заказчикам — заядлым педофилам.

— Во смотри, сучье какое, — зло процедил Денисенко, тыкая в схему. — Весь московский бомонд.

— Смотрю, крепко ты на этой теме завис, — усмехнулся Артемьев.

— Завис. Руки к пистолету тянутся.

— А руки связаны, — кивнул Артемьев. — История стара, как мир.

— Противно это все, — скривился Денисенко. — Смотри, кто изрисовывается. Известный кутюрье. Не менее известный певец. Ну, знаешь его. Поет «Твои бездонные ресницы».

— Ресницы?

— Ага, — кивнул Денисенко. — Еще тут два депутата Госсобрания России. Один, кстати, из Комиссии по делам молодежи.

— Ну да. Откуда же еще. Знаешь разницу между педофилом и педагогом?

— Ну?

— Первые действительно любят детей.

— Любители... Оба от «Союза демократических перемен». У них там половина педики. А вторая половина — педофилы. Еще тонкая прослойка других из-вращенцев — зоофилов, некрофилов...

— Ты серьезно? — хмыкнул Артемьев.

— Если и преувеличиваю, то немного... Олег, скажи, что теперь со всем этим дерьмом делать? — Денисенко хлопнул ладонью по распухшему тому.

— А ведь заступятся за него, когда мы его за хобот вытянем, — Артемьев постучал пальцем по центральному квадратику в схеме, в котором разместился один из главных поставщиков малолеток столицы и по совместительству преподаватель МГУ. Ему присвоили условное наименование «Урод».

— Заступятся, — согласился Денисенко. — Адвокаты, журналисты набегут. Телефон оборвут... А если мы выстоим — так сдадут его. Открестятся. Мол, не знаем такого.

— Или в камере эту суку замочат. Чтобы язык ненароком не распустил...

— Блин, что за жизнь? Сажать всех его клиентов надо. Всю эту элиту долбаную на север. На Колыму. Лес валить...

— Сажать? Кого? Они же приватизировали это государство. Считают его своей зубочисткой: хотят — в зубе поковыряют, хотят — в задницу кого-то уколят, — Артемьев встал, прошелся по кабинету, остановился, задумчиво смотря на коробки многоэтажек за окном. Он ненавидел этот пейзаж, которым вынужден любоваться уже третий год после отставки коррупционера-министра генерал-полковника Рубашина. У того любимым детищем было Управление по борьбе с бандитизмом, и он позволял своим любимцам творить, что хочешь. После громкой отставки министра Московское региональное управление по борьбе с бандитизмом все перетрясли, прополоскали, выжали. При этом выгнали половину личного состава. Саму контору выселили из центра Москвы. И теперь вместо Шаболовки с ее неторопливыми трамваями Артемьев имел возможность любоваться серыми многоэтажными унылыми коробками и просторным школьным двором, превращенным в автопарк. Это здание занимала когда-то средняя школа, но в связи с резким уменьшением поголовья московских детей ее закрыли.

— Кстати, тут одно рыло возникло — шибко знакомое, — сказал Денисенко.

— Кто такой? — Артемьев снова занял свое начальственное кресло и потянул к себе схему.

— Вот, — Денисенко перегнулся через стол и ткнул в квадратик на схеме. — Ломали Махмадхаджиев.

— Так, что-то знакомое, — Артемьев прищелкнул пальцами. — Охранник Сельмурзаева.

— Он самый. Который не смог спасти патрона.

— И с горя ищет забвения в плотских утехах. С мальчиками.

— Ну, у мусульман это не позор, — заявил Денисенко.

— Не скажи. Аллах запрещает... Позор, — губы Артемьева скривила усмешка... — Еще какой позор...

По старой привычке Ломали Махмадхаджиев просыпался рано. Он плотно, с удовольствием позавтракал. Набил брюхо. Прикинул, чем ему сегодня заняться. Запланировано несколько встреч. Важных встреч... Пора, наконец, определяться.

Ломали потерял хозяина, потерял теплое, сытное место. Но особой тоски по этому поводу он

не испытывал. Привык относиться к жизни сугубо философски — Аллах дал что-то, Аллах забрал. На то его воля. Было только сильно досадно. И теперь у него возникло много новых проблем.

Да, день предстоит тяжелый. Нужно попытаться за мучения порадовать себя хорошим вечером... При мыслях об этом он томно потянулся...

Выйдя из подъезда, он направился к своему джипу «Мицубиси-Паджеро», стоящему на стоянке у пятого подъезда двадцатичетырехэтажного дома, с трех сторон сплошной стеной охватывающего просторный двор. Под мышкой тяжелела кобура — Ломали пока еще числился старшим смены ЧОПа «Эльдорадо» и оружие носил на законном основании.

Тяжесть оружия была приятна. Она дарила ощущение безопасности и силы.

Пиликнула маленькая коробочка в его руке. Со щелчком отворились замки. Ломали распахнул дверцу своего «Мицубиси», достал тряпку и начал тереть лобовое стекло. Машина давно не мытая из-за всех этих неприятностей. На ней слой грязи. Это непорядок. Хороший конь имеет право рассчитывать на хорошее отношение.

— Вот... — он выругался.

На капоте пальцем по пыли кто-то вывел «Помой меня, я вся чешуся». Русские! Ублюдки, дети ублюдков и будущие родители ублюдков!

Он провел с размаху по надписи тряпкой. Потом дотер лобовое стекло. И резко обернулся, ощутив сзади движение.

— Не тянись к стволу, — предупреждающе вскинул руку огромный племенной бычара, почти бесшумно появившийся сзади. — Ломали, веди себя прилично.

Махмадхаджиев прошелся острым взором вокруг. И засек еще одного типа, маячившего поодаль. Ломали нахмурился. Это же надо, почти вплотную подпустил двоих врагов. Расслабился, шайтан дери! Чувство опасности, которое должно сопровождать воина днем и ночью, потерял!

— Надо чего? — недружелюбно спросил он у здоровяка. Он его узнал. Такую колоритную фигуру не забудешь. Они сталкивались, когда убили Сельмурзаева. Это был заместитель начальника Управления по борьбе с бандитизмом полковник Артемьев.

— Да не ершись, Ломали, — примирительно произнес Артемьев. — Работу-то нашел?

— Без работы не останусь.

— Вот и отлично. Я рад за тебя.

— Чего надо? — вновь спросил Махмадхаджиев.

— Нехорошо на улице говорить. Давай проедемся. Чего людей смущать?

— Что, арестуешь?

— Зачем? Хотел бы арестовать, ты бы уже асфальт целовал и по тебе спецназ башмаками гулял бы... А то не знаешь?

— Знаю.

— Поговорим как нормальные люди, — Артемьев потянул на себя дверцу «Мицубиси».

Махмадхаджиев прошептал недовольно что-то себе под нос, но уселся за руль. Спросил недружелюбно:

— Куда?

— Вперед... Вон в ту арочку слева...

Они отъехали на несколько кварталов. Чеченец не проронил ни слова. Артемьев тоже не спешил нарушать тишину. Война нервов.

— Притормози, — кивнул Артемьев.

Махмадхаджиев послушно прижал машину к бордюру за длинным складским помещением. Сзади, почти притершись бампером, остановился невзрачный «Форд» с тремя оперативниками «Легиона».

— Ты не все рассказал в прошлый раз, Ломали, — заявил Артемьев.

— Все рассказал, — буркнул чеченец. — Больше ничего не знаю. Ты это слышать хотел?

— Знаешь, смотрю я на тебя, и мне кажется, что сегодня я тебе вечерний кайф обломаю.

Махмадхаджиев вздрогнул. Артемьев понял, что попал в самую точку.

— Ты о чем? — прошипел чеченец.

— О мальчиках, Ломали. Об Алеше. И Сашке...

Махмадхаджиев повел плечом, рука его опять непроизвольно потянулась к кобуре.

Артемьев дернул его за правую руку, впечатал локоть в челюсть.

Удар был очень силен — как ядром из пушки. Махмадхаджиев, крепкий, как скала, сразу отрубился. Глаза закатились.

Вытащив из кобуры под мышкой чеченца пистолет, Артемьев разрядил его, бросил на заднее сиденье. Похлопал чеченца по щекам.

— Ломали. Подъем... Очнулся? Не трепыхайся... Не надо...

Махмадхаджиев встряхнул своей бараньей, крепкой головой, хотел было дернуться, но нутром почуял, что его сейчас вырубят второй раз, и будет еще хуже. Поэтому просто зашипел, закусил губу, налившимися кровью глазами глядя на Артемьева.

— Так вернемся к нашим детишкам, Ломали? — спросил полковник милиции.

— О чем говоришь?

Артемьев вытащил несколько фотографий, кинул на колени чеченцу:

— Узнаешь?

— Не узнаю.

— Так это же ты. С детьми...

Фотографии были чуть мутные, но Ломали на них узнать можно было без труда.

— Это не я!

— Слушай, баран горный, — ровным голосом проговорил Артемьев. — Спорить не буду долго с тобой. Сейчас задерживаю. Прячу в камеру. Я тебе уже присмотрел отличную камеру на двадцать человек. Хоть ты мужик и здоровый, и гордый горец, но там будешь не ты в задницу драть, а тебя... Я позабочусь... Станешь опущенным. И я тебе буду все новые статьи уголовного кодекса приискивать... И знаешь, я позабочусь, чтобы тебя родственники не выкупили. И не обменяли. Я это могу... Еще по телевизору покажу видеозапись... Твоим родственникам понравится... Аллах разрешает забавляться с детьми? Даже с детьми неверных?

Артемьев дал чеченцу переварить сказанное.

— Что тебе надо, сын ишака? — спросил Махмадхаджиев.

И получил еще раз по морде. Не так сильно. И очухался быстрее.

Артемьев чувствовал, что он попал на гребень волны. Дело пошло. Осталось только немного дожать.

И чеченец поплыл...

Сперва немножко. Потом все больше и больше. И, наконец, выложил все...

Артемьев был доволен. Не пришлось пользоваться лишней раз услугами Доктора с обязательной последующей зачисткой. Слишком много трупов в последнее время.

Цифровой магнитофон на шестнадцать часов записи фиксировал откровения Ломали. Будучи старшим телохранителем Сельмурзаева, он знал много любопытных подробностей из жизни босса.

Тревожная лампочка замигала в сознании Артемьева, когда Ломали заявил, что депутат отлучался несколько раз куда-то. Оставлял охрану. Садился за руль. И уматывал на встречи.

Артемьев почувствовал — здесь тепло. И спросил:

— С кем встречался покойник?

— Не знаю.

— Он должен был хоть что-то говорить. Хоть словом обмолвиться.

Ломали почесал затылок. Скрип был такой, будто деревяшкой водят по свиной щетине. Но определенный эффект это возымело.

— Сельмурзаев однажды проговорился, зло так: «Лампасы надели благодаря нам. А теперь носы воротят. Госбезопасность...»

— Лампасы... Госбезопасность... — кивнул удовлетворенно Артемьев. Детали в запутанной головоломке начали становиться на предназначенные им места...

— Так же возможно применение суперэлектриков в магнитных трассах скоростных поездов,
— Парамон Купченко вытащил из портфеля очередную разработку. Иллюстрировал он свои проекты ватманскими листами с чертежами и формулами. Оттарабанив очередную убойную идею, он скатывал ватманские листы в трубку и прятал в безразмерный портфель. Тут же выуживал оттуда новый сюрприз.

Раз в два-три дня «Колдун», так прозвал Купченко Ровенский, появлялся в фонде

«Технологии, XXI век» с новыми наработками. Жил гость столицы в гостинице около метро «ВДНХ» в одноместном номере и упорно строчил с утра до вечера, творил, выбираясь наружу, чтобы наспех перекусить или прошвырнуться по городу. Парамон Купченко обладал дикой целеустремленностью и пробивной энергией. Пер, как танк. Во второй визит в офис фонда охраннику, который пытался вызнать, к кому стремится этот верзила, он отвечал коротко и однозначно, даже не глядя в его сторону:

— Мне назначено.

И ломился вперед. Охранник пытался остановить его, но это было все равно, что рукой затормозить автобус. Габаритами ученый маньяк обладал завидными.

— Этого человека можно пропускать, — успокоил взбудораженного охранника Ровенский, про себя добавив: «Такого только снаряд остановит».

Если Ровенского эти представления забавляли, то президент фонда просто зверел при появлении маньяка. Прятаться от него было бесполезно. Когда Купченко говорили, что из руководства никого нет, он смиренно отвечал — ничего, подожду. И усаживался ждать, выудив карманный компьютер. Если секретарша отважно заявляла, что начальник не принимает, «Колдун» просто двигал прямиком в кабинет со словами: «У меня дело важное».

— У меня график встреч расписан, — пытался возмущаться Марципало.

— Это все мелкая суета. А мы творим будущее, — отмахивался Купченко и разворачивал очередной манускрипт.

Вот и сейчас он, тыкая в развернутый на просторном офисном столе ватман, развивал посетившую его вчера вечером мысль:

— Это миллионы и миллионы долларов. Ведь вас интересуют только они.

— Если вас они не интересуют, почему вы пытаетесь продаться повыгоднее? — возмутился Марципало.

— Для меня деньги — это как костыли, — холодно произнес Купченко. — Без них не встанешь на ноги. Но я их презираю...

Ровенский млел, глядя на эту сцену.

— Я все понял, — с каменным лицом выдавил Марципало. — Потрудитесь впредь сообщать о ваших визитах. Тем более еще рано говорить о перспективах, поскольку мы еще не получили экспертного заключения.

— Если ваши эксперты хоть что-то понимают в науке и лишены академической зашоренности, в их заключении я не сомневаюсь.

— А я сомневаюсь, — буркнул президент фонда.

— Это ваш удел — сомневаться...

— А ваш?

— Идти вперед...

Глаза Марципало налились тяжелой злобой.

«Колобок» с умилением наблюдал каждый раз за этой корридой. Если бы Купченко не был так оторван от земли и его мысли не летали бы в астрале, то можно было бы подумать, что

он издевается над президентом фонда.

— Все, я вам позвоню, — сухо произнес Марципало, демонстративно открывая свой органайзер.

Купченко озадаченно посмотрел на него. Потом поводит руками, делая пассы. И сообщил:

— У вас пятна на ауре. Образуются из-за несбалансированности эмоций и преобладания гнева...

— Вот что... — Терпение президента фонда, кажется, истощилось.

— Подождите, — оборвал его спокойно ученый. Повел еще раз руками. — Сегодня у вас, Николай Валентинович, с утра побаливала печенка. И под левым ребром покалывало. Снимем сейчас боль.

Он сделал еще пассы.

У Марципало злость тут же утекла, как вода в раковине, сменившись на оторопь. Действительно с утра кололо под ребром и печень потягивало.

— Так, тут канальчик энергетический подправим, — прикрыв глаза, колдовал Купченко. — Здесь ведьмино пятно, подчистим... Сглазик небольшой...

Ошарашенный президент фонда ощущал, что где-то в правом боку будто его касаются легкие, невидимые пальцы, а по позвоночнику разливается тепло. А заодно ползет змейкой страх. Холодный страх перед неведомым...

— Выйдите отсюда! — встрепенулся Марципало и поднялся со стула.

Купченко удивленно посмотрел на него.

— Вон! — змеей прошипел Марципало.

— Я же не закончил.

— Мы вам позвоним, — Марципало рухнул в кресло и распустил на шее галстук, перевел дыхание. — И прошу больше без предварительного согласования не приходить. Или наш договор будет расторгнут. Понятно?

Купченко пожал плечами, и стало ясно — если он что-то и понял, то на ус не намотал.

— Хорошо, — произнес он. — Только вы зря ко мне вот так. У меня ведь переговоры с компанией «Нейшнел групп» были. Они заинтересовались. И с фирмы «Поиск» на меня выходили. Только мне хочется, чтобы открытие осталось на родине.

— И чего вам эта родина? — с саркастической улыбкой поинтересовался Ровенский.

— Россия — сердце мира, — сообщил Купченко. — В 2001 году началась эра Водолея — эра России. И наши открытия в новую эпоху ей пригодятся.

Президент фонда посмотрел на него озверело, и Купченко, наконец, ретировался.

— Идиот, — прошипел Марципало, когда дверь закрылась. — Полный шизофреник...

— Не без этого, — отозвался Ровенский.

— Надо было ему «Скорую» вызывать.

— Они только опасных сумасшедших забирают.

— А он опасен...

— Зря ты его так. Он тебе с таким старанием ауру чистил, — хмыкнул Ровенский.

— Чистильщик, — покачал головой президент фонда и потрогал бок. Боль, ушедшая из печени, вернулась и теперь пульсировала. — Надо было его сразу послать.

— С такими рекомендациями?

— Не верю я, что этот шизофреник мог принести что-то дельное.

— Шизофреники обычно и приносят что-то дельное...

— Полноте... Слышали уже... Он нам угрожает свое бессмертное творение в Австрию послать... Испугал...

— И Нейману, — подлил масла в огонь Ровенский. — Падальщик заинтересовался. Это что-то значит.

— Да ладно тебе!

— А если там есть зерно? И мы будем до смерти локти кусать...

— Кстати, когда Мартынов даст заключение, чтобы послать этого экстрасенса чертова к бесовой бабушке? — Марципало опять затянул галстук. Пульс начал приходить в норму. И трясушка в руках ушла.

— Да вот, обещал сегодня...

Доктор физматнаук Мартынов отличался гениальной способностью сортировать чужие идеи. Все ши-зушные заявки давали ему на проработку. Девяносто девять процентов он признавал, по его выражению, законченной ересью. Один процент оставлял со словами — что-то тут светится. Из них четверть можно было продать. А некоторые грозили принести серьезную прибыль.

Мартынов появился на следующий день в тесном кабинетике Ровенского, обставленном куда скромнее, чем покои президента фонда. Оно и неудивительно — у шефа помещение было витриной фирмы, а у Ровенского — местом работы и уединения, поэтому тут царит творческий беспорядок, навалены книги, дискеты, лазерные диски.

Штатный консультант фонда был, как всегда, с портфелем, в котором лежал ноутбук. Он протянул дискетку Ровенскому.

— Вот заключение.

— А распечатать слабо? — заворчал недовольно «колобок».

— На вас бумаги не напасешься, — у Мартынова была мания, родившаяся еще в советские времена, — он был страшно жаден на бумагу, поэтому все свои отчеты передавал на дискетках.

— В двух словах, что там по «Колдуну»?

— Ну что тебе сказать, — Мартынов многообещающе снял очки, помассировал пальцами переносицу, водрузил очки на место. — Первоначальные теоретические выкладки безукоризненны.

— Вы серьезно? — В дверях появился Марципало. Он бесцеремонно смел на пол наваленные на стул книги и взгромоздился на мягкое сиденье.

— Группа Томпсона — Ванценски разрабатывала в Массачусетском технологическом институте аналогичную тему еще одиннадцать лет назад. Не хватило воображения перевести теоретические разработки в эту плоскость... В общем, это успех. Успех, — Мартынов снова поправил очки.

— Нас не интересуют статьи в научных журналах, — раздраженно бросил Марципало. — Действительно возможно создание заявленного разработчиками класса материалов?

— Представленный образец говорит, что, в принципе, возможно.

— То есть они создали это.

— Может быть. Один образец ничего не говорит. Нужны широкомасштабные исследования...

— Значит, пропущенная в свое время научным сообществом идея, — хмыкнул Ровенский.

— Бывает, — кивнул Мартынов. — Не заметили. Не оценили. Прошли мимо, когда надо было нагнуться. Лазеры должны были появиться на тридцать лет раньше. Но серьезная наука просто прошла мимо. Потом вернулись.

— Подобрали, — поддакнул Ровенский и поинтересовался: — Когда станет известен принцип, быстро процесс можно повторить?

— Не совсем... Тут есть одна заковырка. Неустойчивость процесса. Я не представляю, как эти ребята ее преодолели... Если им это удалось, то самая большая ценность — сама технология.

— То есть — железо, — заключил Ровенский.

— Сам аппарат, — согласился Мартынов.

— Если все верно — действительно последствия будут такие, как расписывал этот сумасшедший? — спросил Марципало.

— Земной шарик немножко вздрогнет — это факт, — ухмыльнулся Мартынов.

— Любопытно, — президент фонда потрепал в задумчивости свой подбородок. — Очень любопытно... Ладно... Сегодня бухгалтерша на месте. Деньги раздает.

— Там мой скромный гонорар? — потупился Мартынов.

— На пачку бумаги хватит, — ввернул Ровенский. Мартынов расплылся в улыбке, церемонно попрощался, пожав руки работодателям и чинно удалился.

— Ну что скажешь? — спросил Ровенский.

— Похоже, с этим экстрасенсом чокнутым мы можем наткнуться на золотую жилу, — признался президент фонда.

— Теперь бы из «Колдуна» самого жилы не вытянули, — горько усмехнулся Ровенский, погладив лысину.

— Сема, заткнись, — кинул зло Марципало. — Не маши попусту языком.

— Чего так? — удивился Ровенский.

— Тогда язык не укоротят! — жестко произнес президент фонда.

Белка сиганула с дерева, в пару прыжков преодолела асфальтовую дорожку и вскарабкалась на другой ствол.

— Белок больше стало, — заметил Зевс. — Очень мило.

— Уголок Дурова, — кивнул Артемьев, мысли которого витали далеко.

Близился вечер. В парке, затерявшемся среди безликих многоэтажек, было пустынно. Вдоль аллеи шли голубые ели, вокруг возвышались сосны, аккуратные дорожки тянулись к приземистому трехэтажному желтому зданию с колоннами и неизменным для пятидесятих годов барельефом — снопы ржи, пятиконечные звезды. Вдоль дорожек обреченно возвышались задрипанные гипсовые скульптуры рабочих, крестьянок, потрепанных жизнью не меньше, чем живой трудовой люд. Парк принадлежал сельскохозяйственному НИИ, ныне успешно загибающемуся. Здание вместе с парком в ближнем Подмосковье прибрала под контроль одна из коммерческих структур «Легиона». Здесь понаставили видеокамеры и охранную технику, а вот до приведения в порядок строений и скульптур пока руки не дошли.

Зевс присел на скамейку, вытащил орехи, кинул на дорожку. Со скоростью молнии вылетели сразу две белки. И ушмыгнули вместе с добычей, затерялись в переплетении веток.

— Почтенный возраст настраивает на созерцательность, — произнес с грустной улыбкой Зевс.

— Ну да. Скажите еще, что о душе пора подумать, — Артемьев искоса посмотрел на Главного оперативного координатора. И попробовал представить себе Зевса без «Легиона», на покое. Картина получалась нелепая. Зевс был плоть от плоти, кровь от крови «Малой конторы». Благодаря ему, собственно, «Легион» стал тем, чем стал. Так получается, что в кризисы, когда ставится вопрос ребром — жить или погибнуть бесшабашному, талантливому народу, населяющему шестую часть суши, на поверхность поднимаются такие люди, которые способны своей энергией и волей своротить горы. Наверное, это срабатывает какая-то иммунно-восстановительная система в обществе. Такие люди призваны останавливать падение, когда до пропасти остался один шаг.

А может быть, Зевс не выплыл сам? Может, его выбрали и поставили именно в эту точку? Кто поставил? Артемьев не раз мучался вопросом, куда упирается их пирамида.

— О душе? — задумчиво уставился на своего подчиненного Зевс. — Не мешало бы...

— О том, сколько душ еще погубить? — невесело хмыкнул Артемьев.

— Война, Олег... А на ней, проклятой, говорят не о загубленных душах, а о сводках потерь. Поэтому давай ближе к теме...

Разговор предстоял обстоятельный. Артемьев докладывал Зевсу о проделанной работе. Именно сегодня требовалось окончательно определиться с дальнейшими планами. А для этого необходимо просчитать все варианты. Уяснить для себя возможности противника.

И тут принципиален вопрос об источнике утечки информации.

Самым тщательным образом аналитики «Малой конторы» проанализировали степень осведомленности противника. Итак, враг знает об интересе к группе Бе-лидзе. Засветился Ратоборец — его каким-то образом проявили, единственного из всех «легионеров». Также противник имеет представление об одной из бизнес-структур, лежащей под «Легионом». И

аналитики, и Артемьев сходились на том, что информация протекла откуда-то с периферийных связей. То есть выдали ее люди, имеющие о «Малой конторе» весьма общее представление и выполняющие отдельные поручения.

Организация не может быть черным ящиком, вещью в себе. Она действует в отношении людей. Через людей. Идеи действуют в ней люди. А люди оставляют следы. Нужно просто уметь их читать.

— Три возможных источника утечки, — продолжил Артемьев изложение ситуации. — Один — в Агентстве госбезопасности. Другой — в Генпрокуратуре. И еще бизнесмен...

— Это известно, — кивнул Зевс. — Вопрос в том, использовал их противник сознательно или втемную...

— Мне кажется, что их использовали втемную.

— Как?

— Варианты могут быть разные. Например, мы через возможности нашего агента «Летуна» в управлении спецмероприятий Федерального агентства государственной безопасности вытаскиваем данные о переговорах Гурвича по мобильнику. Противник в курсе, что «Летун» работает на нас. Остается только проследить, какую информацию вне своих служебных обязанностей запрашивает «Летун». Ах, Гурвич. Значит, «Легиону» нужен этот человек. Начинается аккуратная его проверка. И тут выясняется, что ученый в бегах. Ума большого не надо, чтобы сообразить — «Легиону» нужны переговоры беглеца, чтобы найти его. Остается только продумать, как ловить нас на живца. Корректная схема?

— Корректная. Откуда, полагаешь, чеченцы взялись?

— Их руками загребли жар... Помните, что Сельмурзаев, ныне покойный, говорил. Про лампы и звезды.

— Встречался с кем-то из ФСБ.

— Да. С генералом Войченко, — торжествующе сообщил Артемьев. — Их видели с Сельмурзаевым.

— Откуда знаешь?

— Из «Большой конторы» наш человек свистнул.

— Войченко, — недобро прищурился Зевс. — Сволочь эту тертую опять потянуло к старым друзьям... Значит, как и полагали, рановато мы похоронили «Синдикат», Одиссей.

— Такую гидру невозможно выжечь всю... Кстати, после последней встречи с Сельмурзаевым генерал Войченко укатил на Кавказ. Ну, когда взорвали «КамАЗ» у здания районной администрации. Там он до сих пор.

— Видал поганца по телевизору.

В Ичкерии Войченко давал пространные и грозные интервью, сводившиеся к тому, что боевики, организовавшие очередной теракт, понесут заслуженное возмездие. Мол, все будут схвачены и охреначены... Видимо, самим боевикам он говорит что-то иное. Информация была, что месяца три назад генерал встречался на нейтральной территории с лидерами сепаратистов. О чем они там договорились — одному шайтану известно. После этого именно Войченко дал указание отпустить одного из отцов ичкерийского сопротивления, когда того московские омоновцы случайно задержали в Даргунском районе.

— Давно доходили слухи, что появилась-хорошо законспирированная частная лавочка по оказанию услуг крупным корпорациям, олигархам, — решив что-то про себя, неожиданно выдал Зевс. В его голосе звучала некоторая торжественность. Она обычно звучит, когда Главный оперативный координатор «Малой конторы» решает поделиться особо секретной информацией. — И ее почерк сильно похож на почерк «Синдиката».

— Значит, набирали силу, — кивнул Артемьев. — И теперь решили свести старые счета.

— Не в счетах дело... Они знают, что рано или поздно мы столкнемся. Если нанести по нам упреждающий удар, то серьезных противников в этой стране у них практически не останется. Они раковой опухолью расползутся по госструктурам... В последние месяцы шустряют они сильно. И опасно, — Зевс помолчал, потом выдал очередную порцию информации: — Неделю назад они зачистили президента «Русбанка».

— Круто. — Артемьев уважительно присвистнул. Он понял главное — тема эта была в работе давно, и у Зевса была кое-какая информация, в которую он не считал нужным посвящать своего ближайшего соратника. Закон конспирации, еще в гестапо сформулирован — два сотрудника в кабинете не должны знать, кто из них чем занимается. — «Синдикат» имеет отношение к «Зеленой книге»?

— Ученых они, скорее всего, не зачищали. Случайно эти разработки пересеклись.

— А чеченцев «Синдикат» решил использовать втемную? Играя на слабостях Сельмурзаева?

— Видимо, — голос у Зевса поблек, он будто испытывал сожаление, что пришлось расстаться с информацией первого уровня секретности. Бывший генерал КГБ относился к секретной информации благоговейно, отлично понимая, что она является и капиталом, и смертельной угрозой.

— Тогда у нас проблема, — Артемьев вытащил сигарету, помял ее в пальцах. — Что делать с «Синдикатом»? С генералом Войченко?

— Будем разбираться...

— Ничего так не бодрит, как предстоящая славная русская разборка, — усмехнулся Артемьев, сжав громадный кулак.

— Ты эту феню оставь, — нахмурился Зевс. — У нас не разборка, а нейтрализация противника.

— Виноват. Исправлюсь...

— Иди сюда, бестия рыжая, — Зевс протянул на ладони орешек, и белка, остановившаяся метрах в трех, опасливо посмотрев на него, юркнула вперед. Замерла. Зевс бросил ей орешек. Белка схватила его и упорхнула.

Зевс расплылся в улыбке доброго дедушки Маза.

Артемьев усмехнулся, представив, что посторонний, завидев его руководителя, общающегося с природой, вполне может принять его за сентиментального пожилого дядюшку. Интересно, во что превратилась бы жизнь, если бы все казались теми, кто они есть на самом деле?

— Помню, в семьдесят четвертом на краснопресненской пересылке в хату к нам шнурия

одного доставили, — отхлебнув густого и темного, как нефть, чая, завел очередную историю Черный.

Кабан, цедивший из стакана джин со льдом, стиснул челюсти, как будто зубы занули. День начался как-то по-дурацки. С долгого и нудного разговора с Черным — шестидесятилетним «законником». Старый вор сошел бы за бомжа, если бы не золотые цацки и безвкусный костюм за несколько тысяч «зеленых». Считалось, что он присматривает от имени общака за бригадой Кабана, приобщает ее к благу воровскому и собирает деньги на поддержку правильной братвы и грев зоны. Черный присматривал еще за несколькими бригадами, хотя, конечно, больше формально. Это как ветеран Куликовской битвы — его пригласят в президиум, пионеры ему отсалютуют, покормят его за казенный счет, но дальше трибуны не пустят. Не фиг ему в дела лезть — не для того он поставлен. По оперативным данным Управления по борьбе с бандитизмом, Черный проходил как один из ведущих лидеров преступной среды Подмосковья, направо и налево раздающий указания о наездах, разборках и мокрухах и по невероятной своей хитрости до сих пор не попавшийся. На самом деле этот старпер больше гундел о старых колымских временах и при случае без остановки часами мог рассказывать о том, с кем сидел, кто в какой колонии был «хозяином» и как суровый быт и строгие правила прежней зоны разительно отличались от современного хаоса и беспредела.

Благодаря прикрытию Черного банда Кабана приобретала статус благородного собрания правильных по жизни пацанов и перестала считаться шайкой законченных отморожков. Наличие вора в законе придавало респектабельность.

Половину истории Кабан привычно пропустил мимо ушей. Очнулся только, когда Черный торжественно завершил драматическое повествование в стиле Шекспира:

— Вот так был раскоронован вор в законе Тимур... А мораль такая — всю пайку в мире не захавашь...

Черный отставил от себя опустошенную оловянную кружку с цифирем и выпрямился на стуле. Все,

пришло время базара по теме. Ради него он и пригласил утром Кабана в свой двухэтажный, неуютный, гулкий внутри коттедж с дубовыми буфетами, коврами, рядами икон, настенными росписями, на которых все сплошь олени у озера. Вкус у Черного был специфический — а-ля деревня разбогатевшая. Дом он любил и обставлял его в соответствии со своими незатейливыми представлениями о прекрасном. Кабан заметил, что с прошлого его визита тут прибавилось пара ковров и огромный черный рояль фирмы «Бауэр».

— Богатеешь, — кивнул Кабан на рояль.

— Не моя это хата, — назидательно произнес Черный, скромно потупив взор. — Общакотская. Дали от щедрот бродяге приютиться с комфортом. Завтра порешат на сходняке, что так нельзя, — котомку соберу и в зону уйду молодежь уму-разуму учить.

До сих пор у Черного в глубине души ютились отголоски былых незыблемых воровских правил — мол, зазорно вору иметь имущество. Стеснялся он своего благосостояния, чем сильно веселил братву. Кабану пришло в голову, что в чем-то схожие они все, выходцы из Совдепии. И фраера, властью советской запуганные, боящиеся лишнее слово сказать. И бродяги, воровскими законами зашоренные, озирающиеся вечно, оглядывающиеся на мнение общака. Кабан презирал и тех, и других. Он был уверен, что лучшее мироустройство — это нынешние джунгли. И лучшая возможность выжить в них — это когда у тебя злости и оружия побольше, чем у других хищников. Поэтому бригаду себе сколотил Кабан — один другого краше. Волки настоящие, крови не боятся, даже любят ее. Числом немного, но все на мокрухах проверенные, кровью повязанные. И знающие, что их бригадир — самый злой и отмороженный из них... Непросто, ох как непросто было отвоевать место под солнцем в

городишке на сто первом километре от Москвы, куда издавна ссылали воров и бакланов, дабы они не позорили столичный град. Тут феня была вторым государственным языком, а за слово «козел» сразу насаживали на перо. И то, что Кабан заставил эту публику считаться с собой, дорогого стоило.

— Гурам с разговором был. Обидел ты людей, Дима, — осуждающе произнес Черный.

— Когда это я людей обижал? — удивился Кабан.

— Не дале, как на той неделе. Две фуры. Кинул.

— Людей я не обижаю. А блядей — с большим удовольствием. Торгаши. Лохи. Это наша добыча.

— Так эти люди под Гурамом были.

— Чего же они сразу не предупредили?

— А ты не спрашивал.

— Поздно уже...

— Хрусты немаленькие. Нехорошо это, Дима. Нехорошо.

— Стоп, Черный. Кто нам работать запретит? Мы честно лохов сделали. И это наша добыча. Скажи, не так?

— По понятиям вроде правильно. Но и Гурам уважаемый человек.

— Чурки черножопые. Пускай в горы валят, там баранам понятия объясняют. Они здесь не хозяева.

— Дима, у бродяг о национальности говорить — грех.

— Это ты чуркам скажи. У них не грех.

— Гурам — законник.

— У них законников больше, чем у нас бакланов... Пусть предьяву делают. Стрелу забивают. Тогда будем тереть... Но только ничего они у меня не получат. Мое — это мое!..

— Ладно, не кипятись, Дима. Что-нибудь придумаем... Покумекаем, придумаем...

— Думай, Черный. У тебя голова большая. Но если что — передай Гураму, что мы к пальбе готовы, как ворошиловские стрелки.

— Достаточно уже настролялись! — угрюмо произнес Черный. — Все вам стрелять, мочить... Раньше мокруха позором была.

— А сейчас если кусок не размочишь, так не проглотишь, — усмехнулся Кабан.

Старый вор только махнул рукой.

— Ладно. Дела ждут, — Кабан поднялся из неудобного дубового кресла. — Время — деньги...

Черный устало кивнул, и Кабан вышел из дома. Сел в просторный внедорожник «Лендровер» цвета мокрый асфальт. Он искренне любил эту мощную комфортабельную машину с

бортовым компьютером, гидроусилителями, подогревом сидений, кондишеном, мощной стереосистемой и еще тысяча и одним удовольствием. Она олицетворяла для него сытую, вольготную и свободную жизнь. Сегодня его любимой железной кобылице предстоит немало потрудиться, пошевелить колесами.

Кабан чувствовал себя спокойно и умиротворенно толко за рулем послушной мощной машины, заглатывающей километры шоссейной дороги. Стоило выйти из салона, и опять — вечный бой, покой только снится...

Первая половина дня прошла в запланированных разъездах. Кабан проехался по основным точкам — автосервису, рынку, — посмотрел, как там порядок. Дела шли. «Шестерки» шестерили. Торгаши торговали. Деньги текли. Все путем. После заехал в районную администрацию. Там жирный боров в галстуке заждался «зеленого» корма — пришлось отслюнявить ему немножко трудовых баксов, а остальные пообещать отдать через пару дней.

Это все была рутина. Ежедневная, постылая. Но последнюю встречу, которую авторитет приберег на сегодняшний день, к рутинным отнести было трудно. В ее ожидании нервы уже натянулись, как провода, а на душе пока еще мягко, но уже выпустили коготки, заскребли кошки.

— Жду, — услышал в трубке мобильного Кабан, когда в кафешке «Паутина» поглощал очередной салат.

Тридцатипятилетний преступный авторитет уже два года вкушал только вегетарианскую пищу и следил за здоровьем, осваивая модные оздоровительные методики.

— Уже лечу, — ответил Кабан.

Наспех закончив обед, он уселся в «Лендровер» и рванул с места, подрезав автобус. Выехал на московскую трассу.

Встреча с Упырем — это целый ритуал. Было заранее обозначено несколько контрольных точек. И Кабан, как дурак, послушно ехал на машине от одной к другой. На каком-то этапе ему на хвост садился Упырь и пытался засечь, нет ли наружного наблюдения. Он действовал настолько профессионально, что Кабану ни разу не удалось отметить миг начала сопровождения. Потом преступный авторитет спешивался. И шел еще несколько кварталов к месту встречи.

Все это Кабан считал признаком запущенной мании преследования. Кому другому авторитет никогда не позволил бы издеваться над собой подобным образом. Но Упырь... Упырь — это совсем другое дело...

После долгих манипуляций Кабан добрался до метро «Новокузнецкая», с трудом приткнул около красивого краснокирпичного храма машину и отправился дальше.

— Метров триста проходишь вперед. И двигаешь к «беседке», — проинструктировал Упырь, прозвонив по мобильнику. — Понял?

Кабан огляделся. Ясно, что Упырь где-то в пределах видимости, но авторитет его не увидел. И раздраженно воскликнул:

— Как мальчишка бегаю!

— Кабан, ты понял?

— Да.

— Вот и хорошо.

«Чтоб ты мобилой своей подавился!» — зло подумал Кабан.

В ларьке рядом с метро он купил орешки.

— Мужик, тебе рубля не жалко? — заканючил при-ларечный ханыга.

— Только на твои похороны, сука синяя, — бросил Кабан.

— Все понял, — ханыга бочком начал отодвигаться, в глазах появился страх человека, привыкшего все время получать по ребрам и отлично ощущавшего, от кого можно огрести по полной программе. Кабан хмыкнул и подумал, что этот страх должен быть компенсирован.

— Стоять!

Ханыга застыл как вкопанный.

— На, напейся одеколona, — Кабан сунул безгливо ему сторублевку.

Забулдыга, не веря своему счастью, ошарашенно уставился на руку дающего. Схватил деньги, рассыпаясь в благодарностях. Не обращая на него внимания, Кабан двинулся сквозь бурлящую тесную московскую толпу.

Пройдя несколько кварталов по Новокузнецкой улице, нырнул в подворотню, прошел через детскую площадку с ржавой каруселью. Углубился в переулки. И оказался в тесном дворике. На него тарачился выбитыми окнами подготовленный к сносу дом. Двор был сквозной. Это и есть «беседка» — так Упырь, видимо, называл полуразвалившуюся трансформаторную будку. Одна из точек для встреч, которую выбрал сам Упырь.

Кабан присел на скамеечку, у которой была выломана половина досочек. Потянулся по привычке к сигаретам. Вспомнил, что курить бросил. Равно как и пить, и давить косяки. Все излишества он бросил после клинической смерти, когда в него засадили две свинцовые пулюли. Тогда он понял, насколько дорога ему собственная жизнь.

Через пять минут появился человек, которого преступный авторитет прозвал про себя Упырем, но вслух называл Сан Санычем. Много как его еще называли, о чем Кабану было неизвестно. Бывало, звали Упыря много лет назад Атташе. В разработке «Легиона» он проходил как «Вервольф». Ему больше всего по душе был псевдоним Гипнотизер.

Возник Гипнотизер темным силуэтом в арке с другой стороны двора. Как всегда, вид затрапезный, не отличишь от заморенных жизнью, загнанных москвичей, снующих по улицам столицы. Не отличишь, пока не столкнешься и не помотришь в глаза.

— Все проверил? — недовольно спросил Кабан.

— Проверил, — кивнул Гипнотизер, присаживаясь на лавочку рядом с преступным авторитетом. — Чисто. «Хвост» ты пока себе не отрастил...

— Успокоил, — раздражение в душе Кабана все никак не улеглось. — Спасибо, отец родной.

— Тут я газетки читал. Американские ученые пришли к выводу, что вегетарианцы более агрессивные, чем мясоеды. А если еще курить бросили...

— Не надо со мной, как с пацаном, Саныч.

— Димон, я с тобой не буду спорить. Я ни с кем не спорю. Ты же знаешь...

Кабан знал об этом и посчитал за лучшее заткнуться, спрятав злость подальше.

— Сколько мы уже не виделись? Год? — спросил Гипнотизер.

— Около.

— Только не говори, что рад еще сто лет меня не видеть... Слышал, у тебя дела идут неважно. Прогорел несколько раз по крупняку. Фуры чужие стал зажимать.

— Откуда знаешь? — встрепенулся Кабан.

— Ты не представляешь, сколько всего я знаю. Тебе бы стало грустно из-за своей приземленности.

— Куда нам, деревенским? — Кабан скривился. Потом широко, обаятельно, обманчиво радушно улыбнулся, обнажив белые металлокерамические зубы. — Эх, Саныч. Как-то мы с тобой не по-человечески общаемся. Забурились бы сейчас в баньку. Пивком бы оттянулись. Девочек пригласили таких, что от одного их голоса все торчком встает. И перетерли бы, как приличные люди, все темы... А тут у какой-то помойки сидим, лясы точим.

— Димон, мы с тобой живем в разных вселенных, — усмехнулся Гипнотизер. — Которые пересекаются только вот на таких заплеванных двориках.

— Понятно, барин.

— Это хорошо, что понятно... Я тебя еще долго не беспокоил, Кабан, — в голосе Гипнотизера появились стальные нотки. — Да жизнь заставила. Теперь придется поработать, дорогой мой. Хорошо поработать.

— Что надо делать?

— Как всегда...

— Расскажи, а я подумаю...

— Это нечто новое, — Гипнотизер бросил на преступного авторитета косой взгляд. — Ладно, слушай...

В суть предложения преступный авторитет въехал быстро. И задал фундаментальный вопрос:

— Сколько?

— В зависимости от того, как события будут развиваться. Начальная цена... — Гипнотизер замолчал. Потом пригнулся к Кабану и, едва шевеля губами, прошептал цифру. Таковую, что преступный авторитет непроизвольно крякнул. Почесал подбородок.

— Только не говори, что этого мало, — губы Гипнотизера скривились в некое подобие улыбки.

— Это как посмотреть, Саныч. Как посмотреть...

— А тебе хочется поучаствовать в прибылях?

— Много чего хочется. В том числе остаться в живых.

— Чего боишься?

— Слишком высокий полет. Там интересы ФАГБ, МВД.

— Это не угроза.

— Для тебя — нет?

— Дима, я тебя уважаю, но у тебя кругозор грозы вокзальных ларьков и торгашей арбузами... А ты не допускаешь, что есть другие силы, кроме чекистов, для которых ты букашка, которую прихлопнут сапогом и не заметят, — голос Гипнотизера журчал, как горный ручей.

— Допускаю. Ну и что?

— Так знай, что полезным насекомым дают жить и размножаться... До той поры, пока они приносят пользу...

— Ты угрожаешь? — Кабан отвел взгляд. Не мог он смотреть в глаза Гипнотизеру, чувствуя, как кураж, который его из «шестерки» превратил сначала в бригадиры, а потом в паханы серьезной группировки, куда-то улетучивается.

— Я? — удивился Гипнотизер. — Ты же знаешь, я никогда не угрожаю...

Кабан знал. Угрозы — это по-человечески. Это развод ситуации, при котором возникают разные варианты. У Гипнотизера разных вариантов не было.

— Ладно. Чего мы сцепились? — примирительно произнес Кабан.

— Действительно. Ты же мой друг, Димон... Мой друг... Ты мой... С потрохами...

Сказано было тихо. И по спине Кабана пополз противный, мелкий озноб.

— Сегодня у вас аура почище. Однако сглаз остался. По утрам тяжело вставать. Кости ломит. Вечером предметы расплываются, да? Это от сглаза. Это такой же удар. Только не физический, а энергетический, — поведал Парамон Купченко.

— Оставим эту тему, — на этот раз терпеливо, но довольно сухо произнес президент фонда «Технологии, XXI век». — У нас есть что обсудить.

— Встречу назначил не я. Беру на себя смелость предположить, что вы получили заключение. И скорее всего, оно благоприятное.

— Почему вы так решили? — слабо улыбнулся Марципало.

— Сегодня вы настроены куда более благожелательно.

— Насчет благоприятного отзыва вы поторопились...

— Значит, вам пора сменить экспертов.

— Ваша самоуверенность даже вызывает уважение... Вот заключение, — Марципало положил руку на стопку бумаги. — Подтвердить вашу правоту эксперт не решился. Однако есть предмет для разговора.

— Что же у него вызвало сомнение? — саркастически осведомился «Колдун».

— Температурный барьер.

— Мы преодолели его. В этом и суть технологии.

— Парамон Васильевич. Даже если это так. Вы думаете изменить мир?

— Думаю.

— Велик шанс, что мир с благодарностью примет ваше открытие?

— Велик.

— Никакого шанса!

— Почему? — озадаченно уставился Купченко на президента фонда.

— Потому что в мире живут не ваши друзья лунатики, а люди с их интересами. Когда встанет вопрос о коммерческом воплощении проекта, мы наткнемся на барьер... На бетонную стену...

— И кто строить будет стену?

— Люди...

— Что за люди?

— Те, чьи интересы мы затронем. У кого есть деньги и возможности.

Купченко замахал руками, будто отгоняя от себя осу:

— Это все приземленный взгляд. Миром правят не люди с их алчностью, а высший промысел. И космосу угодно, чтобы мы сейчас сделали это открытие. И оно пробьется...

— Оставьте эти проповеди.

— Это не проповедь. Это суть вещей, Николай Валентинович, — глаза у ученого налились оловянной тяжестью, как у религиозного фанатика.

— Парамон Васильевич, поступило предложение. Вы продаете технологию. Сумма, — Марципало протянул листок, на котором была написана весьма внушительная цифра.

Купченко презрительно посмотрел на листок.

— Вас не устраивает сумма? — язвительно осведомился президент фонда.

— Вы знаете, я неплохой математик... И умею зарабатывать деньги. Я заработал их в коммерции столько, что хватило на завершение исследований... Но деньги для меня — это шелуха. У меня, в отличие от большинства людей, есть в жизни свое предназначение. Вот оно, — Купченко хлопнул ладонью по бумагам. — И меня не остановит ничто.

— Но исходных данных мало, — с кислой миной произнес Марципало. — Пока мы верим вам на слово. Где демонстрация технологических возможностей процесса?

— На днях я привезу установку...

— Она что, влезет в чемодан?

— В фуру влезет.

— Вам оказать помощь? — Глаза у Марципало загорелись.

— Э, нет... Такие вопросы я решаю сам, — взгляд Купченко стал хитрый. Ученый нахально улыбнулся и погрозил пальцем.

«Чертов шизофреник!» — подумал Марципало и не заметил, как хрустнул в его пальцах карандаш.

Артемьев в технике и компьютерах разбирался, как лев в бананах. Вот выбить злодею дух ударом кулака, взять бандюгу за жабры и развалить до задницы, заставить писать признательные показания и закладывать всех и вся, вербануть влегкую агента, составить опер-комбинацию так, что самая зубастая рыба запутается в сетях — это запросто. А всякую фигню типа файлов, антивирусов, распространения радиоволн, «жучков» он воспринимал с сугубо обывательской точки зрения, по которой свет загорается исключительно из-за того, что нажимают на кнопку.

В противоположность ему двое ребят, которые сейчас колдовали у мощных компьютеров, — плавали в информационных полях, как щуки в реке, взламывали без труда любые базы данных. Худосочные, похожие друг на друга, с ослабленным зрением, они олицетворяли собой людей двадцать первого века, жителей виртуальной реальности, проводников в лабиринтах всемирной паутины. Специалисты они были экстра-класса. «Малой конторе» пришлось постараться, чтобы привлечь их к сотрудничеству. В свое время эти кудесники подрабатывали на одну транснациональную организованную преступную группировку — ударно чистили компьютеры конкурентов, скачивали банковские проводки. После одной особо удачной акции хакеры были хозяевами приговорены к ликвидации — слишком много знали. Артемьеву удалось вытащить ребят из передраги, притом в самый драматический момент, когда уже затворы щелкали, а пулям было тесно в стволах. И эти двое стали собственностью «Легиона».

Они были самые лучшие. На их счету взломы самых защищенных баз данных с информацией стратегического характера, опускание ниже ватерлинии коммерческих структур.

Глядя на колдующих хакеров, Артемьев заметно нервничал. Операция «Зеленая книга» входила в завершающую стадию. На нее было оттянуто большинство ресурсов организации. И Артемьеву хотелось верить, что все не напрасно. Он надеялся на успех. Крючок закинут, и на него должны клюнуть. Обязательно клюнут.

Уже вторые сутки Артемьев проводил в штабном подвале дома рядом с Кольцевой дорогой, битком набитом аппаратурой связи, компьютерами. Сюда стекалась информация от «наружки» и постов технического контроля. Отсюда осуществлялось руководство опер-составом. На большой электронной карте в углу скользили огоньки, обозначающие положение групп наружного наблюдения, объектов, за которыми велась слежка. На карте видна была локализация автомашин противника, к которым присобачены спутниковые маячки — они позволяют установить точное, до метра, расположение объекта. Сбрасывались переговоры со стоящих на контроле мобильных. Этот подвал влетел «Легиону» в такую копеечку, что об этом даже не хотелось думать. Но зато Артемьев был уверен, что подобного штаба для проведения спецопераций нет ни у госбезопасности, ни у милиции. Средства у государства, конечно, имеются, но при закостенелой бюрократии создать действительно эффективную систему оперативного управления невозможно. Артемьев, чьим детищем являлся этот штаб, воплотил в жизнь свою давнишнюю мечту. И не раз убеждался в том, что деньги потрачены не напрасно.

— Объект движется по Ленинскому, — звучали из динамиков сообщения группы скрытого наблюдения, ведущей объект номер один.

— Домой пошел, — кивнул Артемьев. — Смотрите, контрнаблюдение не прошляпьте.

— Не прошляпим...

От другой группы, ведущей объект-2, следовали донесения:

— У себя дома. Не выходит. Женщина от него вышла... Личность известна. Не цепляемся за нее... Так, он за компьютер садится... Набивает информацию... Выходит из дома...

Объект-2, отправившийся куда-то, «наружка» потащила по городу. Точки на карте крутились по центру Москвы.

— Он зашел в интернет-кафе, — сообщил старший группы наблюдения...

— Переключиться на это кафе можете? — обернулся к хакерам Артемьев.

— А то, — хмыкнул старший по возрасту лохматый кудесник. Хакеры устремились в информационные потоки. — Так, вошли... Сброс информации взяли под контроль... Теперь посмотрим, куда она улетает... Массивы большие, пользователей много. Час пик... Сброс пошел...

Через несколько минут хакер обрадовался:

— Вот она, зараза! Ушла!

— Что? — подался к компьютеру Артемьев.

— Сигнал ушел из интернет-кафе. Зашифрованный... Это он сбросил!

— Проследить можете, куда отправился?

— Не волшебники. Он сбросил его на независимый сервер, на который ходят все, кому не лень. Кому надо — тот выйдет на этот сервер и скачает зашифрованную информацию, раскодирует ее спокойно. А другие пользователи и не будут знать, что на сайте есть что-то, кроме рекламы мобильных.

— Значит, получателей информпакета мы не установим?

— Никак, — покачал головой хакер.

— А расшифровать сообщение? — не отставал Артемьев.

— Кодировка типа американской «Ри-Джи-Эр», но куда более сложная. Мастера делали. Компьютерной системе Агентства национальной безопасности США, самой мощной в мире, понадобится, если только на это работать, лет эдак десять.

— Отлично, — кивнул Артемьев. — Умники. Понавыдумывали всякой хреноты.

— Прогресс, — сказал хакер. — Но есть одна зацепка. Правда, не знаю, как у вас получится.

— Не твоя забота. Говори.

— Кодировал он на своем компьютере, наверняка. На Винчестере осталась программа кодировки или ее следы. Если повезет, можем восстановить кодировку, тогда сообщение прочитать — минутное дело. Но это до Винчестера добраться надо.

— Сколько времени понадобится?

— Минут за сорок все скачаем и Винчестер на место вернем.

— Так, — Артемьев взял микрофон рации. — Третий. Задерживаешь объект на три часа. Как хочешь... Это твое дело... Бей морду. Тыкайся в его тачку.

— Понял.

Артемьев переключил рацию на другой канал:

— Атаман, на выезд. По плану негласное проникновение...

Труд проникнуть на квартиру объекта-2 был не слишком велик. На этом адресе оперативники уже побывали, когда устанавливали аппаратуру аудио-видеоконтроля.

Заключительная фраза операции началась.

На Мосфильмовской старенькая «двадцать четвертая» «Волга» впаялась в подержанный «Фиат». Никто не пострадал. Базар между водителями пошел как по писаному:

— Ты куда едешь? Где твои zenки?

— Вы на мою полосу заехали!

— Твоя? Ты ее купил, зараза такая?

— Милиция разберется.

— Ну ты мудак...

— Оскорблять не надо.

— Да я бы тебя удавил.... Таких в детстве давить надо.

— Сейчас милиция разберется. Протокол составим...

— Давай, давай... Моя правда, все равно...

— Слушай, скажи честно, ты права купил? Нет? А кто же тебя так ездить научил?

— Дапшелты...

Около дома, где проживал объект-2, выставилась группа внешнего контроля. В ее задачу входило обеспечение безопасности проникновения и, в случае возникновения необходимости, прикрытие отхода оперативников. Группа проникновения во главе с Атаманом должна была вторгнуться в жилище. Ключ к двери давно подобран. Войти — дело техники. Главное — не оставить следов.

— Быстрее, — произнес негромко Атаман, открывая дверь.

Хакеры просочились в квартиру. Лохматый неуклюже задел стул, и тот повалился.

— Тише, чудик, — прошипел Атаман.

— Все спокойно пока, — проинформировал оперативник из группы прикрытия, наблюдающий за обстановкой и следящий за переговорами экипажей и дежурного ГУВД на милицейской волне.

— За работу, — кивнул Атаман.

Хакеры принялись аккуратненько потрошить компьютер. Сняли кожух. Извлекли из чемоданчика оборудование, подсоединили клеммы и провода. Один колдовал над

соединениями, другой барабанил пальцами со скоростью ветра на клавиатуре крошечного ноутбука.

— Так, ну, давай восстанавливайся, — как заклинание нашептывал лохматый.

— Мужики, — напомнил Атаман, — не нарушить порядок в квартире. Тут вам не футбольное поле...

Через пять минут лохматый причмокнул, как вампир, и ликующе воскликнул:

— Так, пошла информация!. Пошла, родимая...

Еще через несколько минут на экран ноутбука выползло декодированное сообщение, которое сбросил объект из интернет-кафе.

— Готово? — осведомился Атаман.

— Как в аптеке, — хмыкнул лохматый.

— Снимаемся, — скомандовал Атаман.

Хакерам, кажется, все было совершенно до фонаря — они порхали, как беззаботные птицы, по ступеням. Атаман же был напряжен и ждал подвоха. Расслабился он только после того, как сел в машину, где его ждал Артемьев.

— Ну как? — спросил тот.

— Мяч прямо в девяточку, — ответил Атаман, вынул из сумки ноутбук с зажженным экраном, на котором было сообщение.

Артемьев прочитал текст и улыбнулся нехорошо:

— Поздравляю. Мы вычислили суку. Вот он.

— И чего теперь с ним? — осведомился Атаман. — К Доктору?

— Ни в коем случае. Дальше начинается игра — я знаю тебя, а ты не знаешь, что я знаю...

Генерал Войченко со злостью смотрел на безрадостную картину. Подвывали сиренами белые машины «Скорой помощи» и уносились, приняв в свое чрево раненых. Суетились врачи вокруг хрупкой девчонки, которая, обхватив голову руками, сидела на асфальте и выла в голос. Милиционеры из оцепления отгоняли зевак.

То, что осталось от семи людей, попавших в эпицентр взрыва и иссеченных осколками, уже увезли.

Технари и эксперты снимали на видеокамеры и фотоаппараты место происшествия. Иномарок с синими мигалками прибавлялось с каждой минутой — это слетались, как мухи на дерьмо, милицейский и эфэсбэшные генералы.

Шахидка пыталась пробраться на станцию метро «Перовская», но ее там что-то спугнуло. Поэтому она отправилась на автобусную остановку и взорвала себя там в святой уверенности, что Аллах ее уже ждет с благодарностью на небесах. Священная война последователей Аль Ваххаба против неверных продолжалась.

— Когда же они, сволочи, все повзрываются! — в сердцах воскликнул начальник ГУВД

Москвы, оглядывая место трагедии.

— Их еще надолго хватит, — заверил с легким смешком Войченко, который только вчера прилетел военным бортом из Ханкалы.

— Это же не люди. Это роботы.

— Биороботы. — Войченко ткнул носком ботинка алюминиевую панель, отлетевшую от разорванного на части павильончика автобусной остановки. — Те, кто им вышибает мозги, делают это умело. Знают свое дело.

— Сколько все это будет продолжаться? Мы же не можем лезть каждой смуглой бабе под юбку! — Милицейский генерал кинул злой взгляд на чекиста. — Это не наша работа. Этих сук можно воспитать еще тысячу. Нужно бить по тем, кто их готовит... Их нужно выжигать...

— Бьем.

— Что-то не заметно. Уже пятый случай в этом году.

— Сколько было бы еще, если бы не мы...

— А, — милицейский генерал презрительно махнул рукой. Он был весьма невысокого мнения об оперативных возможностях своих коллег из сопредельного ведомства. И был в этом прав. Но только частично.

Войченко еще раз огляделся на месте очередной мясорубки священного джихада и направился, сунув руки в карманы легкого бежевого плаща, к своему темно-синему служебному «Мерседесу». Уселся на заднее сиденье и велел водителю:

— В контору.

Через сорок минут генерал Войченко был на ковре у директора Федерального агентства государственной безопасности. Выслушал от своего прямого начальника примерно то же, что и от милицейского генерала.

— Кремль должны взорвать, чтобы вы зачесались! — орал обычно интеллигентный, но теперь вышедший из себя директор агентства. — Где оперативная осведомленность? Кто стоит за всем этим?

— Это группа от Казбека Дергаева.

— Прекрасно. Все обо всем знают. Почему Дергаев жив?!

— Он прячется на территории Грузии.

— Это не ответ!

Впрочем, директор достаточно полно отдавал себе отчет, что его контора уже не тот всемогущий комитет пятнадцатилетней давности. Поэтому Казбек Дергаев не лежит в могиле, а спокойно готовит смертниц и так же спокойно через все границы и препятствия посылает их на задание, снабжает взрывчаткой.

— Примем все меры, — дежурно заверил Войченко.

— Завтра в десять совещание с руководителями ведущих главков. Ваши предложения по комплексу мер, — сухо завершил выволочку директор агентства.

Дождавшись, когда Войченко выйдет, руководитель ФАГБ вытащил из ящика стола таблетку,

запил ее водой. Сердце отпустило... Все плохо. Директор агентства не ощущал себя руководителем все еще достаточно мощной спецслужбы. Он ощущал себя начальником бумажной конторы, которая производит руководящие указания, намечает грозные меры, готовит умные доклады и справки, но где, по большому счету, не делается ничего. А чудовище о трех головах — криминал-терроризм-коррупция, — для борьбы с которым и предназначена контора, легко ускользает из рук, живет своей жизнью и только набирает вес.

У Войченко тоже мысли были невеселые. Этот чертов теракт на автобусной остановке был совершенно не к месту и не ко времени. Он выходил за рамки процесса управляемой общественной и государственной нестабильности, на поддержание которого работал и сам генерал, и ряд влиятельных сил. А Дергаев — дикий человек. Горный людоед. Его трудно держать в рамках. Ох, как не хватает сейчас народного депутата Сельмурзаева. С ним можно было решать все вопросы и поддерживать этот костер, не давая ему угаснуть или распалиться в большой пожар.

Теперь уже генерал Войченко раскаивался в том, что он и его соратники из «Синдиката» приняли решение использовать депутата втемную против «Легиона». Но кто знал, что так получится... Кто знал...

Войченко вышел из кабинета директора, преодолел просторную приемную, в которой скучали секретарша и адъютант в военной форме с погонами капитана. Прошел по ковровой дорожке гулкого пустого коридора. Кивнул вынырнувшему от лифта знакомому деловитому референту с папочкой. Поднялся на лифте на два этажа.

— Моих заместителей и руководителей отделов ко мне через пять минут, — сказал Войченко дежурному, проходя в кабинет.

Через пять минут офицеры сидели вдоль стеночки. Заместители Войченко устроились за столом.

— Государство последнее отдает спецслужбам, — грозно сдвинув брови, начал генерал. — Для чего? Чтобы мы спали? Морду плющили?.. Кто ответит?

Он грозным взглядом обвел потупившихся подчиненных.

— Что нам сказать Президенту? Что скажем матери той девочки, которую сегодня в Перово мы собирали по частям? Что, я спрашиваю?

Ответа он, понятно, не дождался.

— Как мы людям объясним, что у нас утрачены оперативные позиции? Как объясним, почему террористы на свободе, а не в гробу? — Войченко перевел дыхание, провел по лбу носовым платком. — Такая работа — это что, результат нашей лени? Или неспособность? Или саботаж? Отвечайте, я послушаю...

Никто, ясное дело, не ответил. К этим концертам подчиненные привыкли и относились к ним философски.

— Кому на пенсию пора? В народное хозяйство? Не слышу... Где эффективные разработки на лидеров террористических организаций? Тот ворох ненужных бумаг — это не разработки. От позора нас спасает только наша секретность. Если людям показать, что мы наработали, это же курам на смех. Сплошь все полковники. Настоящие полковники... А где отдача от вас, господа офицеры? Где, я спрашиваю!

Войченко распался все больше. Минут десять он играл на нервах и самолюбии подчиненных. В ходе этого во все более грубых выражениях изложил те же претензии,

которые выслушал недавно от директора агентства. И закончил вступление:

— Вот что я скажу. Если так дальше будем работать, разгонят нас к чертовой матери. И правильно сделают. Наберут по объявлению — толку больше будет... Николай Сергеевич, вы что-то хотите возразить?

— Никак нет, товарищ генерал, — вскочил начальник пятого отдела.

— Ваше счастье... Итак, под запись, по пунктам, — кивнул Войченко начальнику своего штабного отдела.

Дальнейшие указания генерала не блистали новизной и оригинальностью. Стандартный комплекс мер после громкого теракта — личный состав перевести на усиленный вариант несения службы. Задания негласному аппарату. Встретиться с агентурой. Сориентировать на выявление террористов. Отработать имеющуюся оперативную информацию. Совместно с органами внутренних дел провести силовые акции против фигурантов, выставить квартиры, кафе. Принять меры к реализации оперативной информации на коммерсантов, подпитывающих террористов. Пройдено все это не раз. Мертвому припарки. После драки кулаками махать — гиблое дело. Присутствующие прекрасно понимали, что это бесполезно. Все бесполезно. Ситуацию с террористами или контролируешь изнутри, внедряясь в террористические группы и уничтожая их физически, или не контролируешь вообще. Террористы как тараканы — из любой щели полезут, никакие проверки документов и шлагбаумы на дорогах не помогут. А травить их как положено — дихлофосом вдоль всего плинтуса — не дают. Не очень оно, видать, нужно!

Закончив совещание и раздав указания, Войченко подождал, пока подчиненные разойдутся. Посидел минут десять в одиночестве, в задумчивости, повернув верньер климат-контроля на семнадцать градусов. Холод просветлял мысли.

Мысли его сейчас были далеки от прошедшего теракта. В ушах не звучали вопли раненых, не стояли перед глазами ошметки тел. Он столько раз видел разорванные тела и слышал предсмертные крики, что давно разучился переживать по этому поводу. У него были куда более важные дела, которые таили для него куда больше опасности, чем какие-то психованные ша-хидки. Исламские фанатики — в конце концов, это просто козырь в рукаве, которым пользуются все игроки. А вот то, что рядом скрытая, темная, холодная и враждебная ему сила — «Белый Легион» — это уже другое... Удалось достаточно долго после последней бойни просуществовать, не затрагивая напрямую друг друга. Сейчас это время кончилось... Сейчас настала пора действовать. На уничтожение... А как достать врага?.. Сегодня утром от источника, который имеет некоторую осведомленность о «Легионе», генерал получил любопытную информацию. Сопоставив с другими обрывочными данными, он нащупал нить. Если потянуть за нее, то можно вытянуть медведя... Вот только что потом с ним делать? Надо глушить его. А это опасно... Но жить рядом с этим медведем еще опаснее...

Он побарабанил пальцами по столу. Ему хотелось больше всего затаиться и не принимать никаких решений. Но так не получится. Надо биться. Не на жизнь, а на смерть...

Он взял мобильник и сделал звонок.

Все, встреча назначена. Теперь обратного пути нет...

Войченко натянул плащ.

— Я на выезде, — кинул он дежурному, появляясь из кабинета.

— Машину вызвать, товарищ генерал? — спросил тот.

— Не надо...

Выйдя из здания на Лубянке, он направился к магазину «Библио-Глобус», около которого оставил оперативный задрипанный «жигуленок» с форсированным двигателем. Номера были гражданские.

Войченко уселся за руль. Завел двигатель. Наддал газу. И отправился плести по городу кружева.

Он так и не засек за собой слежку. Но на всякий случай бросил машину. Нырнул в метро. Убедился окончательно, что его не контролируют.

Войченко, в отличие от бывших политработников и кадровиков, расхватавших в агентстве высокие кресла, был настоящим специалистом. Он знал, как вести слежку и как отрываться от «хвостов». Ему это доставляло удовольствие. Возвращалась молодость. И энергия вливалась в тело.

Через полчаса он вышел на станции «Речной вокзал». До пятиэтажного дома от метро было ходьбы минут семь. Явочная квартира располагалась на первом этаже.

Тип, которого покойный ныне чеченский депутат знал под именем Феликса, был уже на месте.

— Опаздываешь, — на его лице застыла вечная кривая ухмылка, демонстрирующая, что весь мир состоит из ублюдков, достойных только брезгливой жалости.

— А ты не знаешь, что в городе творится? — произнес Войченко.

— Что особенного? Еще одна дура отправилась к Аллаху. А скорее — к шайтану в когти.

— Семь трупов.

— А, — махнул рукой Феликс. — Обычная статистика потерь.

— Я сам человек спокойный, но твоему индифферентному отношению поражаюсь.

Посреди комнаты стоял сервированный Феликсом столик на колесах с заварным чайником, порезанным лимоном, нарезкой из ветчины и колбасы, соленьями, холодной водочкой и очень дорогим ликером.

— Хозяйственный ты, — похвалил с явной издевкой генерал.

— Сервис, — хмыкнул Феликс. — Сто тысяч долларов должен будешь.

— А морда не треснет?

— Тогда пятьдесят...

Генерал бросил в чашку три куска сахара, две дольки лимона и начал размешивать... Потом отхлебнул. И сообщил:

— По президенту «Русбанка» акция прошла на пять баллов. Расчетные цели достигнуты.

— Приятно, что тебя ценят. — Феликс налил себе стопарик водочки, хлопнул ее, закушал куском ветчины и откинулся на спинке стула, глядя куда-то в стену.

— Исполнитель как? — поинтересовался Войченко.

— Снайпер? Хороший парень был. Не без способностей.

— Зачистил следы?

— Там все нормально.

— Жалко, конечно, — поморщился Войченко. — Людей надо беречь. Это наш капитал.

— Еще найдем.

Феликс накатил себе еще водки, генералу налил его излюбленный ликер. Они подняли стопки, не чокаясь, выпили за упокоенного киллера. Помолчали. Феликс не спешил, зная, что все это только вступление. Главное впереди.

Генерал отхлебнул еще чаю. Поставил чашку.

— Спасибо за угощение.

— Рад стараться, — хмыкнул Феликс. .

— Тебе бы кафе открыть.

— А я вынужден быть чистильщиком. Такая суровая у меня судьба.

— Ладно, братец... Что-то у тебя сегодня легкое настроение.

— Хочешь пригнуть меня чуток к земле?

— Хочу... И тема очень старая. Больная тема, друг мой.

— «Легион», — кивнул Феликс.

— Именно. Сельмурзаева мы потеряли. Целей не достигли. Результат всего этого один — мы утратили человека, через которого осуществляли воздействие на ичкерийскую диаспору. И по Москве бродят бесхозные шахидки. «Легион» развивает активную деятельность. Все хорошо.

— Какую деятельность? Я так понял, переходим к сути вопроса...

— И к цене вопроса, — кивнул генерал. — В общем, «легионеры» опять проявились.

— На этот раз по какому поводу? — осведомился Феликс.

— Тема у них самая больная, такая же, как и у нас, — финансирование. Содержать такую организацию — денег нужен даже не вагон, а товарный состав. Видимо, их подконтрольные коммерческие структуры не справляются. И «Легион» пустился во все тяжкие.

— Это как?

— Торговля изотопами и радиоактивными веществами.

— Им зачем?

— Десятки-другие миллионов долларов получить, не прикладывая особых усилий, — это не так уж и плохо.

— Ну да, — Феликс почесал щетинистую щеку. — Значит, они лезут на наш рынок.

— Он не только наш. И чеченский. И еще много чей...

- Забавно получается...
- Информация прошла, что они переброску товара готовят из Снежанска-11 в Москву.
- Серьезная информация? Подробная?
- Пока никакая...
- Мы из-за никакой информации собрались?
- Я сказал — пока никакая, — раздраженно бросил генерал. — Когда она прояснится, — ты должен быть готов к действиям.
- Задачу уяснил. Еще чаю?
- Пожалуй...
- С ликерчиком? Коньячком?

В Москве было тревожно. Милицию перевели на усиленный вариант, улицы заполнили люди в серой форме. Продержится этот ажиотаж дня три. Потом все уляжется. Успокоится. Подспеют более свежие новости-об обострении ситуации в Афганистане, или о теракте против американского консульства в Бирме, или о том, что поп-звезда Боря Мокасеев спутался с кутюрье Димой Катукевичем. Жизнь идет, несется вперед, как быстрая горная река, сглаживая углы и ворочая камни. Вчерашняя боль — уже не боль. Она смыта мутным потоком.

- Ваши документики, — козырнул строгий сержант.
- А? — рассеянно посмотрел на него Купченко.
- Документики, — в голосе сержанта появились стальные нотки.
- У меня есть документы, — с вызовом произнес Купченко.
- Так покажи их, — сержант начинал терять терпение.
- Сейчас, — Купченко зашарил по многочисленным наружным карманам серой легкой куртки. — Сейчас. Были.

Сержант плотоядно улыбнулся, предчувствуя развлечение. Их обтекала московская толпа, струящаяся к метро и к остановкам автобусов, бурлящая вокруг ларьков.

- Я вас не виню. Понимаю, терроризм, — бурчал Купченко, хлопая по карманам.
- Вот что, уважаемый. Пойдем-ка со мной, — сержант кивнул в сторону милицейской «Газели», стоящей между метро и газетными киосками. — В отделении поищем твой документ.
- У меня нет времени. Множество проблем коммерческих... Груз надо получить.
- Меня это не интересует, — сержант взял Купченко под локоть, с опаской прикидывая, что будет, если такой бугай начнет бить копытом. Придется вызывать подмогу. И не одного человека, а целую толпу.
- Вот! — рука Купченко нырнула в сумку.

Сержант напрягся. Но увидел не ствол, а паспорт. Он развернул старую, затертую красную книжицу и сделал замечание:

— Паспорт на новый надо было давно заменить.

— Да, я знаю.

— И не выполняете.

Отвечать «Колдун» посчитал ниже своего достоинства.

Сержант пролистнул страницы паспорта. Наткнулся на ксерокопию документа, удостоверяющего, что кандидат физико-математических наук Парамон Васильевич Купченко работает в объединении «Звезда» старшим научным сотрудником.

— Ученый, значит.

— Ученый — это Ньютон, — строго произнес Купченко. — А мы — так. Пытаемся из себя что-то изобразить.

— Ну, давай, ученый, — хмыкнул сержант, в очередной раз убедившийся в том, что от высшего образования — одно только горе. Вон, заучившись, можно в такого чудика превратиться. Нет, сержанту десяти классов и курсов подготовки рядового и сержантского состава милиции за глаза хватит.

Пройдя пару кварталов, разрезая толпу, как ледокол, и не смотря по сторонам, Купченко застыл перед кафе «Каприз». Он недавно переселился из гостиницы в съемную квартиру поблизости отсюда. Там были холодильник и плита, но ученый принципиально не занимался варкой и жаркой. Для еды существуют предприятия общественного питания.

На щите справа от дверей кафе было выведено: «Бизнес-ланч из трех блюд и десерта всего за 150 рублей».

— Сойдет, — прошептал Купченко и нырнул в гостеприимно распахнутые двери.

Усевшись за свободный столик, он заказал обед. В ожидании его вынул из кожаной сумки маленький компьютер и начал набивать на нем что-то важное.

Официантка принесла салат и свежавыжатый апельсиновый сок в высоком бокале. Он встрепенулся и пробормотал:

— Спасибо.

Провел руками возле нее, месья пустой воздух. Официантка посмотрела на его телодвижения с интересом.

— У вас прогнута аура под левой лопаткой. Может сердце немного покалывает.

— А вы этот, экстрасенс? — заинтересовалась девушка.

— Не то чтобы практикующий, — потупился ученый. — Но что-то знаю.

— А действительно покалывает. И что делать?

— Время было — снял бы...

— А как вас найти?

— Телефончик, — Купченко хлопнул по мобильнику. — Семьсот пятнадцать четыре нуля один.

Она черкнула телефон себе в блокнотик и мило улыбнулась, пообещав:

— Я обязательно позвоню. А дорого?

— Не в деньгах счастье... Попробую помочь, — кивнул Купченко и тут же потерял к официантке интерес. Уставился на компьютер, одновременно тыкая в салат ложкой.

Он погрузился в работу. Потом неожиданно посмотрел на часы. Хлопнул себя по лбу. Вытащил из кармана мобильник. Настучал номер.

— Ник! Ник! Как там с посылкой? Нормально?... Осторожнее грузите... Там трубку титановую помнешь — все, тушите свет... Знаю твоих коновалов... Документы на отгрузку и транспортировку в норме? Ты учти, тут с терроризмом борются, если чего не в порядке — тормознут... Понял тебя.. Да, дорогой мой... Да... Москва чертова эта. Народу полно. Мельтешат все. Мельтешат... Все только о деньгах думают, а не о душе... Но пробьемся. Встряхнем их... Осторожнее пульт грузи. Там на соплях все спяно... Покупателям нужно на той неделе демонстрацию устроить, а мне паять заново не — . охота... Значит, так, давай определимся. Ориентировочно я встречаю на пяточке за заводом ЖБИ, как раньше... Оттуда до склада рукой подать... В среду в че — ' тырнадцать... Я, может быть, сам не буду. Человека « пришлю... Да не бойся ты, все будет в порядке...

Он вытащил из бокала соломинку, смял ее, это по казалось мало, машинально, бездумно завязал в узел и положил в пепельницу. Отхлебнул глоток сока. Произ нес громко:

— Ну хорошо... Я понял... Наташке привет... Всем привет... В общем, жив-здоров. Пока, — Купченко отложил телефон и задумчиво побарабанил ложкой по тарелке с салатом.

На окружающее он обращал ноль внимания. Иначе, может быть, и заметил бы, что по городу его водят ребята невзрачной наружности.

Но чего не мог бы заметить «Колдун» ни при каких условиях — это что его телефонные переговоры слушаются управлением спецмероприятий МВД России. Сотрудники, которые зафиксировали последний разговор, работали сейчас не на государство. И не за деньги. Они работали за очень приличные деньги. И в течение часа разговор был передан заказчику.

Гипнотизер, прочитав распечатку переговоров и прослушав аудиозапись, задумался. Прослушал запись еще раз.

«Ну что ж, — подумал он. — Ребятам Кабана подоспела работенка...»

Артемьев спал урывками, беспокойно. Он руководил многими операциями. Но сейчас противник был особенный.

С базы он не вылезал уже третьи сутки. В глазах рябило от сбрасываемой на экраны информации. Мозг даже во сне пытался обрабатывать варианты развития событий. Артемьев курил одну за другой сигареты и глушил большие чашки кофе.

Вечером на базу прибыл Зевс. Главный оперативный координатор не имел привычки вмешиваться в ход операций, доставать всех советами. Только в крайнем случае он пользовался своим правом последнего слова, и то, когда видел, что ситуация выходит из-под контроля. В «Малой конторе» было правило — инициатор мероприятий несет за них ответственность полную, зато и распоряжается всеми переданными ему силами и

средствами по своему усмотрению. Подразумевалось, что руководители операций являются высококвалифицированными профессионалами, они справятся с самыми сложными задачами. Излишняя опека расхолаживает.

— Что-то высох ты, сынок, — покачал головой Зевс, блаженно усаживаясь на мягкий черный офисный диван с металлическими подлокотниками.

— Акция входит в горячую стадию, — произнес угрюмо Артемьев.

— Не бережешь себя, Олег... Куришь много... Слишком сильно нервничаешь. — Сегодня Зевс снова был в образе доброго дядюшки.

Да, Зевс мог быть и добрым дядюшкой, и мечущим грома и молнии божеством. Маски. Что за ними? Получалось так, что видел насквозь всех, его не видел насквозь никто... Самая странная фигура из всех, кого встречал Артемьев. Никто не мог похвастаться, что его поняли. Даже Доктор, обладавший сверхчутьем на людей, как и положено по профессии, говорил: «Зевс закрыт».

— Если сейчас рыба сорвется, ищи ее потом в море-океане.

— Не должна сорваться, Олег. Не должна. Крючки надо делать крепче.

— Мы не волшебники, — поморщился Артемьев.

— А у тебя не боевой настрой, — Зевс испытующе посмотрел на него.

— Что, смените?

— Кто же коней меняет на переправе?

— Слишком многоходовая и хитроумная у нас получается комбинация... Слишком много народу задействовано втемную... Слишком много зависит от поведения отдельных людей... Сложно...

— Кто предложил именно такую комбинацию?

— Я, — кивнул Артемьев.

— И Ратоборец... Мы на вас надеемся. Если дело завалится, так тому и суждено быть. Ты же знаешь, мы все понимаем и пенять не будем... Но ты справишься, Олег. Ты и Глеб... Вы справитесь...

— Надеюсь...

— Только одно помни, — Зевс замялся, потом все-таки произнес: — Вы вступили на территорию тьмы... Все сокрыто. Все в тумане... Что стоит за «Луддитами»? Что это за система контроля?

— Подпольные организации. Корпорации. Тайные общества. Спецслужбы. Правительства. Может быть кто угодно, — развел руками Артемьев.

— А за ними?

— Наверное, те, кто правит этим миром и о ком мы ничего не знаем вообще, — неуверенно произнес Артемьев.

— Мы не знаем... За «Канторой» тоже кто-то стоит — ты не думал об этом? — неожиданно произнес Зевс. И у Артемьева пробежал по спине озноб. Он почувствовал, что сейчас

Главный оперативный координатор приоткрыл занавес, чуть-чуть, не дав ничего рассмотреть, но четко дав понять, что за занавесом кроется что-то большое и серьезное. Это была не оговорка. Зевс никогда не допускал оговорок. Он за свою долгую жизнь научился взвешивать каждое слово.

— Звучит очень обнадеживающе.

— Обычные люди — слепцы. Они ничего не знают о скрытых пружинах,двигающих вперед, сложный и неуклюжий механизм цивилизации. Тебе повезло хотя бы боком приобщиться к тем, у кого глаза приоткрыты.

— Но я еще не научился видеть в полумраке.

— Когда-нибудь научишься. Иногда приоткрываем пыльную портьеру, за которой скрываются кукловоды... Наш мир гораздо сложнее, чем кажется.

— Интересно, куда ведет вершина пирамиды? Кто главные кукловоды?

— Никто не знает. Есть теория, что инопланетяне через эти скрытые социальные механизмы правят землей.

— Seriously?

— А что — гипотеза не хуже других, — Зевс посмотрел на Артемьева и улыбнулся. Обнадеживающе. И немного иронично. — Ну, в общем, вы здесь работайте. А мне, старику, домой пора. Грелка. Вечерний чай... Только в курсе дела меня держите.

— Обязательно...

Зевс отбыл на скромной «Волге» с пуленепробиваемыми стеклами. Следом за ним пристроилась машина прикрытия.

Артемьев проводил машины взглядом. Разговор возымел странное действие. Зевс, как и Доктор, видимо, был шаманом. Во всяком случае, Артемьев ощутил, что неуверенность, нервозность, усталость куда-то ушли. Осталась уверенность в своих силах и в своей правоте.

— Объект «Альфа» начал кружева плести, — сообщил по рации старший наружки, когда Артемьев вернулся в штабной зал. — Что будем делать?

— Он вас проявит. Отпускайте, — решил Артемьев. Атаман досадливо поморщился:

— Сейчас бы контакт засечь. Все бы сразу на места стало...

— Мы их и так не упустим. Пусть пока погуляют. Мы их всех сделаем.

— Твоими бы устами да мед пить, Олег.

— Сделаем, Атаман. Еще как сделаем.

У Войченко болела голова. День выдался тяжелый. Вместе с Директором ФАГБ и еще парой генералов он побывал в Совете по безопасности. Потом вся компания отправилась к руководителю Администрации Президента. И везде приходилось оправдываться. Виноваты. Упустили. Враг будет повержен, победа будет за нами...

По оперативной информации, чеченцы решили пока оставить Москву в покое и

переключиться на другие города. В их обширных планах на очереди был Санкт-Петербург. Помощник Войченко по самым деликатным поручениям вылетел вчера в Турцию. Там встретился с самим Вахой Муртазалиевым по кличке Колченогий, потерявшим в боях под Даргуном руку и ногу, но до сих пор коптящим небо во зло всему живому. Отец чеченского террора вовсе не отлеживался в грузинских аулах, как утверждали средства массовой информации, а изнывал от жары на вилле с высоким бетонным забором около Стамбула под присмотром турецких спецслужб. Разговор между чекистом и одним из самых известных полевых командиров состоялся далеко не обнадеживающий. Позавчера Войченко смог прослушать его запись.

— Ты забыл о наших договоренностях? — спрашивал полковник.

— Я ничего не забываю, — отвечал отрывисто Муртазалиев. — Но я не могу приказать птицам не летать.

— Если твои птицы будут и дальше так гадить, то мы начнем рушить гнезда, — напирал полковник. — Ты это реально понимаешь?

— Я-то понимаю...

— Короче, ты признаешься, что не способен контролировать шахидов?

— Их только Аллах может контролировать. И Казбек Дергаев, который заявил, что является моим кровником.

— Тогда сдай нам Казбека. И его черных вдов!

— Неправильно это.

— Брось играть в правоверного мусульманина, Ваха!

— Ладно, что-то попытаюсь придумать...

После долгих переговоров Ваха сдал две «лежки» шахидских групп Дергаева — одна из них была в горах, другая — под Гудермесом. «Лежки» были зачищены силами армейского спецназа. Итог — девять трупов воинов ислама, из них пара начинающих шахидов. Но ситуации этот локальный успех не изменил.

Войченко с прискорбием вынужден был констатировать, что управляемая нестабильность управлялась все хуже и хуже. После встреч на Старой площади ближе к вечеру генералу пришлось отправиться на Рублевский тракт. Там в неприлично огромном и безвкусно роскошном доме он выслушал много неприятного от очень важного, но малоизвестного в широких кругах лица:

— Все далеко заходит. Мне кажется, мы теряем нити управления кризисом...

— Ничего мы не теряем, — возражал Войченко.

— Разве? И мы опять ощущаем противодействие. Вы установили, кто нам мешает, генерал?

— слово «генерал» важная основа произнесла с сарказмом, неприятно резанувшим Войченко. Намек ясен — нет ничего более непрочного, чем должности и регалии.

— Установили. Есть некая скрытая структура...

— О которой мы слышим несколько лет. Когда это закончится?

— Думаю, в ближайшее время что-то прояснится, — холодно произнес Войченко.

Он не выносил, когда с ним говорят с высоты папского престола, разве что туплю целовать не дают. Посмотрев в узкие глаза-щелки вельможного собеседника, который считал, что ухватил бога за бороду, Войченко подумал: «А не зачистить ли и тебя, сволочь такую. Не ты первый, не ты последний...» Впрочем, эту мысль он отогнал. Не навсегда, просто пока отодвинул подальше. Через некоторое время, возможно, он еще вернется к ней.

Ближе к вечеру генерал получил сообщение от своего резидента. Тот, штатный негласный сотрудник Федерального агентства государственной безопасности, бывший сотрудник службы внешней разведки, за последние три года развил бурную деятельность. Создал приличную агентурную сеть в коммерческих структурах, преступных организациях и правоохранительных органах. Он-то и нашел людей, способных добыть кое-какую информацию на «Легион». Для него, в отличие от Войченко, обнаружить существование в России подобной структуры было настоящим шоком. И он упорно и изобретательно продолжал тянуть эту тему, преисполнившись злого азарта.

— Встретиться надо, — по телефону сказал резидент.

— Хорошо, — тут же согласился Войченко. — На обычном месте.

На встречу он отправился все на том же затрапезном оперативном «жигуле». Оставил его за несколько кварталов до точки. Прошелся пешком через пару сквозных дворов. Вроде никто за ним не присматривал.

В сквере на траве, млея от обрушившейся неожиданно на Москву жары, развалилась молодежь. Надрывалась магнитола. Резидент сидел на лавочке и читал газету. Какая-то желтая муть — «Брак певицы Александрии с ее любимой собакой — правда или вымысел?».

— Не стыдно такую чепуху читать? — спросил генерал.

— Полезно. Мозг полностью отдыхает, — улыбнулся резидент — грузный мужчина лет сорока пяти.

— Так давай загрузи его. Чего ты мне хотел сообщить?

— По поводу той темы — изотопы... Кажется, все в масть. Боевики, подконтрольные «Легиону», получили задание на приемку груза...

— Как узнал?

— Техника. «Жучок» сработал. И прослушка телефонов.

Резидент был помешан на оперативной технике. В его коллекции были «жучки» всех видов, в том числе со сбрасываемыми пакетами информации, которых практически невозможно засечь. Он умудрялся ставить «жучки» в офисы и квартиры, в машины и лифты. Для того, чтобы поставить телефон на прослушку, он не унижался до использования технических служб агентства. Он просто шел и подключался к распределительному щиту. Иногда даже умудрялся решать вопрос с контролем за мобильниками. Генерал Войченко считал своего подчиненного опасным сумасшедшим. Но использовал его для самых деликатных дел. Естественно, резидент не знал, что работает не только на ФАГБ, но и на «Синдикат». И незачем ему об этом знать. Такие вещи обычно узнают перед смертью, когда ствол уже приставлен к голове. Покойники не умеют выдавать чужие тайны.

— Тут Кол засуетился, — сообщил резидент.

— Чего у нас получается. Последовательность следующая. Поправь, если я не прав, — велел генерал. — Некая группа товарищей из Снежанска-11 завладела партией ценного стратегического груза...

— Изотопами. И редкими металлами.

— Точно. У них такое счастье не в первый раз. Каналы отлаженные. Главный покупатель — Монах, предводитель транснациональной организованной преступной группы, специализирующейся на торговле высокотехнологичной продукцией, разворованной с многочисленных почтовых ящиков России.

— Монах — не последняя фигура в международном разделении преступного труда.

— Это мне известно... Кол, один из помощников Монаха, в числе прочих обеспечивающих обмен груза на деньги, решает, что ему сильно не доплачивают. Поэтому не грех груз прибрать. На память приходят хорошие ребята, которые сильно помогли ему однажды в жизни и которых он считает бойцами очень серьезной, но очень скрытной бригады. Единственно, он не знает, что бригада эта называется «Белый Легион». И он заключает с ними договор... План такой. В Москву прибывает груз. Кстати, как?

— На обычном трейлере, — объяснил резидент. — С военными номерами. И подлинными документами.

— Черт, как у них это все получается? Высоко забрались, сволочи!

— Высоко...

— Место встречи обговорено заранее. На точке «А» снежанские купцы перекидывают груз Монаху и получают деньги... В этот сладостный момент появляется «Легион» и конфискует все.

— Только каким образом? — задумчиво произнес резидент.

— Им положить пару десятков человек труда не составит. Ни физического, ни морального. И так, дни оставляют после себя гору трупов. Забирают груз и деньги. Делят их с Колом. Груз «Легион» сбывает. И получает хорошую финансовую подпитку.

— Похоже на правду, — кивнул резидент.

— Вся беда в том, что у Кола в присутствии дамы сердца, да еще после бутылки водки, ничего на уме не держится...

— Ну да. А дама его — мой агент.

— Главное, чтобы узнать заранее место передачи груза.

— Узнаем...

— Узнай. И будем решать, как по совести рассудить.

— Это уже не мое дело, — резидент легко для своей богатырской тучной комплекции поднялся со скамейки, хлопнул газетой, свернутой в трубку, по колену. — До встречи.

— До встречи...

Еще через два часа генерал встретился с Феликсом на конспиративной квартире все в той же пятиэтажке. И изложил ему четко прорисованную ситуацию.

— Овчинка выделки стоит, — заверил генерал. — Придется напрячь все свободные силы. После того как «легионеры» зачищают торговцев радиоактивами, мы зачищаем их.

— Думаешь? — с сомнением произнес один из руководителей «Синдиката». — Черт. Я

против масштабных акций. И так светимся в последнее время часто. Нужно как-то аккуратнее сработать.

— Аккуратнее не получится. Поднимаем в ружье всех. И отработываем по полной. Берем груз. Деньги. Пленных. Остальных — в расход.

— Мы берем лишь груз и женщин, остальное все на дно, как пели в старой пиратской песенке, — усмехнулся Феликс.

— Что-то вроде... Мы должны взять реванш, — в глазах Войченко зажегся диковатый огонек.
— Должны.

— Возьмем, — без воодушевления произнес Феликс. Он признал про себя справедливость слов генерала. И все равно его точил какой-то червячок. Не нравилась ему эта ситуация. Активно не нравилась. Но спорить бесполезно. Те, кто стоит над ним, тоже уже приняли решение о силовой акции. Оставалось только исполнить ее так, чтобы комар носа не подточил.

Впервые Парамон Купченко не доставал всех измерением ауры. Он выглядел подавленно, взгляд настороженный. Зашел в кабинет президента фонда «Технологии, XXI век», как всегда, не спрашивая, но безумный напор уступил место какой-то опасливости.

— У вас что-то срочное? — испытующе и строго посмотрел на него после сухого приветствия Марципало. Он был в кабинете один и изучал очередную заявку.

— Я долго думал над нашим разговором... Очень долго...

— По поводу?

— Что нам не дадут реализовать проект... Признаюсь, что был не прав. Опасность реальная. Очень реальная, — глаза Купченко забегали. — Я все проанализировал... Узнал... Много смертей.

— Что?

— Я узнал о Белидзе.

— Что Белидзе?

— Целый научный коллектив был уничтожен. Я переговорил с людьми — те несчастные что-то нащупали. И были уничтожены.

— Откуда вы набрались этого? — отмахнулся Марципало. — Белидзе покончил жизнь самоубийством. Есть такой синдром последнего метра. Бывает, марафонцы, пробежав десятки километров, сходят с дистанции на последних метрах... Владимир Павлович Санин несколько лет страдал от сердечного заболевания... Гурвич, скорее всего, укатил с какими-нибудь девками, есть у него такая склонность...

— А обстоятельства смерти — это другой разговор, — Купченко нервно тербил свою кожаную сумку с ноутбуком, с которым он не расставался. — Все. Надо что-то делать, — с неожиданной решимостью произнес он.

— И что вы собираетесь делать, Парамон Васильевич? — почти ласково произнес Марципало — так разговаривают с буйными сумасшедшими, перед тем как упаковать их в смирительную рубашку.

— Я очень напряженно думал... Алчность — это грех. Нельзя пытаться разбогатеть на том, что дал нам господь. Я... Мы... Мы можем позволить себе подарить человечеству это открытие. Отдать его даром... Слово «даром» происходит от слова «дар». Божий дар. За божий дар нельзя брать денег...

— Простите, я не совсем понимаю вас, Парамон Васильевич, — Марципало, скрестив руки на груди, озадаченно и с некоторым испугом уставился на «Колдуна».

— Самый легкий путь — Интернет, пресс-конференция, демонстрация технологических возможностей.

— Да?

— Скоро аппаратура будет здесь.

— И что?

— Идея брошенная не угаснет. Кто-то ее подхватит. Ничего не изменится лично для меня. Да и моя личность не так уж и важна в поступи цивилизации к будущему. Я буду счастлив, что выполнил свое предназначение. Возрожусь в другой жизни и увижу плоды своих трудов...

Марципало пропустил мимо ушей идею о реинкарнации Купченко в светлом будущем. Самое главное было не это. Самое главное — что золотая рыбка готова сорваться с крючка и погрузиться в пучину.

— Подождите. Я что-то не понимаю, — встряхнул головой президент Фонда. — У нас есть обоюдные договоренности. Мы вроде бы не отказываемся от сотрудничества. Работа вошла в конструктивную стадию. И вы из-за каких-то невнятных слухов и сплетен готовы все разрушить.

— Я боюсь не за себя, — понуро произнес «Колдун». — Я боюсь, что человечество не сумеет воспользоваться тем шансом, который я и мои друзья ему дадут.

— Вот теперь переходим к самому главному. Ваши друзья. Технологии эти являются плодом работы целого коллектива.

— Ну и что?

— А то, что, кроме шансов человечества, есть еще маленький шанс для каждого человека. Это ваши люди. Которые в эти нелегкие времена, несмотря на нищету, отдавали последнее, чтобы совершить открытие. Отдавали молодость. Силы. Интересы семьи. Правильно?

— Все было именно так.

— Они были уверены, что это их главный в жизни шанс выбраться из убогости, бедности... И тут вы решаете за них.

— Я думаю, они меня поймут...

— Поймут?! Что они поймут? Что у них был билет в лучшую жизнь, но у их друга не выдержали нервы. Он испугался каких-то дурацких слухов. И лишил их будущего...

— Ну... Когда технологию начнут осваивать, обратятся все равно к нам. Мы продвинулись дальше других...

— Да ладно. Вся суть была в оригинальном принципе, в новой технологии. Западники, когда принцип станет известным, при их миллиардах легко поставят все на поток без вашей

помощи.

— Верно, — вздохнул Купченко.

— Почему мы научились заботиться о неграх в Африке и совсем не умеем думать о наших близких? — вздохнул Марципало. — Не рубите сгоряча. Не надо. Нам осталось не так много...

— Я подумаю. — Взгляд у Купченко стал самоуглубленным.

— Обещайте, что пока не будете делать глупостей.

— Обещаю... Я должен все еще раз обдумать... Я вам сообщу.

— Вот и хорошо.

Купченко поднялся. Марципало вскочил и, поддерживая здоровяка под локоть, проводил к дверям своего кабинета. Когда дверь за посетителем закрылась, он подошел к дивану и устало откинулся на его подушках. Вытер выступивший пот. Президент, когда припирало сильно, умел раскрывать настежь шлюзы своего красноречия и с головой топить собеседника в словах. Умение забалтывать клиентов и партнеров не раз сослужило ему хорошую службу. И сейчас, кажется, ему удалось немножко сдвинуть танк, каким являлся Купченко. Вот только надолго ли? И что этот сумасшедший предпримет, когда у него начнется очередное обострение запущенного психзаболевания?

— Сволочь такая, — прошептал Марципало со злостью.

В кабинет вкатился «колобок» и осведомился:

— Чего «Колдун» от тебя такой пришибленный вышел?

— Свихнулся окончательно. Узнал где-то о Белидзе. Прочитал несколько статей в патриотических газетенках — бредни о мировом правительстве. И окончательно слетел с катушек.

— Что ты ему наговорил в прошлый раз? — с подозрением спросил Ровенский.

— Ничего, — как-то поспешно ответил президент фонда.

— Ты ему что-то брякнул, что у него снесло голову.

— Ну, намекнул, что у новых открытий часто судьбы складываются не слишком радужно.

— Молодец. Нашел, с кем о моей больной теме говорить. Кто же ему мог наговорить о Белидзе?

— Может, кто-то из команды Саши Неймана... Американец начинает уже наступать нам на пятки...

— Очень может быть, — задумчиво произнес Ровенский. — И что теперь удумал наш титан?

— В раздумьях... Я его немножко отрезвил... А вообще, у него идея скинуть все научные проработки в Интернет.

— Может, не такой дурной ход. Скидывает информацию в Интернет. А потом договаривается обо всем со свалившимися с небес заказчиками. Принцип процесса он накалывает. Но понадобятся годы, чтобы его повторить. А в гонке технологий, если она начнется, каждый день будет на вес золота. Отставание на месяц может стать опозданием навсегда. Пусть

принцип уже не тайна. Но за деталями придут к «Колдуну».

— Да?! — Марципало взорвался, хлопнул с размаху по спинке дивана ладонью. — Сема, а мы? Мы в заднице!

— Да ладно, — улыбнулся Ровенский. — Не бери в голову...

— Что?

— Все течет, все переливается.

— У, блин! — Марципало посмотрел на своего заместителя так, будто тут же хотел его задушить.

— Что ты делаешь? — Вопль был испуганный, полный отчаяния.

— Не волнуйтесь, дорогой мой. Не волнуйтесь. Я не сделаю вам ничего плохого, — не обращая внимания на ругань, крики, угрозы, мягко ворковал Доктор. — Все будет хорошо. Все будет очень хорошо.

— Нэ надо, да... Слышишь, ты, в халате. Нэ надо, — теперь в голосе была мольба. Напоминающий гориллу чеченец, прикованный к креслу, привык видеть смерть и приносить ее. Вся его сознательная жизнь прошла на войне, в дерьме и в крови. Сейчас он своим обостренным волчьим чутьем чуял — с ним произойдет что-то непонятное и страшное.

— Будет чуть больно, — тонкие пальцы Доктора сжали руку гориллы с неожиданной силой.

Иньектор с шипением освободил свое содержимое. И жидкость, представлявшая из себя сложнейшее химическое соединение, начала свое движение по человеческому организму, проникая всюду и изменяя его реакции.

— Убью... Убью... — Голос пленного становился все слабее. Он обмяк. Минуты две сидел, застыв, не шелохнувшись. Неожиданно вздрогнул. И обессиленно уронил голову, закатил глаза.

Еще с четверть часа Доктор внимательно следил за диаграммами на плазменном мониторе компьютера.

Сюда сбрасывались показания датчиков, прилепленных к телу «пациента».

В углу сидел Артемьев. И внутри у него было как-то холодно. Подкатывала тошнота. Хотя внешне ничего особенного не происходило. Но он был не в первый раз на подобных процедурах и отлично знал, что кроется за этим монотонным, до детали отработанным процессом. И еще знал, что скрывается за видимым спокойствием и деловитой доброжелательностью Доктора. Присутствие на обработке очередного «пациента» не доставляло Артемьеву особого удовольствия — это если очень мягко сказать. Иногда же у него просто волосы дыбом вставали. Но он должен был находиться сейчас здесь. И его чувства не имели никакого значения, поскольку речь шла о судьбе акции.

По телу «гориллы» прокатилась дрожь. Чеченец дернулся. Открыл глаза, уставился в потолок. Выгнулся дугой, рванув ремни. Казалось, они не устоят и порвутся. Но эти ремни могли удержать взбешенного индийского слона.

«Пациент» снова обмяк. Потом как-то медленно, будто при замедленной прокрутке киноплёнки, выпрямился. Сел прямо, как прилежный первоклассник за школьной партой.

Обвел глазами окрест себя. Его взор коснулся Артемьева, и тот содрогнулся — глаза у чеченца были безжизненные, немигающие.

— Отлично, — просматривая диаграммы, проворковал Доктор. — Просто прекрасно. Хороший экземпляр.

Потери в материале доходили до пятидесяти процентов. Далеко не каждому удалось перейти «порог трансформации сознания». Но рослый чеченец преодолел его без труда.

— Изумительная реакция, — искренне наслаждался работой Доктор. — Всегда бы такие «заготовки» передавали.

— Тут уж как повезет, — буркнул Артемьев.

Доктор нагнулся над «пациентом». Тот перестал проявлять к окружающему какой-либо интерес. Шлепки по щекам не вызвали ни малейшей реакции, равно как и укол длинной иглой, напоминающей вязальную спицу.

— Следующий этап. — Доктор выдвинул колпак, похожий на фен в парикмахерской, и надел его на голову чеченцу. — Пошли, — кивнул он Артемьеву.

Они прошли в соседнее темное помещение, напоминавшее каморку папы Карло. Там был резервный пульт. Доктор уселся за него и активизировал прибор «Спектр-А5».

— Новинка. Потомок классического изделия «Резонанс», — пояснил Доктор, пальцы его пробежали по клавиатуре.

— Знаю, — кивнул Артемьев. — Детище НИИ-15.

— Так точно. Тогда казалось чудом, что электромагнитные поля вгоняют человека в сон, ослабляют память... Хотя атеистическое мировоззрение позволяло относиться к вторжению в душу куда проще. Человек воспринимался как механизм, который нужно просто настроить определенным образом... Потом были сверхвысокочастотные излучения. Биорезонаторы Пеева... Если бы тогда представляли, как далеко мы дойдем. — Доктор щелкнул тумблером и активизировал накопительные катушки.

Теперь находиться рядом с «пациентом» стало опасно. Электромагнитные излучения создавали угрозу для окружающих...

На второй этап понадобилось семь минут. Всего семь минут. Они вернулись к чеченцу. Доктор отодвинул колпак. Начинался последний этап трансформации.

Кудесник в белом халате уселся напротив «пациента», посмотрел в его широко распахнутые глаза.

— Я твой внутренний голос. Я звучу в глубине твоего сознания. Ты меня слышишь?

— Да, — голос прозвучал механически, и у Артемьева поползли привычно мурашки по спине. В голосе не было ничего человеческого. Он звучал откуда-то из иных пространств.

— Мы единое целое.

— Мы единое целое, — повторил «пациент».

— То, что ты видишь вокруг, — это сон. То, что внутри тебя, — это настоящее. Ты понял?

— Я понял...

— Ты живешь во сне. Ты движешься во сне. Ты должен сделать во сне то, что говорю тебе я.

— Я понял...

Доктор смотрел глаза в глаза, повторяя то ли слова, то ли заклинания, а Артемьеву от созерцания этой процедуры становилось все дурнее. На его глазах происходило нечто богопротивное. Темная власть утверждалась над темными душами.

Последний этап длился минут сорок. На лбу Доктора выступил пот. Но в голосе звучало удовлетворение. Он формировал у чеченца один пласт сознания за другим. Что происходило в эти минуты в мозгу «пациента» — не известно на земле никому. Методики воздействия по кодировке личности применялись уже полвека спецслужбами, а до этого были в ходу у сектантов и адептов религиозных течений. И все равно все эти приемы, технические устройства хотя и относились к числу наиболее охраняемых государственных секретов, значили не так уж много. Главным в процессе была личность кодировщика.

Доктор мял сознание «заготовок», как пластилин. И придавал им нужную форму.

Артемьев нервно царапал ногтем металлическую крышку стола, за которым сидел. Что это? Черная магия, или колдовство, или черт-те что... За всем этим стоял холод непознанного. Эта пропасть, в которую готов заглянуть далеко не каждый.

Наконец все было закончено.

— Так, сорок минут перерыва, — сказал Доктор, когда «трансформер» вышел в сопровождении охранников из помещения. Теперь чеченец походил на нормального человека, только воля полностью находилась в руках ведущего — того, на кого замкнул волевой блок Доктор. Ведущим был Артемьев.

Ученый и оперативный координатор прошли в комнату отдыха. Доктор приготовил наспех, как всегда, изумительный чай. Надавил на клавишу профессионального музыкального центра. Усиленная мощными динамиками, полилась музыка Бетховена.

— У тебя каждый раз разная музыка, — заметил Артемьев.

— Музыка — это гармоничные вибрации. После трансформации помогает восстановить целостное состояние сознания. А на тебя не действует.

— Не действует, — согласился Артемьев.

— В тебе нет ощущения вибраций, — произнес Доктор, пронзив кинжальным взглядом Артемьева насквозь.

— Я переживу.

— У Глеба есть такое чувство, — Доктор отхлебнул чай. — Глеб — способный мальчик.

— Кто же спорит.

— Возможно, попадись он мне раньше, из него вышел бы кодировщик. Неплохой кодировщик.

— Не думаю, что он согласился бы на это.

— Почему?

— Потому что серой от этих твоих занятий за версту тянет.

— Ха, — усмехнулся Доктор. — Православный и правоверный Глеб не пошел бы на игры с нечистым, так?

— Ну, примерно.

— Ерунда все это, Олег. Просто я владею определенной силой. У солдата есть автомат Калашникова, который за минуту выпускает шестьсот смертей. У меня другое оружие. Весь вопрос в том, на чьей я стороне. А наше дело правое.

— Мы победим. Но пасаран, — усмехнулся Артемьев.

— Я надеюсь, — серьезным голосом произнес Доктор. — Слишком дорого за все заплачено... Он прибавил звук:

— Все, не мешай. Я расслабляюсь. До завтра нужно отработать еще троих. Это тяжело.

— Умолкаю, — поднял руки Артемьев и откинулся в кресле. У него было ощущение что он устал не меньше Доктора, хотя ничего и не делал. Будто энергию из него всю высосали. Это плохо. Завтра он должен быть свежим, с работающим отлично котелком, способным принимать решения быстро и правильно.

Завтра определится исход операции. Или удастся пролистнуть несколько страниц из «Зеленой книги». Или они опять будут топтаться на месте неизвестно сколько.

«Пошли нам, господа, победу», — прошептал Артемьев едва слышно.

Кабан не видел в задании ничего слишком трудного. Соотношение — вложенный труд и прибыль — было более чем привлекательным. Пахан представить себе не мог, что за железо они должны изъять и зачем этот железо заказчику. Но платили за него столько, будто оно было из золота, это самое железо.

— Место точно это будет? — спросил Кабан на последней перед наскоком стрелке.

— Если не точно — тогда просто все отменится, — Произнес Гипнотизер равнодушно.

— И деньги мои медным тазом накроются?

— Кое-что перепадет за труды... Но слишком на много не рассчитывай.

— Правильно, — Кабан слегка поежился под тяжелым взглядом своего собеседника. — Товар-деньги-товар.

— Гляжу, в институтах не учился, а политэкономия знаешь.

— Вот на этой шее испытал ее, — Кабан хлопнул себя ладонью по широкому загривку. — Политэкономия эту.

— Хвалю...

Кабан, получив от Гипнотизера информацию о месте, куда привезут груз, выехал для проведения разведки. Оно затерялось среди заводских и портовых заборов на юге Москвы, в стороне от жилых районов и главных транспортных артерий. Его будто специально создали для темных делишек. На бетонной площадке ржавел старенький автобус без колес и стекол, вокруг раскинулась пустынная свалка, стояли ветхие, опустевшие строительные вагончики.

После разведки Кабан собрал на съемной хате своих пацанов, которых выбрал из всей банды

для участия в налете. Предстояло обсудить детали предстоящей развлекухи и роль каждого.

— В принципе, дело нехитрое, — инструктировал он своих бойцов. — Блокируем машину с грузом. Главное, чтобы груз не пострадал. Прижимаем сопровождение, если оно будет.

— Что делать с сопровождающими? — осведомился Афган — невысокий, плотный, напоминающий энергичного свиненыша, неустанно роющего носом землю в поисках желудей.

— Валим вглухую.

— А жмуров не много? — нахмурился осторожный Рыжий.

— Какая разница — один или десять! — воскликнул Кабан. — Главное — самим живым остаться... Аппаратуру и жмуриков — в фургон. И по трассе за Кольцевую... Там перегружаем товар заказчику, трупы хороним.

— Кордоны милицейские?

— Маршрут проработан — мы в любом случае мимо проходим... Работаем из бесшумного оружия. Афган, тут тебе карты в руки.

— Сделаем...

— И по двенадцать косарей на рыло — всем участвующим, — кинул Кабан кость своей братве.

— Без налогов? — с намеком спросил Афган, знавший нехорошую привычку Кабана при дележке вычитать из добычи расходы на оружие, транспорт, чуть ли не на бензин.

— Если только из налоговой придут, — хмыкнул Кабан. — Я налог брать не буду. Такой вот я хороший человек...

— Что там, золото? — спросил Рыжий.

— Всякая хрень, которая нормальному человеку без надобности. Аппаратура. Железо.

— А чего за аппаратура? Может, этот... психотронный генератор? — подал голос здоровенный Лось, который обожал желтую прессу.

— Лазер с мазером... Все, базар отставить, — хлопнул Кабан ладонью по столу. — Распределяемся, кто что тянет. Первая группа — Рыжий, Сутулый и Афган, берете груз. Гоша и Хмурый — разведка. И забота о сопровождении. Мы с Лосем на рации...

— Нужно детали проработать, — озаботился Рыжий — мелкий, подвижный парень двадцати пяти лет от роду, прирожденный киллер.

— Транспорт. Рации. Оружие — все обеспечено. Гера позаботился. Тачки нулевые, по ним нас не отыщешь... Вот план местности, — Кабан развернул лист, который занял весь стол. Над ним поработал Афган, в недавнем военный, владевший картографией.

— Стрелочки, квадратики, — хохотнул Лоб.

— Выставляемся здесь и здесь, — Кабан тыкал авторучкой в план...

Началось высчитывание деталей. Кто где выставляется. У кого какие позывные. Как отходят. Кабан любил планирование. И умел этим заниматься. Он предпочитал заранее просчитывать все варианты развития событий. Это неоднократно спасало ему и жизнь, и свободу.

Большинство пацанов скучали, слушая его объяснения, но он рычал на них и заставлял повторять снова и снова — где выставляется, как действуют, какие позывные. Все должно быть доведено до автоматизма.

— Тяжело в учении, легко в гробу, — поморщился Сутулый — тип, похожий на снежного человека. Вот только снежные люди не умеют водить машину. А Сутулый — мастер спорта по автогонкам. И может уйти от погони хоть на двух колесах.

До последнего момента Кабан со страхом ждал, что заказчик даст отбой. Очень уж нужны были эти деньги. И за них Кабан готов был уложить народу, сколько потребуется.

В назначенное время Гипнотизер позвонил и сообщил:

— Все без изменений.

— Ну что, броня крепка? Идем в бой...

— Идем, идем...

Не зря Кабан долбал своих пацанов, заставляя, чтобы порядок действий от зубов отскакивал. На место выдвинулись и заняли точки четко по графику, без накладок. Никто не наткнулся на бдительных ментов, не проколол себе шину, не попал намертво в пробку. Все были на месте и готовы к бою.

Кабан сидел на переднем сиденье старой «восьмерки». За рулем Лось осваивал газету «Аномальные известия». За глаза братва прозвала их машину зоопарком. Лось и Кабан в одном флаконе!

Сегодня у Кабана было какое-то странное нехорошее состояние. Угнетало ощущение неудовлетворенности собой и окружающими. Настроение не как перед хорошей потасовкой, а как перед принудительными работами по уборке картофеля... Он потер ладонями виски. Впервые за последние годы здорового образа жизни ему страшно захотелось задавить косячок. После марихуаны голова становится легкой и пустой.

— Черт, затылок тянет, — пожаловался он. — Какое-то состояние...

— Состояние нестояния... Сегодня у нас двадцатое, — Лось пролистнул газету. — Астрологический календарь. Ты у нас по знаку Стрелец. Во, сегодня для Стрельцов неблагоприятный день.

— Чего за бодяга?

— Во, слушай, что умные люди пишут. — Лось начал цитировать прогноз: — Неблагоприятный день. Возможны проблемы со здоровьем, обострения хронических заболеваний. Неудачи на любовном фронте.

Начатые служебные дела обречены на неуспех...

— Ты, чудо ходячее! — Кабан выхватил у Лося газету и скомкал ее с яростью. — Кто перед делом такое говорит?!

— Да ладно гнать-то, — смутился Лось.

— Большой, а глупый.

— Чего особенного? Гороскоп — он и есть гороскоп. Вот если...

— Заткнись...

На улице начало темнеть. Время прибытия груза приближалось.

Машина была выставлена в сторонке у единственной дороги, ведущей к месту прибытия груза. Мимо нее не проскочишь незаметным. Кабан взял сильный американский бинокль и посмотрел на бетонный пяточок. Стоящий на нем ржавый автобус приблизился и затрясся в окулярах.

— Ну, где же они? — заскучавший Лось не решался вернуться к газете.

— Начало десятого еще. А стрела у лохов на полдесятого. Пилить им издалека. Могут еще опоздать. Так что сиди и не трынди попусту.

— Молчу. — Лось зевнул во весь свой огромный рот и вытащил из ящичка бутерброд с толстым куском говядины. Впился в него зубами с видимым удовольствием.

— Мясо хавать вредно, Лось, — назидательно произнес Кабан.

— Мясо не ешь, хлеб не ешь, — с набитым ртом пробурчал Лось. — На газонах питаться?

— Глянь, — кивнул Кабан. — Вон «жигуль» какой-то пошел...

— Где?

— Вон справа.. Глаза разуй...

— Да вижу...

Зазвенел мобильник, лежащий на панели перед Кабаном.

— Да, — он схватил трубку и нажал на кнопку.

— Получатели груза в вашу сторону пошли, — слышался голос Гипнотизера.

— «Жигуль» какой-то мимо пяточка проехал.

— Это не получатель. Он сейчас будет на месте. Зеленый «Ниссан».

— Ты их сопровождаешь?

— Слушай, а не говори, — оборвал Гипнотизер. — Получатель беззаботный, как бабочка. Но вы особенно не расслабляйтесь.

— А сам груз?

— Будет и груз...

Как понял Кабан, у его нанимателя была бригада наружного наблюдения, которая прилипла к получателю, но не собиралась пачкаться в мокрухе.

— Вижу зеленый «Ниссан», — сообщил Кабан.

— А это он... Все, мои ребята отваливают в сторону. Теперь твоя работа, — Гипнотизер прервал связь.

Через пятнадцать минут показался грузовик — «КамАЗ» с тентом.

— Груз! — Сердце в груди Кабана забарабанило.

— Ха, — плотоядно улыбнулся Лось. — Покойнички приехали...

Феликс любил такие игры. Он любил играть с игроками, а не с бессловесными жертвами. Нет никакого почета быть хитрецом среди лохов. А вот стать самым хитрым среди хитрецов — дело другое.

Работала противоположная сторона, в принципе, профессионально. Расставились грамотно. Взяли под контроль место передачи радиоактивного груза. Но действовали чересчур самонадеянно, не слишком хоронясь. За что и получают урок. Скорее всего, последний в их жизни.

— Еще одну машину засекали, — доложил по рации с кодированным каналом связи наблюдатель. — В салоне двое.

— Уверен, что это они, а не парочка милуется? — спросил Феликс.

— Если и парочка, то «голубые»... Бойцы это. Две торпеды.

— Продолжай наблюдение. Только не лезь им на глаза.

— Принял... Вон еще одна машина нарисовалась...

Скромная синяя «Волга» двадцать четвертой модели, за рулем которой сидел Феликс, стояла в бетонном кармане. С одной стороны какие-то наваленные кучи гравия, за которыми тускло поблескивала водная гладь Москвы-реки, с другой — бетонные заборы. За все время ожидания мимо прошествовали только двое бомжей такого антисанитарного вида, что принять их за контрнаблюдение можно было, только обкурившись анаши. Бомжи проплелись к реке и исчезли в кустах навечно.

Ожидание длилось долго. Но Феликс привык к такому времяпровождению. Он, как крокодил, мог сутками и неделями напролет лежать корягой, чтобы неожиданным резким броском, которого никто не ждет, ухватить добычу. Конечно, позиция у его боевиков похуже, чем у «легионеров», — гораздо дальше от места предполагаемых активных действий. Но так и было задумано. Потому что их выход не первый, а второй. А для этой задачи все спланировано идеально. Машины расставлены так, чтобы за несколько секунд перекрыть противнику пути к отступлению. И боевики находятся на точках, откуда можно накрыть врага огнем.

Будет пальба. Но Феликса это не волновало. Главное — все делать в предельном темпе. Тогда ни противник, ни правоохранительные органы ничего не успеют предпринять. Наскок, удар — и раствориться в гигантском городе. Так было уже не раз. Правда, таких масштабных акций «Синдикат» не проводил уже давно, пожалуй, с прошлой войны с «Легионом». Предпочитал булабочные уколы, зато в самое сердце. Но сейчас настала пора в полную мощь побраться оружием. Овчинка стоила выделки.

Время приближалось. И на Феликса накатывало блаженное бойцовское состояние. Сердце барабанило тревожно и приятно. Кровь струилась по жилам более упруго. Сознание становилось яснее. Война — вот единственное достойное занятие для настоящих мужчин. Те, чья душа отдана войне, не променяют упоение ее ни на что другое на этом свете.

— Протащился контейнер, — объявили по рации. — Еще один...

Рядом с Феликсом на заднем сиденье «Волги» сидел худосочный немолодой техник. Перед ним лежал распахнутый чемоданчик с аппаратурой. Сканеры прощупывал эфир.

— Вот! — ликующе произнес он, наткнувшись на канал радиопереговоров. Связь была не засекреченная, слышно все было отлично.

— Журавль, прием... Готовьтесь. Лебедь, не расслабляться. Синица — готовность номер один.

Противник пользовался в качестве позывных названиями птиц. Просто и удобно.

— Теперь они наши до печенки, — усмехнулся Феликс. Радостное ощущение. И тут переиграл их. — Интересно, а петухи у них тоже есть?

— Не знаю. Сейчас услышим, — не поняв шутки, произнес слишком серьезный техник.

Переговоры активизировались. Противник выставлялся на позиции.

Опять потянулось ожидание. Противник тоже ждал. Только, на его беду, ожидание у него началось несколько позднее, поэтому он уже проиграл. Охота на охотника — самое любимое развлечение Феликса.

Со сканированных радиопереговоров можно было составить полную картину происходящего. Жаргон при радиообмене, все эти «синицы» и «куницы» выдавали школу армейского спецназа...

Итак, что там происходит... Появились покупатели.... Через несколько минут появился груз...

— Сейчас они уничтожат охрану и людей. И мы их берем, — произнес Феликс.

Техник пожал плечами. Его эти оперативные хитросплетения не касались. Он был не в том возрасте, чтобы глаза его алчно горели в предвкушении стрельбы. Он делал свою работу. Делал ее отлично. И получал за это отличные деньги. Место в штабной машине, подальше от зоны боевых действий, его вполне устраивало.

У Феликса все ходы расписаны. И когда он даст отмашку, налаженный и запрограммированный им механизм придет в движение.

— Синица, Коршун, вперед! — слышался радиоперехват.

— Они начали, — улыбнулся Феликс. — Подождем. Наш выход следующий.

В растрепанных чувствах Купченко шел по улице, задевая и расталкивая прохожих. Столкнулся с хачиком. Подвинул и не заметил толстую тетку с охалкой предназначенных на продажу носков. Вслед ему матерились, но не особенно громко. Фигура слишком внушительная. И кроме того, он имел вид самоуглубленного маньяка — никто не знает, что таких гложет — то ли идея осчастливить все человечество, то ли мысль уничтожить кого-нибудь из прохожих. От него исходили волны какой-то неопределенной нестабильности, окружающих это пугало...

Он сел в метро. Вагон был почти пустой, но Купченко не стремился плюхнуться на сиденье. Он стоял держась за поручни, застыв, как античная статуя, и пялясь бездумно в рекламу самого чисто чистящего порошка. И незаметно было, что его хоть в какой-то мере колышет окружающий мир.

Несколько остановок он задумчиво пялился на пролетающие в темноте размазанные огни туннеля. Потом осознал, что проехал свою остановку, пришлось выходить и пересаживаться на обратный поезд. Вернулся на две остановки. Пересел на другую ветку и, наконец, добрался до цели.

Выйдя из метро в шумный московский вечер, Купченко огляделся мрачно. И двинул в сторону

облюбованного им кафе «Каприз».

Обслуживала его та самая официантка, которой он мерил ауру в свое прошлое посещение этого заведения.

Она поздоровалась, кокетливо поправила пышную прическу и зачем-то проверила, застегнута ли пуговица на белой накрахмаленной форменной блузке.

— Как сейчас моя аура?

Купченко рассеянно посмотрел на нее. Узнал. Взгляд его немного просветлел. Он провел руками, повторяя очертания вполне привлекательной девичьей фигуры. Сделал несколько пассов, прикрыв глаза. И сообщил диагноз:

— Истоцилась.

— Почему?! — чуть не подпрыгнула девушка.

— Не знаю. Видимо, кого-то подпитывали своей биоэнергией. Всю ночь. Так бывает.

— Точно. Кровосос этот из меня все силы высасывает. И чего он мне... — задумалась о чем-то своем. — А как бы мне подпитаться энергией? От кого? — томно и многообещающе посмотрела на ученого.

Тот вскользь взглянул на нее. Провел руками. И сделал заключение:

— От дуба. Это ваше дерево.

Выражение лица официантки стало кислым. Она пожала плечами и резко отчалила от столика, шепча под нос:

— Сам ты дуб.

Он начал потреблять пищу, как-то механически двигая челюстями, похоже, не ощущая вкуса еды. Запивал негазированной водой. Пару раз тянулся к мобильному телефону, но звонить не стал.

Без всякого аппетита доел второе блюдо. Потом все-таки решился взяться за телефон. Поднес к уху маленькую изящную коробочку с цветным дисплеем. И спросил:

— Саша. Ну что, ты встречаешь груз? Не опаздывай... Хорошо, давай...

Позвонил по другому номеру.

— Когда ты будешь, Ник? Я сам не подъеду. Сашок вместо меня... Он встретит, груз на склад отвезет. Встреча, где договаривались. Чего в такой дыре? Чтобы не потерялись. И тебе по дороге все равно. Сами вы склад не найдете... Он там поблизости... Да ладно, не шуми... На склад все скинете... И сегодня обратно. Привет родному городу...

Купченко просидел в кафе еще полчаса, задумчиво потягивая минеральную воду и иногда водя рукой, ощущая течения энергии. Подозвал официантку. Та надулась, смотрела на него подчеркнута презрительно, но с некоторой надеждой.

— Счет, пожалуйста, — попросил он.

— Пожалуйста, — фыркнула она, протягивая счет. Он расплатился, округлив счет.

— До свидания.

— Счастливого пути, — скривилась официантка и упорхнула к следующему клиенту. Купченко озадаченно посмотрел на нее, и его губы тронула легкая улыбка.

Он вышел на улицу. И неторопливо двинулся пешком. Солнце закатилось за дома, очертания предметов приобрели вечернюю четкость. Звенела гудками и моторами улица, переговаривались люди. Гремела из окон музыка. Какая-то модная певица надрывалась, будто кошку дергали за хвост, притом клещами:

«Позови меня я приду. Не зови меня — я уйду...»

Через пятнадцать минут он подошел к подъезду, в котором снял квартиру после того, как хуже горькой редьки надоела стерильная и скучная гостиничная обстановка, приложил магнитный ключ к гнезду.

— Подождите, пожалуйста, — подскочил к нему неопределенного возраста мужчина. — Ключ забыл.

— Что? — Купченко кинул рассеянный взор на мужчину. — А, да, конечно...

— Вы здесь живете? — мужчина не умолкал. Он, похоже, относился к общительным живчикам, обожающим доставать своим благодушием знакомых и незнакомых людей.

— Нет, квартиру снимаю.

— А я на девятом этаже. В прошлом году квартиру купил. Они тогда дешевле были. А сейчас такую уже не купишь...

Треща, как пулемет, туземец дошел до лифта. Гостеприимно распахнулись механические двери.

— Мне девятый, — снова напомнил мужчина. — Вам какой?

— Пятый, — рассеянно произнес Купченко.

— Прекрасно... Меня зовут Виктор, — он посмотрел ученому в глаза и положил руку на плечо, когда они стояли близко друг от друга в тесном лифте. — Я хороший человек. Я очень хороший человек. Я ваш друг...

Купченко попытался сбросить мягкой тяжестью навалившееся на него оцепенение. Но у него ничего не получилось...

Все предосторожности оказались излишними. Жертвы оказались натуральными лохами.

На голубом седане «Ниссан-Максима» прибыло двое получателей. Они прождали с четверть часа. Пассажир курил, присев на капот. Водитель сидел за рулем, распахнув дверь и время от времени озирался.

Наконец послышался рев. Обогнув вставший на вечный прикол ржавый автобус, на пяточок въехал «КамАЗ» с тентом. Номера были военные.

На асфальт из кузова выпрыгнуло двое охранников с помповиками, которые начали бестолково озираться и изображать активную деятельность. Кабан с первого взгляда определил, что охрана наемная, профессиональной работе не обученная и единственно озабоченная тем, чтобы пустить клиенту пыль в глаза. Из кабины вылез высокий, сухощавый мужчина в коричневом костюме и при галстукке.

— Чудо. По трассе переть на грузовике через всю Россию в таком виде, — Кабан навел на обладателя коричневого костюма бинокль.

— Урод, — согласился Лось.

Охранники продолжали вести себя, как полные лохи. Теперь они стояли, расставив широко ноги, и пялились куда-то перед собой, не слишком обращая внимания на окружающее.

— Синица, Коршун, вперед! — произнес в эфир Кабан. — Начинаем...

На дороге появился неторопливый «жигуленок»-«семерка». Неожиданно он резко набрал скорость и свернул в сторону пяточка. Затормозил. Из него выпрыгнули двое с автоматами. С другой стороны показались еще двое — Афган и Сутулый, до того мирно сидевшие в дренажной трубе.

— Оружие на землю! — скомандовал Афган, выразительно взмахнув автоматом Калашникова с укороченным стволом. — Быстро!

Как-то медленно, неохотно, без интереса один из охранников, по виду явно кавказец, стал поднимать помповик. Не успел. Хлопнул выстрел, и охранник, как кегля, повалился со стуком на землю. Его напарник, взглянув на него вскользь, бросил на землю свое оружие. Остальные послушно подняли руки.

— Из машин вон! Тихо, чтобы нас не нервировать! — прикрикнул Афган.

Водитель нехотя покинул «КамАЗ». Куда более расторопный шофер «Ниссана» уже стоял, вздернув повыше руки, чтобы, не дай бог, никто не заподозрил его в агрессивных намерениях.

— Поехали, Лось, — велел пахан.

Лось послушно тронул машину. Остановил ее перед «КамАЗом». Кабан распахнул дверцу и ступил на асфальт, выгнувшись и разминая затекшие мышцы.

— Порядок, — проинформировал Афган. Кабан подошел к пленным, стоявшим в ряд перед грузовиком. Взял того, что в галстук, за подбородок.

Посмотрел в глаза. В них не было и следа страха и отчаяния. Вообще никаких чувств. Кабану стало не по себе.

— Откуда груз? — спросил он.

— Из Снежанска-11, — произнес глухо «галстук».

— Что там?

— Какое-то оборудование.

— Какое?

— Вон у него спросите, — кивнул «галстук» на приземистого качка, прибывшего на «Ниссане».

Кабан запрыгнул в кузов. Там стояли металлические зеленые ящики. Вскрыл один. Тускло сверкнули никелированные предметы. Афган залез следом. Зажег карандаш-фонарь. На предметах высветилась маркировка.

— То, что надо, — удовлетворенно кивнул Кабан.

— Кончаем? — негромко спросил Афган, чтобы не слышали те, кто был подготовлен на заклатание.

— Все уже решено.

Афган мягко, по-кошачьи, спрыгнул из кузова на асфальт и вполне мирно изрек:

— Не бойсь, братва. Все нормально будет. Вы люди подневольные. Мы же в понятиях, не по беспределу... Вон там выстройтесь, чтобы нам не мешать.

Пленные послушно встали в рядок туда, где сказали, — рядом с врастающим в асфальт ржавым автобусом.

— Лицом к автобусу поворотитесь, — велел Афган.

И это приказание было исполнено.

Афган кивнул Рыжему. Тот вытащил пистолет с глушителем и выстрелил в голову «галстуку». Потом охраннику. Шофер «КамАЗа» обернулся. И Афган, взиравший на то, как его помощник споро и быстро делает грязную работу, напоролся на совершенно вялый взгляд убиваемого человека. И от этого пустого взгляда, в котором не было главного желания человека — жажды жизни, стало дурно, к горлу подкатила тошнота. Что, черт возьми, происходит?!

Рыжий, кажется, тоже почуял неладное. Рука его дрогнула, и пуля вошла не в голову, а в грудь жертвы.

Шофера «КамАЗа» откинуло всей мощью вырвавшегося из канала ствола свинца. Но он выпрямился. Глаза его оставались пустыми. Схлопотал еще пулю. И на этот раз угомонился.

— Вот петух! — выругался Рыжий. Смутился он лишь на миг. Но тут же собрался и четко доделал свою работу. Выщелкнул опустошенный магазин. Вставил другой и сделал по контрольному выстрелу. Вытер рукавом вспотевший лоб. И радостно хохотнул. Всегда после того, как он отнимал чужую жизнь, на него накатывала волна блаженства. Появлялось дьявольское ощущение собственного всемогущества.

Сутулый начал карабкаться в кабину «КамАЗа». Ему предстояло отогнать грузовик в заранее присмотренное место и там перекинуть груз.

Он поставил ногу на подножку. Приподнялся, уцепившись за скобу. Примерился, как поуютнее пристроить свое сидалище на мягком сиденье. И вдруг почувствовал тупой удар спину. Как-то не слишком это было болезненно. Несерьезно. Но потрянуло сильно. Потом он ощутил, что не владеет своим телом. Притяжение земли вдруг стало гораздо сильнее его. Падение спиной на землю ему казалось долгим... Страшный удар. И засасывающая темная воронка...

Следующая пуля пробила голову Лося.

Кабан, моментом понявший, что дело не то что пахнет керосином, а вокруг уже все пылает, прыгнул вперед, прячась за грузовик. Огляделся, не в силах понять, откуда по ним долбят. Ясно только было, что колотит снайпер.

Он бросился к своему «жигуленку». Распахнул дверь. Еще две пули разворотили радиатор. И в отчаянии Кабан понял, что это предупреждение — не дергайся, следующая пуля будет в лоб.

Хмурый послал длинную очередь в неизвестность. И упал, держась за простреленную ногу. Гоша пополз в укрытие за ржавый автобус.

Тут стремительно возник тяжелый черный автомобиль. Гоша выстрелил в него. Пули отскочили — бронестекло!

Кабан начал понимать, что такое настоящая война, когда противник занял командные высоты и ты у него как на ладони. Вот только как такое могло получиться?

— Черт. Прижали, — прошептал он. — Какие суки?!

Пуля чиркнула рядом с ним...

— Начали, — услышал в наушнике Стрелок, занявший на крыше опустевшего промышленного цеха выгодную позицию, и плавно вдавил спусковой крючок.

Он выполнял свои обязанности с видимым удовольствием. Работа снайпера — немножко странная. Это дистанционная смерть, когда ты можешь увидеть в перекрестье прицела искаженные ужасом и болью лица, но они очень далеко. И кажутся всего лишь мишенями, которые валяются на землю по мановению твоей руки.

«Цель отработана» — после удачного выстрела следует доклад.

Именно цель, а не человек. Именно отработан, а не убит. Обыденная работа. Стрелок проделывал ее и в Югославии, и в Чечне. Сколько было таких целей? Он вел тщательный подсчет. Но помнил не людей, а условия стрельбы — освещенность, поправку на ветер, используемое оружие. «Цель отработана»...

Ничего сложного в сегодняшней акции не было. Командир намекал на то, что ребята, по которым предстоит работать сегодня, представляют опасность. Они профессионалы... Вот только особых профессионалов что-то не заметно. Были палачи, умеющие дырять жертвы в упор с обязательным контрольным выстрелом. Они себя считали хозяевами чужих жизней, не зная, что Стрелок уже приготовился отрабатывать цели.

Он помнил инструктаж. Пленных взять желательно, но не обязательно. Выключил последовательно тех, кто могли отойти к кустам и реке. Оставил тех, которым не уйти с отлично простреливаемой бетонной площадки. Из них двоих ранил. Одного оставил целым. Куда он денется, как выскользнет из перекрестья прицела? Никак!

В ухе голосом инициатора акции жужжала таблетка наушника:

— Так, блокируйте объект-3... Отстреливается? Снять... Первого берите. Живьем брать!

На площадку неторопливо вырулил бронепоезд — машина с пуленепробиваемыми стеклами. И участь распластавшихся на пяточке целей была решена.

Стрелок моргнул, быстро смахнул выступивший пот, лезущий в глаза. И снова уставился в перекрестье прицела, в которое последние годы всегда наблюдал самое интересное в своей жизни.

— Не стрелять, — послышалось указание старшего.

Кабан быстро смекнул, что отбиться нет ни малейшей возможности. Равно как и уйти огородами. Он встал и поднял высоко руки. Универсальный жест с самых древних веков, означающий: рука пустая, меня нечего бояться, я сдаюсь на милость победителя. Только раньше времена были другие. Ныне милость победителя и честь встречаются редко.

Из черной машины неторопливо вылез широкоплечий, невысокий — вширь больше, чем в высоту, тип с лицом, изрезанным страшными шрамами. Он подошел к пахану. Врезал от души в солнечное сплетение. Удар был профессиональный и страшный по силе. Так его с одного тычка еще никто не сшибал.

Когда в глазах просветлело и вернулась способность дышать, Кабан ощутил, что его приподнимают за шиворот, как нашкодившего щенка.

— Ну что, волк, — хмыкнул широкоплечий. — Теперь ты наш... С потрохами...

— Падла, — нашел в себе выдавить вместе с воздухом и горечью в горле Кабан.

И получил еще один удар.

Невдалеке валялись еще живые Хмурый и Гоша. Автоматы они благоразумно закинули подальше и теперь плющили морды об асфальт.

Подкатила еще одна машина — старый «Фольксваген». Оттуда вылезли новые вооруженные люди. Широкоплечий поручил им позаботиться о пленных. А сам подошел к грузовику. Залез в кузов. Оглядел ящики. Наткнулся на маркировку на металлическом корпусе одного из них и произнес в рацию:

— Третий на связи... Тут контейнер. Со значками такими — радиоактивные материалы.

— То, что надо, — послышался через эфир ответ. — Берем. И уходим...

Подкатил фургон с просторным кузовом. Бойцы быстро перекидали в него ящики. Широкоплечий поставил мину с замедлением на полчаса под днище «КамАЗа». И сообщил по рации:

— Все нормально.

После чего направился к своему броневнику.

И тут мир раскололся с треском.

Широкоплечий ничего не успел понять. Его накрыло мимолетной волной боли и темноты.

Взрывом смело и боевиков, и машину. Бронеавтомобиль протащило пару метров, поставило на два колеса, и он ухнул обратно на все четыре. Заряд был солидный.

Секундой позже Стрелок, вздрогнувший от вспышки и грохота, растерянно оглядел из своего укрытия место боя. И вдруг понял — пора сматываться отсюда!

Он вскочил на ноги. Отбросил винтовку, которую все равно предстояло сбросить.

Грохот. Его кинуло на бетон. Иссекло осколками. Он успел понять, что взорвалось — небольшой бетонный блок, в который был замурован заряд тротила с радиовзрывателем. И ощущение безмерного удивления и обиды на несправедливость такого расклада было сметено волной боли...

Из своей «девятки» Феликс увидел пламень взрыва и услышал гром.

Думать он долго не стал. Он понял то, что понял и Стрелок, — надо быстрее делать ноги. Промедление будет стоить ему жизни.

— Ну, теперь держись! — кинул он технарю, врубая сразу вторую скорость и вдавливая педаль газа почти до пола.

Эфир в очередной раз взорвался радиопереговорами. На этот раз режим радиомолчания был нарушен третьей стороной, игравшей сегодня в эту странную смертельную игру.

— Объект «Альфа» уходит, — послышалось сообщение.

— Все по плану, — успокоил Артемьев, руководивший операцией из штабного фургона. — Не суетитесь. Он под контролем. Третьего зачищайте.

Потянулись ставшие вдруг резиновыми секунды. Сейчас каждая из них могла стать для кого-то роковой. Группа нейтрализации «Белого Легиона» начала окончательную зачистку бойцов «Синдиката»...

Боец по кличке Седой, которому Феликс поставил задачу контролировать возможный отход противника в сторону реки, после взрыва понявший, что творится неладное, спрыгнул с ржавой металлической фермы. И стремглав бросился в сторону зарослей.

Он услышал хлопки. Промокший песок под его ногами начал взрываться фонтанчиками. Пули тонули в почве.

— Стоять, сука! — послышался крик.

Еще недавно выгодная дислокация Седого стала для него ловушкой. Обидно, когда охотник становится жертвой.

Седой замер. У него было два выхода. Резко обернуться, присев одновременно на колени, и выстрелить на звук. Была доля процента, что выстрел окажется удачным. Но это хорошо для американских боевиков. Он не видел противника, а сам представлял из себя идеальный пулеулавливатель. Учитывая, как умело они подобрались вплотную к нему, человеку, знавшему толк в ратном деле, можно быть уверенным, что шанса ему не оставили.

Когда работаешь за деньги, а не за идею, умирать не хочется особенно. И Седой отбросил автомат.

Двое возникли откуда-то из кустарника, как черти. Они держали его на мушке.

— Все, сдаюсь, мужики! — поднял Седой руки. — Ваша взяла!

— Наша всегда берет. На землю. Руки за спину. Дернешься — валим.

Седой послушно выполнил приказ. В его запястья впились браслеты наручников. Приземистый «черт» извлек из-за его пояса пистолет.

Еще один боец «Синдиката», не успевший вовремя сориентироваться в обстановке, получил свою пулю. И угомонился.

«Фольксваген», который не достала взрывная волна от взлетевшего на воздух «КамАЗа», тронулся с места. Но его прошили из ручного пулемета. Машина ткнулась в бетонный куб у дороги и замерла.

Феликс не видел всего этого. Но он знал, что его людей сейчас безжалостно уничтожают. Им спасения нет. А он еще может уйти.

Он крутанул руль, и «Волга» сорвалась с дороги вниз, покатила по крутому склону.

Технарь вскрикнул от боли, ударившись лицом о свое же колено. Из рта его потекла струйка крови.

— А, черт! — завопил он.

Чудом не перевернувшись, машина скатилась по склону и устремилась по бездорожью, подпрыгивая на ухабистой, поросшей чахлой травой каменистой почве, лавируя меж старых автомобильных шин, бетонных обломков, ржавых баков. Дотянуть бы метров семьсот, поближе к трассе и жилмассиву. Там можно бросить машину. Или прорваться на ней.

В душе Феликса бушевала буря. Его обвели вокруг пальца! Как щенка. Подставили обманку! Он и купился!

Колеса синей «Волги» месили грязь, разбрызгивали мутные, ядовитые лужи. С зубовным скрежетом пустая искореженная бочка процарапала крыло.

— Куда? — прошипел технарь, сплевывая кровь.

— Обложили, сволочи! Вырвемся...

«Волга» вывернула на узкую дорогу, идущую вдоль глухого бетонного забора. Пусто. Только смотрят вслед ошарашенные бомжи, до того мирно копошившиеся в отбросах.

До спасения оставалось немного. Феликс надал газ.

Стоявший у обочины старый, казалось, навечно покинутый самосвал вдруг резво рванулся вперед, подрезал легковушку. Бац! «Волгу» развернуло. Она проехала немножко на двух колесах и перевернулась, прижавшись с треском к бетонному забору.

Феликс на миг потерял сознание. Но быстро пришел в себя. Тряхнул головой, которая отозвалась резкой болью. Выполз из перевернувшейся машины.

Котелок варил тяжело. И, главное, уже не было желания сопротивляться, бежать, куда-то стремиться. Он потерпел поражение...

Его подхватили. Обшарили. Подняли. Защелкнули наручники.

— Вы кто? — спросил он.

— Прошу к нашему шалашу, — с этими словами его толкнули в подоспевший «Москвич».

— А так хорошо начиналось, — прошептал Феликс.

Охотник на охотников сам стал жертвой. Бывает. Редко, но бывает.

Он закусил губу и ощутил во рту вкус собственной крови...

— Мы с тобой одно и то же, — внушал Гипнотизер, склонившись над утопающим в кресле ученым. — Твои желания — это мои желания. Мои стремления — это твои стремления.

Голос его журчал, как вода.

— Мои стремления — твои стремления, — повторил послушно обрабатываемый.

Гипнотизер удовлетворенно кивнул.

— Ты сильный. Ты преисполнен энергии. Ты можешь все.

— Я могу все...

— Ты стремишься покорить этот мир. Ты можешь летать. Ты можешь парить. Ты можешь все.

— Я могу все.

Купченко впал в транс, и Гипнотизер сейчас играл его чувствами, как жонглер шариками. В первый миг контакта была опасность не попасть в резонанс. Клиента, не обработанного психотропами, трудно рывком взять под контроль. Необходим мощный ментальный удар, ломающий защиту сознания клиента. Гипнотизеру это удалось. И теперь человек был в его полной власти.

Упоение властью над чужой душой охватило Гипнотизера. Он вошел в резонанс с этим человеком. И тот расставался со своей волей. Слова Гипнотизера змеей вползали в душу жертвы, лишая связи с действительностью, отнимая свободу воли. Это было наслаждение.

— Ты можешь остановить солнце, — внушал Гипнотизер. — Или подвинуть луну. Ты можешь прервать одним движением руки бег поезда. Машины. Сдернуть с неба самолет.

— Я могу все...

— Ты не только можешь. Ты хочешь это сделать. Твоя сила ждет выхода. Твоей силе нужна проверка.

— Моей силе нужна проверка.

Это был один из безотказных сценариев — как преодолеть инстинкт самосохранения, который не поддается коррекции даже под гипнозом, и заставить человека уйти из жизни.

Все будет выглядеть очень просто. Купченко, личность ученая, а значит, рассеянная, не от мира сего, выходит из квартиры. Идет погулять. Какой-то леший несет его на ближайшую железнодорожную станцию. В двадцать один десять по расписанию подойдет электричка. При подходе поезда ученый делает шаг, будто у него мутнеет сознание, и оказывается на рельсах. Результат — летальный. Народу там достаточно, чтобы подтвердить — никто его с платформы не толкал.

Затуманенное же сознание объекта будет пребывать в уверенности, что сверхчеловеку под силу рукой остановить поезд.

— Тебе пора, — Гипнотизер поставил последнюю точку в двадцатиминутной обработке. — Ты должен испытать себя.

— Мне пора, — кивнул Купченко.

— Мы выходим.

— Мы выходим.

И вдруг в глазах Купченко мелькнуло что-то незапланированное, какой-то проблеск сознания. Гипнотизер напрягся. В первый миг он решил, что блокировка сдала сбои и нужно еще немножко подработать. Он уставился в глаза...

— Тебе тепло и спокойно, — начал снова ворковать он, пытаясь вернуть ослабевший контакт. И вдруг запнулся на полуслове, ощущая, как на лбу выступает холодная испарина и страх прокатывается по телу холодной волной.

Озарение обрушилось неожиданно. Гипнотизер понял все. И еще понял, как ему хочется жить...

Он рванулся вперед и нанес страшный рубящий удар ребром ладони по горлу. В лучшем случае такой удар должен был вырубить противника на несколько минут. Бил Гипнотизер четко, профессионально и смертельно.

А рука ушла в пустоту.

Второй удар ему нанести не дали. Купченко завалился вместе с креслом вправо, скользнул на пол, одновременно делая подсечку. Смел с ног Гипнотизера. Прodelав акробатический кульбит, сам оказался на ногах.

Все было выполнено настолько быстро и безукоризненно, что Гипнотизер в отчаянии осознал — перед ним боец экстра-класса.

Издав нечленораздельный звук, Гипнотизер откатился в сторону, попытался провести из лежачего положения удар ногой. Нога провалилась в пустоту.

Он так и не понял, как его вырубил. Но когда терял сознание, возникла с быстротой молнии мысль: «Это случилось. Все, проиграл».

— Как вы нас сделали? — угрюмо спросил Феликс, смотря на Глеба.

— А вы уверены, что действительно хотите это знать? — поинтересовался тот невинным тоном. Феликс усмехнулся и покачал головой:

— Нет. Не хочу.

— Это правильный ответ, — кивнул Глеб.

Феликс прекрасно понимал, что в его положении чем меньше знаешь, тем больше возможностей продлить свое земное существование. Излишние знания не только тяготят голову, но и могут привести к ее ампутации.

Настроение у «легионеров» было благостно-приподнятое. При сложных многоходовых комбинациях очень велик шанс, что все сорвется из-за нелепой случайности. Но на этот раз все прошло идеально, гладко, хоть сейчас в учебник по спецоперациям.

Противнику был поставлен мат. Во всяком случае, в этой партии. Партия не последняя, будут еще, но сейчас победа особенно важна.

Перед «Легионом» стояли две первостепенные задачи: вычислить Гипнотизера и нанести удар по «Синдикату». Возникла идея решить эти проблемы одним махом.

Итак, первоначальная расстановка фигур в этой партии. У «Легиона» есть несколько пешек, которые могли стать проходными, и позиционное преимущество. Его аналитики пришли к однозначному выводу, что «Луддиты» часть информации о передовых технологиях черпают из фонда «Технологии, XXI век», скорее всего, через свою агентуру там. Прошлые руководителей и сотрудников фонда «Технологии, XXI век» просветили, как икс-лучами, — без толку. Все биографии стандартные — родился, учился, крестился, не привлекался, улицу в непопленном месте не переходил, самый большой криминал за душой — ночевка в вырезвителие...

Как изобличить агентуру противника? За многотысячелетнюю историю у тайных служб наработана богатая практика. Но большинство способов сводится к созданию условий, когда агент не может не проявиться. В основном это сброс информации, на которую противник не может не отреагировать.

Нужна была хорошая наживка, мимо которой «Луддиты» просто не имеют права проплыть. Тогда Зевс вспомнил о проекте «Голиаф», который в восьмидесятые годы был известен чрезвычайно узкому кругу ученых-оборонщиков, армейских чинов и представителей спецслужб. Тогда на нее возлагались серьезные надежды в изнурительной гонке военных технологий между двумя сверхдержавами. В ту пору оборонка хватала на лету самые безумные идеи. То, с чем гнали взашей из академических институтов, за что предавали анафеме в научных журналах и на научных советах.

Проект «Голиаф» начался с того, что небольшой научный коллектив разрабатывал, не считаясь со временем, здоровьем и научной карьерой, тему «Нестабильные свойства композитных материалов в условиях низких температур» в Новосибирске. Когда ученые стали выступать со своими идеями перед научной общественностью, то были принародно выдраны, высмеяны и лишены финансирования. После этого пятеро молодых людей получили предложение, от которого не отказываются. И перекочевали в филиал Института ядерных исследований в одном сильно закрытом уральском городке.

Лаборатория по данному «Проекту» проработала пять лет. Идея, сулившая человечеству золотой век, оказалась тупиковая. Хотя оборонщики были в целом довольны. Вложенные средства окупались, поскольку в ходе работы возникло несколько побочных линий исследований, позволяющих улучшить наведение баллистических ракет и некоторые характеристики ядерных подводных лодок. Однако уже наступало время, когда стране окажутся ненужными ни ракеты, ни лодки. Великая империя готовилась к сдаче в «холодной войне».

Завершился проект тем, что документацию похоронили под грифом «сов. секретно». Ураганные ветра перестройки разметали практически весь научный коллектив, кроме двух человек, попавших в поле зрения «Белого Легиона».

Эта научная разработка идеально подходила в качестве наживки, на которую обязательно клюнет солидная рыбина. Первоначальные выводы выглядели убедительно и сулили технологический прорыв. И слишком много усилий и времени требовалось, чтобы прийти к выводу — это тупик.

Оставалось дело за малым — провести внедрение оперативника. На эту роль выбрали Глеба. Легенду ему готовили хотя и наспех, но со всей тщательностью. Уложились менее чем в месяц. И вот в Москве из сибирской глубинки возникает Парамон Купченко — личность экстравагантная, странная, с тараканами в голове. В его рюкзаке безумная научная разработка. И еще рекомендации от вице-президента Академии наук.

Имидж ученого-маньяка сработал. Никому в голову не могло прийти, что это подставка. Одним своим видом Глеб, блестяще сыгравший эту роль, отбивал все подозрения. В «Технологиях, XXI век» его приняли хоть и с настороженностью, но вполне серьезно.

Итак, ход номер один «Малой конторой» сделан.

Ответный ход противника — и он попадает в ловушку. «Луддиты» начинают проверку мифического Купченко, пытаются выяснить, есть ли такая лаборатория и такие люди. И запутываются в созданной «Легионом» во все еще закрытом сибирском городишке системе дезинформации — в подставных организациях, документах, свидетелях. Гипнотизер берет «сибирское чудо» в работу. Если бы он знал, что с этого момента он обречен играть в игру по чужим правилам.

Следующий ход — ввод в игру «Синдиката». Для этого у «Малой конторы» имелась пара проходных пешек. Те самые, от которых резидент генерала Войченко получил информацию о «Легионе». Выявленная утечка создает простор для дезинформации, и грех этим не воспользоваться. В результате у руководителей «Синдиката» удалось создать уверенность,

что «Легион» собирается с боем завладеть партией радиоактивных веществ и высокотехнологичной продукцией, похищенной из ядерного центра в Снежанске-11.

Дальше пришла пора обострить ситуацию. Сума шедший ученый Купченко заявляет во всеуслышание что пора показать товар лицом и на днях он привозит Москву оборудование. Потом начинает нервничать узнав о судьбе группы Белидзе, ищет заговор. А упоминание о перспективе обнародования открытия в Интернете и о пресс-конференциях возымело свое действие — противник засуетился.

В этот момент фонд «Технологии, XXI век» был полностью обложен службами технического и физического контроля. Нельзя было пропустить момент, когда агент выйдет на связь, чтобы сбросить информацию хозяевам. Трудность состояла в том, что в век информационных технологий не обязательно пользоваться шпионскими штучками вроде спрятанных в дупле сосны контейнеров и зашифрованных записочек в унитазе на вокзале. Для этого существует Интернет. Поэтому к операции были подключены лучшие хакеры. Они и засекли сброс материала. Агент просто отправился в интернет-кафе и сбросил заранее зашифрованный блок информации на определенный сайт. И с этого момента был вычислен. Это уже победа. Начали прорисовываться конкретные фигуры до того неуловимых «Луддитов». Пока только пешки. Но до ферзя было не так далеко.

Угроза того, что технология начнет свое победное шествие, не могла оставить равнодушными хозяев Гипнотизера. И они вынуждены были отдать приказ на активную акцию — полную зачистку тех, кто имел отношение к теме — а их насчитывалось трое человек. Среди них лжеученый, которого играл Глеб, и еще двое сибиряков, находящихся под колпаком «Малой конторы». Все просто и обкатано не раз — люди уничтожаются, оборудование размельчается в порошок, лабораторные журналы — в огонь!

«Легионеры» не ошиблись в оценке возможностей «Луддитов». Гипнотизер без труда взял под контроль телефонные переговоры с сотового телефона лже-Купченко. И ежедневно выслушивал, как готовится отправка оборудования на Москву. Наконец пришла информация, где и когда ждать «КамАЗ» с грузом и кому Купченко поручил его встретить.

Место встречи как нельзя лучше подходило для силовой акции. Конечно, как профессионала это не могло не насторожить Гипнотизера. Однако объяснение, что место это назначено из-за близости складов, вполне удовлетворило его. Он сильно ошибся. И теперь каждый его шаг добавлял новых ошибок, которые становились фатальными.

Тут в «Синдикат» впрыскивается информация о том, где и когда «легионеры» планируют захватить груз из Снежанска-11. Координаты они получили те же, что до этого и Гипнотизер.

И вот начинается эндшпиль. Задумка простая и красивая. На точку прибывает некий «КамАЗ», там же оказываются встречающие и сопровождающие лица. Боевики, которых привлекает для акции Гипнотизер, завладевают грузом и уничтожают все живое. При этом заказчик свято уверен, что это тот самый груз, который ждал сумасшедший ученый.

Боевики «Синдиката» из засады смотрят на расправу, уверенные, что это «Белый Легион» наводит социальную справедливость. А потом начинают действовать сами — захватывают груз и пленных, которых считают функционерами «Белого Легиона». Им невдомек, что бьются они всего лишь с бригадой отморожков под предводительством Кабана.

Поскольку бойцы «Синдиката» заранее готовились именно к такому развитию событий, естественно, они берут верх. В таких случаях дичь, даже которая недавно считала себя охотником, обречена.

Но и им было невдомек, что единственно, кто видит позицию на поле в целом, а не по фрагментам, это оперативники «Легиона». Настоящие оперативники, а не подставные.

Ну а затем дело техники. Имея фору во времени, средствах и информации, «легионеры» тщательно и с толком подготовили место битвы. Установили где только можно видеопередатчики, дающие изображение местности, оборудовали пункты наблюдения, огневые точки. Расставили несколько десятков мин с радиовзрывателями в местах вероятного выставления снайперов противника. И растворились на местности, используя все хитрые спецназовские способы маскировки.

Узкое место в плане — первоначальная подставка машины с ящиками, забитыми малопонятными устройствами, которые при ближайшем рассмотрениигодились лишь для кружка умелые руки. Люди, которые выдвинутся на «КамАЗе» на точку встречи, обречены. Им не выжить ни при каких условиях. Вопрос возникал — кого не жалко. Естественно, подставлять своих бойцов «Белый Легион» не мог. Использовать кого-то втемную и обречь на смерть — тоже не лучший выход. Посторонние люди могут выкинуть какой-нибудь номер, который смажет всю операцию. Да и слишком серьезно в «Малой конторе» относились к этическим моментам. Это было не морализаторство и не ханжество. Четкие этические постулаты могли уберечь «Легион» от превращения из некоего подобия тайного, ордена в обычную банду.

Как решить эту проблему? После последних силовых акций в подвалах «Малой конторы» накопилось достаточно человеческого материала. Доктор закодировал пленных на простейшие действия: доставить груз, подождать и сдаться противнику при первой возможности.

Все проиграно было как по нотам. Кабан поубивал ничего не соображающих зомби. «Синдикат» уничтожил банду Кабана. А «Белый Легион» зачистил оставшихся. В плен взяли лишь двоих, которых посчитали за руководителей операции. Ими оказались техник с Феликсом.

Теперь Феликс сидел на допросе у Глеба и своей судьбой был сильно опечален. Слишком часто в подобных ситуациях он выступал в совершенно противоположной роли — он хозяин положения, а те, кто сидел напротив него, находились в его власти. И он решал — жить им или умереть. Решения принимал всегда исключительно из соображений логики, а не этики или каких-либо чувств. Чувства вредят делу. Теперь же он знал, что с ним тоже поступят по логике. И это знание усугубляло ощущение обреченности.

— И что нам с вами делать дальше? — задумчиво посмотрел на него Глеб. — Генерал Войченко без вас как без рук будет.

— Он меня меньше всего заботит, — криво улыбнулся Феликс. — Он в нашем оркестре не первая и даже не вторая скрипка.

— И уж никак не солист.

— Не солист... Давайте не будем играть в психологические этюды — я их отлично знаю. Побережем время. Я в ваших руках. Весь, с потрохами. Готов выдать любую информацию. И оказать любую помощь... Естественно, в обмен на гарантии безопасности.

— Неужели?

— У меня нет иного выхода.

— Вы правы. И все-таки прилично ли так быстро сдаваться?

— Вы хотели видеть комсомольца на допросе? — с горечью произнес Феликс, тщетно пытавшийся сохранить лицо и придать голосу иронии. — Чтобы меня не сломили никакие пытки?

Глеб усмехнулся.

— Я профессионал. И отношение к жизни у меня профессиональное. Работая на «Синдикат», я получал толику денег и власти. Не больше. И я не собираюсь отдавать жизнь за корпоративные интересы.

— То есть идеи у вас нет, — отметил Глеб.

— Какая идея, вы смеетесь? Верность нашей олигархической верхушке, да? Или политическим аферистам, которые заказывают в этой дерьмовой стране музыку... Они меня кормят, но это не значит, что я задумаюсь хоть на секунду, если встанет необходимость разрядить в них пистолет.

— Ну что же, начинаем готовить серию фильмов.

— Каких фильмов?

— Будете наговаривать под видеозапись все, что знаете.

— Я понимаю, — поморщился Феликс. — Хорошо, я согласен...

И начались съемки сериала под названием «Откровения раскаявшегося мафиозо». Точнее, припертого к стенке мафиозо. В «Синдикате» он был не последней спицей в колесе. Знал много и закладывал своих товарищей по оружию охотно. Но видно было, что все-таки он утаивает нечто. Оставляет какие-то козыри в рукаве.

На третий день Феликс развел руками:

— Чем еще могу помочь? Я уже пустой.

— Это вам так кажется, — ласково произнес Доктор, который впервые вместе с Глебом пришел на допрос.

И у Феликса все оборвалось внутри.

Началась новая серия допросов — уже с психотропами и гипновоздействием. Она длилась дольше и была куда эффективнее. Доктор выдавил из него все то, что тот не договорил.

— Представляешь, фильм по телевизору показать, — сказал Артемьев при просмотре видеозаписей допросов..

— Да, — хмыкнул Глеб. — Народ бы позабавили.

Тут много чего было. Нити политических махинаций. Громких убийств. Скрытые пружины происходящих событий. Имена высших должностных лиц в обрамлении компроматериала. Пути движения денег, полученных от финансовых пирамид и продажи новых технологий. Много еще чего было такого, от чего у добропорядочного обывателя тут же случился бы кон-дратий. Хорошо жить в мире, о котором ничего не знаешь. И очень противно, когда знаешь много.

С полученной информацией «Малой конторе» предстояло работать не один месяц. Кое-что вполне можно было реализовать через правоохранительные органы. Кое-чем заняться самим. Другие сведения требовали более тонкого подхода. С их помощью хакеры и оперативники «Легиона» грохнули несколько секретных счетов на двадцать восемь миллионов долларов, с лихвой покрыв все расходы на операции на долгое время вперед.

Но «Легионом» был захвачен человек куда ценнее функционера «Синдиката». В каземате

под усиленной охраной томился настоящий бес, известный еще в КГБ под псевдонимом Гипнотизер. И работа с ним предстояла куда более трудная. И интересная.

В голове стоял какой-то странный звон. Гипнотизер ощупал тело, голову. Видимых повреждений не было. Только болело под ухом — туда ему двинули то ли кулаком, то ли ногой.

Очнулся он в небольшой камере. Ни окон, ни дверей. Мягкий, очень крепкий пластик, который затруднительно порвать, покрывал и пол, и потолок, и стены. Два чуть заметных зрачка видеокамеры. Дырка в полу — аналог тюремной параша. Идеальная камера-одиночка. Не поранишься. Не покончишь жизнь самоубийством.

Впрочем, сводить счеты с жизнью самоубийством Гипнотизер не собирался. Он слишком любил эту самую жизнь. И бороться за нее собирался до конца. Каким бы этот конец ни был.

Память вернулась моментально. Он вспомнил, как все было. И от этого стало совсем плохо.

Произошедшее с ним явилось воплощением его самых жутких ночных кошмаров. Во сне он не раз превращался из демона в обычного человека. Объекты, которые он в жизни подчинял своей воле и вел в нужном направлении, как правило, на убой, в этих кошмарах вдруг выходили из-под контроля. И Гипнотизер ощущал, что утрачивает свою власть над ними. Для него это было хуже смерти. Он подсознательно страшился, что когда-нибудь утрата контроля произойдет уже в реальности, притом в самый неподходящий момент. И это случилось. Объект скинул оковы. И вот результат — камера, отделанная мягким пластиком, с видеозрачком над головой.

Больше всего томила неопределенность. Он не знал, куда попал. И кто его так сделал. Но сделали профессионально.

Кто? Спецслужбы? Может быть. Хотя у этой страны не осталось полноценных спецслужб. Гипнотизер не понаслышке знал, как должны выглядеть нормальные спецслужбы. Как выглядели те же спецслужбы Советской империи. Сейчас госбезопасность — это карикатура на старые органы. И нынешние чекисты вряд ли могли взять его.

Тогда кто?

Несколько вариантов. Он нарвался на какую-то подпольную организацию, которую поддерживают влиятельные политические и экономические круги. Или на мифических народных мстителей — некоторые аналитики считали, что в разваливающейся империи должны возникнуть структуры, обеспечивающие ее целостность и выживаемость, при этом неважно, будут они под патронажем государства или уйдут в свободное плавание. Это своеобразные эритроциты в больном обществе, которые уничтожают инородные злокачественные образования и бактерии. Якобы такие структуры функционировали в России. Но в эти завиральные теории Гипнотизер не верил. Любая подпольная структура превратится в бандформирование или финансовую империю. Иного не дано... Или он ошибается?

В одном был Гипнотизер уверен наверняка — долго ему скучать в одиночестве не дадут. Скоро появится тот, кто начнет разговор. Иначе его давно закопали бы в землю. Пока он им нужен. Нужен, понятное дело, как источник информации.

Положение было очень тяжелым. Но не безнадежным. Он жив. Сидит взаперти. Один. Но рано или поздно к нему придут люди. Это такие существа, которые обладают сознанием, подсознанием и сверхсознанием. Насчет сверхсознания — дело темное. А вот с чужими

сознанием и подсознанием Гипнотизер вполне может управиться... Должен управиться!

К нему пришли через час. Их было двое — патологических молчунов богатырской комплекции. Они стянули ему за спиной комбинезон, напоминающий смирительную рубашку, лишив возможности махать руками. Пытаться вырваться силой бесполезно. Гипнотизер был опытным рукопашником, поэтому быстро оценил — прорваться через этих ребят ему не по силам.

Он шел, впечатывая в память каждую деталь интерьера. Грубый бетонный коридор. Мертвенные лампы дневного света. Ниша, которая одновременно и скрытая дверь... Зрачок видеокамеры... Еще один зрачок...

Пленника завели в просторную комнату с привинченными к полу мягкими пластиковыми стульями. Здесь его ждали двое...

Гипнотизер замер, как напорвшись на невидимую стену. Он был готов ко многому. Но только не к этому.

— Парацельс! — сдавленно произнес он, будто увидев привидение.

— К вашим услугам, — с ласковой улыбкой отозвался Доктор. Он помнил свой старый псевдоним со времени работы в КГБ СССР.

Ноги у Гипнотизера ослабели. Он присел на стул, к которому его вежливо подвели. Слабость в ногах была противная и унижительная, но поделаться он с собой ничего не мог.

Надежды таяли, как снежный ком на костре. Перед ним был слегка постаревший и осунувшийся, но без особых потерь проскочивший через десять лет Парацельс. Тот, который обучал азам тогда еще молодого кодировщика... Учитель, черт его дери!..

Превосходство этого человека Гипнотизер "мог признать без малейшего колебания. Такие, как Парацельс, рождаются редко. И о них складываются легенды — это в случае, если они жили на свету, доступные всем глазам. Или же о них сочиняются сказки, страшные, не для детей, — если эти люди всю жизнь волею судеб оставались в тени. Но в любом случае от них остается след. От них расходятся круги, как от гранитной глыбы, рухнувшей в воду.

— Знаете, зачем мы вас пригласили, уважаемый коллега? — спросил Доктор.

— На откровенный разговор, — сильнейшим напряжением воли Гипнотизер собрался, голова его сейчас была ясная.

— Совершенно верно. Думаю, как человек, потративший немало времени на воспитание смены, к которой относились и вы, я имею право на откровенность с вашей стороны, дорогой мой.

— Какой для меня в этом смысл?

— Остаться в живых.

— Этого мало.

— Кому как. Некоторые почитают за благо и легкую смерть, — сказано было таким миролюбивым тоном, что у Гипнотизера холодный сквознячок пополз вдоль позвоночника.

Первый допрос длился где-то часа полтора.

И все же Гипнотизер не собирался сдаваться. Где мог — лукавил. Где мог — врал.

Процедура была утомительная. Лоб в лоб столкнулись два демона — учитель и ученик. Доктор с трудом брал верх и выжимал по капле информацию.

— Ну что же, на первый раз вы сказали достаточно, — Доктор перевел дыхание.

— Чем мог — помог, — скривился Гипнотизер.

— Это мы посмотрим. В следующий раз, — произнес многообещающе Артемьев.

— До скорого, — на губах Доктора появилась опять ласковая улыбка бесконечно доброго и мягкого человека. Вошли охранники. Гипнотизер встал. У двери он преднамеренно замешкался.

— Вперед, — властно произнес охранник баскетбольного роста, подтолкнув его.

Открытая ладонь коснулась спины. И будто теплая волна пробежала. Гипнотизер с ликованием осознал, что попал с этим человеком в резонанс. И, значит, сможет рано или поздно влиять на него... Рано или поздно... Хорошо, если бы не слишком поздно...

Зевс с Артемьевым смотрели видеозаписи допросов Гипнотизера. Смотрели уже второй раз, пытаясь разобраться, где он говорит правду, где врет. А где просто провокация.

— Хорошо бы накачать в него побольше наркотиков, — произнес Артемьев. — И вытряхнуть из него все под гипнозом.

— Ты забыл, что Доктор говорил о нем? Для обычных людей это метод. Но Гипнотизер способен поставить глухие блоки. Мы из него будем вытягивать информацию в святой уверенности, что он говорит нам правду. На самом деле это будет закодированная реакция. Сплошное вранье.

— А старые добрые иголки под ногти?

— Слишком ценный кадр. Он может просто отключиться. Щелк выключателем — и он на том свете. А у нас останется его бесполезный для наших целей труп.

— Самоубийство? Слишком он ценит свою жизнь.

— Трудно предсказать поведение человека с такой психикой.

— Понятно. И как долго нам с ним работать?

— Доктор его додавит, — заверил Зевс, уверенный в своем главном колдуне, как в себе. — С каждым разом он все больше подавляет его сознание. Плюс к этому небольшое психотропное воздействие.

— Аэрозоль в вентиляцию?

— Да. Но нужно время. И нельзя спешить. Слишком дорого нам достался этот человек... Он единственная ниточка к заказчикам.

Зевс щелкнул пультом дистанционного управления, и замерший на полтораметровом экране Гипнотизер вновь пришел в движение.

— А вот тут он вполне искренен, — произнес Зевс. Озабоченное лицо Гипнотизера. Угрюмый голос:

— Вы даже не понимаете, с кем связываетесь. Пока вы занимались местными туземными играми в солдатики — вас можно было не замечать. Сейчас вас просто сотрут с лица земли.

— Ты пугаешь нас? — усмехнулся на видеоэкране Артемьев.

— Пугаю? В этом нет необходимости... Поймите, против вас восстанет «Структура».

— Так называется организация?

— Организация? Это может быть одна из сторон многогранника... Все серьезнее. Это как существо. Оно живет своей жизнью. Ее кровь — это потоки капитала... Ее глаза и уши — законспирированная агентура и ресурсы ряда спецслужб. И оно способно к регенерации. На месте отрубленных отростков появляются новые.

Артемьев припомнил недавний разговор с Зевсом. Они обсуждали нечто подобное. Система отношений, связей, тянущаяся из века в век... Интересы, заключающиеся в контроле над глобальными процессами, направленные на консервацию именно такой цивилизации, стискиваемой энергетическими кризисами, зависшей на нефти. Им не нужно ничего менять. Точнее, они контролируют изменения сами. В свою сторону.

— Не бывает безликих сил, — наступал Артемьев. — Они персонифицированы в людях. Которые где-то родились. Где-то живут. Владеют недвижимостью. Повязаны с обществом тысячами нитей.

— Это вопрос не по зарплате, — хмыкал экранный Гипнотизер.

Он с удовольствием вдавался в общеполитические рассуждения, но шараялся от конкретики. Точнее, охотно сдавал известные связи в России и совсем неохотно за рубежом. Когда же доходило до конкретных данных на заказчиков, становился непроницаем... Подобно ужу он извивался, ускользал из рук. Но с каждым допросом сдавал все больше и назад. Доктору удавалось вводить его в транс и по капле выдавливать новую информацию. И картина постепенно начинала проясняться.

Следующая видеозапись.

— Контроль за технологиями — одна из сторон деятельности «Структуры»? — напирал Артемьев.

— Одна из важных сторон деятельности. Благодаря ей удается подтягивать к сотрудничеству самых разных игроков на мировой арене. Наводить мосты с представителями транснациональных корпораций.

— Откуда «Структура» черпает информацию?

— Есть служба мониторинга. Она занимается анализом научно-технической литературы, патентных публикаций, отслеживает сообщения в широкой прессе о возможных технофактах — прорывных изобретениях, открытиях, технологиях. Ведется и мониторинг сетевых публикаций. Сегодня первые сообщения о технофактах часто скидываются именно в Интернет. Это огромная работа. В основном она состоит в перелопачивании руды. Изредка мелькнет драгоценный камень.

— И что тогда?

— Когда выявляется технофакт, настает время экспертов. Они оценивают реальность находки. Ее доступность для разных субъектов цивилизации от частных лиц до технологически развитых государств. Классифицируют по возможностям применения с учетом военного, информационного, энергетического, биотехнологического,

психотехнологического и других факторов. И дальше главное — прогноз последствий политического и экономического воздействия внедренного тех-нофакта.

— Сможет ли он изменить существующий мир?

— Большинство изобретений идут в русле развития цивилизации. В этом случае экспертами прорабатывается возможность наиболее эффективного использования технофакта.

— Вульгарный промышленный шпионаж.

— Да. Если бы не технофакты разряда Единица. Те, появления которых нельзя допустить ни в коем случае.

— Которые разрушат существующую экономическую систему и распределение власти на Земле?

— Да.

— Много технофактов разряда Единица?

— Достаточно много. Человечество в своем поступательном движении проворонило несколько настоящих кладов. Время от времени ученые-одиночки или целые научные коллективы на них натываются снова, и тогда...

— И тогда к кладоискателям приходят киллеры...

— Не стоит упрощать ситуацию. Физическая нейтрализация — это крайняя вынужденная мера. Существует целый арсенал других, менее кардинальных способов решения проблемы.

— Например?

— Административный ресурс — просто режутся ассигнования или разработки волевым порядком вычеркиваются из тематики научных учреждений. Подкуп — это когда открытия покупают, часто очень за дорого. Иногда приходится скупать целые лаборатории вместе с плодами их труда. Но недостаточно выдернуть растение из земли. Нужно, чтобы и семена не дали всходы. Тут объем работы огромен.

— Информационная война?

— Вы поняли суть... Организовывается противодействие распространения информации о технофакте среди специалистов. Ставятся преграды к вложению средств в исследование угрожающих направлений. Проводятся соответствующие пиар-компании для формирования нужного мнения о различных областях исследований как у специалистов, так и в широких массах. Идет в ход откровенное дезинформирование о частично открытых технофактах путем публикации искажающих сведений. Ну и, конечно, необходим информационный общий фон, чтобы запутать и публику, и ученых. С этой целью пускаются в употребление ложные сенсации, опровергаемые впоследствии и вызывающие в дальнейшем недоверие ко всем сообщениям на ту же тему.

— Ну да, — кивал Артемьев. — НЛО, зеленые человечки, антигравитационные технологии...

— Этот пример вполне корректен. Пиарится идея, что ученые, занимающиеся антигравитационными технологиями, и безумные уфологи — это одно и то же. Реальные направления разработки антигравитационных технологий в сознании людей накрепко связываются с потешными марсианами из комиксов. В результате дискредитируются сами технофакты. Перспективное направление исследований получает репутацию ненаучной или религиозной псевдонауки, привлекающей психически неустойчивых людей. Одновременно

запускается поток маскирующей информации в угрожающих областях, в той же области разработок по антигравитации, обрушивается гора отвлекающих сведений от имени вымышленных авторов. Проводится информационная поддержка психически неустойчивых субъектов, действующих в этой области, их безумная активность дополнительно дискредитирует все научное направление.

— Понятно. Тронутый контактер с цивилизацией Беты Скорпиона, старательно выводящий в тетрадке схемы двигателей летающих тарелочек и требующий миллиард долларов на их внедрение, притом срочно, и доктор технических наук, нащупавший решение проблемы...

— Мажутся одним миром. Их не пустят в приличные дома. Им грозит обструкция научного сообщества, которое, кстати, своей косностью и неприятием новых идей сильно облегчает нам жизнь. И ученый, и его детище раздавлены. Изничтожены... Отпадает необходимость физической зачистки. На десятилетия вперед можно не беспокоиться.

— Вернемся к активным операциям.

— По артефактам класса Единица к активным операциям приходится прибегать достаточно часто. Это физическое уничтожение разработчиков, а также документации, аппаратуры. А дальше по необходимости используется весь арсенал, о котором я уже говорил, для предотвращения повторного появления технофакта.

— В чем состояла ваша задача?

— Я был резидентом «Структуры». В мою задачу входила агентурная разведка по приоритетным разработкам. И физическая зачистка.

— А последующая информационная зачистка?

— Это дело других. Я их не знаю.

— Средства?

— Ресурсы неограниченны. Одно условие — они должны соответствовать масштабам проблемы.

— Другие резидентуры в России?

— Не имею информации. Скорее всего они есть. У «Структуры» слишком много проблем с Россией. В СССР был гигантский научный потенциал. Огромное количество прорывов уровня Единица.

— Слишком близко приблизились к тому, чтобы потрясти основы миропорядка?

— Все обстоит именно так. После снятия железного занавеса работа тут заметно оживилась. Целые отрасли промышленности в Европе и Америке получили резкий импульс благодаря скупленным по дешевке технологиям. Вместе с тем на рынок хлынули технофакты почившей в базе Советской империи. Многие из них не получили в свое время хождения только благодаря неразумному режиму секретности. Надо было зачищать концы. Слишком много работы для одного человека.

— И зачищать удалось далеко не все.

— Мы не волшебники.

Далее Гипнотизер поведал, как ему и его агентам удалось насадить агентуру в центрах, куда стекалась научная информация. В том числе в фонде «Технологии, XXI век».

— Как вы завербовали человека в фонде «Технологии»?

— Мы с ним встречались три раза. Не надо было применять никаких психометодик, чтобы склонить его к сотрудничеству. Деньги.

— Дальше связь была только по Интернету?

— Незачем было встречаться лично. Это же не бандит, которому нужно постоянно демонстрировать свою силу и превосходство. Тут я дело имел с интеллигентным человеком, привыкшим держать свое слово. И готовым продавать ближних только в исключительных случаях. Когда сильно нужны деньги.

— А деньги ему нужны всегда.

— Верно.

Когда «Белый Легион» начал работать по фонду, была уверенность, что агентом является его президент Марципало. Особенно после откровенных предложений Глебу продать разработку за хорошие деньги. Однако отслеженный контакт вывел на заместителя президента Ровенского.

Зевс опять приостановил прокрутку записи.

— Чего будем делать с «колобком»? — спросил Артемьев.

— С Семеном Ровенским? Держать под колпаком, — Зевс давно принял решение, приказав фигуранта не трогать. — Возможно, с ним пытаются выйти на связь.

— Может, перевербовать его?

— Подождем. Не к спеху. Не о том надо думать, — Зевс задумался как-то тяжело. — Гипнотизер плывет все больше... И постепенно появляются лица... Там. За бугром. Понимаешь, что из этого следует?

Артемьев напряженно посмотрел на Главного оперативного координатора и осведомился с напускной непринужденностью:

— Готовим акцию?

— За рубежом.

— Зачистка логова?

— По обстановке.

— Это серьезно, — произнес Артемьев. — Поднять такое мероприятие...

— Поднять можно какое хочешь мероприятие. Вопрос средств и ресурсов. А они, конечно, в разумных пределах, в твоём полном распоряжении.

— Это расценивать как приказ начинать готовить акцию?

— Пока продумывать акцию... В общих чертах. Чтобы было чем занять свободное время.

— Я понял, — кивнул Артемьев.

Продумать акцию — это сначала определить цели. Потом разработать план и определить средства. А в итоге — бой...

Голова у Гипнотизера раскалывалась.

Он сидел в расслабленной позе медитации. Смотрел в одну точку. Он пытался представить, что тело его — вода, которая кругами расходится по всей планете, вырывается в космос. Получалось это с трудом. Хотя боль постепенно начала уходить, но ощущение, что голову туго набили ватой, не отступало.

Плохо. Он постепенно сдавал позиции. Сдался бы уже давно, если бы не честолюбие. Рано или поздно его выжмут досуха, искорежат его волю, вычистят память, сомнут личность. А после уничтожат. Был бы простым человеком, его бы просто перевербовали. Но никто не будет держать в своем доме ядовитую змею, готовую впитаться в ногу любому. Его убьют. Или вывернут мозги наизнанку так, что он уже не будет тем человеком, кем является сейчас.

Ему нужно было время. Время дает небольшой шанс взять ситуацию под контроль. Он найдет способ уйти отсюда. Есть люди с сознанием и подсознанием. Есть человек, который начал поддаваться. Нужно время и ясность в голове, чтобы дожать его.

Но это тяжело. Потому что Гипнотизера самого давят. С каждым допросом он все больше попадает под власть Доктора. Пленник станет игрушкой в руках палача — это вопрос двух-трех дней..

Хорошо, что Доктор не спешил. Зачем ему спешить, если он полноправный хозяин положения.

Насколько проще было вырваться из лап чеченских бандитов. Там люди были совершенно другие. Не искушенные в самых высших уровнях единоборств — единоборствах психологических. Их можно было мять, как пластилин... Но здесь...

Надо на что-то решаться. Иначе будет поздно... С каждым днем тают силы...

Глубокая медитация никак не получалась. Смущали посторонние мысли, они сбивали его с волны, которая должна была увлечь сознание в края вселенского покоя.

Наконец ему удалось достаточно расслабиться. И он, наконец, ощутил, как душа наполняется долгожданными спокойствием и силой.

— Вставай. Руки за спину! — послышался суровый голос.

Его грубо вернули в жесткую, каменную реальность. Он будто рухнул с колокольни на булыжник мостовой.

В камеру вошли два конвоира. Один, безоружный, с широким лицом и лысым черепом, приблизился к Доктору. Другой, тот самый «баскетболист», с которым Гипнотизер попал в резонанс, положив ладонь на кобуру, стоял у входа.

Гипнотизер встал. Послушно вытянул руки. Голова была ясная и пустая.

И вдруг струна какая-то лопнула в груди. Он понял, что больше не выдержит. И нет у него двух-трех дней. Он сломается сегодня. Сломается и будет полностью во власти Доктора.

Он собрал все силы в кулак. Ощутил, как в груди сконцентрировался сгусток мощной энергии. Последний резерв, он знал, как его использовать. Рывком сознания вошел в контакт с человеком, который стоял у двери. Его мыслями Гипнотизер пытался овладеть уже несколько дней.

— Убей его, — произнес пленник негромко, вложив весь импульс силы в этот приказ.

Лысый охранник защелкнул один наручник, усмехнулся, скривившись. Хотел что-то сказать.

«Баскетболист» послушно достал пистолет. Сделал два шага. И ствол упер в спину своего напарника.

Повторялась та же история, что в Султановском зиндане.

У лысого по лицу растеклась мертвенная бледность. Он понял, что жить ему осталось считанные секунды. Начал поворачиваться...

Палец атлета плавно потянул спусковой крючок. Грянул выстрел.

Пуля бросила тело на стену. Простреленный тупо уставился на рану в груди. И сполз на пол.

— Черт побери, — прошептал «баскетболист». Его пальцы разомкнулись, и пистолет упал на пол. — Черт возьми.

— Колдуны хреновы! — воскликнул лысый, глядя на Гипнотизера, из которого струилась кровь на мягкий пластиковый пол. Пуля вошла в сердце, и шансов у простреленного пленника не было никаких.

Лысый охранник подобрал пистолет и подал сигнал тревоги. Он знал, что едва не получил билет на тот свет без права возвращения. Смерть подышала ему холодом в затылок и ушла.

Потом началась суеда. К камере стекались вооруженные люди. Появились Артемьев и Доктор.

— Что произошло? — спросил Артемьев. Доктору понадобилось немного времени, чтобы разобраться в ситуации.

— Все-таки Гипнотизер пробил брешь в его сознании, — Доктор кивнул на очумевшего атлета. — Вступили в противоречие две установки — на то, чтобы освободить задержанного, и на то, чтобы предотвратить его побег любой ценой. В результате сознание решило конфликт установок радикальными мерами.

— Убрав источник беспокойства... И что теперь с ним? — указал пальцем на «баскетболиста» Артемьев.

— После недели реабилитации будет нормальным человеком.

— Один раз он сломался. Есть гарантия, что это не произойдет еще раз?

— Второй раз наткнуться на такого кодировщика, как Гипнотизер, очень проблематично...

Гипнотизер лежал на полу. На его лице застыло выражение какого-то вселенского равнодушия. Его душа была далеко. Сегодня он ушел в свою нирвану...